

Эзотерический

Бестселлер

Том 5

Александр Рей

Сочинение на свободную тему

Сборник рассказов

Гомель
Издательство ГИСФИР
2014

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бен=Рус)-44
Р35

Серия основана в 2013 году

Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

Сказать спасибо автору за книгу
можно на сайте
<http://perepevnik.ru/spasibo>

Рей, А.

Р35 Сочинение на свободную тему – сборник рассказов / Александр
Рей. – Гомель : ГИСФИР, 2014. – 380 с. – (Эзотерический бестселлер).
ISBN 978-985-90321-7-5.

Я почувствовал, что женщина, уставившаяся невидящими блекло-серыми глазами в ярко-голубое небо, абсолютно пуста. Как говорится, на мели на все сто. Как сумка. Из неё забрали всё – кошелёк, ключи, пакет молока и буханку хлеба. И даже зачем-то вытряхнули со дна шелуху от семечек и старые талончики на проезд в троллейбусе... Всё забрали. Полная пустота. Осталась только оболочка из потрепанной красной ткани.

**УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бен=Рус)-44**

ISBN 978-985-90321-7-5

© Рей А., 2013
© ООО «Издательство
ГИСФИР», 2014

Оглавление

Двери, которые никогда не закрываются	5
24 часа Кассиопеи	29
Не прощаюсь... Клубничка!	71
Шлюха	118
Хранитель историй	127
Огненно-красный	206
Внутри	251
Перепевник	257
Музыка к рассказам	377

Двери, которые никогда не закрываются

Найти дорогу, которая должна была меня привести к месту назначения, на самом деле оказалось совсем несложно, как и обещал голос в телефонной трубке. Он принадлежал уверенной в себе «полупожилой» женщине. Почему именно «полупожилой»? Откуда вообще могло взяться такое понятие? Это всё из-за образа... Образа, который сам так и рвётся предстать перед глазами, если не знать, как выглядит обладательница ТАКОГО голоса, а только слышать его. Вот такой именно «полупожилой» образ и получается. То есть слышишь этот голос – и сразу представляется солидная тётка, явно смахивающая на учительницу начальных классов, в платье консервативной длины (по лодыжки) и возраста не до конца понятного – ещё не старушка (как бы ещё не всё у жизни смогла урвать, не пожила ещё достаточно), но уже и просто женщиной тоже назвать трудно. Вот и выходит образ какой-то «полупожилой».

Такому образу, а, точнее, создающему его голосу, можно и даже хочется легко себя доверить. Мне кажется, любой человек, услышав, как мягко переливаются друг в друга слова, складываясь в предложения, достойные мастеров прозы, сможет с уверенностью заявить или, в крайнем случае, дать руку на отсечение, что любая информация, *доводимая до сведения окружающих* таким голосом, является самой что ни на есть истинной, нотариально заверенной самим Господом Богом. А, значит, сомнениям не подлежит!

Поэтому на то, что нужная дорожка, петляющая шустрой змейкой среди многоэтажных гигантов, отыскалась без труда и именно там, где и сообщалось, можно было только легонько кивнуть – мол, «другого я от голоса и не ожидал»... И не спеша двигаться дальше.

Вообще-то я очень редко соглашаюсь выезжать к клиентам на

дом. Только в виде исключений и за удвоенную плату. Я отказываю, конечно же, не из-за лени или нелюбви к общественному транспорту. Нет. Существуют две, на мой взгляд, достаточно веские причины. Хотя некоторые люди в этом сильно сомневаются. Ну и чёрт с ними! Не им же толпиться в разгаре лета в душном до тесноты, навеки законсервировавшем запах пота автобусе или троллейбусе. И не им же придётся покинуть свой любимый офис, чтобы погрузиться в миры чужих квартир. Так что... Мне безразлично мнение посторонних!

Дорожка оборвалась раскрошенным бордюром и дальше перешла в новую ипостась – убогую, на вид совершенно не- надежную тропу, проложенную годами и утопанную трудом тысяч человеческих ног, существующую среди недавно стриженной травы. Эта тропинка (как проинформировал меня голос из трубки) как раз и является заключительным этапом моего короткого вояжа от остановки до дома с номером 24 по «такой-то» улице.

Я оторвал взгляд от тропы песочного цвета и посмотрел на приближающийся дом. Так и есть: девятиэтажная коробка из белого кирпича; на уровне второго ряда окон (если считать от земли) блёкло-оранжевой краской, расплзшейся подтёками по стене, то ли написаны, то ли нарисованы две цифры – два и четыре.

Всего лишь обогнув здание справа (доверившись тропинке), я окажусь у железных дверей подъезда, бдительно хранящих жильцов от мусора и запаха мочи чужаков. Нажав кнопки 1 и 0, а затем «С» на домофоне, я, по идее, должен буду услышать тот самый «полупожилой» голос.

Идти оставалось всего ничего. Именно поэтому я решил насладиться свежестью совершенного летнего дня.

Да! Вот так... Я устремляюсь в очередную (безликую в своей среднестатистичности) квартиру о чём-то говорить с обладающим полупожилым голосом человеком сквозь тёплый и сильно ветреный день, декорированный точными копиями ватных помпончиков на небе... Чем не идеал для конца июня?

Кто-то, конечно, может посмотреть на меня укоряющим взором и свысока заметить, что погода совсем не соответствует приличному окончанию первого летнего месяца. Мол, ветер никуда

не годится, да и солнце греет до невозможности безалаберно. Но, как я уже говорил, мне всё равно. Я ведь повествую о своем идеальном летнем дне! Если кому-то другому вдруг взбредёт дурацкая мысль описать его, то пусть болтает, что угодно. И что-то вроде: «Я шёл по тропинке, а погода была совсем никудышной для конца июня...» может вполне оказаться его правдой... Правдой кого-то другого.

Итак, я наслаждался... Наслаждался... М-м-м... Не так, как хотелось бы... Не до конца, что ли? Так сказать, не на полную катушку.

Дело в том, что ветер, сильными порывами вздымающий под ногами миниатюрные бури (этакие «бурьки для букашек») где-то по пути ко мне прихватывал запах мертвого ёжика, тем самым разрушая гармонию. Какой уж тут идеал? Запах, между прочим, не из приятных!

И, разумеется, если этот КТО-ТО, кто теоретически мог бы находиться со мной рядом, но которого на самом деле рядом нет (и слава Богу), спросит: «А причем тут, собственно, ёжик?», то я отвечу, что конкретно против ёжиков ничего не имею. Просто доносящийся до меня запах, безжалостно ломающий весь кайф от такого чудесного денька, я так привык называть. Таков будет мой ответ, если вдруг...

Если потребуются разъяснения, смогу ещё добавить, что ёжики, в принципе, могут быть совсем невиновны в этом мерзком смраде. Это кто угодно мог издохнуть поблизости, а затем лежать и вонять: большая серая крыса, банальная кошка или даже экзотичный крокодил, если б они здесь водились. Да вообще КТО УГОДНО МОЖЕТ ТАК ВОНЯТЬ!

– Так почему ж все-таки ёжик? – так и не разобравшись, спросил бы кто-то, кто мог со мной сейчас находиться рядом.

И я бы начал рассказывать...

Просто когда-то в детстве, вот таким, точь-в-точь, летним днём, отдыхая на даче, а если ещё точнее, лёжа на софе и уставившись в чёрно-белый экран малюсенького телевизора, я почувствовал такой же, как и сейчас, мерзкий запах. Он меня возмущал, но несильно. Несильно, значит не до такой степени, что-

бы отрывать зад от кушетки и идти разбираться в его источнике. Ну, это поначалу.

По мере усиления солнечной активности смрад становился всё отчетливее, набирая силу, а лёгкое капризное возмущение перешло во вполне конкретное раздражение. Это меня доконало – пришлось подняться. Выйдя на улицу и тщательно изучив окрестности дачного домика, я, ориентируясь на зловоние, наткнулся уже на дороге, пролегающей за забором участка, на лепёшку из непонятного существа, кишащую белыми детёнышами мух.

Конечно же, мне стало противно! Но что-то обязательно нужно было с этим делать, если я не хотел постоянно травиться тошнотворным запахом. Уж что-что, а мне точно этого не хотелось!

Естественно, я побежал к ковыряющейся в грядках бабушке. Добившись от неё внимания и коротко пройдясь по истории с пахнущей лепёшкой, я застыл, перевалив ответственность на старшего, в ожидании от неё активных действий, кои не заставили себя ждать.

Деловито кинув мне короткое «пошли», она двинулась вперёд, аккуратно ступая между ухоженными рядами редиски и щавля. Когда мы вместе прибыли на место происшествия, бабушка села на корточки возле зловонной лепёшки и, быстро оценив ситуацию, сказала:

– Жалко ёжика.

Я, выглядывая из-за бабушкиной спины, неимоверно удивился и, переборов подкатывающее к самому горлу отвращение, попытался в беспрерывно копошащейся массе, тоненьким блинчиком размазанной по земле, разглядеть признаки ёжика... Ёжика, каким я его знал из книжек и мультиков – веселого, мягкоколючего, с неизменным яблочком или грибочком на трудолюбивой спинке. Но сопоставить и уж, тем более, вычленить общие признаки ёжика, сидящего в моём воображении с ЭТИМ ёжиком, у меня так и не получилось. Пришлось смириться и с этим *очередным* детским разочарованием.

Бабушка, всё теми же коротко-деловитыми фразами приказала мне принести лопату, что я отточено быстро и безупречно выполнил. Видимо тогда, ошарашенный новыми познаниями в об-

ласти ёжиковедения, я даже не мог помыслить о сопротивлении и бунте, мечтая вернуться к черно-белому экрану телевизора, чтобы поскорее забыть о новом знакомстве.

Подобрав несколькими движениями на совок недавно принесенной лопаты останки зверька, она посмотрела на меня, безжалостно оценивая мои возможности, и равнодушным голосом произнесла:

– Понесёшь к общей свалке ежа ты. Понятно?

Нет, я-то, в принципе, понял, не дурак же... Дело ведь совсем в другом – до «общей свалки» (как называли склад всякого хлама и отходов, расположенный возле главной дороги все наши соседи, садоводы-огородники) пиликать было добрых полтора метра. А это о-о-чень большое расстояние, если преодолевать его с ежиным «грузом 200» на лопате.

Я посмотрел на бабушку самым жалобным взглядом, на какой был способен, но она была сурова и непреклонна – на него она ответила лишь нахмуренными бровями и протянула лопату. Конечно же, я её взял, так как другого выбора мне никто не оставил.

И так... Точь-в-точь в такой же ветрено-солнечный денек, совершенно нехарактерный для конца июня, я шёл по засыпанной гравием дороге, вытянув подальше от себя лопату, борясь с тошнотой и стараясь не смотреть на то, ЧТО несу, что, естественно, у меня не получалось вовсе.

Не слышать запах я тоже не мог. Если заткнуть нос и дышать ртом, то возникало ощущение, что вонь оседает на языке, дёснах и нёбе. А это было ещё хуже, так как вкупе создавало ощущение, будто я минуту назад позавтракал этой чёртовой дохлой ежатиной.

Фу-у-у... Даже сейчас вспоминать противно, не говоря уже о тех впечатлениях.

Вот такое у меня было первое и последнее личное знакомство с ёжиками, оставившее после себя на всю жизнь к ним мерзкое равнодушие и знание запаха смерти, которое теперь я называю их именем.

То ли из-за воспоминаний о запахе, то ли от самого запаха я перестал получать удовольствие от дороги и удачного, в плане

погоды, дня. Теперь я просто шел... Шёл ради того, чтобы идти. Без радости, без желания, будто курил поломанную сигарету. Осталось только стремление поскорей зайти в подъезд.

Но и тут, как оказалось, было не всё так просто...

Только лишь завернув за угол (что у меня получилось как-то неожиданно резко, видимо из-за воспоминаний о ёжике), я увидел... Как-то всем телом сразу и увидел, и почувствовал, и испугался, так же неожиданно, как и повернул... МЕНЯ ПОДЖИДАЛИ!

Трудно вообразить, насколько я тогда испугался. Да что там испугался – чуть в штаны не наложил от увиденного...

Значит, поворачиваю я за угол дома 24, а там вся земля буквально усыпана кошками! Штук тридцать или даже все сорок, мирно сидящих в ожидании чего-то или кого-то, самых что ни на есть обычных кошек.

Этот кто-то, кто (вполне вероятно) мог со мной в тот момент находиться рядом, скорее всего, неприятно так хмыкнул бы, мол «тоже мне, я-то думал что там было ЧТО-ТО ТАКОЕ, а так *всего лишь кошки*». И наверняка бы подумал обо мне, как о пугливом и склонном создавать «ого-го из ничего».

Я б даже на такое ничего не ответил. Ни-че-го-ше-ньки! Просто пропустил мимо ушей и, наверное, даже не стал обижаться, потому что этого типа (кто такое мог подумать или сказать) там не было и он не знает, даже представить не может, каково это, когда на тебя смотрят... Нет, не так... Когда на тебя таращатся, уставившись в упор, будто сканируя душу, тридцать, а то и все сорок пар зеленющих кошачьих глаз! Уму непостижимо – восемьдесят изумрудных угольков... Хотя так неправильно – кто ж считает глаза по одному? Всегда говорят – «пара глаз». Оно и понятно, ведь что у меня в итоге получилось? Восемьдесят глаз... Расскажи эту историю в какой-нибудь компании – непременно, ОБЯЗАТЕЛЬНО найдется один чужак, который подумает, что на меня смотрело восемьдесят одноглазых кошек. Это уж никуда не годится. Так что пускай будет сорок пар глаз...

Замерших, спокойных, можно сказать, даже каких-то равнодушных, и самое страшное – чего-то *ждущих*... Тридцать-сорок

пар глаз. Жуть!

Полная тишина. Только листья шелестят под властью сильного ветра. А кошки, словно каменные статуи, охраняющие проклятием вход в гробницу фараона. Ладно бы, хоть кто-либо из них, ну хоть какая-нибудь тварь пошевелилась – пошла, мяукнула, начала драться или зашипела – да всё, что угодно! Хоть одно маленькое движенище... Но нет! Они ВСЕ сидели, просто сидели! Ни одна из них не дрогнула ни единым мускулом, чего-то выжидая, как взведённый курок, изготовившись в позе «перед прыжком» и злобно воззрившись на меня. И всё это совсем неожиданно...

Я буквально остолбенел, пока не заговорил разум, а душа не поднялась чуть выше пяток. В общем, пока не прошёл ступор и не вернулась способность трезво оценивать ситуацию. Пока не понял, точнее, не убедил себя, что передо мной не шабаш неизвестно как вырвавшихся на свободу исчадий ада, а тупо чего-то ждущая, хорошо организованная толпа кошек. Поняв это, я ощутил, что могу управлять своим телом. Что я, собственно, и сделал, неуверенно передвинувшись в сторону подъезда на несколько малюсеньких шажочков. Потом передумал и так прытко, как мог, пошёл в обход кошачьей стаи. Бережёного бог бережёт.

Добравшись до запертой подъездной двери (единственной преграде к безопасности и спокойствию), я быстро нажал нужные кнопки на домофоне и дождался, считая секунды, пока голос, искажённый дешёвым динамиком, спросит «Кто-о?». Я представился и напомнил, что мы договаривались.

– Да-да! Здравствуйте, Алексей, – сказал определённо тот самый голос. – Заходите... Второй этаж налево.

После чего раздался писк железной двери. Теперь её можно было легко открыть. Я нырнул под защиту подъезда. В его недрах оказалось сыро и пахло хлоркой. Два раза по девять ступеней – и я на втором этаже.

Как оказалось, с лестничной клетки в противоположные стороны уходили два длинных коридора, в каждом из которых размещалось по четыре двери. Я выбрал тот, что от ступеней влево (как и было велено). Дверь, ведущая в нужную квартиру, была

вежливо приоткрыта. Словно бы приглашала войти.

Несколько широких шагов (а другие у меня не получаются) – и я попадаю в неизведанный мир. Чужие запахи, образы и ощущения начинают захватывать без остатка. Как всегда, когда приходится сталкиваться с чужой жизнью. А что может быть более верным отображением человеческой жизни, чем тело и квартира?

Полы выстланы потрепанными ковровыми дорожками. Они явно столь долго и неизменно находились на одном месте, что будто бы срослись с полом корнями. На стенах – блеклые, словно выгоревшие, обои в полоску да несколько дешёвеньких картинок в пластиковых, «под дерево», рамочках. Лошади, береза зимой, букет полевых цветов – в общем, всё то, что в изобилии продают за копейки на рынках. Ещё слева от меня оказалась тумбочка с вырастающим из неё зеркалом. Вот и вся прихожая.

Меня привлекла тумбочка. Точно такая же стояла в квартире моих родителей, пока мы всей семьей не перебрались на ПМЖ в другой город. Тогда мы привезли с собой на новое место громоздкий контейнер с огромным количеством вещей, в том числе и совершенно ненужных, а столь привычную тумбочку с зеркалом родители почему-то оставили в том чуждом, но привычном мне городе детства.

Тумбочку моей молодости никто в семье тумбочкой не называл, а называли просто «зеркало». Это самое зеркало располагалось когда-то прямо напротив входной двери в узком коридоре. И если кто-то что-то искал и спрашивал у кого-то более информированного, где это что-то лежит, то ему могли ответить: «Посмотри на зеркале», что на самом деле означало «на тумбочке в коридоре». Но говорили почему-то именно «на зеркале» и не как иначе. Хотя это было глупо. Как на самом зеркале могло что-то лежать? Ведь оно стояло перпендикулярно полу и что-либо положить на него было практически нереально? Но говорили именно так. И никто не исправлял, и все прекрасно понимали, где это – «на зеркале».

В этом же коридоре, совсем узком по сравнению с тем коридором из детства, «на зеркале» стояло несколько пузырьков с ду-

хами, и лежала, неуклюже распластавшись, связка ключей.

– Алексей, проходите ко мне – на кухню. Я пока чайник поставлю, – сказал голос, и слышалось мелодичное звяканье чашек.

– Сейчас, только разуюсь, – крикнул я, чуть громче, чем следовало.

Чтобы снять ботинки, понадобилось не более пары секунд. В принципе, можно было и ничего хозяйке дома не говорить.

В несколько шагов, ступая по ковровой дорожке, я преодолел коридор, и встал, по обыкновению, в дверном проёме – есть у меня такая привычка. Я, если иду к человеку в комнату, становлюсь именно в дверном проёме. Мне об этом «домашние» часто говорят, да и я сам, в последнее время, стал на это внимание обращать. Правда, чем это вызвано, понятия не имею. Может быть, я, тем что говорю с человеком из дверного проема, как бы оставляю за собой право в любой момент прервать разговор и уйти. То есть так, находясь *уже* в комнате и *ещё не* в комнате одновременно, легче оставаться свободным в выборе – шаг вперёд – я здесь, шаг назад – я там... Да, наверное, так.

– Что ж вы, Алексей, в проёме стоите? Вы проходите, садитесь за стол. Я вот, чайку свежего заварила. Или вы больше по кофе специализируетесь? – спросила хозяйка голоса.

Честно говоря, если бы мне когда-нибудь пришлось рассказывать эту историю, я заранее знаю, что не стал бы упоминать о внешности этой женщины. Я бы, в первую очередь, попытался показать, КАК она говорит, то есть эту невозможно книжную манеру строить предложения и отточено-чётко произносить слова, словно собирать клубнику – раз, ягоду сорвал, два, ягоду сорвал, того глядишь – и у тебя уже целое ведро. Одним словом, КРАСИВО! Вот так, как только слушатели бы узнали о её голосе и речи, они бы *поняли всё* о её внешности. Получается, что как себе представляешь обладательницу ТАКОГО «полупожилого» голоса, так она и выглядит, точь-в-точь – полупожилая женщина, в тёмно-синем платье по лодыжку. Этого достаточно.

– Мне, Александра Васильевна, кофейку бы... – робко, сам не замечая, что подстраиваюсь по её манеру речи, попросил я, так и

оставшись в дверях. – А, вы как рассчитываете, где мы будем беседовать?

– Это *Вы* мне лучше сами скажите, где. Кто из нас должен знать, где лучше – на кухне или в зале?

– Тогда давайте лучше в зале. Там обстановка менее кухонная, – немножко поразмыслив, предложил я.

– Хорошо, Алексей, как скажете. Идите тогда в зал, располагайтесь. Это слева от кухни. А я кофеёк туда принесу, – улыбнулась мне хозяйка.

– ОК! – улыбнулся я ей в ответ. – Только с одним условием...

– Это с каким же? – спросила хозяйка, так и не оторвавшись от процесса намазывания батона какой-то серой пастой.

– Я для вас Лёша, и на «ты». Идёт?

– Идёт... Лёша. А я тогда для тебя Александра и на «вы». Без отчества. Идёт?

– Идёт! – опять засмеялся я. – Вы, Александра, как-никак меня старше... И мне всё равно тяжело было бы к Вам на «ты». Так что всё в порядке.

– А вот этого не надо. Я о своем возрасте сама прекрасно помню, – как бы грозно, нахмурилась Александра Васильевна.

Я опять вежливо хохотнул и пошёл в зал.

Ну что ж, для первого знакомства очень даже неплохо – доброжелательные улыбки друг другу и при этом определенная дистанция. Я бы даже сказал, великолепно! Редко когда с клиентами такие отношения бывают – обычно или лезут в лучшие друзья, или боготворят, наделяя чертами нечеловеческого совершенства, вздохнуть при мне лишний раз бояться, или могут страшиться меня, словно я им в любой момент горло перережу. Ни первое, ни второе, ни, тем более, третье меня не устраивает. Мало того, что из-за такого старта работа хорошенько притормаживается, так ещё и сил моих сколько уходит уверить клиентов, что я обычный человек.

А здесь прям подарок небес. Бывает такое, но редко. Хотя тоже с выводами спешить не следует. Но определенно мне эта женщина приятна. Пока этого достаточно.

Итак, зал. Зал, как зал. Самый что ни на есть обычный зал,

обычнее некуда: диван и два кресла в светлых тонах, ковер во всю комнату, сервант, полностью загромождающий одну из четырёх стен, красующийся хрусталем и книжками; небольшой столик между креслами, на котором стоит вазочка с букетом засохших полевых цветов, телевизор да «видик». Из украшений во всей комнате, помимо вазы, одна-единственная картина-ширпотреб, изображающая банальный, с претензией на красоту, закат на море.

Скромно, уютно, чистенько, без вкуса... Я бы даже сказал, как-то по-советски, то есть, здесь явно живут точно также, как и в семидесятые-восемидесятые. Квартира или врача, или учителя, или заводского бухгалтера. Одно из трёх. Наверняка в этой комнате меняются только вещи, но не их расположение, как и жизнь обитающих здесь людей.

Я явно почувствовал что-то важное... Осталось только осознать, уловив ощущения, ЧТО ЭТО. Работа началась!

Я закрыл глаза и попытался расслабиться, откинувшись на спинку мягкого кресла. Посидев так несколько секунд, улавливая каждое чувство, рождающееся внутри, я понял, что всё дело в воздухе, что именно с ним что-то не так. Он казался давящим и плотным, будто в него вплетены невидимыми нитями частицы железной тяжести. Вот именно! Тяжести... Воздух вокруг меня ощущался настолько тяжёлым в своей неподвижности, что казалось, будто меня, как неудачливую бабочку, заперли в маленькую банку на потеху жестоким детям, заключив вместе со мной тесный воздух. И это несмотря на то, что балконная дверь была открыта настежь. Но казалось, что метавшийся за окном в приступе ярости тёплый ветер не мог пробраться в эту комнату, не мог пробиться сквозь тяжесть растворённого в воздухе железа. И, наверное, именно из-за этого комната, впрочем, как квартира в целом, замерла в неподвижности, наплевав на само время.

Именно так. Сейчас я – мотылёк в душной банке без доступа воздуха...

Когда я открыл глаза и бросил взгляд в сторону открытой балконной двери, пышно-белёдые облака, маленькими стайками рассекающие небесный монолит, показались мне настоящими

преступниками, смеющими нарушать столь идеальную неподвижность... Неподвижность времени и самой жизни, какую я не встречал никогда и нигде.

– А вот и Ваш кофеёк, – бодро сказала Александра Васильевна, аккуратно ступая, чтобы не расплескать чёрную густую жижу, по мягкому ковру.

– Ху-у-ух... – вырвалось у меня из лёгких застоявшееся облегчение.

Александра Васильевна прошла к столику, поставив на него чашку и блюдце с бутербродами, печеньем и мармеладом.

– Лёша, угощайся, – она села на диван, расположившись почти напротив меня.

Я кивнул в знак готовности принять угощение и скромно взял первую попавшуюся печенюшку.

Пока я жевал, женщина молча смотрела в окно. Мне даже показалось, что она глядит на облака и думает о том же, о чём и я минуту назад – о застывшем времени... Тяжести воздуха... И страхе, что всё это окажется сильнее инстинкта движения...

Образовавшаяся тишина гипнотизировала, заставляя в неё вслушиваться. Я поймал себя на том, что полностью перестал двигаться, замерев с кофейной чашкой в одной руке и надкусанным бутербродом в другой.

Пустое беззвучие... Такое может образоваться только в абсолютном одиночестве. Причем это одиночество должно существовать очень долгое время. Оно должно было жить здесь бесконечно долго, пропитав собой стены, мебель, предметы... И даже людей.

Атмосфера стала ещё тяжелей, словно кто-то незаметно подсыпал, как корм рыбкам в аквариум, частицы тяжести.

Я посмотрел на даму, сидящую напротив. Она все так же смотрела в окно. Но, казалось, это только физически она была здесь. Словно кто-то поставил сумку у входной двери, предварительно забрав из неё всё содержимое, и ушёл, оставив её – опустошенную, пока она кому-нибудь не понадобится и её вновь не наполнят.

Я почувствовал, что женщина, уставившаяся невидящими

блекло-серыми глазами в ярко-голубое небо, абсолютно пуста. Как говорится, на мели на все сто. Как сумка. Из неё забрали всё – кошелёк, ключи, пакет молока и буханку хлеба. И даже зачём-то вытряхнули со дна шелуху от семечек и старые талончики на проезд в троллейбусе... Всё забрали. Полная пустота. Осталась только оболочка из потрепанной красной ткани.

Я поставил полупустую чашку на стол, закинув в рот остатки бутерброда. Непроизвольно, а, может, и намеренно, я громко стукнул чашкой о поверхность стола. Александра Васильевна даже не шелохнулась, словно бы и не услышала резкий звук. Словно бы он и не дошёл до неё, увязнув на полпути в густом, как желе, воздухе.

Тяжёлый дух... Замершее время... Тишь, рождённая годами одиночества... Опустошённость... Всё это слилось воедино и ожило в моих мыслях. Я явственно представил, а, точнее, увидел, как окружающее слипается, смешиваясь водоворотом, и принимает облик... Чего-то... Чего-то с длинными руками-щупальцами. Оно тянет свои слизкие конечности, пытаюсь обездвижить добычу, а затем подтащить к себе, чтобы, опутав тело, проникнуть в жизнь и изуродовать её, заразив воздух непереносимой лёгкими тяжестью... Умертвив рвущееся вперед время... Наказав сжигающими душу одиночеством и тишиной...

Это эфемерное существо жило здесь уже многие годы, жило в пустой оболочке – сидящей напротив меня женщине.

– Александра Васильевна-а-а... Александра! – позвал я её. Она почти незаметно дернулась, на секунду крепко сжала веки, будто выходя из транса, и лишь только затем перевела взгляд на меня.

– Да, Лёша? Извини, я задумалась, – смущённо улыбнулась она.

– Скажите, а Вы одна живёте? – спросил я её, хотя ответ уже знал.

Прежде, чем что-либо сказать, она правой рукой заправила за ухо прядь выбившихся волос, а затем потёрла мочку этого самого уха, в котором не оказалось серёжки. Делала она всё это так легко и естественно, что стало очевидно – все только что проделанные, но, в принципе, совершенно лишние движения являются частью

её способа думать, подбирая нужные слова. Полезная привычка, незаметно выкрадывающая пару лишних секунд перед ответом.

Мне даже показалось, что сейчас прозвучит длинный, витиеватый и вконец запутывающий монолог. Но, вопреки моим ожиданиям, Александра Васильевна ответила коротко и очень информативно: «Уже много лет...»

Это означало, что чувства меня в который раз не подвели. Я вообще привык доверять им на все сто. А как иначе? Ведь чувства – это мой главный инструмент в работе. Когда имеешь дело с такой шатко-непонятной субстанцией, как «внутренний человек», всё имеет значение в тебе самом. Так или иначе, всё, что происходит между мной и клиентом, протекает через «внутреннего меня». Это значит, что я должен слышать даже самые незаметные колебания, происходящие внутри. В конце концов, я, как чётко отточенный инструмент хирурга, утончённо надрезаю маски людей, высвобождаю их сущность, превращая всё это в образы...

Образы... Я вдруг опять представил эти простирающиеся в поисках живой души по всей комнате щупальца. Бр-р-р... Фу! Аж не по себе стало.

– Видишь ли, Лёша... Я уже много лет живу одна. Очень давно, чтобы об этом вспоминать. Для меня это так же само собой разумеющееся, как для тебя жить бок обок с любимым человеком, – и она указала на мою правую руку, на безымянном пальце которой сверкало простенькое золотое кольцо.

– Ах, Вы об этом, – сам не знаю почему, смутившись, проговорил я, – если честно, то вы, Александра, подобрали не очень удачное сравнение. Потому что для меня «жить бок обок с любимым человеком» не само собой разумеющееся.

Я автоматически взял левой рукой кольцо и покрутил его вокруг пальца, повинуюсь недавно появившейся у меня привычке.

– Я всего лишь месяц как «живу бок обок» и только-только привыкаю к совместным мыслям и быту.

– Да уж... Действительно, неудачное сравнение, – сказала Александра Васильевна. – Но, надеюсь, Вы поняли, что я хотела сказать?

Я лишь кивнул, предоставляя ей возможность продолжить рассказ.

– Мужа, как такового, у меня никогда не было. Мы прожили вместе всего несколько месяцев, после чего он просто исчез. *Просто* для него, но тяжело для меня. Не знаю, убежал ли он от своей сложной жизни, от больших долгов или от беременной меня. Я считаю, что он спасал свою жизнь. Так мне было легче примириться с его поступком...

Александра Васильевна замолчала на полминуты, а я лишь мог ждать.

– Сына звали так же, как и вас – Лёша. Я его всегда называла Алёшенькой. Так, мне казалось, ему больше шло. Его чрезвычайная чувствительность и оптимизм заражали нежностью всех окружающих. Поэтому Алёшкой-Лёшенькой он был для всех: соседей, друзей, учителей...

Ещё с минуту молчания, будто моя собеседница ждала, пока наполнится сосуд воспоминаний, чтобы его можно было, опрокинув, превратить в слова. Напротив сидела женщина, смотрящая глубоко внутрь себя, как в пустой бездонный колодец.

– Впервые тишина поселилась в этой квартире за три дня до его девятого дня рождения... – глотая боль, но все же спокойно, продолжала она рассказывать.

«... И живёт здесь на пару с одиночеством до сих пор», – хотелось мне добавить, чего я, конечно же, не стал делать.

– Честно говоря, Лёша, я попросила тебя приехать совсем не поэтому, – явно искусственно, с принуждением, улыбнулась она. – Моя жизнь была достаточно тяжела. И боли в ней тоже хватало, чтобы можно было позволить себе стать сумасшедшей. Но, как надеюсь, ты уже успел заметить, я самая обычная старушка, со свойственной для людей моего возраста ностальгической сентиментальностью.

Говоря все это, Александра Васильевна делала явно заметные ударения на словах о своем возрасте. Слово «старушка» она произнесла так, что мне тут же захотелось убедить её в обратном.

– Не прибедайтесь, Александра. О какой «старушке» вообще идет речь?! Большого наговаривания на себя я не слыхал за всю

свою жизнь.

Александра Васильевна довольно улыбнулась, видимо получив именно то, на что так не умело напрашивалась. Дальше тему подхалимажа мне продолжать не хотелось, и я решил сразу перейти к делу.

– Итак, для чего же Вы всё-таки попросили меня прийти? Стораю от любопытства...

Александра Васильевна кивнула, как бы подобралась всем телом, и сделала серьёзное лицо, как и полагается при разговорах на серьёзные темы.

Если честно, то я совершенно не лгал о своём любопытстве к проблеме, побудившую эту «самую обычную старушку» обратиться за помощью к психологу. В моей практике консультации с подобными клиентами достаточно редки. А если быть ещё точнее, то вообще «из ряда вон». Женщине между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью, да ещё и одинокой, я пытаюсь помочь впервые. И дело совсем не в том, что она мне в матери годится. Нет. Я уже давно для себя решил, что младше – не значит глупее. Ведь неважно, *сколько* человек прожил на земле, а важно, *как* он это делал. Люди могут быть несчастны, как в тридцать один, так и в шестьдесят. То же самое относится и к успеху. Если ко мне успех пришел к тридцати с небольшим, то я им могу поделиться как с подростком, так и со стариком. Всё равно.

Так почему же в этом возрасте редко кто обращается к специалистам-мозгоправам? Наверное, потому, что у её ровесниц кризис среднего возраста давно прошёл, с выходом на пенсию смирились, осталась после всего этого только философия «доживальца» – «жизнь уже прошла, осталось только дожидаться смерти, зачем мне психолог». Аминь!

А тут на тебе – никакого человека, ради которого Александре Васильевне стоило бы жить, нет и это её совсем не беспокоит. А есть какая-то другая загадочная причина, требующая моего вмешательства. Разве не любопытно?!

– Я не могу справлять нужду, если в туалете двери закрыты...
– на полном серьезе, с чрезвычайно сосредоточенным лицом, сказала Александра Васильевна. Было видно, *насколько* тяжело

далось ей это откровение – тело напряглось, словно готовилось принять ответный удар или насмешку.

Не бить, не смеяться я не хотел. Даже, наоборот, меня самого сейчас пни, я б даже ничего не заметил – настолько произнесенные только что слова меня ошарашили своей неожиданностью. Что уж тут говорить, я явно растерялся.

– А-а... Хм-м-м... – только это и смог я выдать из себя, не зная, что сказать.

Александра Васильевна пристально всмотрелась меня и, чутко уловив мою растерянность, с лёгкостью выдохнула своё напряжение, поняв, что никто над ней смеяться не собирается.

– Неожиданно я?! Надо было Вас немножко подготовить, – сказала она, виновато улыбнувшись.

– Да уж... Как-то не ожидал, – ответил я ей такой же виноватой улыбкой.

– В общем... Именно по этой причине я решила обратиться к специалисту, то есть к вам, Лёша.

– Мне не совсем поня... – начал, было, я, но Александра Васильевна перебила меня, быстро догадавшись, о чём мне хотелось узнать.

– Сейчас поясню. Когда я захожу в туалет, чтобы справить естественную нужду, я не закрываю за собой дверь. Просто потому, что мне хочется, чтобы она была открыта. Вот так, мне приятно сидеть в туалете, когда дверь открыта.

Я нахмурился – таким образом, у меня на лице отображается процесс активного «думанья».

– Поверьте, Лёша, за всю свою жизнь я привыкла справляться с проблемами сама. И здесь, соответственно, я попыталась найти какой-то смысл, прежде чем обратиться к Вам.

– Но, как я понял, раз я сижу здесь, Ваши поиски не дали результата... – я потихоньку начал приходить в себя и возвращался к роли, за которую получал деньги.

– Вы совершенно правы, Алексей. Я не нашла информацию, подходящую под мой случай, – почему-то Александра Васильевна опять перешла со мной «на Вы», даже не заметив этого.

– Если не секрет, где Вы искали ответ? – поинтересовался я.

– В учебниках психиатрии и психологии неврозов. Мне довелось «перелопатить» целую гору специализированной литературы. Но, увы... Или, наоборот, к счастью, ничего подходящего. Есть, конечно, что-то похожее. Вот, например, клаустрофобия...

– Честно говоря, эта мысль тоже пришла мне в голову, и я как раз собирался задать Вам пару наводящих вопросов.

– Нет-нет, Лёша. У меня точно этого заболевания нет, это не оно. Я думала и так, и эдак. Нет! Вам нужно подтверждение? Получите... Во-первых, я спокойно езжу в лифтах и ковыряюсь в своем маленьком, тесном чулане...

Я довольно хмыкнул, одобряя гладкость рассуждений Александры Васильевны, и наслаждаясь её умением красиво говорить.

– ...Во-вторых, – продолжила она линию доказательств, – сидя в туалете с закрытой дверью, я не чувствую ни паники, ни что воздух заканчивается, мне не кажется что стены меня раздавят. Ничего такого у меня нет.

– Тогда в чём же дело? Что же вам мешает сидеть в туалете, закрыв двери!? – недоумённо воскликнул я.

– А чёрт его знает! – в такт мне пожала плечами Александра Васильевна. – Я понимаю, сидя в туалете, что не получу... М-м-м... Удовольствия от процесса (ради Бога, извините за подробности), пока двери туалета не будут распахнуты. То есть я в самом начале нашего разговора не совсем верно выразилась. Я *могу* сидеть в туалете с закрытой дверью и вполне удачно выполнять свою туалетную функцию. Однако мне это совсем не по душе. Вот такая идея фикс. Ну, доктор, что Вы на это скажете?

Нет, ну а что я на это могу сказать?!

– Вы кому-нибудь мешаете открытой дверью? – спросил я её.

– Нет. Как я уже говорила, в этой квартире некому возмущаться моей... М-м-м... странностью, – ответила Александра Васильевна, видимо еще не до конца поняв, к чему я веду.

– Может быть, Вам самой это чем-то мешает?

– Тоже нет... Как говорится «своё не пахнет», – улыбнулась она.

– Так почему же Вы тогда хотите избавиться от этой... Ска-

жем... особенности вашего характера?

Александра Васильевна громко рассмеялась.

– Лёша-Лёша, ну Вы даёте! Никогда не думала назвать *это* «особенностью моего характера». Уморили Вы меня...

Я, довольный, разделил с Александрой Васильевной её веселье.

– Даже и не знаю... Почему? По-че-му? Нет, а на самом деле – почему?! Это никому не мешает, в том числе и мне, жизни не угрожает... Почему? Наверное, потому, Лёша, что все люди в цивилизованном обществе ходят в туалет, закрывая за собой двери. Вот я и подумала, что у меня какая-то болезнь.

Александра Васильевна опять не удержалась и прыснула счастливым смешком.

Пока я собирался, Александра Васильевна копошилась на кухне.

– Подожди меня, Лёша, – крикнула она с кухни, – сейчас вместе пойдем.

Я стоял в коридоре, готовый в любой момент перешагнуть порог, пока Александра Васильевна хлопала дверцей холодильника, гремела посудой, открывала-закрывала кран, шуршала пакетами...

На всё про всё у неё ушло минут пять. Когда она наконец-таки появилась, в руках у неё был полупрозрачный пакет с какой-то мешаниной мерзко-несъедобного вида.

Я было подумал, что она решила меня чем-то угостить, как часто поступают благодарные клиенты. Но, как видно, ошибся. Ведь содержимое пакета даже с натяжкой нельзя было назвать угощением. Скорее, просто мусором.

– Это угощеньеце, – ответила Александра Васильевна на мой немой вопрос, проследив за взглядом. – Но не волнуйтесь, не для вас, Лёша... – поспешила она меня утешить, заметив, как я стремительно зеленею.

– ...Пойдёмте.

Александра Васильевна взяла лежащие «на зеркале» ключи и выключила свет. Я перешагнул в прохладу подъезда и стал ожи-

дать, пока она неумело возилась с дверным замком, пытаясь закрыть его одной рукой (другая была занята увесистым пакетом). Честно говоря, помочь, подержав этот пакет, мне даже не пришлось в голову.

Наконец мы стали спускаться. Только лишь очутившись на бетонном полу первого этажа, и вновь увидев железную дверь подъезда, я вспомнил о дороге сюда. И тут же меня поразила догадка, для чего Александре Васильевне пакет и что в нём.

Догадка меня настолько ошарашила, что я даже резко остановился, потеряв всякую способность двигаться. Александра Васильевна, словно бы ничего не заметив, обогнула меня, как декоративный столб, направившись к выходу. Нажав на светящуюся красным кругом кнопку, позволяющую отворить двери, она пропала в блёклых лучах уходящего дня.

Как только женщина скрылась из виду, внутрь подъезда прошмыгнул пухлый мужчина, цветом лица, а, точнее, его бледностью, выдающий недавний испуг. Он быстро просеменил мимо всё так же стоящего меня, сверкнув исподлобья злобными глазами и, судя по звукам, торопливо скрылся в лифте.

Постояв ещё с пару секунд, я, глубоко вздохнув невкусный подъездный воздух, побрёл вслед за Александрой Васильевной.

Как оказалось, на улице был вечер. Не совсем, конечно, вечер, но и днём уличную освещённость назвать было нельзя. Ветер всё также шуршал шевелюрами деревьев. Так же, как и полтора часа назад, это был идеальный конец июня – градусов двадцать с копейками.

Ни кошек, ни Александры Васильевны не было видно, хотя смотрел я внимательно. Хотя...

Я спустился с крыльца, одним махом преодолев пять длинных ступеней, и повернул направо, в сторону остановки. Так и есть!

У основания стены, за которой, по идее, располагалась лестница, пронзающая все этажи здания, стояла Александра Васильевна, уперев пустые руки в бока, и довольно улыбалась. Её влюбленный взгляд был устремлён на кишащую у ног кошачью тьму. Это месиво из хвостатых бестий, грозно чавкающих принесенным «гостинцем», помещалось чуть ли не друг на друге, но при

этом никто не дрался, не шипел, не фыркал. Все дружно уплетали снедь, уложенную на длинную доску.

– Разве не прелесть?! – счастливо обратилась ко мне Александра Васильевна.

Я проглотил застрявший в горле ком.

– Э-э... М-м... Честно говоря, меня это немного пугает, – честно признался я ей.

– Что именно? – не совсем поняла меня Александра Васильевна.

– Ну... Всё это... Такое количество кошек... То как они дружно-слаженно жуют... Как они до этого мирно сидели, когда я сюда шел...

– А-а-а... Вы про это... – задумчиво протянула Александра Васильевна и подошла поближе. – Вы, Лёша, не первый человек, кому это кажется страшноватым. Если по правде, то все соседи меня «мордуют» за это уже который год. Только я всё равно продолжаю изо дня в день подкармливать моих маленьких друзей. Будем считать, что это моя отдушина, моё хобби, или так я самовыражаюсь – выбирайте любое из этих объяснений... Только, пожалуйста, не анализируйте...

– Именно этим я и занимался. А что, так видно?

Александра Васильевна кивнула.

– Не надо анализа, Лёша. Я сама всё прекрасно знаю – что, зачем и почему...

Я смотрел на кошек и, видимо, чуть попривыкнув, уже не воспринимал их столь зловещими. А может, просто разгадал причины их скопища и налёт таинственности исчез. И из полчища демонов они превратились в толпу голодных зверюшек. Вполне, кстати, безобидных. Коты как коты.

– Сейчас было бы разумно задать вам, Лёша, совершенно неразумный вопрос, на который я и сама знаю ответ.

Я вопросительно посмотрел на Александру Васильевну. Её взгляд всё также был устремлен на подопечных. Она, следя за ними, словно медитировала, как бы находясь в трансе, о чём и говорил её застывший взгляд.

– Этот вопрос – знаете ли Вы, каким образом, за три дня до

своего девятого дня рождения, погиб мой Алёшенька? Правда, глупый вопрос? Откуда Вы можете это знать? – она перевела свой взгляд на меня, отчего мне стало холодно. Словно пустота, заключенная в этом взгляде, потянулась ко мне, «внутреннему мне».

– И в самом деле глупый вопрос, – согласился я.

– Его загрызли две собаки... Буквально превратили в бесформенный кусок плоти... Лишив всякого сходства с человеком... Никогда бы не подумала, что мой Алёшенька раньше меня превратиться в фарш...

– «Фарш»?! – новая волна тошноты навалилась на меня.

– Да... Именно так написали через несколько дней после случившегося баллончиком на этой самой стене остроумные подростки: «Здесь был фарш...» И поставили стрелочку вниз, указывающую на то самое место, где лежал сын...

Я глубоко дышал, пытаясь затолкать чувства подальше от разболевшейся головы.

– Сосед держал пару псов – доберманов. Вот так... Как, оказывается, легко может управлять, разрушая, чужими жизнями, глупый человек с преданными ему убийцами без поводка, – она горько хмыкнула. – Соседа даже не наказали, только собак усыпили... Но через пару месяцев у него появились такие же забавные щеночки, какими когда-то были те две псины. Каждый раз, когда наши с ним пути пересекались, он шел гордо, словно бы это я преступила чужую жизнь, а не он. Гордо, но никогда... Никогда не направляя взгляд мне в глаза... Гордо глядя сквозь меня.

Спустя год после смерти сына, в тот самый день, когда его не стало, я, возвращаясь из магазина, обратила внимание на маленького котёнка, который жался к этой вот стене. Мне захотелось его накормить, что я сразу и сделала. Так каждый вечер я стала выходить во двор и подсыпать различную снедь в миску, вне зависимости, были кошки поблизости или нет... В одно и то же время – в девять... Каждый божий день... Круглый год... Кошек становилось всё больше и больше.

Иногда, выходя на улицу, я находила вблизи дома кошачьи

тела, разодранные клыками псов. Конечно же, совсем не стоит труда догадаться, чьих это было рук дело – в окрестности только у одного человека могло возникнуть желание воспитывать в собаках такую жестокость, под стать хозяину.

Но, несмотря на постоянную угрозу со стороны собак соседа, уже к половине девятого, двор вокруг моего подъезда заполняло всё большее число кошек, мирно ожидающих меня с пакетом в руках.

В конце концов, кошек стало *столько*, что псы соседа и все остальные собаки близлежащих домов стали бояться выходить на улицу. Хотя никто не мог доказать, но трупы собак «вешали» на моих кошек. А я, в принципе, и не отрицаю, что это они... Я даже довольна этим.

Так как сосед зарабатывал на жизнь разведением своих собак, ему пришлось сменить адрес. В его квартире теперь поселились совсем другие люди, с аллергией на собачью шерсть.

Александра Васильевна смотрела, улыбаясь, на уже наевшихся животных, довольно вылизывающих шерстку.

– Это было маленькое глупое возмездие за моего сына, когда-то давно забравшего с собой меня. А сейчас я уже никому не мщу – просто не знаю, как жить иначе, не вынося каждый день, ровно в девять, еду моим кошкам.

Александра Васильевна глубоко вздохнула.

– Видишь, Лёша, и анализ не нужен. Всё уже обдуманно-передумано вдоль и поперек. Конечно же, туалетная дверь – ничто, в сравнении с этой, никак не желающей заживать раной. Я знаю, что именно её и надо лечить. Поверь, Лёшенька, всё знаю... Но... Не хочу. Эта боль, как та дверь, которая никогда не должна закрываться. Потому что не должна. Потому что я так хочу – превратить свою пустую и одинокую жизнь в открытую дверь, чтобы из неё могло свободно утекать время.

Я молчал и думал, думал и молчал, пока она, глубоко и громко вздохнув, наигранно бодро не произнесла:

– Ну, Алексей, Вам пора. Да и я уже пойду телевизор смотреть. Спасибо Вам за сегодня.

Я кивнул:

– До свиданья, Александра Васильевна.

– Всего хорошего, Алёшенька... Пока...

И она ушла, легонько стукнув железной дверью подъезда.

«Потому что я так хочу...» – сказала она, распахнув настежь ещё одну дверь, которая никогда не закроется.

24 часа Кассиопеи

Убаюкивая, опутывая нежностью и теплом, она манила меня в сон. Та материнская забота, с которой она меня покачивала, приняв на себя тяжесть тела, каждый раз сулила яркие картины других, полных жизни миров. За этим изо дня в день я к ней и приходил, преодолевая усталость, расходуя последние силы. Но по-другому просто не мог: иначе бы уже давно исчез, просто бы растворился в свете дня. В принципе, я и жил-то от встречи до встречи с ней.

Стоило лишь солнцу достигнуть линии заката, я, прощаясь с ней до утра, касался в последний за сегодняшний день раз её полного жизни тела, как бы говоря: «Скоро увидимся, милая, вновь...» И в унынии плёлся домой, ненавидя каждый сделанный шаг: ведь он отдалял меня от неё, приближая сумрак, а за ним – и ночь.

Обычно я как раз переступал порог подъезда, когда солнечные лучи переставали касаться этих земель, лишь с трудом достигая неба. Тогда я скорее спешил подняться в свою квартиру, заперев понадежней дверь. И оставался наедине со страхами пережить ненавистную ночь.

За щелчком последнего замка следовали отшлифованные каждодневностью действия: включить везде свет; из туалета взять ведро и отнести в мою комнату; добраться до холодильника (за едой и питьём); зажечь тридцать больших свечей... И запереть свою комнату на все замки и засовы. На всё у меня уходит около пяти минут. Но с каждым днём, точнее, с каждой ночью, это время немного уменьшается.

Последним штрихом остаётся включить радио и телевизор погромче, компьютер. Всё... Можно дожидаться темноты.

Когда они придут, угадать невозможно – всегда происходит по-разному. Я уже неоднократно пытался найти хоть какую-нибудь закономерность, но тщетно... Один раз это может быть полночь, другой – под самое утро, ещё – когда им взбредёт в голову. Поэтому сколько продлится мои мучения, предугадать не-

возможно.

Когда в мою квартиру проникает мрак, в первую очередь, становится очень тихо. Все звуки, за исключением какофонии музыки и речи, доносящейся из динамиков компьютера, телевизора и магнитофона, просто исчезают. Их нет, как будто нет и мира кругом. Словно кто-то ластиком стёр все ноты из тетради Вселенной.

Вслед за тишиной приходит и сам мрак. Сидя за компьютером, я вдруг перестаю слышать мир. А это значит наверняка, что, если обернуться и посмотреть на щель под дверью, из которой, по идее, должен бить яркий свет ламп, там будет темно. И темнота такая, словно и не темнота вовсе, а будто лампочки, до этого усердно извергающие частицы света, вдруг сломавшись, начали светить настоящим, живым мраком.

Чтобы не видеть, как из-под двери пробивается темнота, оставляя на полу чёрную полосу, я заранее забиваю все щели тряпьем. Так легче пережить ночь.

Окон в моей комнате нет. И не будет никогда. Мне они не нужны, зато им нужен я, чтобы добраться до моего оцепеневшего, непослушного и будто чужого тела. А этого я позволить не могу: ведь тогда меня просто не станет... Ведь и так ничего, кроме плоти, называемой людьми физическим телом, у меня не осталось. Они забрали у меня душу, они сожгли мою жизнь, они... Приходят ночью.

Когда комнату заполоняет тишина и наступает абсолютный мрак, когда последний кусок меня самого обращается в камень сжатых судорогой мышц, они победоносно ступают по этой квартире. Там, за дверью моей комнаты, где сейчас господствует темнота, мечется в приступе ярости неистовый зверь. Он крушит всё, что попадает у него на пути, разрушая, терзая, уничтожая... Гром, треск, рык, рев сопровождают его забаву. Кажется, это длится бесконечно, пока так же неожиданно, как и началось, зверь не затихнет.

Но я-то знаю, что это лишь обман.

Я сижу внутри своего окаменевшего тела и могу лишь ждать,

пока не придет хозяин... Хозяин зверя. Он уверенным шагом идёт по разгромленной квартире, разгребая ногами щепки, осколки стекла и бесформенные куски железа. Иногда он останавливается, чтобы приподнять остаток некогда целого предмета, и затем с силой швырнуть его о стену. Когда хозяин, наконец, убеждается в качестве проделанной зверем работы, он вспоминает, ради чего, а точнее, *кого*, собственно, было необходимо блуждать в принесенной с собой темноте.

Деловито, целеустремленно он направляется к двери, разделяющей нас. Медленно, будто боясь разбудить меня, поворачивает ручку, желая зайти. Притворщик! Он делает вид, что не знает о семи замках, не позволяющих двери предать меня, впустив темноту в комнату.

Как будто осознав, что им (ему и зверю) так просто не добраться до меня, хозяин начинает неистово дергать ручку, словно это откупорит замки.

– Открой!!! Слышишь, открой!!! – доносился из-за двери рвущий перепонки голос.

Когда и это не помогает, они начинают ломать дверь.

Раз!!! – содрогается она под натиском чудищ. Два!!! – она вот-вот сорвётся с держащих её петель. ТРИ!!! – ударяя последний раз, с такой силой, что кажется, будто весь дом сейчас развалится, но... Ничего не происходит, и они сдаются.

«Три-три-три...» – проносится у меня в голове.

– Три... – шепчу я себе тихо-тихо.

Ведь «три» значит, что они сейчас исчезнут до следующей ночи, постепенно вернутся другие звуки. И страх, державший меня в своих тисках всё это время, отступит. И расслабленные мышцы позволят упасть на пол, извергая *пережитое* в заранее приготовленное ведро.

А когда наступит утро, станет и вовсе легко. Я выключу ТиВи и компьютер, оставив для фона лишь болтовню радио диджея. Захвачу грязное ведро, открою замки и выйду в квартиру. Всё окажется лежать именно там, где я и оставлял: ни осколков битых зеркал, ни расщепленной мебели, ни покореженного железа – ничего, что могло бы хоть чем-то напомнить о ночном господстве

зверя. Лишь плещущаяся на дне ведра масса говорит мне, что эта ночь была *на самом деле*.

Останется лишь сонливость и желание поскорее увидеть ЕЁ, чтобы отдать, как целительнице, своё измученное бездушное тело.

Я умоюсь холодной водой, остудив чувства. Может быть, приму душ. Схожу в ближайший магазин, чтобы купить всё необходимое на день и ночь: какую-нибудь провизию, вероятнее всего полуфабрикаты (главное, чтоб не надо было готовить); пачку сигарет; несколько банок пива и ещё что-нибудь по необходимости. Принесу купленное домой, переложу, что надо в холодильник, а что – по полкам. Чуток снеси, пиво и сигареты закину в сумку, где уже валяется недочитанная книга. Повешу сумку на плечо и наконец-таки отправлюсь к ней.

Идти совсем недолго, минут пятнадцать-двадцать, в зависимости от ширины шага. Я и так живу на самой окраине города, останется только добраться до небольшой рощи, пройдя мимо нескольких последних домов.

Когда я увижу ЕЁ в дали, подумаю, в очередной раз, насколько же она прекрасна в своем несовершенстве. Среди других она выглядит уродцем, сгорбившимся, сдавшимся под властью тяжелого бремени, недостойным жизни выродком. Но я-то знаю, что это только внешность. И кто будет её судить, не сможет понять смысл, не сможет понять, проникнуться тем стремлением к жизни, каким наполнено её изуродованное тело... Кто будет корить её за внешность, жалкую и нелепую в сравнении с высокими, статными красавицами и красавцами, соседствующими с ней, не узнает, что она единственная дает мне силу жить.

Искорёженный ствол, как старушечий горб, сразу же бросающийся в глаза, и плотная, полная зелёных листьев крона – это всё моя береза. Я прихожу к ней каждый день, кладу сумку у её корней, а сам забираюсь на ствол, настолько удобный, словно за все эти годы моя береза привыкла ко мне, и теперь чувствует мое тело, считая его неотъемлемой частью себя, подстраивается под его усталость.

Я ложусь на ствол моего дерева, как на самую мягкую кровать,

закрываю глаза и... Засыпаю. Листья и ветви укрывают меня от слепящего солнца, создавая прохладу. Дерево, чувствуя меня, покачивается под ритм ветра. Я сплю... Под надежной защитой, в тишине и спокойствии. Всё это время дерево отдает мне часть себя, зная, что произошло ночью. Покачиваясь, моя берёза успокаивает забывшие свободу мышцы, расслабляя их.

Шум листьев отдирает от меня, будто прилипших пиявок, последние комочки страха. Я не чувствую боли, потому что сплю, потому что я в других, созданных под её защитой, мирах. Я сплю, набираясь сил, чтобы пережить ещё одну ночь.

Только что проснувшись, я перекусил крабовым мясом, чипсами и плавленым сырком, все это запив пивом. Теперь осталось, распластавшись на стволе моего дерева, наслаждаться полным желудком, легким опьянением и первой сигаретой, ловить ощущения собственной силы полного энергии тела и наблюдать сквозь редкие плечи листья за плывущими по небу облаками, такими белыми и пухлыми, словно они только что из японских мультиков. Только в аниме встречаются такие вот, вмещающие в себя детскость, талант и мечту облака-перини.

Докурю сигарету, возьму книжку Ефремова «Лезвие бритвы», может, выпью ещё баночку пива – вот, собственно, весь план на жалкий остаток дня. В принципе, как и всегда.

Чтобы вот так наслаждаться жизнью, у меня остаётся очень мало времени – почти весь день я сплю, «отрываясь» за неудачную ночь. По сути, и живу я эти два-три часа, пока не подступит ночь и я полон сил.

Что жизнь? Неужели это несколько часов покоя? Неужели жить – значит быть прикованным цепями тьмы, зависеть от кого-то или чего-то? Мне мало моей жизни... Жизни, что есть у меня – жалких несколько часов в сутки. Но при этом, как ни странно, я не завидую другим людям, у которых в распоряжении и день, и ночь, которые могут идти, ехать, лететь куда и когда захотят, которых не держит страх и ужас. Я им не завидую, потому что их свобода и разнообразие возможностей *кажущиеся*...

Да, потенциально перед ними открыт целый мир. Да, они мо-

гут всё. Да! Но именно то, что им даровано свыше и чего так не хватает мне, людей и держит. Время, пространство и возможности! Для всех они бесконечны и постоянны. Люди привыкают пользоваться не этими великими благами, а их доступностью. Они думают, что в любой момент можно сделать то, чего хочется, поэтому можно и отложить... «Чуть позже!», «Не сейчас!», «Пока нет времени...» – именно это их ограничивает. В сущности, у меня есть два, а то и три часа в день, которые я использую по максимуму, а именно наслаждаюсь полным энергией телом, не упускаю ни единого ощущения, что дает жизнь: теплота солнечных лучей, прозрачность неба, шелест листьев и, конечно же, радость общения...

То, что я просыпаю почти весь день и не могу далеко отдаляться от дома, не значит, что у меня не может быть друзей. Их мало, а точнее, двое, но они есть. Юрась и Лена – двое... Самое то, не хочу ни больше, ни меньше. Наверное, характер такой.

Мы иногда ходим в кафешки, реже играем в бильярд (потому что ближайший pool-bar находится в сорока минутах езды), кидаем мяч в корзину на школьной площадке недалеко от дома, вместе смотрим телек под чипсы и играем зимой в снежки... Но всё равно чаще встречаемся возле березы. Сидим, пьем пиво и болтаем о всякой всячине. Я лежу на стволе, они валяются в утоптанной траве. Всё размеренно и надёжно, как жизнь на пенсии.

Видимся мы, правда, редко – примерно раз в неделю, но мне и этого хватает. Всё равно я привык быть один – говорю же, характер такой. Но полностью я один тоже быть не хочу. Например, сейчас Юрку отправили, как молодого учёного-физика, в Японию. Его не будет около полугода. Почти всё это время я буду один (не считая болтовни по интернету). С Ленкой без Юрася у меня дружить не получается. Он как бы связующее звено в наших отношениях. То есть я с ней могу и болтать так же, как и всегда, о всякой ерундистике, веселиться, смотреть телек под чипсы и пиво, и даже играть в баскетбол, тем более что она учитель физкультуры в школе. Но... Обязательно, просто обязательно, несмотря на всю нелепость, бессмысленность и абсолютную не-

логичность, спустя какое-то время после Юркиного отъезда, дружеское общение прерывается сексом. Мы становимся любовниками.

Вот такая ерунда! Просто смотрим-смотрим ТВ, а потом «БАХ!», и даже сами не замечаем, что занимаемся сексом. После чего она идёт, принимает душ, одевается и по-английски уходит. Далее следует тишина длиной в месяц – ни звонка, ни сообщения в «аське», ни даже банальной смски.

Спустя придуманный ею срок мой телефон выдает Ленин номер. Она коротко предупреждает, что придет. А это значит, что не будет ни телевизора, ни разговоров – мы просто займёмся сексом. Потом всё по кругу. «Пока, увидимся через месяц» – иногда хочется ей бросить в спину, но, конечно же, этого не делаю. И так, пока не прилетит Юрка.

Когда я ему рассказал о наших «отношениях с Ленкой без него», он только пожал плечами и сказал: «Странные вы какие-то...» И продолжил пить пиво.

Да я, в принципе, над всем этим не задумываюсь. Тем более что здесь все понятно: Юрка – связующее звено. Когда его нет, дружить не выходит, зато получается суперский секс. Когда он здесь – нам этого не надо. По-моему всё просто, как созвездие Кассиопеи.

О том, что происходит со мной ночью, я им не рассказываю. Да они и не спрашивают. Кто вообще спрашивает, чем другой занимается ночью?

Может, конечно, друзья и догадываются, но это вряд ли. Наверное, думают, работаю не покладая рук, что является правдой лишь наполовину. Так думать не мудрено. А что можно подумать о человеке, который большую часть дня спит, ничего не делает, но при этом деньги на еду и квартплату у него откуда-то берутся? Не смотрю же я ночи напролет порнуху и сижу в чатах... Значит, работаю.

Хотя бывает, что Юрка, ни с того ни с сего, сощурит ехидненько глаз, напуская на себя выражение подозрительности, и спросит: «Слушай, а чё это ты тогда (вчера, позавчера или неделю на-

зад) вдруг так резко из аськи свалил? Болтали с тобой, болтали, а ты вдруг раз и замолчал, хотя в сети был? Хоть бы сказал что...».

Я на такие допросы могу лишь отшучиваться: «Да, погадить приспичило, а в туалете книжка интересная валялась, вот и зачитался...». «А-а-а...» – обычно протягивает всё так же недоверчиво Юрась, совсем неудовлетворённый моим объяснением.

Мне кажется, что с каждым разом, когда я неожиданно перестаю отвечать на его сообщения, в разгаре обсуждения чего-нибудь интересного, он всё меньше и меньше верит в мои сказочки. Хотя (вполне может быть) ему абсолютно наплевать, почему так происходит, а просто Юрке нравится слушать выдуманную мной бредятину.

А Лена так вообще ничего не спрашивает. Причём ни у кого и ни о чем. Как-то она сказала, что человек вправе сам выбирать, что открывать другим, а что нет, и она вполне этим довольна. Сколько позволяют, столько знает – большего не надо.

Я бы, конечно, мог им всё рассказать про ночные события, ведь они мои друзья, самые близкие для меня люди. Они наверняка поймут... Я уже тысячу раз прокручивал у себя в голове этот разговор.

– Бывает... – сказал бы Юрка и сделал пару глотков из банки, – Хотя... Конечно странно, но всё же это в твоём стиле.

Ленка бы, наверное, выпятила нижнюю губу и покачала головой, как она всегда делает, когда ей рассказывают что-нибудь совершенно ненужное, а затем задала бы свой фирменный вопрос, чуть растягивая звуки:

– И-и-и? – мол, «ну и что я теперь должна с этим делать».

Хотя... Нет, никогда они об это не узнают! Одна фраза: «Знаете, ребята, а ко мне каждую ночь приходит чудовище и крошит всю квартиру, но на утро нет никаких следов...» – стоит того, чтобы её никогда не произносить.

Когда большую, когда меньшую часть ночи я редактирую свои сайты. Их у меня два: один, чтобы жить, то есть для денег; второй, тоже чтобы жить, то есть для души. Хотя и тот, и другой мне нравится вести – это работёнка по мне.

Первый сайт очень популярен. Он пользуется большим спросом у любителей чтения. Там содержится информация о большинстве выходящих в продажу книг – обзоры, критика, замечания, истории и, конечно, обсуждение, а по сути, пустой треп на форуме. Вот так и зарабатываю на хлеб. Привношу каждый день что-то интересное, люди читают, обсуждают, а заодно, волей-неволей, смотрят рекламу, которая меня и кормит. Плюс, если появляется какой-то новый, ещё никому не известный автор, моя задача – осветить и выделить из огромного потока романов именно его. Причем сделать нужно так, чтобы люди захотели эту книжку прочитать. А за всё это автор щедро благодарит, пополняя мой электронный кошелек. Работа непыльная и доставляет определенное удовольствие. Но всё же это именно работа.

Что же касается второго сайта, то он представляет собой квинтэссенцию моей мечты. Если набрать в адресной строке www.cassiopeia.ru и немножко подождать, пока загрузится страница, то можно увидеть полное, до краёв, звёздное небо, уместившееся на экране монитора. Короче, сайт о созвездиях – самая большая энциклопедия звездных карт в сети.

Честно говоря, сайт не очень популярный. А если совсем честно, то вообще никому не нужный. Есть, конечно, пару астрогров, которые периодически присылают мне на электронный ящик указания, как лучше сделать и что надо исправить. Но их всего парочка десятков. Хотя мне всё равно, пусть ни один человек не будет заходить на мою «Кассиопею». Это же моя мечта и для себя я её создал.

Мечта увидеть звёздное небо. Увидеть, как в сумерках появляется первая звезда, а за ней – ещё одна. И чем темнее становится, чем дальше убегает солнце, спасаясь от неминуемой ночи, тем больше звезд сплетаются в осознанные и единые картины. И вот среди сотен тысяч ночных алмазов, я увижу пять звездочек... Создающих вместе латинскую букву «W» – это она, Кассиопея.

Иногда эта мечта превращается в настоящую манию: я закрываю глаза, и вижу заветные звезды; я сплю, и мне снится небо, полное огней; я сижу, оцепенев, в тот момент, как зверь бушует в квартире, а в голове крутится мысль, что сейчас, именно в это

самое время, за окном (которого нет в моей комнате, но которое вполне могло бы быть) блистает она, моя звезда, третья из пяти в созвездии, ярче всех и зовёт меня насладиться вместе с ней ночной прохладой и тишиной, посмотреть сверху на костры спящего города.

Я словно слепец, которому говорят, как прекрасна радуга и бесконечная даль океана. Я будто безногий, мечтающий промчаться по насыщенной утренней росой траве и тёплому песчаному пляжу. Я словно я, никогда не знавший звёздного неба, только оттого, что звёзды рождаются ночью. Всех нас мечта манит своей недоступностью, всем нам хочется жить, в то время как мы почти мертвы...

Если задуматься, то я даже не смогу точно сказать, когда мне пришло в голову, что со всем этим, то есть с такой жизнью, жизнью вообще, пора завязывать. Может быть, эта мысль зрела внутри меня очень долго, пока окончательно не сформировалась и, добравшись до разума, наконец, не превратилась в решимость действовать. А может, возникла в один момент, немножко удивив своей разумностью. Но, скорее всего, такой конкретной мысли и вовсе не существовало. Хотя, может быть, я просто не помню, чтобы в голове звучало: «Всё, хватит! Пора с этим кончать!». Нет, наверняка такого не было. Мысль, скорей, не была мыслью вовсе, а суммой каких-то ощущений и событий.

Например, когда я с утра стоял на балконе, сразу после ухода зверя, и курил, мне вдруг захотелось выбросить почти докуренную сигарету. Сильный холодный ветер и иголки дождя были готовы принять её. Я протянул руку вперед, взяв окурочек большим и средним пальцами, и так, замерев на секунду, ни о чём не думая, вдруг с силой швырнул окурочек по ветру. Порыв подхватил его и долго-долго терзал, швыряя из стороны в сторону, не давая упасть. Сигарета, безвольная и побитая ветром, словно и не могла достигнуть земли, но всё же она исчезла в мокрой от дождя траве. Сразу, как сигарета достигла земли, её жизнь оборвалась — уголёк погас.

Глядя, как ветер мучает окурочек, маленький, бессильный что-

либо изменить, я думал о себе, о том, как живу, о том, чего хочу... И никак не мог отделаться от мысли, что та, исчезнувшая у самой земли сигарета – есть я. Я точно так же обречён, пока не погасну, подчиняться каким-то ограничениям, каким-то правилам, установленным тьмой. Стоя на балконе, я захотел, чтобы и мой уголёк исчез, только лишь коснувшись почвы.

Или когда я только-только проснулся в объятиях моей берёзы, достал из сумки пачку сигарет, а в ней оказалась всего одна, последняя штука. Я, не задумываясь, закурил её.

Юрка улетел неделю назад в Церн в Швейцарию, и его не будет ещё около двух месяцев. Лена приходила ко мне вчера, и мы, как обычно, сами не заметили переход от разговора к сексу, а, значит, ей звонить без толку – все равно телефон не ответит.

Вот так, без сигарет, без единственных в моей жизни людей, мне вдруг стало пусто и желание погаснуть стало еще сильнее.

Вообще-то, чтобы уйти из жизни, как таковых причин у меня не было. Что заставило меня сделать это? Сам не знаю. Просто в какой-то момент я понял – моя жизнь такой, какая есть, будет всегда. Изю дня в день... Изю дня в день я буду приходить к моей берёзе, чтобы почувствовать, как она дышит и погрузиться в её дыхание. Буду изредка общаться с двумя близкими для меня людьми, с одной из них периодически заниматься сексом, не любя.

Это ощущение, это понимание было просто невозможно заглушить. Оно твердило мне, что всё из моей жизни взято, осталось только действовать по установленному алгоритму, навсегда оставаясь на месте.

Когда я принял решение, что покончу с собой, у меня внутри всё осталось по-прежнему. Всё как было лежало на своих полочках. Я даже не почувствовал, что скоро умру. Для меня это больше походило на увольнение с опостылевшей работы – и работа, вроде, непыльная, и начальник – человек хороший, и коллеги ничего, но всё же... Хочется уйти. Потому что всему, чему только можно было здесь научиться – я научился. Осталось только повторять выученные до бездумья действия, переставляя с места на место пустые коробки, переливая из банки в банку воздух.

Я и не собирался умирать, я всего лишь решил уволиться из жизни, потому что смерть – это хоть какое-то, но движение.

Я уже давно знал, что дверца на крышу никогда не запирается. Специально узнавал: ведь крыша – это такой же неотъемлемый атрибут мечты, как и само звёздное небо. Я тысячу раз залезал на крышу моего девятиэтажного дома, садился в тени вентиляционной трубы, прислонясь к её холодному кирпичному брюху, открывал взятое с собой пиво и, прихлёбывая из банки, представлял, закрыв глаза, что мне доступна простыня звезд.

Для меня крыша, наверное, то же, что и умение уплетать рис палочками для мечтающего побывать в Японии. Крыша моего девятиэтажного дома – это ручка двери, ведущей к мечте.

Как обычно, дверца, легко поддавшись, громко и пронзительно пискнула на весь подъезд, ябедничая, что её потревожили. Ещё несколько железных ступеней лестницы – и я стою в пыльном, грязнящем, заваленном пустыми бутылками и бычками помещении наедине с механизмом, тягающим кабину лифта. Затхло, грязно, воняет ржавчиной и мазутом... Я поспешил преодолеть ещё одну маленькую (всего в пять ступенек) лесенку, чтобы поскорей убратся от недовольного взгляда лифтовой машины.

День пасмурный – всё небо затянуто тучами, холодный ветер, ощущение размешанного в воздухе дождя. Надеюсь, успею опередить первые капли. Тем более, что до заката осталось совсем немного, буквально минут десять-пятнадцать. Конечно, увидеть закат в такую погоду не получится. Но для меня это не беда – я научился чувствовать, когда солнце уходит освещать другую часть земли. Это умение выработалось годами ужаса и благоговения перед тьмой. Просто чувствую, что пора закрываться на все замки, спасаясь от не прошенных ночных гостей.

Почему я увольняюсь именно на закате? Не имею ни малейшего понятия. Просто знание, когда это должно произойти, лежало у меня в голове. Я лишь подошёл и взял его, точно так же, как и знание, с какой стороны дома произойдет встреча с землей.

Мой балкон выходит на детский садик, а, точнее, на его тыльную сторону, на его зад, если так можно выразиться. Сетчатый забор, уберегающий малышей от большого и страшного мира, много громоздких деревьев и тропа, вытоптанная живущими в соседних домах людьми – вот и всё, что я могу видеть со своего балкона на пятом этаже.

С самого «ранья», часиков в полседьмого-семь, когда я выкуриваю свою первую за пределами комнаты-крепости сигарету с кофейком, и вечером, до заката, я всегда вижу одно и то же – унылые, ели переставляющие ноги люди, ползущие с работы или на работу.

Из года в год я смотрю со своего пятого этажа на всегда одинаково уставших, опустошенных скукой и однообразием людей. Как они нехотя куда-то идут: бабки с кошёлками, мамы с сонными детьми, обшарпанные мужики.

Хуже всего то, что, если бы я прошёлся по этой самой тропинке, вяло текущей между торцом дома и детского сада, бьюсь об заклад, для того, кто смотрит сверху, ничем бы не отличался от этих усталых, измученных, серых людей. Я смог бы влиться в их жиденький поток, как родной.

Именно поэтому я и решил погасить свой уголек об эту тропу-безысходность, чтобы хоть как-то оживить её вялость. Вот до чего докатился – буду разукрашивать жизнь людей своей смертью. Чем не новости? Абсурд...

Оставалось минут пять. Я открыл банку пива, последнюю. Не в том смысле, что она осталось всего одна, а в том, что это банка последняя для меня.

Сидя, как обычно, опершись о вентиляционную трубу, я решил помечтать о звёздном небе. Всё было как всегда – разве что с той разницей, что обратно я спустился не по лестнице, забрав с собой пустую банку, а только лишь, сделав последний глоток, кинул банку здесь же, встал и в несколько шагов достигнув края, сиганул вниз...

Стоп-уголек, СТОП...

Погасни, ведь все равно придёт ночь...

Открыть глаза получилось не сразу. Сначала пришлось немного потерпеть неясно откуда взявшийся свет, назойливо стремящийся пробраться сквозь сомкнутые веки.

Я сидел на стуле. Конечно же, я не мог этого видеть, но ощущал вполне внятно, что сижу, что на стуле со спинкой, что босые ноги опираются на холодный пол, и еще... Что у меня ничего не болит, что могу шевелить руками-ногами, и что в голове прозрачно, словно в хрустальном бокале. Всё это я мог ощущать. Хотя к перечисленному можно было добавить раздражение на противный свет и тяжёлые веки.

Но, в конце концов, я-таки сумел их разлепить.

Так и есть! Я сидел в полуметре от самого обычного офисного стола, на котором стояла пепельница, настольная лампа, направленная мне в лицо, и лежала самая обычная авторучка.

Я поспешил опять зажмурить и прикрыл глаза ладонью.

– Выключите эту чёртову лампу! – требовательно выплеснул я всё скопившееся раздражение неизвестно на кого.

– А-а-а... Наш гость наконец таки проснулся, – слышался глухой, словно говорили изнутри запертого холодильника, голос.

– Извините нас за столь неприятное пробуждение, но мы не могли уже ждать, пока вы соизволите вернуться в реальность, – сказал совершенно другой голос. Казалось звук, прежде чем долететь до меня, прошел через водосточную трубу.

Я почувствовал, что лампу направили в другую сторону и открыл глаза.

С другой стороны стола виднелись два силуэта. В комнате было темновато (кроме лампы, свет ниоткуда не поступал – ни окон, ни двери). После яркого света глазам было необходимо привыкнуть, поэтому пришлось немного подождать, прежде чем я смог рассмотреть говоривших из холодильника и сквозь водосточную трубу людей.

Один из них был маленький и квадратный, как шкафчик, с растянутой во всё угловатое лицо приторной улыбкой. Второй – длинный, точнее будет сказать, вытянутый, словно обычного че-

ловека взяли за руки и ноги и сильно потянули, а он, вытянувшись, как резина, таким и остался. Губы собраны трубочкой прямо над кадыком – у него словно и вовсе не было подбородка.

Оба были одеты в строгие чёрные костюмы с несуразно яркими галстуками. Тот, что был похож на тумбочку, носил кислотно-жёлтый, а смахивающий на трубу – в красно-фиолетовую клеточку.

«Да уж, ну и клоуны... – подумал я, – как в дешёвеньком детективчике».

И на самом деле, две противоположности в строгих костюмах, стол, стул и лампа... Я обернулся, тьфу ты... Прямо за мной огромное, в полстены, зеркало. Точно малобюджетный фильм.

Всё то время, пока я осматривался и размышлял, парочка молча, в полной неподвижности, так и стояла – квадратный липко улыбался, а вытянутый равнодушно смотрел сквозь меня, сложив губы в трубочку, словно собирался кого-то поцеловать.

– Э-э-э... – начал я, не зная, что и сказать, на ум как-то ничего путного не приходило, несмотря на нелепость происходящего. – А чего вы молчите?

– Ждём, пока ты не начнёшь спрашивать, – сказал тот, что был похож на тумбочку.

– Хм... Хорошо. И так, кто вы такие? – задал я, как мне показалось, самый разумный вопрос из всех, что вообще можно было задать.

Вытянутый удовлетворенно кивнул, видимо оставшись довольным, что вопрос был задан по плану. Но ответил квадратный:

– Давайте для начала познакомимся.

– Давайте, – согласился я.

– Как тебя зовут, мы знаем, а вот как нас – тебе знать не обязательно, – звучал все такой же глухой голос квадратного.

– Так какое же это знакомство? – я искренне удивился. – Но мне же к вам как-то надо обращаться?!

– Хорошо, обращайся.

– Ка-а-ак? – я опять начал раздражаться! Уж слишком много пафоса в столь маленькой комнате на меня одного.

– Ну... На кого мы, по-твоему, больше всего похожи? – улыбаясь, сказал сильно смахивающий на тумбочку человек.

Я, даже не задумываясь, выпалил:

– Вот вы – на тумбочку, а вот вы – на водосточную трубу.

– ОКи. Меня будешь звать доктор Тумбочка, а моего коллегу – доктор Труба.

– Вы всё это серьезно? – недоверчиво сощурился я, всё больше и больше подозревая в возникшей ситуации розыгрыш.

– Абсолютно! – улыбаясь, но при этом с неподдельной деловитостью подтвердил доктор Тумбочка.

– А почему доктора? Я, было, подумал, что вы детективы из дерьмового сериальчика. Что-то типа «Гроза преступников Пупс и Жопс».

– Нет, мы не детективы. Мы оба врачи, – говорил Тумбочка, – Я – психиатр, а доктор Труба – хирург.

Доктор Труба кивнул, подписываясь под словами коллеги.

– Теперь хоть что-то становится на свои места, – сказал я сам себе.

– Значит, психиатр и хирург? – переспросил я.

Две противоположности одновременно кивнули.

– И значит, доктор Труба меня вылечил, а доктор Тумбочка призван вправить мне мозги, – попытался я предположить.

– Что-то вроде того, но не совсем... – улыбаясь, сказал доктор Тумбочка.

– Что значит «не совсем»?

– А то и значит... Что мы оба призваны занимать Вашим телом после Вашего суицида.

– После неудачной попытки, – поправил я психиатра.

– Опять мимо, – ещё шире улыбнулся доктор Тумбочка. Видимо, его очень забавляла игра в моё непонимание.

– Что значит «мимо»?! – я окончательно взбесился и даже привстал в порыве гнева. – Что здесь может быть неверного?! Я прыгнул с крыши, «недоразбился», хотя не совсем понимаю, каким образом – девять этажей как-никак. Меня привезли в больницу, вылечили. Сколько я пролежал без сознания? Неделю?

Месяц? И вот я здесь, разговариваю с мозгоправом и любителем человечины. Какие здесь могут быть варианты?! Или... Вы хотите сказать... Что я умер?!

– Последнее предположение ближе всего к истине, – улыбался Тумбочка.

У меня глаза стремительно поползли на лоб:

– Вы хотите сказать, что в Чистилище, Аду или Раю, где я там нахожусь, носят идиотские галстуки? Ха-ха-ха... – я не сдержался и заржал. Хотя мне мой смех совсем не понравился – уж больно неискренне получилось. Уж слишком спокойно и уверенно говорил врач-коротышка и ещё его слова многое могли объяснить.

– Теоретически, Вы, мой друг, разбились в лепёшку о землю, пролетев девять этажей. Фактически же, Вы сидите в подвале центральной клинической больницы и губами из плоти и крови разговариваете с нами. У Вас бьется сердце, лёгкие качают кислород, и, может быть, Вы уже проголодались...

О прозрачной ясности в голове не могло быть и речи. Появилось ощущение, что сквозь череп по трубочке в меня медленно заливают забродивший смородиновый морс.

– Сколько... Времени прошло с тех пор, как я... Ну-у... Вы понимаете...

Вытянутый приподнял кисть на уровень глаз и, задрал рукав пиджака, сосредоточенно вперился в наручные часы. Прошло минимум секунд пятнадцать, прежде чем его рука вернулась в исходное положение. Но ответил, почему-то, даже не пошевелившийся обладатель кислотно-желтого галстука:

– Без двух минут полтретьего ночи. Значит, около четырех часов, но точно сказать не могу.

– Быть такого не может! Как я за такое короткое время смог оклематься? Ведь наверняка и сломанные кости должны быть?! – не поверил я.

– Пойми, дорогой наш, тебе не надо было, как ты говоришь, «оклемываться». Ведь ты даже не прыгнул, – такая же угловатая, как и сам её обладатель, улыбка достигла ушей.

– Но как же?! – подскочил я к столу. – Я же прекрасно помню, как перепрыгивал через маленькие перильца, ограждающие

край крыши! Сам полёт помню! А Вы мне говорит «не было»!

– Твои ощущения, память и впечатления – дело легко контролируемое. Поверь мне как специалисту, – сказал психиатр, – Ты думаешь, что четыре с половиной часа назад поиграл в забывчивого парашютиста... Хотя на самом деле – валялся с недопитой банкой пива в руке, прямо под вентиляционной трубой, с глупой «заточкой», слюной изо рта и остекленевшим взглядом.

– Но как... – у меня внутри шла нешуточная битва между разумностью сказанного и собственной памятью. Но единственное, что из этого получалось – смородиновый морс окончательно забродил и уже начинал пованивать.

– Ты просто представить себе не можешь, куда добралась психология и психиатрия за последние десять-пятнадцать лет. Например, в твой мозг с помощью телевидения и радио.

Психиатр великодушно сделал паузу, позволяя мне, если не понять услышанное, то хотя бы размешать, вместо сахара, в смородиновом морсе.

Спустя минуту я кивнул, давая понять, что готов выслушать продолжение. Доктор Тумбочка посмотрел на заморожено глядящего сквозь меня коллегу. Затем перевёл взгляд обратно на меня и, не прекращая улыбаться, продолжил:

– Ни один человек на Земле, кто смотрел хоть раз телевизор или слушал радио, не сможет лишиться себя жизни. Это моё изобретение, кстати, – сказал доктор Тумбочка и замолчал, видимо, ожидая от меня похвалы. Дифирамбов не последовало.

– Ну а как же выбор самого человека?! – возразил я с негодованием, – ведь вы не позволили мне быть хозяином своей жизни.

– Ух-х-х... – выдохнул психиатр. – Именно из-за таких возражений общественность и не знает о моём изобретении. Однако, насчет выбора Вы не правы, молодой человек. Мы как раз для этого здесь и собрались.

– В смысле?

– В прямом, – неожиданно раздался голос, звучавший так, будто прошёл сквозь водосточную трубу.

Я перевёл взгляд на оратора. Доктор Труба удостоверился, что я слушаю и продолжил:

– Пока я буду говорить, старайся молчать! Вопросы задашь потом. Понятно изъясняюсь?!

Я кивнул.

– Хорошо! – тоже кивнул доктор Труба. – Единственным неоспоримым фактом остаётся твоя попытка самоубийства. Почему, для чего и зачем ты на это решился – дело третье, и нас, по сути, не касается. Это твоё личное дело. Для нас имеет значение совсем другая сторона твоего поступка...

Наступило короткое молчание – то ли они думают, что я идиот и до меня с трудом доходит, то ли он сделал паузу, чтобы придать побольше значимости своим словам. В любом случае, я ждал продолжения.

– Так или иначе, ты себе не нужен! – подытожил Труба.

– Но... – попытался я возразить.

– Молчи и слушай! – рявкнул хирург, насколько это было возможно сделать через водосточную трубу. – Ты решил избавиться от своей жизни. Не знаю, что в ней такого дерьмового, но, как я уже говорил, мне этого знать и не надо. И жизнь мне твоя не нужна...

– А что же Вам тогда от меня нужно? Для чего вся эта комедия с клоунами и шариками?! – не сдержался я.

– Твоё тело... – улыбнулся Шкафчик.

– Моё тело? – повторил я за ним болваном, не на шутку удивившись.

– Твоё здоровое, молодое, прекрасное тело.

– Эт-т-то еще что за херня?! Что за дебильный розыгрыш?!

– Послушай... Хм-м... Мальчик. Так или иначе ты собирался пустить своё тело в расход. По идее, оно уже должно быть размазано о землю. Оно тебе совершенно не нужно, ведь так?!

– Ну-у... Не совсем... – промямлил я.

– Не нужно – не нужно! Так давай сделаем, чтобы всем было хорошо. Ты нам – тело, мы тебе – трагический уход из жизни.

«Нет, всё-таки они чутко переигрывают», – подумал я.

– И что вы с ним будите делать?

– Тебе-то уже какая разница?

– И всё же? – не унимался я. – Это же, в конце концов, моё те-

ло.

– Ну, если так... – врачи переглянулись. – Если честно, пустим на комбикорм свиньям...

– Что-о-о!!! – я опять, непонятно как, оказался у стола.

– Да сядь ты! Шучу я, шучу... – холодно улыбнулся доктор Труба. – Глянь, какой впечатлительный.

– Я бы на вас посмотрел, будь вы на моем месте, – надулся я.

– Я, милый мой, на твоём месте никогда не окажусь, поверь!

– В данный момент миллионы людей во всем мире ждут здорового сердца, – слышалось из холодильника. – Твоё сердце идеально подходит, как минимум, тысяче кандидатов. Почти та же самая картина с печенью и почками, только в гораздо больших размерах. И так далее...

– То есть... Вы хотите... Чтобы я стал донором? А-бал-деть! – только и вырвалось у меня.

– Именно так! – сказал психиатр. – Когда я открыл ЭТС...

– ЭТС?

– «Эффект танатосального стопора» и способы его провоцирования, через визуальные и аудиальные каналы восприятия, я подумал, как бы лучше всего это знание применить. Вот Вы бы, молодой человек, что сделали на моём месте?

Я задумался.

– Даже не знаю. Во-первых, мне многое непонятно...

– Например?

– Как оно вообще действует?

– Если упростить до банальности, то с помощью кое-каких картинок и звуков в мозгу у человека раскрывается определённое свойство. А именно, как только кто-то вздумает влезть в петлю, закинуть в желудок упаковку снотворного, полоснуть лезвием вены или (как в вашем случае) сигануть с крыши, срабатывает механизм блокировки всякой деятельности. Короче, Ваше тело сковывает одна сплошная судорога... А, чтобы не сойти с ума от боли, Ваш мозг погружается в забытье, в мир грёз на период от двух до шести часов.

– Поэтому мне и казалось, что я спрыгнул?

– Именно так! В своём воображении ты и спрыгнул, а на са-

мом деле... Сам знаешь.

– А как же тогда вы узнали, что я собираюсь делать? Как вы вообще смогли меня найти? – разум понемногу стал возвращаться на своё положенное место, и разрозненная мозаика мыслей наконец-таки начала складываться в единую картину. Но самое странное то, что я верил каждому слову врачей, несмотря на всю ирреальность услышанного.

– О-о-о... Мой друг, ну у вас и аппетиты! Этот вопрос единственный останется без ответа. Честно сказать, я и сам толком не знаю. Нам просто поставляют самоубийц как товар, вот так. Единственное, что знаю точно, не только психиатрия сделала прорыв за последнее время. Физики, программисты и тому подобная шелупонь (вроде нас с доктором) не сидят на месте без дела. Ну так что... Что бы Вы сделали, открыв ЭТС? Теперь-то Вам всё понятно!

Я ещё раз прокрутил всё в голове.

– Наверное... – начал я неуверенно, – наверное, я бы запустил этот Э-ЭС-Тэ...

– ЭТС, – поправил меня доктор Труба.

– Этот ЭТС как можно шире, чтобы самоубийства прекратились.

– Ну, хорошо. А как же вышеупомянутая свобода выбора – жить, или умереть, «вот в чем вопрос»?

– На самом деле, как? – я потёр пальцами виски (почему-то сильно разболелась голова). – Получается, что человек ни жить не хочет, ни умереть не может. И как тогда быть?

Я поднял взгляд на врачей.

– Что значит «как быть»? – удивился хирург. – Мы ведь тебе уже предложили выбор, или ты забыл?

– Забыл... – честно признался я.

– Какого черта кто-то кого-то будет заставлять жить?! – то ли спросил, то ли воскликнул доктор Труба. – Хочешь умереть – пожалуйста! Только не надо бессмысленности и глупости, их и так в жизни хватает, а тут еще и в смерти!

– Воспользовавшись нашим щедрым предложением, – продолжил другой, – ты сможешь спасти кучу жизней и оказать не-

имоверное количество пользы. Ведь тебе нечего терять – так или иначе, тебя ждет смерть. Ведь ты этого хотел?

– Не совсем... – проямил я, абсолютно неуверенный под натиском разумных доводов.

– А чего ты хотел – детей и старушек своим расплюснутым видом напугать? Идиот! – разозлился хирург.

– Эй-эй, полегче! – запротестовал я.

– Нет, и в самом деле, ну подумай сам, – призвал психиатр, – Чего ради добру пропадать?

– Это я-то добро? – рассмеялся я.

Доктор Труба хмыкнул:

– Ты, скорее всего, полное дерьмо и сопля. А вот твоё тело действительно – на вес золота. Так что, не тупи, принимай решение активнее.

Я разозлился:

– А если мне захочется просто умереть, ничего вам не отдавая?

– Э-э-э, нет, дружок. Или ты живёшь своей никчёмной, никому не нужной жизнью, или поступаешь по-человечески, и даёшь мне засунуть в твоё мясо скальпель...

– Ужас! – меня аж скривило от отвращения.

– Не ведись ты так. Обещаю, что помою руки. Ну что, давай, решай! Всё равно, третьего не дано.

– Что, мне прямо сейчас ответ дать?

– Можешь прямо сейчас, – поторопил меня, не пойми с чего разговаривавший доктор Труба. – Я кое-что сделаю, и ты уснешь вечным сном. В то время как твоё сердце будет биться в груди другого, если повезёт, хорошего человека. А не такого сосунка, как ты...

– Хватит меня оскорблять! – попытался я возникнуть. – Но ведь, в конце концов, так же нельзя. А что скажут люди, если я возьму вот так просто и исчезну?

– Насчёт этого можешь не переживать, – уверил меня доктор Тумбочка, – Сможешь выбрать любую естественную или насильственную причину смерти – всё, кроме самоубийства. Разыграем по высшему классу так, что и комар носа не подточит. Хочешь – автокатастрофа, хочешь – сердечный приступ, а хочешь...

– ...В собственном туалете захлебнулся, – перебил доктора Тумбочку ухмыляющийся коллега. – Для тебя самая подходящая смерть.

Я сделал вид, что пропустил последнюю фразу мимо ушей:

– Мне надо подумать.

– Хорошо, – как-то легко и естественно пожал плечами квадратный врач, будто и ждал от меня этих слов, – у нас на это положены сутки, ровно двадцать четыре часа – не больше и не меньше. Понял?

Я кивнул:

– А как вы...

– Мы позвоним, – опередил мой вопрос Труба. – Бояться нам за тебя нечего – всё равно с собой ничего не сможешь сделать. Мы тебя найдём, где бы ты ни был, чтобы услышать только одно: жизнь или смерть. Так что будь на связи!

– Хорошо, – согласился я.

– Возьми ручку, – приказал доктор Труба, протягивая её мне. – И крепко сожми в руке.

Я взял.

– Теперь, – продолжил он властным голосом, – попытайся воткнуть её себе в глаз...

– Вы серьёзно???

– Ты правильно понял. В глаз... Или есть вопросы?

– Есть один... Нет... Даже два!

– Ну-у?

– Первый. Сейчас ночь?

– Самая что ни на есть. Ровно три часа.

– О, ч-чёрт! А можно мы ещё здесь посидим?

– Нельзя! Второй вопрос?!

– Вы что, психи?

Доктор Труба покрылся пунцовыми пятнами:

– ПРОСТО... ВОТКНИ... ЭТУ ЧЁРТОВУ РУЧКУ... СЕБЕ... В ГЛАЗ!!!

Что вырвало меня из глубокого и пустого, словно дом под снос, сна – не знаю. Может быть, влага на лице и жуткий холод.

Может, чувство приближающегося рассвета. А, может, и то, и другое одновременно. Главное, что я начал проваливаться в реальность, как когда-то, совсем недавно, в пропасть длиною девять этажей.

Реальность ощущалась всё сильнее своей мерзкой зябкостью, запахом дождя и затекшей рукой. Мне не хотелось пробуждаться – пускай пустота, пускай даже кошмары, лишь бы не то, что есть, не то, в чём живу.

Я открыл глаза. Вокруг – лишь белый, густой туман, жирными каплями заполонивший всё, да проглядывающие сквозь него силуэты антенн. Моя голова упирается в кирпичную кладку вентиляционной трубы. На расстоянии вытянутой руки валяется покинутое всеми, пустое тельце пивной банки. Я на крыше моего дома.

Я сел, пытаюсь размять правую руку, снова пустить кровь к мышцам, снабдить их кислородом – она побежала по сосудам свободно, создавая странную помесь боли и удовольствия.

По идее, мне сейчас надо бы засомневаться в существовании проникающего сквозь веки света, назойливо вырвавшего меня из забытья, врачей, носящих дурацкие галстуки, и времени, отведённого на решение-жизнь или решение-смерть... Но я почему-то знал, что всё это было со мной, что всё по-настоящему.

Я поднялся на ноги, ощущая внутри головы всю ту же прозрачность, что и тогда, в «комнате для допроса». Не знаю, что ЭТС затрагивает внутри головы, но это здорово прочищает мозги.

Вдали (если смотреть чуть правее пожарной вышки), через пустырь, виднелись дома-коробки семнадцатого микрорайона, в которых загорались бледные из-за тумана окна-огоньки – люди просыпаются, чтобы идти спать на работу. Людям хорошо – они проспали мой полёт, они проспали тот странный разговор, они ВСЁ ПРОСПАЛИ...

Несмотря на то, что окончательно замёрз, я просидел на крыше, пока полностью не рассвело. Затем подобрал пустую банку, положил её в карман и проделал обратный путь, отсчитывая сту-

пеньки, до пятого этажа. Ключи доставать не пришлось – я не закрывал входную дверь. Ведь я, по сути, когда решился залезть на крышу, от всего отказался: ни мебель, ни вещи, ни мой любимый компьютер, ни, собственно, сама квартира, мне были не нужны. А вон как смерть повернулась.

Я толкнул дверь, но она, вместо того, чтобы, легко поддавшись, отвориться, лишь чуток приоткрылась. Упершись плечом, я попробовал навалиться всем телом. Бесполезно! Что-то явно держало её изнутри.

Топ-топ-топ... Кто-то спускался с верхнего этажа. Я обернулся.

– Доброе утречко, Андрей Николаевич, – поприветствовал я соседа.

– А-а-а... И тебе того же, – как всегда пасмурно отозвался сосед, – что, только домой пришёл?

Я кивнул.

– Эх, молодость, молодость... Иди, отсыпайся, – подмигнул мне, не пойми с чего заулыбавшийся мужик.

– Да я б с радостью, только вот дверь что-то не поддаётся, – виновато пожал я плечами. – вон, только немножко и приоткрылась.

– Помочь что ли? – то ли у меня, то ли у самого себя спросил сосед.

– Если можете.

Андрей Николаевич – мужик раза в полтора больше меня и вширь, и ввысь, так что у него вполне могло получиться.

Он подошёл к упёртой двери, покачал её, насколько это было возможно туда-сюда... А потом как саданёт её плечом! Дверь рывком распахнулась, с жутким грохотом стукнувшись о стену прихожей, а сосед, не рассчитав силу, влетел внутрь, еле удержавшись на ногах.

– Бля-я-я... – смачно протянул Андрей Николаевич, потирая ушибленную руку. Причем мат, сказанный с невероятной глубиной чувства сожаления, относился не к боли, как это могло показаться вначале.

Я переступил порог.

– Бля-я-я... – протянул я.

Более подходящего слова, чем хаос, для открывшегося передо мной вида подобрать было просто невозможно. Когда-то стоявший в прихожей шкафчик с вырастающим из него зеркалом валялись сейчас под ногами в виде осколков и щепок. Металлическая вешалка с одеждой стали прахом – мешаниной железа и тряпья. Двери между комнатами просто изуродованы, составляя часть бессмысленного хлама под ногами. В общем всё, буквально ВСЁ было обращено в НИЧТО!

Я стоял посреди вселенского хаоса моей квартиры, беспомощно озираясь и думая лишь о ясности в моей голове, которая была просто великолепна и именно этим сейчас мешала. Честно говоря, в данный момент я был бы совсем не против хорошего «тупняка».

– Может, ментов вызвать? – участливо предложил сосед.

– А? А-а-ай... Не надо, – отмахнулся я.

– Чего? – заинтересованно спросил Андрей Николаевич.

– Ай... – махнул я рукой.

– Понял... – что-то поняв, сказал Андрей Николаевич, и хлопав меня по плечу, сделал шаг к выходу. – Ну, бывай!

– Ага...

И понятливый сосед громко затопал вниз по лестнице.

Я выдохнул... Наконец-таки оставшись наедине с ясной головой и не пойми откуда появившимся в моей комнате окном...

Всё понятно и доступно каждому – отродясь в моей комнате не было окна. Собственно, именно по этой причине данная комнатка, не больше двенадцати квадратов, и была выбрана на роль ночной крепости. Теперь же она ни на что не годна – лишь придёт ночь и...

...И? И что? Так или иначе, ночь придёт, а мне-то что? Осталось только сделать выбор... Мать его, выбор... Какой ещё выбор? Жизнь или смерть... Но при чём тут выбор? Ведь я его сделал уже давно – лишь ступив на лестницу, ведущую на крышу, я заключил договор со смертью. Тогда зачем я попросил у тех двух типов время на размышление – время на выбор?

Боже, как тяжело соображать среди этого бардака, хотя... Всё

уравновешенно – бардак внутри, бардак снаружи.

Я знаю, КТО мне поможет разобраться! Как там погода?

Я подошел к окну. Окно как окно. Протянув руку, медленно, словно боясь обжечься, не веря в то, что вижу, я дотронулся до прохладного стекла, оставив на нём четыре пятнышка, которые, медленно растворяясь, приобрели очертания моих отпечатков. Провел рукой по шершавой поверхности рамы, покрытой белой краской. Всякие сомнения испарились – вместо когда-то цельной стены сейчас в моей комнате находится вполне реальное окно.

Створки легко поддались, и вместе с прохладой внутрь влетел запах сухих листьев, цоканье каблучков по асфальту и блёклый свет пасмурного утра. Я глубоко вдохнул, словно сделал первую за день затяжку.

Раньше никогда не задумывался, что можно увидеть с этой стороны дома: маленький дворик с парой качелей; обнесённая высоким сетчатым забором баскетбольная площадка, обычно оккупированная пацанами-футболистами; сразу за ней – территория пожарной части с большими красными машинами и высоким железным стволом – единственной в городе действующей смотровой вышкой, которой, конечно, никто уже не пользуется (вместо прямого назначения – высматривать пожары – её приспособили как хранилище антенн сотовых сетей). Вдали (если провести взгляд сквозь крыши маленьких частных домиков) виднеются всё те же гиганты-многоэтажки, чьи огни я видел сегодня на крыше.

Да-а... Окна здесь явно не хватало.

Я развернулся и оглядел когда-то мою комнату. Теперь она мне не принадлежала.

Уроды! Не знаю, правда, кто, но всё равно уроды... Есть конечно подозрение, кто мог *ночью* такое натворить. Дорвались таки. Ещё бы... Столько лет безуспешно пытались достать меня... И вот выпал великолепный шанс отомстить!

Едва переставляя ноги между завалов, я начал пробираться к выходу. Здесь мне больше делать нечего. Хочу к той, что всегда меня принимала, примет и сейчас...

Лишь стоило прикоснуться к берёзе, как мир немного преобразился. Словно через касание, сквозь кончики пальцев, она забрала все мои сомнения, неопределенность и сумрак, поселившиеся внутри, не дающие сердцу биться. Я привычно ловко взобрался на березу, распластавшись на её стволе, словно в тёплой ванне. Даже, казалось, моё тело от этого чуточку согрелось. Мне с ней наедине хорошо... Свободно... Спокойно... И безопасно. Будто она – моя мама, которой у меня никогда не было: заботливая, убагасающая и тёплая-претёплая.

Если я узнаю каково, это, когда у тебя есть любящие родители, от молчаливого дерева – пусть будет так. В конце концов, какая разница, какой оттенок у любви?! Даже если она граничит с сумасшествием...

Видимо, холод и моросающий дождь совсем перестали мне мешать – я уснул.

Бежать от чудовищ, катаклизмов или просто от какой-то неопределенной угрозы во сне вполне естественно. Ведь всё это разные образы одного и того же – страха смерти. Двигаться-бежать нас заставляет инстинкт самосохранения. Думаю, каждому снилось хоть раз, как он стремиться избежать, убежать от преследующей его смерти-опасности. Это понятно и естественно, как чистить по утрам зубы.

Но тот сон, наверное, воплощение всего мусора, скопившегося у меня в голове... Юрка, услышав об этом сне, наверняка бы сказал: «В твоём стиле. Всё с ног на голову...»

Бежать среди тысяч гаражей не куда-то, а от кого-то, честное слово, безумно страшно. Бежишь-бежишь от чего-то непонятного, большого и страшного, а вокруг – лишь одинаковые железные ворота, отличающиеся лишь намалеванными белой краской номерами.

...1981...1986...1993...

И ты не знаешь, где выход, где вход, а значит, не знаешь, как выбраться из лабиринта, а значит, как спастись...

...2074...2081...

Ты видишь просвет между очередной порцией гаражей и ско-

рее кидаешься туда, как к спасательному кругу в открытом океане, а там... всё тоже самое, разве что цифры другие...

...2503...2507...

И, кажется, что уже вот-вот тебя настигнет ОНО...

...2559...2564...

Где выход?

...2577...2582...

И тут до тебя доходит, что стремиться нужно к нулю. Где ноль, там начало, а значит, и выход! Ты поворачиваешь обратно, только стремишься идти другим путем, стараясь не столкнуться с преследователем...

...1417...1403...

И цифры начали мелькать быстрее, и страх превратился в стремление, потому что есть цель, а значит, есть и выход...

...905...877...801...

Скорей!!!

...613...524...436...352...200...

Последний поворот – и я у входа-выхода!

– НЕ-Е-ЕТ! – рвётся изнутри хрип.

– Ты не можешь от меня сбежать, – говорит, улыбаясь, прелестная девушка, сидя на шлагбауме, преграждающем дорогу. – Ты обречён остаться со мной. У тебя нет выбора... – смеется она, – так или иначе, ты не сможешь отсюда выбраться, не пройдя мимо меня.

Я растерянно смотрю на неё, не зная, что делать.

– Хотя ты можешь вечно плутать среди этого лабиринта. Это ведь тоже выбор – быть ни живым, ни мертвым. В принципе, тебе не привыкать. Ведь ты как-то смог продержаться здесь всё это время – целых двадцать пять лет!

Её прекрасное, всё в веснушках лицо, светится улыбкой. Глаза смотрят с теплом, будто мать на глупенького несмышленища. Я решаюсь.

– Кто ты?! – кричу испуганно я. – Что тебе от меня надо! Оставь меня в покое!!!

– Дурачок, – смеётся она во весь голос.

– Что я тебе сделал? Ну что ты ко мне привязалась?!

– Глупыш... – печально качает она головой.

– Что ты хочешь со мной сотворить?! – тяжело и быстро дыша, еле шепчу я, задыхаясь, чувствуя, что эти слова забирают у меня последние крупинцы энергии.

– Дурачок, скорее иди сюда! Ты не понимаешь, что делаешь! – слышу я её крик, сквозь утасаживающее сознание.

– Кто ты? – одними губами произношу я.

Жизнь... Жизнь... Жизнь... Эхом разносится в темноте... ТВОЯ ЖИЗНЬ...

Странно просыпаться от собственных мыслей. Когда глаза закрыты и ты вроде спишь, а вроде – нет. Я полежал немного так, пытаюсь вспомнить, какая мысль меня вырвала из сна, но так ничего в голову не пришло. Жаль... Ощущение, что я упустил что-то важное, никак не уходило. В любом случае, пришлось открывать глаза.

Когда всё же веки с усилием были разомкнуты, я понял, что или со временем, или со мной что-то не то – небо начинало темнеть. Причем не от того, что бельмо туч скрыло небо. Наступающая темнота была именно вечерняя. Значит сейчас должно быть часов восемь или даже полдевятого. Я достал из кармана мобильник – 20.47. Значит я проспал... Проспал... Очень долго – почти весь свой, уже второй по счету, *последний день*.

Эта мысль меня почему-то развеселила.

Я спрыгнул на землю, чуть не подвернув ногу. Покрутившись из стороны в сторону с расставленными руками, прохрустел позвоночником.

Ну что, пора собираться в разрушенный дом. Интересно, что будет сегодня ночью?

Не... Всё же странно это – ухмыляться над тем, что всю жизнь держало в страхе... Отчего так произошло? Наверное, у меня теперь нет смысла *бояться* – всё равно без пяти минут покойник.

Уже сделав несколько шагов к дому, я вспомнил О НЕЙ. Развернувшись, я помахал ей:

– Прощай, родная. И... Спасибо...

Берёза зашелестела листьями: «Нет... Смысла... *В Этом...* Ес-

ли... Сам... Не можешь... Сделать... Это...».

– Что? – ничего не понимая, спросил я у голоса, раздавшегося в моей голове.

«Это... Слова... Которые... Ты... Потерял...»

– Нет смысла в смерти, если сам не можешь её выбрать, – повторил я утерянную мысль, словно подобрал упавшую монетку. – Хм-м... – улыбнулся я мыслям, крутившимся в голове, – и вправду, смысла никакого нет...

Дверь квартиры я не запираю – в этом не было надобности. Единственное, что отсюда может унести чужой человек – это непроглядную тьму и горы мусора.

А темнота на самом деле была густая или даже плотная, как желе, и словно живая. Не знаю, такова ли темнота всегда, или есть другие виды и состояния темноты. Ведь я её, по сути, никогда толком и не видел, разве что полоской, пробивающейся в щель между дверью и полом. Не специалист я в вопросах темноты.

Даже как-то странно было всё это – стоять на пороге своей квартиры, под защитой подъездных ламп и смотреть, как из моего, всегда освещённого жилища, вытекает темнота. Но ещё более странным было то, что внутри меня не было страха перед неизведанной тьмой, а одно лишь оголённое любопытство. Любопытство такой силы, что я едва себя сдерживал, чтобы не нырнуть, как в омут, с головой, в манящий мрак.

Один... Два... Три... Вдох... Выдох... ПОШЁЛ!

Я перешагнул порог...

Нельзя сказать, что мне это далось легко. В смысле, не то, что я долго решался и сомневался, нет. Трудно было войти в темноту. Я не мог в неё проникнуть. Она не хотела и не могла принять новое для неё тело.

Лишь коснувшись её границы, я всей сущностью почувствовал, как тьма отторгает меня. Я навалился на неё всем телом и лишь тогда она нехотя, с натугой, упорно сопротивляясь, начала пропускать меня. Ощущение было такое, словно я пытался проникнуть внутрь большого мыльного пузыря с очень толстой гра-

ницей. Но, в конце концов, я смог пробраться внутрь.

Первым желанием было нажать выключатель и разогнать светом хозяйничающий здесь мрак, но я вовремя спохватился, отдернув руку, словно обжёгся, от белой кнопки.

Я глубоко вздохнул. Мне представилось, как чёрная, вязкая, тягучая масса проникает в мои лёгкие, через них впитывается в кровь и разносится по всему организму, заполняя собой моё тело. Ещё пару глубоких вдохов и выдохов – и тьма заполонила меня всего без остатка. Теперь она во мне. Теперь темнота – это я.

«Какой смысл в смерти, если я не могу ей управлять? Разве может смерть хоть кому-нибудь принести пользу? Ведь тогда теряется всякий смысл...»

Ощущение внутренней пустоты жгло ледяной водой. Будто я – комната, где всё стоит на своих местах: есть и диван, и стол с компьютером, и книжные полки забиты до отказа, и даже красивая картина на стене, но... Вот один угол пустует. ЧТО-ТО в нём должно стоять, обязательно должно. И, может, это ЧТО-ТО – совсем ненужное и незначительное, не этого ЧЕГО-ТО просто не хватает. Кажется, лишь стоит понять, что же ЭТО такое, и комната приобретет смысл и завершённость. Поставишь, например, в этот пустой угол вазу... Может быть, крышку гроба... Может быть, огромный динамик... Или что там вообще *должно* стоять?.. И всё становится целостным.

Но главный вопрос остаётся – что я должен понять? Кап-кап-кап... Слышится стук капель по подоконнику несуществующего окна. Что же я должен понять? Чем должен заполнить пустой угол внутри меня?

Я пробрался сквозь тьму к несуществующему окну.

Это прекрасно... Огни ночного города... Дождь... Моё бесстрашие – всё это сплетается воедино, превращаясь из разрозненных кусочков в картину великого мастера.

Стоя в темноте, глядя в дырявый от огней мрак, я вдруг нашёл смысл в своем самоубийстве, я вдруг понял, почему я *решился* на это. Ведь всю свою жизнь длиной в четверть века я был лишён всего этого – этих окон, этих фонарей, этих улиц, облечённых,

разодетых в ночь. Боже милостивый! Как можно было так долго жить без этого? Как?!

Все эти долгие, бесконечно длинные года я был пуст наполовину. Внутри было много света, цветов и ярких красок, но не было темноты, мрака, чёрной ночи. А ведь это всё равно, что жить, используя только очищенную воду – вроде и вода, вроде и чистая, без солей, «загрязняющих» идеальную жидкость, но человек начнет разрушаться, гнить изнутри, лишенный «плохого».

Теперь понятно, что за ощущение я испытывал, когда ночь заполняла отведенное ей место, законное место внутри меня. Ощущение, что я – это я. Ни добрый, ни злой. Ни черный, ни белый, и даже не серый, а я сам такой, как есть...

Я смотрел сквозь искажённое дождинками стекло на два разных мира, как внутри себя.

Почему-то вспомнилась музыка из фильма «Тони Такитани». Помню, именно под неё я чаще всего ждал прихода зверя. Знаю, почему... Эта музыка написана ночью и для ночи. Когда играет мелодия, можно представить, как к Рюичи Скакамото пришла муза через чёрный ход, вся в чёрных одеждах и подкинула в его «Solitude» темноты...

Я смотрел на неизвестные мне доселе миры под музыку, звучащую внутри. Два мира, две противоположности слились за окном. В одном яркий прожектор освещает жёлтым светом маленькую улочку, ведущую к пожарной части. Свет вырывает из темноты лишь малую часть асфальта да кусок трёхэтажного здания из грязно-белого кирпича. В этом мире всё тихо... В этом мире время еле бредёт сквозь осенний дождь... В этом мире одиночество-ночь...

Второй мир смотрит на меня тысячами горящих глаз. Там, вдали, где укрываются маленькие люди в своих крохотных, но надёжных квартирках, время бежит быстро, всё вернее приближая их ко сну. Скоро, очень скоро, мириады глаз погаснут, оставив лишь силуэты пустых коробок, и сегодняшний день уйдёт навсегда, чего я очень не хочу.

Пусть время остановится или хотя бы скорость его движения

приблизится к нулю настолько, чтобы эта новая для меня ночь превратилась в целую жизнь. Именно поэтому я снова перевёл взгляд на первый мир, на тот переулочек, казавшийся сейчас фантазией, детской мечтой Одиночества. Я смотрел на оазис, созданный в темноте жёлтым светом прожектора, словно фильм, нереальный, никогда не существовавший и, может быть, именно этим и прекрасный.

Иногда там, в дождливой темноте улицы, появлялись два красных глаза, медленно ползущих к свету. Выныривая из темноты, машина проезжала до конца дома и медленно-нехотя поворачивала за угол. Сквозь ливень контуры автомобилей казались размытыми, словно нерадивый художник опрокинул чашку остывшего кофе на только что завершённый рисунок. Мокрый асфальт, разъеденный, как язвами, потоками луж, оставлял на себе следы сбежавшего из-под света авто.

Я просто стоял, смотрел в окно, прислушиваясь к чувствам, что дарила звучащая внутри музыка.

Из темноты появился очередной взгляд пары красных глаз... А ливень бьёт по земле... Попад под лучи прожектора, машина проехала ещё несколько метров и медленно, в такт живущему здесь времени, остановилась... А ливень всё бьет по земле... Из открывшейся дверцы появился силуэт женщины... А дождь льёт и льёт... Закрылась дверца, и авто всё также медленно тронулось с места, оставляя следы на воде, не смотря на то, что... Капли с силой разбиваются о землю и... Силуэт, брошенный и пустой, смотрит вслед сбежавшей машине. Казалось, лишь когда авто скрылось за углом, оставшаяся женщина поняла, что осталась одна... Лишь когда дождь промочил её насквозь, словно выброшенную тряпичную куклу, ОНА ПОНЯЛА, что осталась СОВСЕМ ОДНА... ЧТО осталось?.. И тогда дождь хлынул в полную, на какую был только способен, силу – хохоча, издеваясь, ненавидя её силуэт...

А силуэт лишь посмотрел на серый небесный купол, павший так низко, что ему приходилось опираться на крыши домов, чтобы не оказаться на земле. Она подняла взгляд на небо... Небо, терзающее её ливнем. И затем... Она начала кружиться, будто

празднуя только что навалившееся одиночество.

Она смотрела в рыдающее небо, кружась, топча поганый дождь и тоже рыдала... Громко, как могла... Во весь голос... Оплакивая отнятую человеком в машине душу... Вымаливая её вернуть обратно...

Я не мог этого слышать, но я всем телом чувствовал тот силуэт – её боль, её крик, её одиночество... Я чувствовал и понимал, что там, в мире дождя, вязкого времени и жёлтого света, там – весь Я... Тот силуэт – мой. Именно я кричу, рыдая, промокший до нитки, о том, что предал себя, выкинув у ближайшего фонаря...

Я смотрел на неё в темноту, не чувствуя собственных слёз... Смотрел бесконечно долго, как и хотел, пока силуэт не растворился в ливне... Пока дождь не смыл, унеся с собой, этот крик, эту пустоту и предательство... Это одиночество...

Оба мира угасли в одно мгновение – пришла абсолютная тьма.

Услышать хруст, раздающийся из-под тяжёлых лап... Почувствовать дыхание зверя... Понять, что здесь не один...

Я замер, как всегда, в оцепенении, скованный... Нет, не страхом, а силой, что дала мне темнота.

Хррр... хррр... хррр... слышатся приближающиеся шаги... Хррр... совсем рядом... Возле моей руки шелест тёплого воздуха – это дыхание зверя... Я решаюсь и приподнимаю ладонь, чувствуя, как зверь замирает в ожидании. Я кладу руку на немного колючую, но тёплую шерсть. Он вздрагивает, но не решается ничего делать. Чувствуя, как он не понимает, что же происходит... Я глажу его! Зверь тяжело дышит...

Слышатся шаги всё с тем же хрустом оттуда, где должен быть дверной проём – это хозяин зверя. Он останавливается и явно смотрит на нас, пронизывая взглядом темноту. Зверь поворачивает голову в сторону хозяина, как бы спрашивая: «Как быть?».

Хозяин растерян, он не знает... Но, чувствуя во мне темноту, он не видит внутри нового меня страха... И этого для него достаточно.

Секунда промедления и...

– Бобик, ко мне! – властно командует невидимый мне хозяин.

– Пошли!

Зверь с явной неохотой покидает меня, унося с собой абсолютную тьму...

Я включил свет во всех комнатах. Прошёлся туда-сюда – из комнаты на балкон, с балкона на кухню, с кухни – опять в свою комнату. Весь мой путь неотрывно сопровождался хрустом под ногами – это был звук разбитой вдребезги жизни... Жизни, полной страхов и отчаяния... Жизни, от которой остались лишь осколки.

Больше мне здесь делать нечего – сейчас смысл лежит где-то выше, там, где можно коснуться рукой облаков. Где-то там...

На крыше было холодно. Несмотря на то, что дождь почти прекратился, было сыро и ветер пробирался к самому сердцу, будто и не было на мне никакой одежды. Большие чёрные тучи – потолок мира – касались моих волос. Можно было протянуть руку и набрать пригоршню тяжелого, чёрного дождя. Казалось, кто-то заботливо накрыл этот город большой крышкой, уберегая его от бед и несчастий.

Сколько мне осталось до звонка?

Я достал из кармана телефон. По маленькому экранчику скакали, появляясь то тут, то там, четыре цифры – ноль, ноль, пять, девять. Осталось всего два часа, и я смогу, так или иначе, обрести свободу. Только вопрос, какую форму она примет...

Ещё не успев убрать мобильник обратно в карман, я почувствовал, как его сотрясают конвульсии, и лишь спустя секунды, раздался звонок. «Дрррр-дррррр...» – надрывался он.

«Номер не определён». Ничего страшного, я и так знаю кто это.

– Да? – подал я голос.

– Здравствуйте, молодой человек. Это... М-м-м... Доктор Тумбочка Вас беспокоит, – глухо, будто из тумбочки, прозвучал знакомый голос. – Я звоню услышать ваше решение. Вы готовы?

– Вы не рановато, доктор? Кажется, у меня есть еще два часа.

– Э-э-э... Нет!

– Это почему же? У нас ведь был уговор, – сказал я с укором.

– Уговор – не уговор, сейчас не имеет значения, – отмахнулся он от меня.

– Как это? – искренне удивился я. А казались такими серьезными дядьками!

– Оч-чень даже та-ак... – произнес голос, растягивая гласные, неумело пародируя еврейский говор. – У нас на это есть основания. Во-первых, если вы и выбрали свою судьбу, то сделали это давно, а сейчас тупо тянете время. Которого, кстати говоря, у нас с Вами нет...

– А что не так со временем?! – грубо перебил я врача.

– Это уже вторая причина – в данный момент требуется незамедлительная пересадка сердца очередному хорошему человеку. И Ваше, по всем параметрам, подходит ему как нельзя лучше. Так что, считайте, вам повезло! Ваше сердце, наконец-таки, будет качать чистую и достойную кровь...

– Эй! Потихе там! – разозлился я. – Может, я вообще захотел жить...

– Как захотел, так и расхотел! Тебе не привыкать... Ты что, засранец, не хочешь спасти достойного человека?! – слышался из трубки далекий, словно прошедший через водосточную трубу, крик.

– Вы там что, совсем охренели!!! – заорал я в телефон. – Хватит меня толкать к смерти!

В трубке воцарилась тишина. И лишь спустя минуту опять слышался размеренный, почти убаюкивающий голос психиатра:

– Так ты что, передумал умирать?

– Представьте себе! – раздраженно огрызнулся я.

– Хм-м... Жаль, мы на Вас очень рассчитывали, – укоризненно сказал голос.

– НИ ХРЕНА МНЕ НЕ ЖАЛЬ!!! Я жить хочу... А вы... Суки... – хлюпая носом и вытирая слезы рукавом, прохрипел я обиженно.

– А можно узнать почему? Что вас заставило пересмотреть свою позицию? Конечно, можете не отвечать. Я узнаю это так, из чисто профессионального любопытства.

Я постоял в нерешительности несколько секунд, не зная, гово-

рить или нет, совсем забыв о холоде.

– Можно узнать? – поторопил меня доктор.

– Можно...

– И-и?

– Я выбрал жизнь... Потому... Потому что нет смысла умирать, если об этом никто не узнает – это раз... – еле выговорил я. – А два... Вы, наверное, этого не поймете, но я всё равно скажу... Мне хочется хоть кому-нибудь об этом рассказать... Второе... Потому что я нашёл себя. За этот день произошло многое... И это мне помогло найти себя... Настоящего.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил меня доктор. – Спокойной ночи вам, молодой человек.

– И Вам... Спокойной...

– Ах да, совсем забыл. Если вы еще раз попытаетесь повторить попытку – это будет расценено, как желание отдать своё тело во благо людям. Вы даже не будете возвращены в сознание. Хотя, я уверен, что такого больше не будет. В принципе всё... Прощайте!

«Потому что я, наконец-таки, нашел себя настоящего» – растворились слова в ночном воздухе.

Я прошел на своё любимое место и сел на мокрую крышу, опершись спиной о кирпичную трубу. Подобрал ноги, обхватил их руками и положил подбородок на колени – так стало немного теплее и легче.

Что я здесь, в смысле на этом свете, вообще делаю? Зачем я здесь? Чего хочу? У меня очень много вопросов, на которые впервые предстоит ответить. Но теперь у меня на это есть целая жизнь. И даже неважно, будет она большая или маленькая... Главное, что она ЦЕЛАЯ... И вся моя, без остатка.

Буду ли я жить добром или злом, буду ли победами или проигрышами – всё не важно. ГЛАВНОЕ – ЖИТЬ!

Может быть, иногда жизнь и бывает хуже смерти, но я этого понять не смогу... Теперь не смогу. Да и не буду даже пытаться, буду просто жить.

Я направил взгляд в небо, которого не было видно. Где-то там, за облачным монолитом, есть полная звезд скатерть. Где-то там

сверкают пять звездочек, в единстве составляющих латинскую букву «W». И одна из них, самая яркая и самая желанная, сверкает ровно посередине них – моя звезда. Пока она горит, горит и уголёк моей жизни, заполняя мой путь обыденностью: сомнениями, желаниями, одиночеством, скандалами и теплом, любовью, грустью и чистой картошкой...

ВСЁ ЭТО Я...

Я встал, отряхнул ладони и убедился, что штаны на заднице всё-таки промокли. Ай, какая разница!

Я спустился вниз, в квартиру, откопал в грудe хлама свой кошелек. Пойду, схожу в ночник – отчего-то безумно захотелось пива с крабовыми палочками...

Звуки шагов гулко разносились по длинному тёмному коридору. Пустые, холодные, серые стены выдавали казённое учреждение – может, подвал школы, может – университета, а, может, и больницы. Два совершенно разных человека в совершенно одинаковых костюмах не спеша шагали по широкому коридору.

– Я думаю, Вас можно поздравить, Станислав Игнатьевич, – прервал тишину один из них. Тот, что походил на водосточную трубу.

– И я так тоже думаю, – довольно, но немного устало подтвердил профессор Степаненко, – как-никак тысяча исследуемых и из них – тысяча определенно одинаковых результатов. Все сомнения моих оппонентов разбиты в пух и прах.

– Да-а... – задумчиво протянул тощий и вытянутый до невозможности человек. – Честно говоря, даже я, единственный ваш соратник, не мог представить ТАКОЙ успех. Ни один... НИ-ОДИН из тысячи не согласился отдать своё тело в пользу другим.

– И что это должно означать, Лев Адамович? – игриво подмигнул профессор Степаненко своему коллеге.

– ...Что ваша теория верна на все сто! – хихикнул Лев Адамович.

– Вот-вот... Ни один чёртов сукин сын не лишает себя жизни, чтобы лишиться себя жизни. Видите ли, они, паразиты, делают это на публику. Это же уму непостижимо!

– И не говорите, Станислав Игнатьевич, – поддакнул другу вытянутый. – Нам этого точно не понять. Если бы каждый, кто сталкивается с жизненными проблемами, лез в петлю, человечество давно бы исчезло. Ай... – махнул он рукой, – и черт с ними. Главное, что нобелевка у нас в кармане.

– У нас? – удивился Станислав Игнатьевич.

– А как же...

– Нет, мой друг, Вы не путайте. У нас две нобелевки по карманам, у каждого. У Вас – за открытие ЭТС, и ещё одна – у меня, за моих суицидников. Правда, работы предстоит «огого»! Остаётся ещё много непонятного.

Оба человека подошли к конечной цели – они стояли у двери. Невысокий квадратный профессор порыскал по карманам и вытащил на блёклый свет коридорных ламп связку ключей. Затем немного повозился с замком, прежде чем дверь была открыта. Всё это время вытянутый человек молча стоял рядом, прислонившись к холодной стене, и с интересом наблюдал за суетливыми движениями друга.

Зайдя в крохотную каморку (где размещались только шкаф до самого потолка, стол, настолько заваленный папками, что из-под них выглядывала лишь верхушка монитора, да пара стульев), мужчины бессильно плюхнулись на стулья.

– Угощайтесь, – Станислав Игнатьевич протянул Льву Адамовичу полупустую пачку «Кемела».

Учёные закурили.

– Так на чём мы...

– На том, что много непонятного, – напомнил Лев Адамович.

– Ах да... Так вот, то, что они все отказались от мысли о суициде, после обязанности отдать своё тело другим, легко можно понять. Тем более, что эгоизм самоубийств нам-то и надо было доказать. Но вот почему у каждого исследуемого после эксперимента значительно повысился уровень жизни, то есть, проще говоря, почему они вдруг начинали чувствовать себя счастливыми – остаётся главной загадкой.

– Может быть, тонотосальный шок каким-то образом влияет на состояние мозга? – предположил Лев Адамович.

– В смысле?

– Ну, например, затрагивает гипофиз, и симулирует выработку эндорфинов?

– Всё может быть, мой друг... – задумчиво произнес профессор Степаненко, – однако у меня есть другое предположение.

– ???

– А что, если у самоубийц были серьёзные проблемы, о которых мы не знали...

– Каким образом, Станислав Игнатьевич? – перебил рассуждения коллеги Лев Адамович. – Мы досконально «прошлись» по жизни исследуемых – «от» и «до». И Вы сами прекрасно знаете, что нет у них и быть не может каких-то серьёзных причин лишать себя жизни. Ну, там, одноклассники не признают или баба бросила – это понятно. Но ведь такой ерунды у каждого навалом. Однако большинство с этим справляются.

– Нет-нет... Я и говорю, что именно они – «не большинство»! Я имею ввиду... А что, если у них есть что-то невидимое нам, не касаемое реальной жизни и даже не из области отношений с другими, а что-то в их внутреннем мире...

– Да что, в конце концов, Вы имеете ввиду?! И что, по Вашему, может заставить человека пойти на этот глупый, бессмысленный и безответственный поступок? Одиночество? Скука? Отсутствие мозгов?

– Это само собой. Но представьте себе, Лев Адамович, что есть у меня мечта...

– Мечта?

– Да, самая обычная мечта. Например, создать автомобиль. Но по каким-то причинам я не могу этого сделать. Допустим, нет у меня глаз и рук. Каким образом я смогу осуществить свою главную жизненную задачу? Какой смысл мне жить?

– Но ведь у всех них есть и глаза, и руки, и даже жопа есть!

– Во-первых, не горячитесь так... Вот так, хорошо... Выдохните... Лев Адамович, не понимайте всё буквально. Руки и ноги – это метафора! Может быть, у них внутри что-то не так, им что-то не даёт идти к мечте! А после того как у самоубийц не остается времени, они плюют на все свои стопоры и страхи, и начинают

таким двигаться вперёд. Ведь каждый... Подумайте... КАЖДЫЙ из тысячи человек брал себе 24 часа на «подумать». Возможно, за эти часы они переступали через себя, решались на отчаянный шаг!

– Вы, Станислав Игнатьевич, фантазёр и романтик! – насмешливо покрутил у виска Лев Адамович.

– Ещё два года назад ЭТСка тоже была фантазией!

– Не знаю... Не знаю... Есть идея – исследуйте! На то вы и учёный. И, может быть, именно Вы найдёте пиллюлю абсолютного счастья – сокращенно ПАС. Видите, я уже и название придумал.

– Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним! Ладно, хватит мечтать. Надо готовить отчёт о сегодняшнем случае. Увидимся позже, – помахал рукой Станислав Игнатьевич вслед ныряющему за дверь Льву Адамовичу.

– Да-да... Увидимся... – слышался из коридора голос, словно прошедший водосточную трубу.

Гори, уголёк... Гори!

Ведь наконец-таки пришла ночь...

Не прощаюсь... Клубничка!

Невысокая девушка, опершись обеими руками о край стола, внимательно, строчка за строчкой, пробежала глазами по испи-санным мелким шрифтом листам. Саша стоял в стороне, ожидая, пока она закончит. Лица девушки совсем не было видно – длин-ные тёмно-каштановые волосы закрывали его. Она уже минут десять «знакомилась» (как сама выразилась) с Сашиной анкетой.

– Гм-м... – периодически она издавала невразумительные зву-ки, означающие то ли удивление, то ли удовлетворённость про-читанным текстом, то ли вообще не пойми что. – Хм-м...

Саша с явным удовольствием и интересом наблюдал за тем, КАК она читает. Её голова, в данный момент больше всего напо-минавшая метёлку, сплошь состоящую из спутанных прутьев, синхронно с читаемым текстом медленно ползла слева направо, затем в какой-то момент одним быстрым рывком голова возвра-щалась в исходное положение и опять неумоимо ползла к пра-вому плечу, будто она и вовсе не соединялась при помощи позво-ночника с телом, а имела свои маленькие ножки.

«Прям, как пишущая машинка, – думал Саша. – Печатаешь-печатаешь, подставка с листом ползет вправо, затем – «дзынь!», рукой отодвигаешь подставку на место, и снова печатаешь...».

– Хм-м... – донеслось в очередной раз из-под тёмно-каштановых волос. – Угу... А почему не по специальности работу ищешь? – спросила она, даже не посмотрев в Сашину сторону.

Он пожал плечами:

– Много причин...

– И всё-таки? – не унималась девушка. – Как-никак высшее образование... Что, зря пять лет учился?

– Может и зря... Я ж по профессии уже четыре года успел по-трудиться – два отработки, два по контракту. В анкете об этом написано...

– Вижу, – сказала она и начала активно перелистывать стра-ницы. – Так, а чего ушёл?

– Так себе профессия... Так себе работенка... Так себе зарпла-

та...

Удовлетворённо хмыкнув, она вернулась к дальнейшему изучению Сашиной анкеты. На её заполнение Саша потратил битых сорок минут, если не больше – слишком подробно, на его взгляд, нужно было рассказать о своей жизни и жизни родных. Листов пятнадцать сплошных вопросов, конкретных до умопомрачения.

– Женат четыре года... Детей нет... – пробубнила она себе под нос. – Хм-м... К нам редко когда семейные устраиваются...

Дурацкая манера девушки говорить то ли рассуждая вслух, то ли обращаясь к другому, немного раздражала Сашу.

– Это почему же? – искренне поинтересовался он.

– Не знаю... Может, график не устраивает, может, сама работа обязывает быть помоложе? В общем, сама не знаю.

Саша кивнул.

Ещё минут пять он простоял в тишине, ожидая, пока Наталья Васильевна, менеджер клуба игровых автоматов, не закончит «знакомиться» с его анкетой. Наконец она оторвалась от бумажек и обратилась к Саше.

– В принципе, всё нормально. Служба безопасности где-то с неделю будет проверять всё, что вы здесь написали. Как раз за эту неделю ты... – тут она прервалась что-то обдумывая, – ничего страшного, что я сразу «на ты»?

– Да, конечно. Так даже удобнее.

– Хм-м... Итак, как раз в течение этой недели ты два раза выйдешь на стажировку – один раз в день, один раз в ночь. Если всё будет ОКей – без «косяков» – ты здесь работаешь. Пойдёт?

– Пойдёт... – согласился Саша.

– Вот и отлично, – сказала девушка. – Теперь давай согласуем дату стажировки, и тогда на сегодня всё...

– В принципе, работа совсем несложная, – объяснял охранник, с которым Саше предстояло провести вместе первый день стажировки. «Виталий, старший дежурный по ЗИА» – было написано на бэйджике у молодого парня лет двадцати трёх, что с явным удовольствием *просвещал* неопытного «новобранца» в плане его будущих должностных обязанностей и тонкостей рабо-

ты.

– Это хорошо, – улыбнулся Саша.

– Хорошо, – согласился Виталик. – Есть, конечно, и свой геморрой... А где его нет?!

– Действительно.

Оба парня были одеты в строгие чёрные костюмы с чёрными галстуками и белыми рубашками – в их рабочую униформу.

– Обязанностей совсем немного, – продолжил обучение опытный охранник. – Во-первых, и, наверное, самое главное, контролировать вход – чтобы пьяные не входили и малолетки.

– «Залитых» и до восемнадцати не впускать. Понятно... – перечислил Саша.

– Также нельзя допускать людей со спиртными напитками. Что ещё?.. – задумался Виталик. – Как стемнеет и как начинает светать, нужно спускаться в подвал и включать-выключать фонари возле клуба и рекламную вывеску.

– Понятно...

– Когда администратор вынимает из аппаратов деньги, ты должен находиться возле неё... Так сказать, охранять.

Саша в очередной раз кивнул.

– Ну, и задвигать за гостями стулья. Ты это делать не обязан, но чисто по-человечески надо девочкам помогать.

Саша посмотрел на молодую девушку в чёрных брюках, темно-синей жилетке с логотипом клуба, белой рубашке и красном галстуке, что примостилась у барной стойки. В руках она держала подставку для листов А4 с прикрепленными к ней какими-то бумажками.

– Это всё? – спросил Саша.

– В принципе, да. Если что ещё вспомню – скажу.

– ОК. Только вопрос...

Виталик ожидающе посмотрел на Сашу.

– Не совсем понятно, как поступать с нарушителями спокойствия? Силой, что ли, из зала выводить?

– Упаси, Господи! – замахал руками Виталик. Затем залез во внутренний карман пиджака, откуда вытащил на свет маленькую коробочку-брелок, с прикрепленным к нему чип-ключом. – Это

«кнопка» – наше главное оружие.

Виталик смотрел на маленький брелочек почтительно, бережно держа его в руке, словно сокровище.

– Ты обращаешься к «ненужному» человеку очень почтительно. Просишь его «покинуть зал». Если он нормально не понимает, нажимаешь «кнопку» и через пару минут в зал заваливают двое мужиков в милицейской форме и с автоматами и забирают его, словно волшебные феи, в сказочную страну. Но кнопку всё же старайся нажимать в крайних случаях. В основном, пытайся разобраться сам... Так сказать, урегулировать конфликт.

Он спрятал брелок обратно в карман.

– Так всё?

– Да, – пожал плечами охранник.

Саша только собрался пройти к бару, чтобы сделать себе кофе, которое заведение для привлечения посетителей предоставляет бесплатно, как его окликнул Виталик.

– И ещё... Наверное, самый главный минус этой работы – если в зале находится хотя бы один *гость*, а хоть один *говнюк* обязательно да будет, нам сидеть нельзя. Вот и получается, что на ногах по 12 часов. Жутко устаёшь...

И в самом деле, к концу смены Саша ощутил ту самую «жуткую усталость» и понял, что это ещё слабо сказано. Было такое ощущение, что ноги можно открутить, а затем просто взять и поставить рядом – настолько они ощущались чужими, окаменевшими, а, точнее, не ощущались вовсе. Наступать на пятки было невозможно, сразу возникала ужасная боль. А спина... Саше казалось, будто позвоночник вообще неизвестно куда исчез и его тело в любую минуту готово вязким желе расползтись по полу.

Видя Сашины мучения, Виталик, а вместе с ним и девчонки, с которыми Саша уже успел познакомиться, всячески пытались его поддержать. «Ничего, это только несколько первых смен. Потом легче будет!», «Привыкнешь. Человек такое существо, что ко всему привыкает...», «Потерпи, всего несколько часиков осталось» – говорили они. Саша, конечно, был благодарен за поддержку и понимание коллег, однако же ощущение какой-то не-

полноценности всё не уходило.

Когда, наконец, пришёл охранник, что сменял Виталика, буквально на двадцать минут раньше назначенного срока, Саша, мужественно собрав последние силы, познакомился с ним. И тогда уже с чистой совестью плюхнулся на первый попавшийся стул в ожидании, пока новый знакомый переоденется в костюм.

– Знаешь, что?.. – Виталик дружеским жестом опустил руку на Сашино плечо, – когда придёшь домой, распарь ноги в горячей воде и пускай жена их немного помнёт. Лёгкий массажик – и, сам увидишь, жить станет проще...

Саша тащился домой, еле переставляя ноги. И даже думать сил не хватало. Хотя, с другой стороны, о многом ему поразмыслить хотелось: новое место, новые люди, новая роль – одним словом, впечатления. Что-то понравилось, что-то – не очень. Всё это предстояло хорошенько обмозговать и потихоньку составить какое-то определенное представление о новом жизненном этапе.

«Но не сейчас, – думал Саша. – Сейчас главное – добраться до дома. А там пускай моим измученным телом занимается Настя...»

Вторая смена стажировки была назначена на завтрашнюю ночь – приходишь к девяти вечера, уходишь в девять утра. Ожидания были самыми катастрофическими, но, несмотря на это, Саше идти на работу хотелось. Может быть, именно поэтому он появился в зале аж за сорок минут до положенного времени.

Виталик и Саша явно были рады видеть друг друга. Саша уже успел понять, чтобы время летело быстрее, должно быть интересно, для чего рядом нужен интересный человек. А они с Виталиком (как ему показалось) сходились характерами. Не в смысле походили один на другого, скорее, даже наоборот... А просто могли вполне неплохо сосуществовать.

Так что второй день (а, точнее, ночь) стажировки прошла вполне ладно и быстро. Вся смена, а именно пять человек, включая самого Сашу, много общались, шутили или просто дурачились, когда было можно. Иногда Виталик или администратор

Ира могли прервать какой-либо (сотый по счету) рассказ, чтобы показать на очередного посетителя, тупо уставившегося, как и все прочие, в монитор аппарата. Это означало, что «что-то не так». Тогда Саша оглядывал с головы до пят этого человека, стараясь найти причину, почему сотрудники на него обратили внимание. Собственно, вариантов было не так уж много: ноги поставлены на тумбу аппарата; пьёт пиво; сильно колошматит по кнопкам – вот, пожалуй, и всё. Пьяные и несовершеннолетние отсеивались ещё при входе в зал.

Когда Саша вычислял причину, он подходил и вежливым, но не терпящим пререканий голосом произносил: «Снимите, пожалуйста, ноги с подставки!» или «Распитие спиртных напитков в зале запрещено!» Никто обычно не пререкался и не спорил, а просто делал то, о чём просили. Так что вторая смена стажировки также обошлась без ЧП.

Если бы ни дикая головная боль под самое утро и такой же силы усталость, ночь, можно сказать, была в удовольствие.

Две смены стажировки прошли, и теперь предстояла всамделишная работа. Зная, что за тебя отвечает кто-то другой, работаете легче, а иногда и «спустя рукава», хотя Саша и старался себя одергивать. Но, хочешь не хочешь, а обе прошедшие смены Виталик был рядом, что значительно прибавляло уверенности.

К тому же Саша уже успел привыкнуть к смене Виталика. Хотя с девчонками он близкими друзьями и не стал, но общий язык нашёл. Несмотря на сложные характеры некоторых из них, обходился без конфликтов. В общем, был в меру внимателен, помогал, как мог, и общался, если к нему проявляли интерес или обращались, не забывая при этом сохранять определенную дистанцию. Сашу эту вполне устраивало.

А вот как сложатся отношения с новыми людьми, что будут составлять его постоянное рабочее окружение, он знать не мог. Но всё же вопросами типа: «Какие взаимоотношения у меня будут с новой сменой?» или «Примут ли они меня?», Саша особо не задавался, так как точно знал, что одной из его добродетелей была отличная уживчивость. С самыми разными людьми он легко

находил общий язык и мог вполне сносно чувствовать себя как среди «сильных мира сего», так и с усредненным большинством.

Резко, будто собирался опрокинуть внутрь себя рюмаху водки, Саша выдохнул и лишь затем открыл дверь.

Как всегда, в зале царил вечер. Тёмно-синие и фиолетовые обои, зеркальный потолок, асфальтового цвета шершавая плитка под ногами – и ни единой горячей лампы. Свет исходил лишь от стоящих в ряд по стойке «смирно» игровых автоматов. Интерьер в тёмных тонах и свет экранов создавали атмосферу позднего вечера. Саше это нравилось. Вероятно, нравилось и людям, что приходят сюда укрыться от шумного, требующего действий и ответственности мира. Ему казалось, что здесь, в этом месте, где можно создавать погоду с помощью пульта от кондиционера, время становится подвластным желаниям любого, и от того немного понятнее...

Возле самой двери, слева от входа, стояли несколько девушек. Хотя все они и были одеты в самую обычную «гражданскую» одежду, Саша сразу понял, что это именно те люди, с которыми ему предстоит провести ближайшие 12 часов и ещё много-много двенадцатичасовок в будущем.

Все они, на вид *совершенно разные*, также *совершенно одинаково* рассматривали его, «по-хозяйски» окидывая взором с головы до пят.

– Новый охранник? – деловито осведомилась девушка, ослепляющая чёрными как смоль, длинными и густыми волосами. Её глаза были подведены тёмно-синим карандашом, из-за чего взгляд, в данный момент усердно оценивающий Сашу, казался полным высокомерия. Была ли стоящая перед ним девица действительно стервой или лишь создавала такое впечатление, в любом случае выяснится в ближайшее время. Если бы не её лицо (миленькое и чем-то напоминающее о недавнем детстве, будто сама девушка иногда забывала, что надо быть взрослой и серьёзной), у Саши бы не возникло ни капли сомнения по поводу истинности первого впечатления. На вид девушка была Сашиной ровесницей – то есть от двадцати четырёх до двадцати шести.

– Так точно! – шутливо, по-военному отрапортовал Саша, затем, не упуская момент, сразу представился. – Александр.

Девушки, улыбнувшись, переглянулись – напряжение явно спало.

– Что же так официально... А, Александр? – улыbnулась тёмненькая. – Нам как-никак вместе работать.

– Саша, так Саша... – пожал он плечами. – Так даже лучше.

– То-то же! – похвалила она. – Тогда... Таня – твой администратор.

Саша перевёл взгляд на других девушек.

Вторая была невысоко роста, а по сравнению с Сашиными двумя метрами – так вообще казалась малюткой. Гладкие тёмно-каштановые волосы были стрижены под каре. С определением возраста явно обстояло сложнее. Одно из двух: или больше двадцати семи, или меньше семнадцати. Бывают такие люди, лицо и тело которых могут находиться в двух возрастах параллельно. Вот и гадай...

Девушка стала демонстративно равнодушной к Сашиной персоне, только лишь он перевёл на неё взгляд. Она *усердно* наблюдала, как какой-то мужик пытался выклянчить у бесчувственного автомата ещё одну бонусную игру, лишь бы самой не «присутствовать» при официальном знакомстве. Сашу это почему-то развеселило – уже в первые минуты знакомства ему пытаются навязать свою характерность.

– Саша... – представился он *специально* для «невысокой девушки с характером», в надежде, что и она поступит также.

– Наташа... – буркнула та, еще сильнее поджав тонкие губы. Левой ногой она отстукивала какой-то бит, будто нервничала или чего-то заждалась.

Решив, что дружелюбием тут и не пахнет (отчего и не соби-рался расстраиваться, так как давно постиг, что люди бывают разные), он перевёл взгляд на стройную девчонку с длинными русыми волосами. Если бы Саше пришлось её как-нибудь охарактеризовать какому-нибудь незнакомцу, он бы наверняка назвал её Самой Среднестатистической Славянкой, или сокращенно – «Три С». Но это совсем не означало, что девушка была без-

ликой или серой. Вовсе нет. Просто именно так, скорее всего, жители дальнего зарубежья представляют СЛАВЯНСКУЮ КРАСОТУ. Осталось только заплести волосы в косу и водрузить на голову кокошник...

– Лена... – улыбнулась славянка.

– Очень приятно, – искренне признался Саша.

Наступило неуютное молчание – вроде бы познакомились, а что делать дальше, о чём ещё говорить, Саша всё никак не мог сообразить. На помощь пришла Таня.

– Иди вешай куртку в шкаф в раздевалке, – говорила она, одновременно пытаясь затушить остаток сигареты в большой пепельнице-урне, – а то сейчас мы пойдем переодеваться... Тогда ты точно нескоро на зал попадёшь.

Саша кивнул своему новому администратору, начальству во плоти, и быстрым шагом направился в подсобку.

Если смешать подсоленное яйцо с небольшим количеством молока, а затем намочить пшеничный хлеб в этой смеси, затем, хорошенько прожарить на сковородке, смазанной подсолнечным маслом, получатся гренки. А если под самый конец (то есть когда гренки вот-вот будут готовы), положить на них парочку консервированных шпротов и присыпать тёртым сыром – получатся гренки со шпротами и сыром. Идеальный завтрак! Особенно хорошо данное блюдо запивать горячим «Эрл Греем» с бергамотом, добавив в чай немного молока. Так будет еще вкуснее!

Причем вот что интересно... Как только выключаешь под сковородкой огонь и открываешь крышку, перед тобой во всей своей красе предстают румяные греночки, на которых, словно на любимом диванчике, разлеглась пара шпротов, заботливо укутанная в одеяльце из сыра... Всё это представляется чем-то единым, не отрывным друг от друга – будто не было никогда хлеба, яйца, молока, шпротов и сыра по отдельности. Словно Господь их изначально задумывал создать вот именно такими: горячими, ароматными гренками со шпротами и сыром, рожденными сразу же в сковородке... А процесса соединения ингредиентов, процесса подготовки будто и нет вовсе.

Вот такое цельное блюдо! И никакую ведь часть из него не выкинешь! Будет уже совсем не то: уберёшь молоко – гренки поджарятся не такими нежными... Уберёшь ещё и яйцо – получатся не гренки, а просто жареный хлеб... Уберёшь хлеб – получится вообще не пойми что... Не говоря уже о шпротах и сыре...

Иногда бывает в жизни так, что некоторые вещи или люди, абсолютно *не подходящие* друг другу по отдельности, смешиваясь, соединяясь, создают что-то целостное, единое, а иногда и совершенное...

То, что эти три девчонки, с которыми Саша повстречался всего пару недель назад, представляют собой именно такое вот «идеально соединение неидеальных компонентов», он понял буквально на прошлой смене. И ещё, наверное, самое главное – что Саша тогда уразумел – он так же идеально им подходит, как и они – друг другу, являясь тем самым недостающим звеном, без которого не было завершенности...

Саша и сам понимал, что пример с гренками – самый дурацкий из всех возможных. Но почему-то ничего другого, более подходящего, в голову не лезло.

Когда он рассказал о гренках девчонкам, они дружно рассмеялись.

– Сам ты гренка! – пытаюсь справиться со смехом, шутливо дразнилась Лена. – Или всё-таки шпрот?!

– Нет, ну в самом деле... – краснея, продолжил Саша свои объяснения, – когда я попал на вашу смену, мне стало очень... М-м-м... Комфортно приходить на работу. Я будто бы из дома иду домой. Мне с вами хорошо – мы такие разные, но великолепно дополняем «вкусовые качества» друг друга... Это если вернуться к примеру с гренками...

– Не надо! Не надо возвращаться к шпротам... – улыбаясь, перебила его откровения Наташа. – Мы всё прекрасно поняли. Если говорить проще, ты обжился. Так?

Саша ненадолго задумался. Пепел с его сигареты под собственной тяжестью не удержался на весу и плюхнулся на пол.

– Обжился... Причем сразу, как мы познакомились...

– Ну и славно, – улыбнулась Таня.

Тысячи раз в разных местах от совершенно разных людей, Саша слышал примерно следующее: «Как было бы здорово найти работу, где ничего не надо делать, и чтобы зарплата была «хорошей»!». Типичная славянская мечта – всё за ничего.

Однако Саша никогда не верил, что такое может быть на самом деле. По его мнению, существовало два вида работы – хорошая и плохая.

Хорошая – это то же самое, что и элитная. О такой работе можно только мечтать. Она нереальна и далека. На хорошей работе люди сидят в дорогих кожаных креслах за дорогими громоздкими столами и постоянно кричат на пришедших к ним на приём людей, потому что имеют на это право. А после криков и хладнокровного отчитывания очередного «кого-то там», они просят секретаршу Эллочку соединить с господином Уйтом. Подняв трубку, такие элитные работники очень вежливо и учтиво разговаривают с другими такими же элитными работниками, не забывая периодически позволять себе фамильярности друг с другом. И, конечно же, положив трубку, они откидываются на широченную спинку кресла, закрывают глаза и долго обречённо вздыхают... Но, вовремя спохватившись, отодвигают ящик стола, где предусмотрительно стоит рюмашка оч-чень хорошего коньяка, а рядом аккуратно валяются на блюде несколько долек лимона. Опрокинув и закусив, они просят преданную Эллочку забронировать «первый класс в Торонто» и запускать кого-то, «кто там ещё приперся».

О плохой же работе, собственно и говорить нечего. Её сколько хочешь, в любых количествах. Как узнать такую работу? Легко... Это когда, сколько бы ты не работал, всё равно катастрофически не хватает денег, и постоянно, даже на выходных, хочется заболеть, чтобы дали больничный, и разбить будильник о стену, так как он вещает о предстоящих пяти-двенадцати часах на этой [цензурное выражение] работе. Именно последние несколько мест, на которых Саша пробовал себя, такими и оказались.

Но здесь, то есть в игровых автоматах, вопреки Сашиним ожиданиям, для него открылось, что существует ещё и третий

тип работы – работа нормальная, или «в принципе, пойдёт». То есть по пути в игровой клуб он спокойно подвывал исполнителям, голоса которых оживлял его любимый плеер. Зайдя в зал, искренне улыбался и здоровался со «своими девчонками» и с другой сменой, жал руки постоянным игрокам, которые уже перешли в разряд знакомых.

Что же касемо денег, то зарплата была не ахти какой, но вполне хватало, чтобы обеспечить всем необходимым и себя, и Настю. Но хватало действительно *только на необходимое*, об отсутствии излишеств Саша как-то особо не парился, а вполне довольствовался тем, что было. Может быть, именно поэтому из-за денег они с Настей никогда не ругались. Иногда Саше удавалось немного отложить на покупку синтезатора, о котором давно мечталось.

Так что работа его вполне устраивала... Единственное – иногда напрягало, что охранять, по сути, означало просто наблюдать. В фильмах все секьюрити всегда такие напряженные, всегда усердно сканируют обстановку на наличие возможных неприятностей... Короче, им всегда есть чем заняться. В реальности же оказалось, что достаточно просто поглядывать на вход, когда дверь открывается, и если всё нормально, то можно и дальше продолжать заниматься своими делами, то есть скучать.

Как показала практика, «ничего неделанье» является ужасно утомительной штукой. На работе нельзя читать, разгадывать кроссворды, играть и разговаривать по телефону, что вполне понятно, ведь это работа... Всё, что от Саши требовалось – ходить по залу с каменным лицом, зыркая в разные стороны, так сказать поддерживая порядок. Тоска... Когда ты ничем, собственно, не занят, время приобретает совершенно иную, отличную от обычной, форму.

Так Саша узнал, что у времени существует, как минимум, три формы, или по-другому, скорости. Словно бы где-то стоит машина времени, которая тянет секунды вперед (как кинопроектор – плёнку) и кто-то наугад переключает «коробку передач» – сегодня первая... Завтра третья... В четверг пусть будет опять первая...

Иногда Саша вроде бы успевал только прийти на работу, как пора было идти обедать, а там уже и до конца смены «всего ничего» осталось. В такие дни время летело, словно стрела, метко пущенная в жизнь. В-ш-шик! И всё, пора идти домой.

А иногда, наоборот, день или ночь тянутся так, словно бы время вообще забывало о своем существовании. И странный механизм, толкающий секундные стрелки всего мира вперед, непонятно почему переставал работать. Такие дни были для Саши настоящей каторгой. Как он ни пытался себя чем-нибудь занять, время, уверенное в своей правоте, всё не хотело ускоряться. И, словно бы назло, стрелки на наручных часах передвигались еле-еле, готовые и вовсе остановиться.

После такой «долгой» смены Саша возвращался домой измотанный и уставший, будто бы не бездельничал целый день, изображая грозного охранника, а в одиночку разгружал вагоны чугунных батарей. Саша понял, что бездельничать – ещё тяжелее, чем трудиться в поте лица. Есть большая разница между усталостью тела и усталостью души. Тело легко восстанавливается, подстраиваясь под новые нагрузки, а вот когда усталость добирается до измотанного духа, заполнить пустоту становится не так-то просто.

Уткнувшись взглядом в пол, стараясь не наступать на швы между плитками, Саша медленно, бесцельно расхаживал по залу. Шаг за шагом он отмерял секунды, что вытекали, словно вода из плохо закрытого крана, из его сознания, и, капля за каплей, падали вверх, теряясь, растворяясь в отражении. Зеркальный потолок... Словно ещё один мир, существующий сам по себе, переворачивая, отражал всё, что происходило в Сашиной жизни. Ему иногда даже казалось, что над ним единым куполом зависло не отражение реальности, а сама реальность... Что он и окружающий его мир – не больше, чем пародия на настоящую жизнь... Иногда казалось, что люди, копошащиеся за автоматами, и вышагивающий в красивом костюме *тот*, «*другой*» Саша, более реальны, чем он сам.

Стоило лишь отвлечься, заговорить с кем-нибудь или выпол-

нить какое-либо поручение, как наваждение рассеивалось и всё становилось на круги своя. Саша чувствовал, что он – это он, а окружающий его мир вновь пропитывался запахом привычной обыденности. Но любой разговор когда-нибудь иссякает, любое дело приходит к завершению... Так или иначе, Саша вновь возвращался к бессмысленному блужданию между яркими автоматами. А вместе с тем приходило и чувство, будто жизнь маленькими каплями покидает его тело, убегая вслед за секундами...

А ещё в зале было постоянно накурено. Несмотря на то, что кондиционеры работали на пределе возможностей, смолянистый туман никогда не рассеивался. Вентиляторы были просто не в состоянии справиться с таким количеством дыма. Посетителей это вроде бы не беспокоило. Казалось, они и вовсе не замечают едкого смога, вязкой ватой лениво переваливающегося в воздухе. Особенно под конец смены, когда усталость неподъемными килограммами давила на тело, а глаза жгло так, что хотелось и вовсе остаться слепым, белая пелена в зале становилась настолько густой, что сквозь неё приходилось пробираться, словно через дикий, непроходимый лес...

Ему часто хотелось схватить этот дым руками и разорвать его на малюсенькие кусочки, точно газету, полную плохих новостей, и наконец-то раз и навсегда покончить с этой никотиновой вонью, не позволяющей нормально вздохнуть... Чтобы хоть немного подышать свежим, свободным от затхлого смрада воздухом, Саша выходил на крыльцо клуба. Но делал он это крайне редко... Потому что каждый такой выход приносил лишь разочарование.

Тихая музыка из динамиков в потолке, вечерний сумрак и практически никакого движения – вот порядок, что царил в зале. Мир, покой, размеренность... Но стоило Саше лишь слегка приоткрыть дверь и выглянуть на улицу, как на него со всей своей жестокостью накидывалась *реальная жизнь*. Шум города – крики, пиликанье клаксонов, свист и грохот... Яркий, быющий по глазам дневной свет или густая темнота ночи в противовес искусственным сумеркам зала – всё это шокировало. Несметное количество снующих туда-сюда людей, длинные очереди автомобилей – самый обычный хаос города казался чем-то неестест-

венным, неправильным.

Такая большая разница между миром зала и *настоящим* миром буквально сбивала Сашу с ног. Ему начинало казаться, что жизнь во всем своём разнообразии, с бесчисленными возможностями и богатством проходит мимо, выкипая до пустоты за толстыми стенами зала... Ощущение, что жизнь, как и время, ускользает из его рук, обидными пощечинами давало о себе знать, стоило хоть на секунду задуматься о людях, что постоянно куда-то спешат.

Возвращаясь внутрь раз за разом Саша исступленно таранился на столп сигаретного дыма... Ему начинало казаться, что и эта белая пелена заодно с уставшим временем и снующим в бесконечном движении городом. С каждым днём ему было всё сложнее понять, что же больше – даёт или отнимает эта работа? С одной стороны, именно здесь он нашёл уверенность и стабильность, которые так ценил. Клуб оказалось тем самым метом, где не надо никуда бежать, спешить... С другой – покой, о котором Саша мечтал, всё не приходил. Лишь день за днем ощущение, будто он предает и теряет самого себя, всё сильнее отзывалось болью в груди...

Времени присуще ставить всё на места, расфасовывать по полочкам. Хочешь-не хочешь, а постепенно всё начинает делиться на хорошее и плохое, правильное и неправильное, на правду и ложь... Когда такое разделение завершено – ВСЁ. Можно спокойно утверждать, что человек создал вокруг себя свой собственный привычный мирок, и теперь лишь будет его обживать.

Мир зала игровых автоматов был завершён еще задолго до Сашиного появления в нём. Здесь каждый знал свою роль, от неё не отнекивался и даже ничего не пытался менять – все играли себя и вполне этим были довольны. Саше лишь было достаточно познакомиться с главными действующими лицами, занять своё место, и тогда уже с чистой совестью играть отведенную ему роль по заведенным здесь правилам. Это устраивало бы всех, это устраивало и самого Сашу.

Как он понял, мир игровых автоматов вмещал в себя три ос-

новные группы людей – собственно персонал, игроки и так называемые «свои». С первыми двумя Саша определился сразу, как пришёл сюда работать, что и понятно: ведь без этих «официальных» групп существование зала было бы невозможно – нет персонала, некому обслуживать посетителей; нет игроков... Сам смысл зала теряется – ведь некому приносить доход...

Что существуют «свои» Саша, понял чуть позже. Сначала он принимал их просто за чьих-то знакомых или чаще всего вообще не понимал, кто эти люди и что они здесь делают. Ведь девочки всегда с ними были милы и приветливы, постоянно шутили и заигрывали. Иногда «свои», также как и большинство посетителей, могли подолгу просиживать за автоматами, но отношение к ним было совсем другим, нежели к обычным игрокам.

По большей части «своими» становились обычные игроки, только чрезмерно болтливые. Когда сам игрок делал шаг, чтобы перейти из отношений «игрок ↔ персонал», к отношениям «Ну, как настроение? ↔ Хорошо, спасибо!», у него чаще всего появлялось своё имя. Обычно постоянных игроков все знали в лицо и почти всех – по фамилии. Но лишь когда такого игрока начинали называть по имени, ему искренне были рады.

Что же касается собственно игроков, среди своих персонал относился к ним пренебрежительно, хотя и был всегда тактичным: «Нажмите, пожалуйста, вот эту кнопку... Распишитесь здесь...» К кому-то (особенно, кто играл по большим ставкам и оставлял щедрые чаевые) отношение было более терпимым. Но всё же игрок оставался игроком, то есть человеком *ненормальным*.

Поначалу Саша даже не понимал, почему девчонки чаще всего высказываются об этих людях с такой неприязнью, хотя и выглядят игроки, и одеты, и ведут себя вполне прилично. Лишь со временем всё стало на свои места.

Только-только сюда устроившись, Саша много наблюдал. Ему было интересно открывать, что почти у каждого есть свой стиль игры. Что победы и поражения каждый переживает по-разному. Что существуют целые системы ухищрений и талисманы, с помощью которых они надеются выиграть... Но, в конце концов, по-

стиг, что компьютер обыграть невозможно, и что насколько бы разные люди ни играли – все они в чём-то схожи.

Так Саша начал смотреть на игроков в более широком смысле, в рамках всей жизни – так сказать, перешёл от частного к общему... И однажды вдруг понял, что подавляющее большинство посетителей ему просто противны. Это получилось как-то само собой.

«Как можно уважать людей, – думал он, наблюдая, как очередной игрок «рвёт на себе волосы», проигрывая копейки, – которые не уважают сами себя?».

Нечёсанные, все в тусклых, блёклых одеждах, будто братья-близнецы, полые внутри, сидят, пока в карманах не закончатся деньги... И все, как один с равнодушными взглядами покидают зал... Проигрывают, выигрывают... Затем опять... Беспощадно прожирают время, обращая его в пустоту. Девяносто процентов игроков – это люди, у которых ничего нет, которые ничего не добились и ни к чему не стремятся... Главное из слов здесь – НИЧТО. Это то же самое, почти, что и ноль, ПУ-СТО-ТА...

А ведь обиднее всего, что, наблюдая, как они безжалостно расправляются с собственной жизнью, словно с безвкусным завтраком, Саша чувствовал, будто за собой, в свою пустоту, они увлекают и его... Что он точно так же, тратя время на этих людей, даже не задумываясь, сжигает над урной, будто листки бумаги, собственные возможности...

Пустые, огрубевшие от накликанных на себя несчастий и проблем люди, готовые в любой момент ответить злобой на злобу, каждую смену в избытке окружали его. Саша словно бы физически ощущал, почти видел воочию, как мозг сидящих за автоматами игроков под тонкой защитой черепа медленно, изо дня в день всё больше покрывается плесенью. Сначала в бороздках еле заметно просматривается зелёный, жёлтый или чёрные оттенки. Затем, со временем, почти все некогда серые извилины покрывают мохнатые микроскопические грибы. И, в конце концов, почти чистыми остаются лишь те области мозга, что отвечают за кормежку, сон, размножение, выделение и... Вымаливание у ярких автоматов покровительства и удачи...

Когда Саша представлял пожираемые плесенью мозги, его начинало тошнить и отвращение к сидящим за автоматами людям ещё более усиливалось. В дни, когда зал был набит до отказа и сигаретный дым полностью вытеснял воздух, Саше начинало казаться, что весь МИР заполнен такими вот кадаврами с заплесневелыми мозгами, постоянно перебегающими из клуба в клуб, разговаривающих лишь о везении, выигрышах и пустоте кармана. Все эти люди, снующие туда-сюда по залу, выкуривающие сигарету за сигаретой, и свято уверенные, что ЖИВУТ... Хотя, на самом деле, являющие собой лишь жалкую пародию на жизнь.

«Они играют в жизнь... Они играют *на жизнь*... Каждый раз вместе с деньгами засовывая в автомат частичку себя... Больше всего они похожи на грибы, которые точно также просто потребляют, выделяют и приумножаются, баз цели, без смысла, без соиздания...» – размышлял Саша.

Почему-то наблюдая за всем этим, он чувствовал, как накатывала жуткая тоска, а вслед за ней ясно представлялось (точнее, картина сама всплывала в голове), как он подходит сзади к очередному, особо фанатичному игроку, и тяжёлым железным прутком изо всей силы бьёт его по голове... Чтобы все автоматы были забрызганы мешаниной крови и плесневелых мозгов...

Такое, конечно же, было ему чуждо... По природе Саша был очень спокойным и рассудительным человеком. Поэтому каждый раз, когда в голове появлялись такие вот, совсем не характерные для него, жестокие фантазии, он не на шутку пугался, и совершенно не мог понять, откуда внутри него могло зародиться столько злобы. И как-то само собой получалось, что омерзение к этим людям вдруг переносилось на него самого, отчего становилось ещё тоскливей.

В такие дни он больше обычного уставал и буквально еле добирался до дома. Все оставшиеся силы тратились на последние шаги. Наскоро поужинав и приняв душ, Саша заваливался спать, даже не успев, как следует, уделить внимание жене. А она могла лишь поделиться с ним кусочком своей теплоты, присев рядом... Так же устало уткнуться в телевизор и немного погладить по спине пока он засыпает...

Шаг за шагом он приближался к подъезду. Каждый пройденный метр был для него настоящим испытанием: «Дойду или нет?» К тому же, как будто назло, дорога-предательница была сущей каторгой – неверный шаг, и, поскользнувшись, можно с лёгкостью оказаться в одной из тысяч луж, обильно усеявших весь путь. Ещё этот то ли дождь, то ли снег больно царапал лицо, стараясь как можно сильнее его изувечить ... И дикая усталость... Казалось, по всему телу вместо крови растекается яд, от которого деревенели мышцы, а тело казалось неподъёмно тяжёлым. И улица словно была покрыта непроницаемой пеленой...

Подойдя к привычной серой пятиэтажке, Саша остановился напротив своих окон и поднял голову вверх так, чтобы получилось увидеть, горит ли на пятом этаже свет? Ни кухня, ни комната сегодня не желали согреть Сашу своим тёплым сиянием. «Значит, уже спит», – с грустью подумал он.

Встав перед подъездом, Саша начал ковыряться в сумке, стараясь найти чип от тяжёлой железной двери, охранявшей вход от «чужих». Ключ всё никак не хотел находиться. Звонить в домофон Саша даже и не думал – всё равно нет никакого смысла, ведь Настя обычно так крепко спит, что её и целая артиллерия не сможет разбудить.

Отковыряв-таки ключ в одном из карманов сумки, он с лёгкостью открыл дверь и стал медленно подниматься, опираясь на перила. Предстояло преодолеть ровно пять этажей, или, по-другому, семьдесят семь ступеней. Сейчас эта цифра казалась просто невозможно, невообразимо огромной – 77. Чтобы легче было подниматься, он считал в процентах – пролет равен десяти процентам. Получалось, что поднявшись на свой этаж, он проходил 100% пути. Когда знаешь, где ты сейчас находишься, и сколько ещё осталось до конца, проще идти вперед.

«Это ничего, что Настя уже спит... – думал он, борясь с усталостью и желанием здесь же свалиться и уснуть. – Сейчас, как и всегда, только лишь поднявшись на свой этаж, я почувствую запах еды, что она приготовила *для меня*. А когда хотя бы чуть-чуть приоткрою дверь, лакомые запахи накинута на меня со всех

сторон... Да так, что я и вовсе забуду о злобной усталости. Тихонько, чтобы не разбудить мирно сопящую супругу, переоденусь, приму душ, а затем спокойно, не спеша начну наслаждаться едой. Закончив, сполосну посуду и отправлюсь смотреть телевизор. Когда надоест и глаза сами начнут закрываться, выключу ящик и поставлю на центре музыку – пускай “Life time” Уреу будет фоном снов. Забравшись в кровать, поглажу её и поцелую, прошептав на ушко: «Спокойной ночи...». Настя сквозь сон пробубнит что-то невразумительное и перевернётся на другой бок, разрешая себя обнять. Слившихся, единых в теплоте, нас накроет сон...»

Саша поднимался по ступенькам и улыбался, думая о Насте... Так почему-то идти было намного легче... И даже получалось забыть об усталости...

Время без усталости двигалось вперед. Двенадцатичасовые смены сменяли другие двенадцатичасовые смены в бесконечной череде рабочих и выходных дней. И как бы Саша ни старался сам себя обмануть, понимание, что данная работа не просто временная, пока не найдётся что-нибудь более подходящее, а достаточно больша́я часть его жизни, всё-таки без спроса норовило проскользнуть в мысли. Поэтому воспринимать должность охранника игрового клуба как ещё одно забавное приключение уже не получалось. Как бы ни закрывал глаза, а, в конце концов, Саша вынужден был признать, что он здесь задержится надолго.

Как только он это осознал и принял, раздражающих факторов прибавилось. Игроки стали попадаться, как на подбор, более хамоватые. Начальство начало придирааться по мелочам. И что самое противное – начало казаться, что смены длятся намного дольше ... Не броситься сломя голову как можно дальше от этого бардака и не опускать руки Саше помогала уверенность, что измотанного, раздражённого, пропахшего потом и сигаретным дымом, дома его ждет Настя.

Прислонившись к стенке, чтобы хоть как-то вытерпеть последние часы (самые долгие и тяжёлые), он часто представлял, как заходит в коридор своей квартиры, а там уже ждёт Настя...

Как её хитрые глаза блестят... И улыбка согревает замёрзшее с мороза тело...

Теперь лишь желание видеть эту улыбку по возвращении домой заставляло его просыпаться под назойливый визг будильника, вещавшего, что пора вставать и собираться охранять не пойми что от не пойми кого.

На работе единственной отдушиной для Саши были девичники...

В ночные смены, часов в шесть утра, когда даже самые стойкие игроки сонно плелись к выходу, а ранние ещё не объявились и в зале не оставалось посетителей, они всей сменой заваривали в пластиковых стаканчиках кислый кофе, рассаживались за автоматами на стулья, повернувшись к друг другу, и разговаривали... Разговаривали, насколько позволяло время – обо всём и ни о чём... Обмывали косточки другим сменам, жаловались на свои вторые половинки, философствовали о жизни и шутили о сексе или наоборот... В общем, позволяли себе говорить обо всём, что только хочется, зная, что сказанное останется здесь и никуда отсюда не выйдет.

Саше нравилась эта безопасность и та откровенность, что позволяли себе девчонки. Он обожал эти разговоры, слушая всегда внимательно. И был благодарен девчонкам за то, что они пустили его в свой мир. На таких вот посиделках Саша многое узнавал о каждой из участниц девичника, а, значит, и о женщинах в целом. Некогда запретный мир по чуть-чуть начинал ему открываться, будто плодородная долина.

Саша называл такие посиделки девичниками, потому что «в центре» всегда были сами девчонки, а он был лишь гостем в их вселенной. Хотя он и участвовал в обсуждениях и спорах, хотя девицы и интересовались его мнением (как мнением представителя мужской половины) Саша не чувствовал за собой права забивать «эфирное время». Да и, честно говоря, не сильно-то стремился, так как не очень любил о себе рассказывать.

Девичниками Саша очень дорожил. Поэтому каждый раз, выходя в ночную смену, надеялся, что игроки как можно раньше

разойдутся по домам, чтобы наконец-таки можно было начать посиделки.

Когда в очередной раз Саша во время жаркого спора, разгоревшегося в начале седьмого, достал из кармана телефон и направился в подсобку, Лена, явно раздосадованная таким безразличием, чуть ли ни на весь зал крикнула:

– Ты это куда собрался?!

Саша замер на месте. И лишь спустя несколько секунд медленно обернулся, растеряно глядя на девушек.

– Я?.. Звонить... А что? – он явно не понимал причину Лениного недовольства.

– Ишь, какой шустрик... – нахмурилась Наташа, – Сам завёл тему... И сваливать скорее! Нет уж! И нечего в такую рань людям звонить, все ещё спят... Тем более выходной.

Саша лишь ухмыльнулся, поняв, что ничего плохого не сделал.

– Клубничка уже не спит.

– Кто-о-о?! – хором спросили девчонки, недоуменно переглянувшись.

– Клубничка... – пожал Саша плечами, – я так Настю зову.

Девчонки дружно рассмеялись, явно считая такое прозвище забавным.

– А почему Клубничка... А не помидорчик, например? – пошутила Лена.

– Потому что она безумно клубнику любит, а не помидоры, – спокойно пояснил он. – Предложи ей враги обменять ведро клубники на информацию, бьюсь об заклад, она и родину, и мать с отцом, и меня в придачу заложит.

– Всё равно странное прозвище... – не унималась Лена. – И что, ты так к ней и обращаешься?

Саша кивнул.

– Представляю *это*... «Пока, Сашенька... Пока, Клубника!»... Так что ли?

– Не совсем. Мы прощаемся по-особенному... Это что-то вроде *нашего* ритуала. Я всегда говорю: «До встречи, Клубничка...» А

она мне отвечает: «Не прощаюсь...» Это для того, чтобы мы всегда, когда расстаёмся, знали, что увидимся вновь...

– Всё равно странно... И глупо... – отчего-то насупилась Наташа.

Саша лишь ещё раз пожал плечами и отправился, куда шёл – звонить Насте.

– Хм-м... Клубничка... – повторила Таня, недовольно скривившись, будто только что слопала какую-то гадость. – Хм-м... Клубничка. Хорошо, что она беяши так сильно не любит, а то была бы «Беляшиком»...

Девчонки дружно и с удовольствием рассмеялись...

– Ты чего?

Таня от неожиданности вздрогнула и посмотрела на удивленного Сашу.

– В смысле?

– Ну... Ты сегодня целый день сама на себя не похожа – молчишь, ни с кем почти не общаешься, постоянно размышляешь о чём-то, даже когда к тебе подходишь и спрашиваешь о чём-нибудь, не сразу из своих мыслей в реальный мир возвращаешься. Вот я и спрашиваю, что с тобой?

Её взгляд ещё больше потух. Она уставилась в плитку на полу.

– Да так... Проблемы с парнем... Небольшие... – грустно промямлила Таня, – У всех бывает ведь...

Она неуверенно улыбнулась. Саша еле заметно кивнул.

– Бывает... – согласился он, – просто степень проблем разная – у кого-то сложнее, у кого-то проще.

– Да... Наверное... – Таня будто всё больше погружалась в размышления.

– Хочешь поговорить? – предложил Саша.

Таня лишь покачала головой, отрешённо созерцая пол. Чтобы не мешать ей, Саша было собрался уйти, но не успел сделать и шага...

– Я вот думаю... – так и не оторвав взгляд от асфальтового цвета плитки, не пойми с кем – то ли сама с собой, то ли обращаясь к Саше – заговорила она, – неужели... Чтобы оставаться вме-

сте, необходимо тратить столько сил? Почему, когда два человека живут бок о бок, они обязательно причиняют друг другу столько страданий и боли?

Саша прислонился к стенке рядом с Таней и начал скользить взглядом по швам между плитками. Казалось, под ними распластался огромный город, сплошь состоящий из районов, рассеянный улицами и длинными шоссе.

– ...Ведь чаще всего в бытовухе доминируют взаимные упрёки, недомолвки и грызня по мелочам, нежели спокойствие и любовь...

– У кого как, – пожал плечами Саша.

– А у тебя как? – Таня оторвала взгляд от пола, и посмотрела на него. Саша приподнял руку, чтобы почесать переносицу, на самом деле, таким образом выигрывая время на раздумье... И лишь затем ответил:

– У меня с Настей тоже по-разному бывает... Но, по большесчёту, мы не мешаем друг другу жить и наслаждаться жизнью... А, скорее, даже наоборот, помогаем... Она – мне, а я – ей...

– Я не про это, – покачала она головой.

– Дослушай! – оборвал Саша. – Я просто не воспринимаю жизнь с Настей как обязанность или данность. Мы вместе, пока оба хотим этого и пока нам хорошо друг с другом... Но всё может измениться... Ветер подует в другую сторону, и тогда мы расстанемся...

– Но вы же женаты! – удивленно возразила Таня.

– Это неважно... Супружество, скорее, наделяет определенной ответственностью друг перед другом, нежели обязанностью быть вместе. Брак – это не цепи и не крест, которые мы обязуемся носить до скончания веков. Именно свобода друг от друга делает нас ближе...

– Я не понимаю... – покачала головой Таня.

Саша огляделся, остановив взгляд на парне и девушке, что играли на автоматах рядом друг с другом.

– Видишь их? – Саша глазами указал на парочку. – Они сейчас близки как никогда.

– В смысле?

– Ты заметила, что приходящие сюда пары почти никогда не ссорятся. У меня есть теория на этот счёт. Ведь здесь они находятся в идеальных отношениях. Каждый занят *своим* делом – увлечённо мучает *свой* агрегат... Каждый сам по себе – свободен, равен другому – и в тоже время они вместе, они встречаются, они рядом, что не даёт им разойтись в разные стороны. Именно такие отношения приносят гармонию. А что происходит, когда пара покидает зал? Каждый пытается притянуть к себе партнера поближе, ограничить его выбор и действия, что порождает ругань за руганью...

– Неужели ты некогда не ссоришься с женой?

– Как не ссорюсь? Я что, не человек? Конечно же, ссорюсь... Но большинство конфликтов мы «проругиваем», а не замалчиваем... Да и количество их не так уж велико. Быть вместе – не моя обязанность, а мой выбор... Именно поэтому я счастлив быть РЯДОМ с ней, а не ВМЕСТЕ.

– Рядом, а не вместе... – тихо повторила Таня. – Я подумаю над разговором... Спасибо.

– Да не за что... – улыбнулся Саша.

После той беседы Таня и Саша начали всё больше времени проводить вдвоём. То есть, конечно же, были и ночные посиделки, как раньше, и общались они с остальными так же... Изменилось лишь то, что курить они ходили вдвоём, никого с собой не зовя за компанию, и о чём-то постоянно, без умолку громко шептались или явно спорили. За разговорами они могли провести всю смену напролёт, прерываясь лишь на выполнение своих обязанностей, а затем стремились как можно скорее вернуться к прерванному обсуждению чего-то там... Лишь под самый конец рабочего дня или ночи они замолкали, оставаясь рядом, и думая каждый о своём. И то, только лишь потому, что на болтовню уже просто не оставалось сил.

Внутри каждого человека природой заложен механизм «Искателя». Люди чаще всего не довольствуются банальным использованием и потреблением. Для нас важно знать, как эта штука устроена? Почему именно так? И нельзя ли иначе? Именно этот ме-

ханизм... Механизм познания, толкающий нас вперёд к развитию, и отличает людей от животных. Животные приспособляются – человек стремится понять, а затем изменить окружающее под себя. Поэтому человеку недостаточно БЫТЬ, ему важно знать, ДЛЯ ЧЕГО ОН ЕСТЬ. А, чтобы это понять, нужно самому себе ответить на целую уйму вопросов.

Видимо, тот разговор открыл в их отношениях новые горизонты. Они узнали, что друг с другом можно выйти далеко за рамки тем бытовухи, проблем, развлечений и общей скуки. Вдруг они начали поднимать в общении более глобальные вопросы. Два совершенно разных человека, с совершенно разными *взглядами на всё* стали спорить, доказывать, убеждать, аргументировать... И часто приходило к общим выводам. А самое главное – им было *интересно быть рядом*... Часто случалось так, что они задерживались даже после работы, усевшись в курилке и не спеша потягивая кофе, чтобы «добить» незавершенную тему...

Когда какой-нибудь вопрос оставался незакрытым по несколько смен подряд, они с официально серьёзными лицами и устным договором оставались «каждый при своём»... Но лишь стоило где-то всплыть «больному вопросу», как новой волны противостояния с биением кулаком в грудь и разбрызгиванием слюны во все стороны было не избежать. После боя, они, довольные, садились в курилке друг напротив друга, молча пили кофе и улыбались одними взглядами... Он – ей, а она – ему.

Вместе они превращались в искателей... Они искали вместе, становясь всё ближе...

Бывает так, что хочется рассказать что-то очень важное для тебя, поведать, поделиться с кем-нибудь своим счастьем или горем, но просто так начать рассказывать не получается... Хочется, чтобы в тебе заметили изменения и САМИ спросили... Чтобы ещё раз убедиться – это не выдумка. Счастье или горе действительно накрепко обосновались в твоей жизни. Но никто почему-то этого замечать не хочет. И остаётся вести себя так, чтобы каждый понял – «что-то случилось».

Именно так себя Таня целый день и вела. «Ну хоть кто-нибудь

спросите меня, что произошло!» – кричали её глаза. В конце концов, не выдержав ужасной нечуткости своих коллег, она ни с того ни с сего, вроде бы мимоходом, ляпнула, когда все собрались в курилке, а в зале не было ни одного посетителя:

– А я вчера от Сергея ушла....

И замолчала.

У девчонок чуть сигареты не повываливались из рук, лишь Саша хмыкнул себе под нос. Все было кинулись её утешать да расспрашивать: «Как же так? Ой-ой... Ведь всё так было хорошо...»

– Не надо переживать, – лишь улыбнулась Таня. – Лучше поздравьте меня. На самом деле, это хорошая новость.

Девчонки все как-то разом умолкли и почти ничего не говорили, усердно пуская изо рта дым. Все как-то особенно быстро покурили и рассосались по своим рабочим местам.

Спустя полчаса Саша подошёл к Тане, уже привычно прислонившейся к стенке возле выхода из зала, и задумчиво блуждающей в своих мирах.

– Поздравляю тебя, – сказал Саша, примостившись рядом.

– Спасибо... – улыбнулась она.

Оба замолчали.

– А ещё знаешь, что на самом деле классно?! – спросила она, спустя несколько минут тишины.

– И что же?

Таня посмотрела в его глаза и нежно, еле заметно улыбнулась.

– Теперь я свободна... Слышишь?.. Я на самом деле свободная...

Саша отвёл взгляд в сторону, лишь слегка кивнул и, ничего не говоря, направился в сторону подсобки.

Новогодние праздники решили отметить в баре, что располагался буквально в двух шагах от клуба. Единогласно выбрали именно этот бар, потому что там все друг друга знали, «своим» делали хорошие скидки да и обстановка была привычной.

Всего в зале игровых автоматов работали двадцать три человека: помимо основного персонала, ещё и уборщицы, механик,

бармены и менеджер. Пьянку запланировали на двадцать второе число – как раз выходила суббота, и в баре, который имел громкое имя «БИС!», по выходным устраивали интересную шоу-программу. На том и порешили...

Согласных идти оказалось семнадцать человек. Кто-то в этот вечер работал, у кого-то не было денег, а кто-то просто не захотел. Но всё же большинство решило погулять вместе.

– Ты не передумал идти? – спросила она его за несколько дней до назначенной даты.

Саша пожал плечами.

– Да нет... С чего бы мне передумывать?

– Ну... Жена, например, против, что ты до самого утра гулять без неё идешь, – осторожно, тщательно подбирая слова, предположила Таня.

– Нет... – усмехнулся он, – Клубничка поэтому поводу вообще не переживает... И с лёгкостью относится к моим гуляниям. Да и я сам не сильно переживаю, если она вдруг захочет сходить в ночной клуб или бар с подругами или коллегами, без меня. По мне, в этом нет ничего плохого... Главное – чтоб не сильно часто.

– Ну, вот и славно... – сказала Таня.

Уже дома, примеряя вечернее платье, что она купила специально для предстоящего вечера, Таня вертелась перед зеркалом, критично разглядывая себя со всех сторон, и думала, фантазировала, мечтала... Именно в тот самый момент, когда она окончательно убедилась, что подготовилась к субботе «на все сто», Таня приняла решение, которое вот уже около месяца бессмысленно блуждало внутри её сознания, не решаясь выбраться в мир... Она решила, что, несмотря ни на что, готова рискнуть, что очень этого хочет и что предстоящий вечер – самый подходящий момент для реализации намеченного. Или сейчас, или никогда.

– Ты действительно этого хочешь? – спрашивала она у отражения, что смотрело на неё в упор из большого прямоугольного зеркала, висевшего на стене.

Отражение, ненадолго задумавшись, в конце концов, вполне твёрдо и уверенно кивнуло.

– Тогда действуй! – приказала она себе.

Праздник получился шумным, весёлым, с кучей курьёзов. Как-то (само собой) случилось, что напиться умудрились все без исключения. Даже те, кто не пьёт из принципа или по состоянию здоровья. Может быть, обстановка была соответствующей – домашнему уютной. Может, сама компания сотрудников зала игровых автоматов, в кои-то веки собравшаяся вместе почти полным составом, своей разношёрстностью предполагала растворение границ между людьми посредством большого количества водки... Не пойми откуда, лишь стоило закончиться одной бутылке, как на столе образовывалась другая. И даже официантки с удовольствием, без особого напряжения обслуживая целую ораву знакомых, позволяли себе пропустить со всеми по рюмочке.

Сначала все были как-то вместе, что-то громко говорили друг другу... Затем, как всегда, все поразбивались на маленькие группки, так сказать начали общаться локально. Спустя пару часов от громких, вселенского масштаба тостов тоже ничего не осталось и звяканье рюмок с традиционными возгласами «С Богом!» или «Ну, будем!» хаотично доносилось с разных концов стола...

Честно говоря, до того вечера Саша и не представлял, что можно было ТАК упиться пивом. Водку он не признавал, видимо потому, что не успевал почувствовать её вкус, стремясь как можно скорее проглотить эту мерзость. Другое дело пиво – когда сам процесс доставляет бездну удовольствия... Наверное, просто в этот раз переборщил с количеством. Хотя... Вроде бы и стол ломился от еды, вроде бы и танцевать бегал каждые полчаса, чтобы успеть растряссти хмель... Но ничего не помогло – напился!

Таня сидела справа от Саши. Он сразу удивился, насколько, оказывается, она может быть хороша – чёрное вечернее платье, большие серебряные серёжки, открытая улыбка и свежий, сладковатый запах...

Когда появилась возможность из общей болтовни повернуть к своим любимым темам, они так и поступили. Слева кто-то громко спорил, справа – долго извинялся, а затем и ругался, кто-то кого-то пытался усмирить... А они склонились поближе друг к

другу и спокойно, бесконечно долго могли позволить себе говорить... Ведь впереди ещё вся ночь, и никто их не посмеет отвлечь.

Темнота, стробоскоп, разрывающий жизнь на кадры, громкая музыка из динамиков... Голова кружится от хмеля, от близости и тепла сидящей рядом девушки... Саше казалось, что он попал в лабиринт, из которого не существует выхода, и, если он прямо сейчас же не убежит из этого мира мерцающей темноты, уже никогда не сможет отсюда выбраться, навечно запутавшись между теплотой её тела и смесью запахов хвои и мандаринов.

«Надо бежать...»

– Пойдём танцевать, – потянула его за руку Таня. Словно послушная кукла, он поднялся и побрел за ней, забывая о спасительном побеге, о ждущей дома жене...

Лишь стоило им ступить на площадку для танцев, как быстрый, заставляющий двигаться трек умолк и его место заполнила мягкая и стройная «Snowbird».

Таня притянула безвольного, словно потерявшего всякую силу, Сашу. Её тело обволакивало, укутывая, как мать – дитя, своим теплом. Эта странная, совсем не характерная для медленных танцев мелодия растворяла в темноте спокойствие, желание и покорность, которые по венам, вместе с музыкой, растекались по всему телу.

Звук... Теплота... Хвоя и мандарины... Хмель в крови... Спокойствие и покорность... Желание...

Она привстала на цыпочки и поцеловала его в губы... Сначала легонько, будто распробовала и прислушивалась, каково́ это, а затем – всё более уверенно, раскрывая в одном единственном прикосновении все чувства, о которых так давно хотела поведать. Таня целовала его, будто это был для неё единственный способ творить... Точно так же, как для художника – выплескивать свои эмоции на холст.

Потом была долгая поездка в такси с грустным водителем и светящимся синим неоном табло автомагнитолы... Из динамиков звучала «Newex». В темноте салона, обдуваемые душным воздухом кондиционера, они, обнявшись, ехали по тонувшему в мете-

ли городу молча, размышляющие каждый о своём лабиринте, на который они себя обрекли, сев в авто с молчаливым человеком за рулём.

Той ночью было много всего... И досыта страсти... И вдоволь нежности... И счастья от близости двух совершенно разных, но уже нечужих людей.

Когда Саша уснул, прижимая её к себе, Таня, наконец-то ни от кого не скрывая чувств, смогла насладиться каждой секундой... Этот человек был рядом... Родной человек. Ей просто было хорошо... Хорошо засыпать, прижавшись к Саше, слушая еле различимую в темноте мелодию Shiloha, его романтический «Подарок». Лишь этого было достаточно, чтобы жить... Чтобы желать проснуться утром... Утром рядом с ним...

Когда Таня открыла глаза, часы, что стояли на тумбочке возле кровати, показывали без трёх минут одиннадцать. И, конечно же, Саши рядом не оказалось...

Она оглядела кровать, затем комнату. Никаких следов, что этой ночью Саша был здесь, не было. Совершенно ничего не осталось – ни волоска на подушке, ни складок на простыне, ни даже запаха его тела. Такое ощущение, будто уходя, Саша забрал с собой всё, что некогда принадлежало ему – даже теплоту своего тела он не пожелал оставить, заставляя её тонуть в сомнениях – случилось ли чудо на самом деле или же все чувства, что она испытала ночью, были сном, иллюзией, выдумкой нереализованных желаний.

Таня села на кровать, опершись спиной о стенку, согнув ноги и положив на колени скрещенные руки, а уже на руки голову – это была её любимая «думательная» поза. Почему-то именно в таком положении решения приходили достаточно быстро, а сейчас Тане было о чём подумать.

«Нет... – вела она внутренний монолог, – Саша не мог оказаться миражом... И нежность, с какой он прижимал меня к себе, тоже... Эта ночь – правда... И то, что *я хочу быть с ним*, тоже... Правда...»

Позвонить Саше, чтобы разделить с ним своё счастье или же

чтобы поблагодарить, или чтобы просто пожелать хорошего отдыха... Да всё, что угодно, лишь бы услышать его голос, убедиться в его реальности, что он существует в её жизни... Таня так и не решилась, боясь, что помешает ему. Ведь он наверняка пошёл именно домой к жене. Оставалось лишь ждать следующего дня, чтобы можно было отправиться на работу, где будет Саша, совершенно независимый «ни от какой там жены».

При мыслях о его супруге у Тани возникали смешанные чувства. Было странно испытывать столько разных чувств к человеку, которого она даже и не видела. С одной стороны, она ощущала вину за то, что эту ночь провела с Сашей и не собирается на этом останавливаться. С другой – желание быть *вместе* с Сашей, принадлежать ему и чтобы он принадлежал только ей, порождало злость или, даже скорее, раздражение. В данном случае, Настя воспринималась всего лишь как преграда, временная помеха по дороге к столь близкому счастью.

Несмотря на достаточно долгие размышления, Таня так и не смогла определить, в какой точке жизни сейчас находится. А, значит, и не имела хотя бы малейшего представления, что делать дальше, как относиться к себе, как вести себя с Сашей и воспринимать его «занятость»...

«Ладно, будет день – будет пицца, – думала она, поднимаясь с кровати. – Завтра увижусь с Сашей, там всё станет ясно, всё решится само собой».

Но ни на следующий день, ни в ночную смену Саша на работе так и не появился. Просто не вышел и всё. Ни звонка, ни сообщения – вообще ничего. Человек просто пропал, оборвав всякую связь, несмотря на включённые телефоны (и домашний, и сотовый), трубку не поднимал.

До этого подобного инцидента в клубе не случалось, так как все прекрасно знали о двух нарушениях, после которых следует безоговорочное увольнение: выход на работу пьяным и прогул. Наверняка знал это и Саша.

Первые две смены все только и делали, что «хватались за головы», мол «как так можно?!». Но после того, как менеджер

вскользь упомянула, что «если Александр не объявится в ближайшие две смены, то ей придётся начать подготовку документов к увольнению «по статье»...», все ещё чуток поохали да и утомонились, смирившись с неизбежностью Сашиной судьбы.

Только Таня никак не могла успокоиться, ужасно переживая и мучаясь от всё нарастающей тревоги. Больше всего на свете она боялась, что с ним что-то случилось, и, не дай Бог, ещё и сама Таня стала тому причиной. Это незнание с потрохами пожирало её спокойствие, заставляя метаться из стороны в сторону, не находя себе места.

«Что случилось? Может, настоящая беда? Или всё из-за меня, из-за той ночи? Нет... Быть того не может! Но что же тогда?» – разрывала она себя на куски бесконечными вопросами. И ведь самое ужасное, что ничего нельзя было поделаться... Только ждать.

Саша объявился лишь в конце недели...

В воскресенье (что было большой редкостью) пришла на работу менеджер клуба и просидела у себя в кабинете почти целый день. В зале народа было битком, словно полгорода, заранее сговорившись, решили провести все уикенды, мучая автоматы.

Снимая очередной, как минимум, сотый по счёту выигрыш, сквозь густую белёсую пелену, от которой болели глаза, Таня увидела, будто чья-то знакомая тень скользнула в сторону подсобки. Она спешно отдала игроку «слип» – маленький листик с цифрами выигрыша, сняла с автомата кредиты и быстрым шагом, почти бегом, направилась по его следам. Но, даже торопясь, она успела лишь увидеть Сашин силуэт, промелькнувший в закрывающейся двери кабинета менеджера. Подойдя ближе, она слышала еле различимые голоса.

– А-а-а... Александр... Объявились-таки... – раздался из-за двери притворно-радостный голос Натальи Васильевны. – А я уж и не ждала ВАС увидеть живым.

Вместо ответа молчание.

– Что же, Вы мне ничего не хотите объяснить? – спросила она тоном учительницы. Таня знала манеру общения своего начальства – если она *так* обращалась к человеку «на Вы», это могло

лишь означать, что Наталья Васильевна увеличила дистанцию между собой и собеседником дальше некуда. Ничего хорошего это Саше не сулило.

– Ничего... У меня есть свои причины, – коротко ответил он.

Наталья Васильевна громко вздохнула.

– Послушай, Саш... Если у тебя что-то серьёзное стряслось, я могу понять и поговорить с «верхом», чтобы тебя оставили... Только мне для этого действительно нужно знать, куда ты на полторы недели пропал.

– Нет никакой причины.

– Но, тогда ты понимаешь... Что я не в состоянии тебя оставить охранником?

– Ничего страшного... Я сам не могу здесь работать...

– Что значит «не можешь»? – явно удивилась менеджер.

...

«Таня... ТАНЯ!!!» – кто-то кричал ей на весь зал. Её мысли будто бы вернулась в своё тело из кабинета за дверью. Вслушиваясь в каждое произнесённое слово, будто это касалось жизни и смерти, она совсем позабыла о своих обязанностях. Нехотя, будто с каждым шагом углубляясь в густой лес, всё дальше отдаляясь от верной дороги, Таня теряла произносимые Сашей слова. Хочешь – не хочешь, а работать *надо*... Даже если за стенами решается судьба любимого человека.

– Постой!

Саша замер и медленно, нерешительно обернулся. Таня стояла на ступеньках возле самого входа в клуб, стараясь запахнуть ни капли не спасающий от ледяного ветра жилет. Ей явно было очень холодно: кожа покрылась «мурашками», а по телу волнами пробегала мелкая дрожь. Но, видимо, для неё желание всё выяснить было намного сильнее, чем страх заболеть.

Саша был непривычно одет. Обычно он приходил на работу уже в костюме, а не переодевался в подсобке, как все. Сейчас, в повседневной одежде, Саша казался ей ещё интереснее. Длинная, из грубой кожи куртка расстегнута... Под ней (явно вязанный вручную) – потрёпанный временем светло-синий свитер с

большим воротником под самый подбородок. Он висел на нём, словно мешковина... Чёрные классические штаны и так же сделанные под классику зимние ботинки...

– Подожди... Поговорить надо.

– О чём? – холодно, как-то равнодушно спросил Саша.

– Ну... – замялась Таня, – Мне важно... нужно знать, что произошло? Куда ты пропал? Я переживала!

Саша закрыл глаза и покачал головой, словно таким образом мог стереть из памяти только что произнесённые Таней слова.

– Всё позади... Я уволился... Теперь нас с тобой ничего не объединяет... Мы больше никогда не увидимся.

– НО ПОЧЕМУ?! Неужели... – Таня оборвалась на полуслове. Из клуба вышел посетитель. Увидев, что попал не к месту, как можно быстрее затопал от чьих-то проблем.

– Всё нормально... – вдруг улыбнулся Саша, и, подойдя к Тане вплотную, взял её руку и прижал к себе, – всё нормально... Ты тут не причём... Это я... Я предатель!

– Что??! – никак не могла она понять, что он имеет в виду.

– Я Настю предал! А обещал всегда быть с ней... Быть только для неё... Принадлежать ей... А тут ты... И эта чёртова ночь! – Саша говорил быстро, сбивчиво. Его скулы то напрягались, то разглаживались, выдавая злобу... Злобу на себя.

– Чёртова ночь?! – не поверила она услышанному. – Чёртова?! Я так не считаю! Не было никакой ошибки... Всё произошло именно так, как и должно было! И это важно... Для меня... И для тебя!

Саша опять закрыл глаза и быстро-быстро замотал головой, словно старался вытрясти все мучившие его.

– Ты не понимаешь... Ничего не понимаешь! Было здорово... И ты, Таня, тоже важна... Но ничегошеньки тебе не понять! Я предал её...

– Саша! – прокричала она, стараясь прекратить терзания, пытаясь остановить его исчезновение из Таниного мира... Она чувствовала, как Саша растворяется в жалких остатках света, что пропускает через себя хмурое небо.

– Я обещал быть с ней всегда... И буду! Ни ты, ни кто бы то ни

было еще, не разлучит нас... Мы вместе...

– Саша!

Он отпустил её руку и зашагал прочь, ни разу не обернувшись.

Несколько дней Таня просто не могла найти себе места. Казалось, весь мир кому-нибудь да принадлежит и уже не осталось ни одного свободного клочка земли, где бы она смогла избавиться от предчувствия беды и угнетающего беспокойства. Даже выспаться нормально не получалось. Кровать, ставшая без Саши неудобной и чужой, по ночам дарила лишь тяжёлые чёрно-белые сны. Засыпая, Таня уже заранее знала, что проспит совсем недолго: из сна её выдернет ощущение приближающейся опасности. Затем, прежде чем опять уснуть, она будет долго лежать, стараясь выкинуть из головы весь мусор и хаос, что там скопились... И так – всю ночь.

Измученная бессонницей и телом, и духом, Таня всё пыталась разобраться, что же на самом деле не даёт ей покоя. И раз за разом убеждалась, что у истории нет концовки, а, значит, нет и завершенности внутри себя. Наверное, в этом всё дело – произнося *те* слова в последнюю их встречу, Саша вместо точки словно бы оставил после себя многоточие. Полный загадок и вопросов, он ушёл, не желая хотя бы чуть-чуть развеять туман непонимания, окутывающий его с самого начал их знакомства.

«Куда он пропал на неделю? Почему даже не сообщил о себе? Что происходит у него внутри? Почему он *так* винит себя? Ведь он был счастлив в ту ночь! Он *хотел* этого! Зачем ему надо было оборвать всякую связь со мной, вплоть до увольнения? И почему он до слёз избивает себя словом «предатель»? Неужели он додумался обо всём рассказать Насте?..»

И ещё бесконечным потоком сотни и сотни вопросов заполнили Танины мысли. Не желая, не имея сил больше это выносить, она решилась... Во что бы то ни стало попытаться хоть что-то понять. Даже если это будет стоить стабильности и спокойствия обоим.

Найти, где он живёт, было совсем не сложно – телефоны, ад-

реса и даже паспортные данные сотрудников находились у кассира, записанные в маленьком чёрном блокнотике. Когда все вышли на перекур, Таня под предлогом телефонного звонка зашла в кассу и быстро переписала из того самого блокнота всё необходимое.

Вернувшись домой с ночной смены, она кое-как заставила себя хоть немного поспать. Получилось что-то около трёх часов, всё остальное время до самого вечера Таня промаялась, стараясь убить оставшиеся часы с помощью телевизора. Минуты, как назло, тянулись ещё медленнее, чем на работе. Но, в конце концов, стрелка на циферблате остановилась на восьми, а значит, пора было собираться.

Даже натягивая на себя в тесном коридоре длинную пуховую куртку, Таня не имела ни малейшего представления, что и как будет делать, о чём говорить с Сашей или его женой. Единственное, что она знала наверняка – нужно было действовать, иначе она сойдёт с ума...

Саша жил в центре города, а Таня – почти на самой окраине, поэтому в общей сложности ей пришлось добираться минут сорок. Остановившись у нужного подъезда, Таня огляделась. Серый, утопающий в грязи тёплой зимы дворик, ведущий к детскому садику, сразу за которым виднелась подпирающая небо каланча пожарной части. Больше ничего примечательного видно не было – дворик, каких миллионы по всей стране. Решив, что здесь больше не на чем задерживать своё внимание, Таня переключилась на домофон.

Сверху двери, рядом со включенной лампой висела деревянная табличка, на которой были вырезаны через тире два числа – двадцать два и тридцать семь – номера квартир. Ей нужна была самая последняя. Протянув руку к домофону, чтобы набрать цифры три и семь, Таня вдруг остановилась и отдернула её обратно.

«И что я скажу, если ответит Настя: «Здравствуйте, я та девушка, с которой ваш муж недавно занимался сексом. Откройте, пожалуйста!» Чушь! А даже если и сам Саша? Если он не захочет со мной говорить? Блин... Надо было раньше всё продумать...».

– Вы заходите?

От неожиданности Таня вздрогнула... Позади стоял добродушный с виду дед и дружелюбно улыбался, ожидая, пока Таня наконец-то сообразит хоть что-то ответить.

– А... У меня ключей нет... – как-то виновато промямлила она.

– Тогда давай я... – предложил дед и, поковырявшись в кармане, извлёк связку ключей и чип.

Таня чуть отстранилась в сторону, чтобы не мешать. Он приложил чип, и дверь пронзительно запищала, сообщая, что путь свободен. Затем, потянув за ручку, отворил вход и вежливым жестом пригласил Таню входить.

– Спасибо... – поблагодарила его девушка, и, не раздумывая, устремилась вверх по ступеням.

Сама не заметив как, Таня оказалась на пятом этаже, лицом к лицу с ещё одной чёрной железной дверью, которая носила «имя» 37. «Имя» было выгравировано на овальной керамической табличке, прикреплённой над самым глазком.

Из-за того, что пришлось быстро бежать, дыхание сбилось, а мысли были будто в тумане – совсем не получалось сконцентрироваться и продумать дальнейшие шаги. Всё полчалося «наобум», волей случая. Таня на секунду задержала дыхание, чтобы услышать, где поднимается старик – шаркающие звуки шагов раздавались этажа с третьего. Тогда она, не раздумывая, нажала на кнопку звонка. За дверью глухо, еле слышно раздалось какое-то пиликанье. Но вслед за этим – никакой реакции.

«Неужели никого нет дома?» – удивилась Таня, так как было достаточно поздно и все уже давно должны были сидеть по домам. Она нажала ещё раз, но результат оказался тот же. Непонятный скрежет, с трудом напоминающий мелодию дверного звонка, и ноль движения.

– Вы, случайно, не Настя? – спрашивал тот же самый дед, стоящий на пролёте ниже, тяжело дыша и вцепившись в перила, будто боялся упасть.

– А? – застигнутая врасплох, Таня совсем не поняла, что он от неё хочет.

– Я, говорю, ты – Настя? – повторил он чуть громче и медлен-

нее.

Сама не зная зачем и почему, Таня кивнула. Старик удовлетворённо хмыкнул и начал преодоление оставшихся ступеней.

– Я так сразу и подумал, как тебя увидел... Хотя мне казалось, ты должна немного иначе выглядеть. Саша мне часто про тебя рассказывал, но фото ваше всё забывал показать.

– Он такой... – заставила она себя улыбнуться.

Старик наконец-то осилил все ступени и протянул Тане руку, та её пожала.

– Саша предупреждал, что ты должна придти. Он так прямо и сказал: «Настя в любой момент придти может, так что ты ей, Георгич, ключи передай, если что. Она в курсе, что ключи у тебя...». Подожди малёк, я их сейчас вынесу. Хорошо?

– Хорошо...

Старик привычно быстро справился со своей дверью, затем ненадолго утонул в темноте квартиры и вернулся, побрякивая связкой ключей.

– Держи... – протянул он их Тане. Та взяла.

– Спасибо.

– Ой... Не за что! Я-то на пенсии давно, вот и сижу днями дома. Кого, как не меня, о подобных вещах просить? Я что-то вроде местного хранителя, – довольно улыбался дед. – Ну... Приятно было познакомиться! Мы с Сашей совсем недавно соседствуем – от силы месяца полтора, как он эту квартиру снимает. Теперь, вот, и ты, Настя, приехала. Уверен – сдружимся. Саше привет!

– Хорошо, – неуверенно пообещала она.

Старик скрылся за своей дверью, а Таня, совершенно ничего не понимая, начал подбирать ключи к замкам Сашиной квартиры.

Его жилище встретило Таню темнотой и запахом сырости – так пахнут помещения, давно лишённые человека... Запах мерзости запустения... Стоило лишь закрыть за собой дверь, как тревога и опасность усилились во стократ, будто сама квартира хранила в себе эти чувства, размазанными по стенам, полу и потолку густыми жирными слоями...

Откуда-то играла знакомая мелодия... Сначала Тане показалось, что в самой квартире... Но, прислушавшись, она поняла – кто-то из соседей любит по вечерам громко слушать музыку. Электронные переливы «Miss you» эхом разползались по комнатам, отчего пробирала дрожь.

Стараясь справиться со всё нарастающим страхом и не отступить, Таня начала ладонью рыскать по стенам в поисках выключателя. Он нашёлся почти сразу. Правда, толку от этого было никакого – свет почему-то не загорался. Тогда девушка достала из кармана плаща мобильный телефон и включила (как она это часто делала в потёмках своего подъезда или улицы) встроенную фотовспышку. Света это малюсенькое приспособление давало достаточно, чтобы можно было увидеть всё, что нужно.

Наскоро скинув обувь и пройдя из коридора в ближайшую комнату, Таня первым делом отыскивала выключатель. Но и он почему-то не работал. Девушка разумно решила, что выбило пробки. Оставалось только надеяться, что зарядки телефона хватит надолго и свет не погаснет в самый неподходящий момент.

С другой стороны, она явно не знала, что делать дальше. Вот она оказалась в Сашиной квартире, но, столкнувшись один на один с темнотой и одиночеством, всё не могла продумать дальнейшие действия. Таня уселась на массивное кресло, забитое какими-то вещами, и, по привычке скрестив руки на коленях, положила на них голову. Она думала.

«Какого чёрта я вообще здесь делаю? Я всего лишь хотела поговорить с Сашей, а теперь... Вот, сижу в его квартире под личной Насти. Зачем мне это? Они в любой момент могут прийти, и тогда мне несдобровать... Но вообще-то странно, что старик принял меня за Настю. Неужели за полтора месяца, что они снимают эту квартиру, старик ни разу с ней не пересекался? Действительно, странно...»

Наряду со всё не унимающейся тревогой, возникла догадка, которую она тут же решила подтвердить или опровергнуть. Она встала и начала обследовать квартиру.

В комнате, где она находилась, мебели почти не было. Лишь кровать-«полуторка», старое потрёпанное кресло, заваленное

вещами, в основном, женскими... Какие-то спортивные штаны, блузка, белые носки и ещё что-то непонятное... Да большой сервант (почти во всю стену) под стеклом которого красуется хрустальная посуда, а полки под завязку набиты книгами. Таня зачем-то наскоро пробежалась по их корешкам: почти полная собрание Харуки Мураками, несколько книг Коэльо, Ремарка, Кафки, парочка – Вербера, много Стругацких; на отдельной полке – учебники по медицине (тут Таня вспомнила, что Саша упоминал о Настиной учёбе в меде и интернатуре)... И ещё – куча совершенно разных по стилям и направлениям книг, по разнообразию и непохожести которых можно было сделать вывод, что собирал их человек, не имеющий своего вкуса, но активно его ищущий.

Закончив с сервантом, девушка перебралась ко столу, на котором величаво восседал компьютер. Она коснулась кнопок клавиатуры – на пальцах остались точки серой пыли. И правда, присмотревшись, Таня различила толстенный слой пыли и на столе, и на мониторе, и даже на самом серванте. Возникло такое ощущение, что здесь на самом деле никто не живёт.

Девушка осветила над самым столом стену, где висела большая фотография в рамочке. Там Саша в своём обычном (или, по крайней мере, в очень на него похожем) костюме, счастливо улыбаясь, обнимает невысокую, достающую лишь до его плеч, блондинку в свадебном платье. Оба искренне счастливы и готовы в любую секунду взорваться только что приобретенной радостью...

Только сейчас увидев это фото, Таня поняла причину своей тревоги. Она боялась отыскать здесь правду и теперь получила по заслугам за своё любопытство и нетерпение... Этот человек на фотографии был вовсе не Саша... То есть в оболочке Саши – то же лицо, та же длинная шея, и даже причёска почти одна... Но всё же это был совсем не тот Саша, что каждый день приходил на работу, что провёл с ней *ту ночь*, не тот, которому она кричала вслед, прося обернуться... Это были два совсем разных человека – на фотографии – живой, полный сил и готовый стать счастливым Александр и его полная противоположность, словно бы половина его настоящего, лишь его малая часть, опустошённый и

живущий будто бы просто так, по инерции, Саша... Таня никогда не видела, чтобы он *так* улыбался, как он это делает на фотографии – словно живой.

Таня смотрела на образ когда-то существовавшего человека, и ей становило ещё страшнее, чем в начале, когда она ступала в неизвестность... Хотя она и не могла понять, откуда, как ей удалось увидеть, почувствовать всю эту разницу, подметить эти мелкие, но значительные нюансы, сомнений, что они не являются плодами воображения, а соответствуют действительности, не было.

Обернувшись, она начала светить по сторонам, стараясь увидеть комнату в целом, а не по частям, как до этого... Ей казалось, что только так она сможет понять что-то важное, что от неё ускользало всё это время. Диван... Разбросанные в кресле вещи... Книги невпопад... Слой пыли на столе... Запах пустоты и заброшенности... Всё это напоминало пародию на жизнь, её жалкую имитацию, декорации к малобюджетному фильму... Словно всё *специально* оставили в таком положении, как оно *могло бы быть* в обычной жизни... И с тех пор так ни разу и не прикоснулись к вещам и мебели.

Вдруг образ, яркий и реальный, будто Таня наблюдала со стороны, заставил её отшатнуться, чуть не упав... Она представила... Нет, увидела, как он заходит в квартиру, стягивает с себя куртку и ботинки, проходит в эту самую комнату и садится на ковёр в единственном свободном от мебели углу... И наблюдает от–туда, сквозь темноту, за силуэтами, очертаниями вещей, словно охотясь за прошлым...

Что-то важное, буквально разрывающее Танино сознание на части, было совсем близко... Осталось только протянуть руку и взять... Повинуясь толкающей вперёд интуиции, она начала открывать нетронутые до этого ящики серванта... Один за другим... Сама не зная, что именно ищет...

В первом были какие-то тетради... «Не здесь!».

Во втором оказалось женское нижнее бельё... «Не здесь!».

В третьем – какие-то провода, подзарядка для мобильного и толстая инструкция к домашнему кинотеатру... «Тоже не здесь!».

Тогда она передвинулась чуть левее и начала шарить в соседних ящичках... То, что она искала, оказалось в самом первом. Таня полностью его выдвинула и положила на пол, чтобы легче было копаться в найденном. Одной рукой она подсвечивала вспышкой мобильного, другой – ковырялась в фотоальбомах, документах, ксерокопиях чего-то... Чувствуя, что подошла вплотную к ответам.

На самом дне, в целлофановом файле лежали Настины документы: паспорт, свидетельство о рождении, трудовая книжка... А ещё – маленький листик, размером не больше компакт-диска. Таня начала читать напечатанные на нём слова и цифры... И вдруг ей перестало хватать воздуха... Но она читала дальше, не смея остановиться... Разглядывая размытые из-за слёз буквы... Борясь с дикой головной болью и желанием убежать...

«Гражданка такая-то, столько-то лет, такого-то числа такого-то года во столько-то часов столько-то минут скончалась по причине такой-то. Смерть была зарегистрирована в отделении таком-то, такой-то больницы, города такого-то. Факт смерти занесён в государственный реестр врачом таким-то под номером таким-то. Подпись... Печать...»

Настя носила ту же фамилию, что и муж. Он как-то рассказывал, как она долго не могла решить – оставить девичью или взять Сашину. Кажется, они по этому поводу как-то даже сильно разругались...

Таня сидела на полу, задыхаясь, утопая в слезах и обиде...

– Ну почему?.. Почему же? – не переставая, шептала она, – Почему?..

Находиться в этой квартире было уже нельзя. Поэтому, даже не закрыв за собой двери, она выбежала на улицу и села на лавке у подъезда. Но даже здесь ей казалось, будто окна той квартиры наблюдают за ней, укоряя за то, что нарушила тишину и спокойствие...

Уйти? Нет... Вместо ответов, на которые она так рассчитывала, появление здесь оставило ещё больше непонимания.

Из двора был один единственный вход и выход – именно там она и решила дожидаться Сашу. А то, что он может и не прийти, ей даже не приходило в голову. Таня встала под самым фонарём, прислонившись спиной к ближайшему дереву: ноги-предатели не хотели её держать вовсе. Именно сейчас, как никогда ранее, Таня чувствовала себя созданной из плоти и крови... А если ещё точнее, из мяса... Уставшего, опустошённого мяса.

Ждать пришлось примерно минут сорок. Всё это время Таня, задрав голову вверх и опёршись о ствол дерева, смотрела, как то ли дождь, то ли снег путается в голых, безлистных ветках... Поэтому она не сразу обратила внимание, что в нескольких метрах от неё кто-то стоит.

Он был одет точно так же, как в их последнюю встречу. Разве что куртка была застёгнута и большой синий воротник некрасиво выпирал из-под кожанки.

– Какого чёрта?! – зло прошептал он. – Я же сказал, что мы больше не увидимся... Ты мне что, семью разрушить хочешь?!

Таня хотела ответить, но вместо слов у неё вырывалось что-то среднее между плачем и смехом. Но, всё же справившись с собой, она сказала:

– Какая семья?! Саша, зачем...

Он не дал ей договорить, подошёл и сильно, так, что Таня чуть не взвыла, схватил за руку.

– Отпусти! Мне же больно... – закричала она, стараясь высвободиться. Мужчина разжал руку, и девушка тут же отступила на несколько шагов.

– Уходи!

– Саша... Почему?.. Ответь... – ладонями смахивая с лица слёзы, пыталась она выдавить из себя хоть что-то внятное. – Зачем ты всё это время врал? Почему ты не мог сказать правду?! Мы бы всё поняли... Я бы поняла тебя!

– Перестань реветь... – зло приказал он, – я почти ничего не понимаю...

– Зачем тебе нужно было врать о Насте? Зачем ты врал, что она жива?

Сашино лицо переменилось, медленно, как это бывает в кино – сначала злость превратилось в удивление, и лишь затем в страх... В дикий ужас...

– О чём ты?.. Что ты сделала с Настей?! – безумец будто и не осознавал, что творил. Он начал судорожно хватать воздух ртом и елозить по куртке руками, что-то разыскивая. В одном из карманов он нашёл мобильник и трясущимися руками стал нажимать светящиеся зелёным кнопки.

– Что... Что ты могла с ней сделать?.. – не переставая, шептал он. – Клубничка... Господи, хоть бы всё было в порядке... Боже мой, Клубничка...

Он прислонил телефон к уху, крепко зажмурил глаза и начал резко дёргать головой, будто стараясь из неё что-то вытрясти...

У телефона оказался громкий динамик, что даже Таня услышала, как голос в трубке вежливо забубнил: «Извините, но данный номер не обслуживается. Попробуйте связаться с оператором. Sorry...»

Услышав эти слова, рука, державшая Сашу в напряжении, будто бы ослабила свою хватку, и он как-то обмяк весь, расслабился, громко выдохнув...

– Ну слава Богу... – сказал он вежливому голосу, что рождался в далёком компьютере, беспрерывно продолжая жмуриться и поддёргивать головой. – Да нет, всё в порядке... Что? Всё в порядке, Клубничка, не беспокойся... Просто показалось... Угу... Я уже под самым домом, скоро буду... До встречи...

«...Не прощаюсь», – привычно ответила Настя.

Он оборвал разговор и засунул телефон в карман, после чего открыл глаза и перестал трясти головой. Саша стоял, брезгливо глядя на испуганную, ничегошеньки не понимающую Таню.

– Я иду сейчас домой... К жене... И, надеюсь, тебя больше не увижу... – сказал он, и развернувшись пошагал к подъезду.

Таня глубоко и быстро дышала, стараясь не задохнуться.

– Боже мой... – закрыла она ладонью рот, чтобы сдавить вырывающийся крик, – он же болен... Ведь Саша болен... Её уже год

как нет... А он думает... Что она... Боже мой!

Саша нажал на «play» и в наушниках зазвучал оборвавшийся Gary V – Lead my home. Вроде бы всё как всегда... Он идёт домой, слушая любимую музыку, но... Ощущение, будто он что-то забыл, никак не покидало его. Он хотел, он старался вспомнить, что же именно... Но у него никак не получалось... Будто он мчался за отъезжающим автобусом, стараясь успеть схватиться за пока еще открытые двери... Но каждый раз, почти достигнув цели, он спотыкался и падал, навсегда упуская свой шанс... Вспомнить...

Шаг за шагом он приближался к подъезду. Каждый пройденный метр был для него настоящим испытанием: «Дойду или нет?» К тому же, как будто назло, дорога-предательница была сущей каторгой. Неверный шаг, и, поскользнувшись, можно с лёгкостью оказаться в одной из тысяч луж, которыми был усеян весь путь. Ещё этот то ли дождь, то ли снег больно царапал лицо, стараясь как можно сильнее его изувечить ... И дикая усталость... Казалось, по всему телу вместо крови растекается яд, от которого деревнели мышцы; тело казалось неподъёмно тяжёлым и улица словно была покрыта непроницаемой пеленой...

Подойдя к привычной серой пятиэтажке, Саша остановился напротив своих окон и поднял голову вверх так, чтобы получилось увидеть, горит ли на пятом этаже свет. Ни кухня, ни комната сегодня не желали согреть его своим тёплым сиянием. «Значит, уже спит», – подумалось с грустью.

Встав перед подъездом, он начал ковыряться в сумке, стараясь найти чип от тяжёлой железной двери, охранявшей вход от «чужих». Ключ всё никак не хотел находиться, звонить в домофон Саша даже и не думал – всё равно нет никакого смысла, ведь *Настя обычно так крепко спит*, что её и целая артиллерия не сможет разбудить.

Отковыряв-таки ключ в одном из карманов сумки, он с лёгкостью открыл дверь и медленно начал подниматься, опираясь на перила. Саше предстояло преодолеть ровно пять этажей, или по-иному, семьдесят семь ступеней. Сейчас эта цифра казалась просто невозможно, невообразимо огромной – 77. Чтобы легче было

подниматься, он считал в процентах – пролет равен десяти процентам. Получалось, что, поднявшись на свой этаж, он проходил 100% пути. Когда знаешь, где ты сейчас находишься, и сколько ещё осталось до конца, проще идти вперёд.

«Это ничего, что Настя уже спит... – думал он, борясь с усталостью и желанием здесь же свалиться и уснуть. – Сейчас, как и всегда, только лишь поднявшись на свой этаж, я почувствую запахи еды, что она приготовила *для меня*. А когда хотя бы чуть-чуть приоткрою дверь, вкусные запахи накинутся на меня со всех сторон... Да так, что я и вовсе забуду о злобной усталости. Тихонько, чтобы не разбудить мирно сопящую Настю, переоденусь, приму душ, а затем спокойно, неспеша начну наслаждаться едой. Закончив, сполосну посуду и отправлюсь смотреть телевизор. Когда надоест и глаза сами начнут закрываться, выключу ящик и поставлю на центре музыку – пускай “Life time” Уреу будет фоном снов. Забравшись в кровать, поглажу её и поцелую, прошептав на ушко: «Спокойной ночи...» Настя сквозь сон пробубнит что-то невразумительное и перевернётся на другой бок, разрешая себя обнять. Слившихся, единых в теплоте, нас накроет сон...»

Саша поднимался по ступенькам и улыбался, думая о Насте... Так почему-то идти было намного легче... И даже получалось забыть об усталости...

Шлюха

– Знаешь, что общего между ожиданием отправления поезда, ожиданием какого-то человека в толпе и ожиданием, когда в центральном парке фонари зажгутся? – вдруг, ни с того ни с сего, спросила она.

Мы сидели на лавочке во дворике больницы и курили. Зелёно-белые кусты жасмина навесом укрывали нас от душного полуденного солнца и пристального взгляда заведующей отделением – рьяной противницы вредных привычек. Мы часто вместе ходили на перекуры. Мне нравилось сидеть с этой молчаливой двадцатипятилетней девчонкой, переговариваться односложными фразами, увлечённо пускать противно пахнущий дым в небо, наблюдая, как он теряется в хитросплетениях ветвей жасмина.

Сегодня было особенно приятно проделывать ставший привычным за несколько лет работы в больнице наш маленький ритуал. Прямо, как «трубка мира» у индейцев. Именно сегодня, а, точнее сейчас, было здорово курить именно *эту* сигарету, так как она была последней... Моей последней сигаретой в статусе сотрудника *этого* отделения *этой* больницы... Да и вообще последней: я твердо решил, что на новое место работы перейду уже некурящим человеком.

Оставалось отработать какой-то час – и можно собираться домой... А ей – что-то около пяти часов. Ну, а завтра – снова сюда.

– Ожидание? – сказал я, обозначив шутку широкой улыбкой. Но она никак не среагировала. – Тогда не знаю... – покачал я головой.

Она удовлетворённо кивнула, мол, и так понятно, откуда тебе знать...

Я приготовился услышать какую-то шутку, типа: «Что общего между утопленником, беременной женщиной и подгоревшим хлебом?» Ответ: «Не успели вынуть! Ха-ха...»

– Вот представь, – начала она, задумчиво поднимая глаза в небо, – Провожаешь ты своего друга. Надолго. Он нескоро вернётся. И проводница уже подняла железные ступени... Вот и стойшь ты

вместе с другими провожающими, смотришь в окно вагона, за которым друг корчит какие-то рожи, что-то пытаюсь сказать, докричаться. И все остальные тоже гримасничают... Хотя, конечно же, этого не замечают, так как не могут увидеть себя со стороны... И опять же, все, как один постоянно достают из карманов мобильники и закатывают рукава, чтобы посмотреть, через сколько минут отправление... И вроде бы давно уже пора – аж целых пять минут, как поезд должен быть в пути. Все ждут...

Или стоишь ты в самый обычный день или вечер где-нибудь в центре города, ждёшь кого-то. Лучше всего, если любимого человека. Все кругом шмыгают, снуют туда-сюда – людской поток больше всего похож на косяк серебристых рыбешек, упорно стремящихся к цели, затерянной далеко в океане. Гудят машины, слышится скрип тормозов, нытье клаксона и грубая ругань. Короче, самый обычный день... Стоишь под большими неуклюжими часами, как ни странно, работающими, да к тому же работающими правильно – минута в минуту... Поэтому, сам того не замечая, ты смотришь на часы очень часто, каждые секунд тридцать-сорок. А затем обращаешь взгляд к людскому потоку, рыскаешь среди лиц и одежд – ищешь среди них знакомые, любимые черты. А затем опять... На часы. Ведь любимый человек вот-вот должен появиться, во-о-он с той стороны – он никогда не опаздывает. Часы... Толпа... Ожидание...

Или сидишь ты один-одинёшенек в парке. При этом тебе совсем неплохо, а, даже скорей, наоборот... Просто захотелось летним вечером побыть наедине с собой... В парке, где всё зелёно, пахнет речной водой и аккуратные дорожки тщательнейшим образом выметены... Сидишь, наслаждаешься вечером и слушаешь, как куранты в старинном дворце (местной достопримечательности) пробили девять раз. И ты вдруг вспоминаешь, что ровно в девять в парке загораются фонари. Ты всегда обожал этот момент и поэтому начинаешь ждать, когда же...

Она замолчала. Я лишь удивленно уставился на её лицо с привычно грустными глазами и вежливой, еле обозначенной улыбкой. Она никогда столько не говорила, предпочитая слушать или просто молчать. А тут столько сказано... Да ещё как-то неорди-

нарно для «перекурного» разговора.

–И-и... Что общего? – искренне поинтересовался я.

Она оторвала взгляд от пропечённого, пропотевшего жарой неба и посмотрела на меня... Мурашки сами собой, единой волной растеклись по телу. Каждый раз, когда она *так* на меня смотрела, я начинал чувствовать себя как-то странно... Ни плохо и ни хорошо... Просто странно – трудно выразить как-то по-другому. Мне вдруг начинало казаться, что я ещё очень много в жизни не знаю, что всё еще только впереди... А вот эти грустные глаза – знают. Но что именно – мне непонятно.

– Как бы ты усердно ни ждал и ни был готов... Помимо твоей воли... Всё происходит *неожиданно*.

– Неожиданно? – не понял я.

– Да, именно неожиданность объединяет всё... Внезапно судорога пронесится по выстроенным позвоночником вагонам и состав медленно начинает набирать скорость. Внезапно какой-то большой дядька в коричневом твидовом пиджаке отступает в сторону и прямо за его спиной оказывается лучезарно улыбающееся тебе лицо любимого человека. Внезапно, словно повинувшись только что пронесшемуся порыву ветра, один за другим зажигаются светлячки фонарей – сначала совсем слабо, а затем – разгораясь всё сильнее... И от этого тебе будто бы становится теплее.

Она замолчала.

– Неожиданность... – повторил я сам для себя. А она кивнула.

– Прямо как у Булгакова в «Мастере и Маргарите», – почему-то решил я сравнить.

– А как у Булгакова?

Я почесал затылок, стараясь как можно точнее вспомнить слова.

– Воланд, по-моему, Берлиозу говорил: «Страшно не то, что человек смертен, а то, что смертен внезапно».

Она посидела несколько секунд, видимо, пытаясь до конца понять смысл только что услышанного. Затем медленно встала, расстроено пробубнив себе под нос что-то вроде: «Ну, и дурак!» И ушла.

Кажется, это был последний раз, когда мы с ней виделись.

Спустя полтора года я сидел в третьем часу ночи в ординаторской, пил кофе с молоком и болтал о всякой ерунде с медсёстрами. До конца смены оставалось ещё более половины рабочего дня (а точнее ночи). По больнице шастали постоянные проверки, так что даже вздремнуть не удавалось... Единственное, чем вволю можно было наслаждаться – это трёпом с медсёстрами и санитаркой.

С полуночи до трёх было моим самым любимым временем в ночной смене: пациенты давно спят, бумажные дела все закончены, дремота ещё не одолевает. Именно в этом промежутке разговоры получаются самыми содержательными, сплетни – самыми грязными, признания – самыми откровенными...

С девчонками я уже давно сдружился, и они меня принимали за своего. То есть на кокетство и флирт со мной у них уже не оставалось сил, вот и секретничали при мне, не стесняясь, словно и не было меня вовсе, а сидела подружка. Мне это даже нравилось – интересно было видеть женский мир «без купюр».

Я даже не заметил, как от обсуждения разницы между Орифлэймовскими и Эйвоновскими духами разговор перетёк в «потаскушное» русло. Хотя нет, вру... Одна из девчонок начала рассказывать, как ей впервые в 17 лет первый парень (который год назад умер от цирроза печени) подарил духи «по каталогу». Остальные стали спрашивать: «Что за парень, и отчего с ним такое произошло?» Наташа, медсестра, рассказала, как встречалась с ним, а он был из неблагополучной семьи. И ещё упомянула, что Сергей (Царствие ему небесное!) в конце концов променял её на местную шлюшку (как она выразилась – «жену района»). И тема закрутилась-завертелась... Каждая начала выкладывать все знания и опыт про «падших», что накопились за долгое плавание в миру. А я лишь, уютненько прислонившись к шкафчику с лекарствами, слушал, наслаждаясь *бабьим* обществом.

– У меня тоже соседка жáру давала. Да и сейчас наверняка *даёт*, – двусмысленно сделала ударение на последнее слово Таня. – Маринка – местная достопримечательность моего военного го-

родка... И не только...

Когда-то Таня, ещё с родителями, жила в военном городке, что на окраине. А там, конечно же, всё про всех знают. Причём информация – самая достоверная. Из первых уст, так сказать.

– ...Спросят меня, где живу, я и отвечу. А мне: «Это там, где Маринка (назвала фамилию) живёт? А-а-а... Знаю, Знаю...». Её все, кто хотел, «знали». Разве что ленивому было в падлу с койки подняться. Она и не скрывала, что шлюха. Так и говорила: «Бутылка водки и пачка сигарет – всё, что мне нужно, чтобы парень понравился...»

Таня продолжала рассказывать, как с Мариной обращались: как её голую возле дома из машины вышвыривали, а она лишь хихикала; как любой мог подойти к ней на улице и «отвести на пять минуток в сторонку»; как Таня со своим парнем видела её в сауне, обслуживающую сразу трех парней... Она рассказывала эти отвратительные в обыденности вещи про незнакомого мне человека, а я слушал, ужасался вместе со всеми, одновременно пытаюсь понять, что же меня *так* напрягает. И тут НЕОЖИДАННО до меня дошло...

– Тань, подожди секундочку! – перебил я её рассказ. – Как ты сказала, её фамилия?

Таня повторила.

– Слушай... А эта не та Марина, что в больнице недалеко от твоего военного городка медрегистратором работала? У неё ещё верхних передних зубов нету?!

Таня кивнула.

– Какая там у неё должность, я не знаю. Но вряд ли она врач – ведь образования никакого. А зубы у неё выпали после того, как Лерку родила. И сколько не пыталась, что-то у неё не выходило их в порядок привести, – подтвердила Таня.

– А дочка у неё от кого? – ехидно поинтересовалось Наташа. – Или она не в курсе, кто из тысячи отец?

– А чёрт его знает... – пожала плечами Таня. – Говорила, что какой-то питерец на ней жениться хотел, а дочку, вроде, признал. Но когда и дураку стало понятно, что и как... Естественно, я спрашивать не стала.

Таня повернулась ко мне.

– А ты её знаешь, что ли?

– Вместе работали одно время, – уклончиво ответил я.

Наташа противенько так улыбнулась, что означало – готовит какой-то подвох.

– Ты, я надеюсь, не упустил возможности воспользоваться шансом?

– Иди ты! – выругался я на подлюченькую Наташу. Затем встал и направился под ошарашанные взгляды к себе в кабинет.

«Пусть думают, что хотят...» – пронеслось в голове. И добавил вслух:

– Бабьё!

Свет включать не стал: достаточно было луны, что в избытке освещала и улицу, и часть кабинета. Прошёл к столу, отодвинул верхний ящичек, из которого достал пачку лёгкого «Честера» и пепельницу с утонувшими в ней окурками. Завоняло так, будто кто-то только что опрокинул полное мусора ведро. Открыл окно и стал курить, стараясь, чтобы дым выходил в лето, что поселилось на улице. Лето...

Сейчас, наверное, как раз зацвел жасмин во дворике старой работы... «Дворик старой работы», – звучит глупо. Хотя как по-другому скажешь?

Когда только-только перешёл в *эту* больницу, то, что я здесь делал, называл «новой работой», а ту – просто «работой» и в прошедшем времени («Работа была...», «На работе получал...»). А вот теперь (и уже довольно давно) эту работу стал называть просто «работой», в настоящем. А ту – старой...

Вдруг я понял, что искусственно стараюсь подавить всплывающие мысли о Марине. Почему?

Наверное, потому, что мне было больно о ней думать. *Почему?!* Ведь о ней (вместе со «старой работой») я говорю в прошедшем времени, как о пройденном этапе, как о чём-то умершем, ушедшем из моей жизни навсегда. Почему же тогда *так* больно?

Хотя... Это была, скорее, не боль, а злость... Сильная, жгучая

ялость на Марину... И ещё – большая обида.

Нет... Дело совсем не в том, *как* она себя ведёт – плохо или хорошо – не в этом дело. Просто я почувствовал себя обманутым, дерзко ограбленным среди бела дня, избитым и уничтоженным на глазах спешащей равнодушной толпы. Мне она представлялась одним именем-лицом, когда на самом деле носила другое. И кем она *была* в реальности, уже не оставляет сомнений.

Хотя... С другой стороны, а как она ещё должна была поступить?! Придя на новое место работы, со всеми так и знакомиться: «Здравствуйте. Меня зовут Марина. Я – шлюха.» Это же абсурд. Естественно, что она старалась держать марку, что, опять же, совершенно нормально.

Но, несмотря на разумные оправдания, злость и обида всё никак не хотели уходить...

Наверное, дело не в том, какой она старалась казаться... Дело в том, какой Я ЕЁ ВИДЕЛ, какой представлял. Я поверил ей... Поверил, что та грусть в глазах и вежливая, еле обозначенная улыбка – настоящие... И загадка, что она загадала мне в нашу с ней последнюю встречу, тоже была настоящей! А тут... Оказывается...

Ещё в самом начале, когда я только пришёл на «старую работу», с Маринкой общение сразу получилось лёгким и в удовольствие. Со временем оно переросло в кокетство. Так исподволь я начал к ней приближаться. Хотя и служебным романом это назвать нельзя. В итоге «романтические» отношения закончились попыткой секса в кабинете заведующей. Попытка осталась попыткой, потому что нас хорошенько напугало неожиданное возвращение блудного начальства. После этого мы (по обоюдному молчаливому согласию) увеличили дистанцию до «дружеской», и больше её даже не пытались сократить. Ни я, ни она.

Желая сблизиться с Мариной, я поступал с ней, как и с любой понравившейся мне женщиной... Кто ж мог знать, что достаточно было бутылки и сигарет, чтобы взять её за волосы и отыметь, где и как угодно.

Я злился на неё за неоправданное доверие, за честность, что излучало её милое лицо. Даже не имея двух передних зубов, искусно маскируя этот недостаток, она могла улыбаться так, что

светлячки зажигали огни, судорога проходила по позвоночнику и в толпе, наконец-таки, мелькал знакомый силуэт...

Пиком моей злости стал момент, когда мне очень... Очень-очень сильно захотелось ей отомстить за предательство. Сделать так, чтобы и ей было плохо.

Например, найти её телефон, пригласить попить пивка к себе, не оговарив при этом, что будут приглашены ещё три парня... Парня, которые по жизни, в принципе, и ничего, но по отношению к женщинам – убудки, мерзкие и жестокие. Есть и такие среди моих знакомых...

Впустить её в квартиру, посидеть с ними 10-15 минут, а затем незаметно прошмыгнуть в подъезд – и куда-нибудь... Надолго... Чтобы не мешать убудкам разрывать, словно старую вещь, пущенную на тряпье, её тело и душу... Тело и душу предательницы.

Или (ещё хуже) – позвонить, спросить: «Как дела?» у одной гадливой, мстительной и болтливой санитарки со старой работы, где, надеюсь, Марина всё так же трудится в поте лица. Заодно «к слову» изложить подробности о серых буднях «Вашего медрегистратора». Бьюсь об заклад – к вечеру следующего дня уже вся больница провожала бы её ненавистными взглядами.

Это была бы достойная месть...

Только я, конечно же, ничего такого делать не стал. Потому что я – это я. И мне было достаточно один раз наказать Марину в голове, чтобы «отпустило».

Достойная месть?

Я стоял на остановке, нервно провожая взглядом каждую забитую под завязку маршрутку, что не хотела отвозить меня к месту моей спешки.

– Привет, – дернув меня за рукав, поздоровался кто-то. Я обернулся.

Марина. В тёмно-красном, почти бордовом, осеннем пальто. Рядом стоит Лерка, делая вид, что не узнала меня и ей намного важнее стайка голубей, вымогающая у бабульки семечки.

– Привет, – искренне обрадовался я.

В первую секунду, пока было *неожиданно*, я смотрел на Ма-

рину... Ту самую, что с настоящей грустью в глазах и вежливой, еле обозначенной улыбкой. А спустя мгновение передо мной стояла шлюха, что сосёт и трахается за водку и пачку сигарет.

– Как дела? – механически спросил я, приторно-искусственно улыбнувшись.

Может быть, мне показалось, а может, и на самом деле, она как-то ТАК посмотрела на меня – пристально, очень «ясно»... Будто считывала с моих глаз информацию, будто понимая всё... ВСЁ ПОНИМАЯ... Мурашки опять зашевелились у меня под кожей.

– Нормально, – ответила она, посмотрев на Лерку как тогда, в последний НАШ раз она смотрела на небо.

Тут настал мой черед *понимать*...

Во всей её внешности, в этом взгляде, что погас секунду назад, что-то читалось... Казалось, я должен... ДОЛЖЕН что-то понять, но что именно, до меня никак не доходило.

Всё оставшееся время (от силы, минут пять) мы обменивались ничего не значащими фразами. Затем подошла моя маршрутка, и я, бросив скупое пока, с выдохом облегчения залез в кабину.

По дороге у меня страшно разболелась голова, буквально раскалываясь на части. Боль не отпускала целый день. И никакие таблетки не смогли облегчить страдания. Кое-как доделав всё запланированное на сегодня, я добрался до дома и завалился спать.

Только (вот беда) уснуть всё никак не получалось.

Наутро я открыл глаза с абсолютно ясной головой и чётким пониманием той встречи. Так случилось... Что, вынырнув из сна, открыв глаза, понимание *уже* находилось внутри меня.

Тогда, на остановке, Марина хотела сказать, что она не обманщица.

– Откуда ты знаешь, где я настоящая, а где – нет?! И почему ты решил, что предала я именно тебя, а не остальных... Ведь они чужие?! – спросила бы она меня, если бы смогла грусть в глазах превратить в слова...

Хранитель историй

– Так вот, мне кажется, – медленно проговорил он, – что художник сам должен сочинить сюжет своей жизни, любви, смерти... Так же, как сочиняет он его для своих персонажей. Великий художник ведёт на ниточках, как послушных марионеток, не только своих героев, но и собственную смерть. Ах, чёрт возьми, послушай, как жаль, что ты не понимаешь испанский! – воскликнул он в отчаянии.

Дина Рубина

"Последний кабан из лесов Понтеведра"

Пролог

– Давно хотела тебя спросить... – вдруг раздался голос девушки. Она лежала, прислонившись ухом к его животу, словно пыталась подслушать, что происходит внутри.

– Спрашивай, – сонно протянул он, ни на секунду не переставая гладить её волосы. За окном виднелось чуть посветлевшее небо. Это могло значить лишь одно – скоро рассвет.

Она приподнялась, чтобы быть поближе к его лицу. Сквозь неспешно плывущие в потоках воздуха частички мрака было видно, как он лежит, закрыв глаза и подложив одну руку под голову.

– Давно спросить хотела... – медленно протянула она, словно внимательно подбирала каждое слово. – Почему все твои истории заканчиваются смертью? Нет... Ну, в самом деле, неужто ты не можешь написать ни одной истории с хэппи эндом?

Сказав это, девушка плюхнулась на подушку рядом с ним и стала всматриваться в его лицо, стараясь уловить оттенки хоть бы каких-нибудь эмоций. Но, как всегда, он ответил своим ровным, ничего не выражающим голосом.

– Во-первых, это не от меня зависит...

– А от кого же ещё? – удивилась она.

Он почесал переносицу, как делал всегда, когда подбирал слова.

– Это только кажется, что именно я рассказы пишу. На самом деле, уже готовые, завершённые истории складываются у меня в голове. Мне остаётся их лишь записать. Зачастую я и сам не подозреваю, чем всё закончится...

– Так значит, может быть, что концовка будет хорошей? – с надеждой предположила она.

– Нет... Не может...

– Эт-т-то почему?

– А потому... Я думаю, что конец истории наступает лишь с приходом смерти. "И жили они долго и счастливо..." – это не для меня, а вот "умерли они в один день..." – самое то!

– А, по-моему, можно и на хорошем остановиться...

– Можно-то можно... Но тогда (хочешь-не хочешь) останется ощущение какой-то незавершённости. А вот умер человек – и что дальше? Всем известно – ни-че-го... Смерть – это что-то вроде заключительной точки в конце каждой истории.

– А меня бы и многоточие устроило... – не унималась девушка. Он несогласно покачал головой.

– В любом хорошем повествовании обязательно должны присутствовать две составляющие – любовь и смерть. Почему? Потому что это две самые главные вещи в жизни каждого человека. Они были до рождения, они будут после... От одной люди всю жизнь удирают сломя голову, за другой – гонятся. По-сути, они и формируют нас такими, какие мы есть. Всего две составляющие, но важные. А разве стоит ещё хоть о чём-нибудь писать, кроме самого главного?!

– А мне кажется, существуют великие произведения, в которых ни любви, ни смерти нету.

– Назови хоть одно! – улыбнулся он. За окном стало совсем светло, поэтому его лицо уже было хорошо видно. – Ну?!

– Э-э... м-м... – нахмурилась она. – Ты же знаешь, я не очень-то читать люблю, да и память у меня дырявая. Я так сразу и не вспомню...

– И вообще, не вспомнишь, потому что без смерти и любви ничто не сможет стать *по-настоящему достойным памяти*. Я вот именно такую историю и хочу написать...

- Какую? Достойную памяти? – уточнила девушка.
- Угу... – кивнул он, – такая история должна начинаться с любви и заканчиваться смертью.
- И без всяких там непонятных концовок с многоточием... – шутливо поддержала она.
- Вот-вот... – в такт улыбнулся он, – никаких многоточий.

1. Тряпичная сумка

В городе, где, по самым последним данным статистики, проживало чуть более полумиллиона человек, жил-был парень. С первого взгляда он ничем особым не отличался от других жителей города: высокий, худощавый, с бледной кожей, носил мешковатые одежды и уши были вечно заткнуты пробками наушников – одним словом, такой, каких много. Но это лишь на первый взгляд... На самом деле, было в нём и кое-что особенное... То, что другие жители города просто не могли знать. Это что-то начисто выметало его из привычных устоев, а, значит, и повседневной жизни города.

Дело в том, что он был писателем. Да не просто заурядным писакой, какие сотнями и тысячами оккупируют литературные сайты в поисках трёх-четырёх почитателей, и даже не тем, чьи худенькие книжонки пылятся на прилавках... А был он одним из самых читаемых в мире авторов. Его детища, обёрнутые в приятные глазу глянцево-обложки, занимали специально сколоченные постаменты с подписью «BESTSELLER» в наикрупнейших супермаркетах; жизнью его героев торговали в самых разнообразных и зачастую экзотичных странах; его рассказы и романы часенько занимали первые места по скачиванию с пиратских интернет-библиотек... То есть, проще говоря, его книги продавались миллионными тиражами по всему миру.

Мог возникнуть вполне резонный вопрос: каким образом столь яркая фигура могла остаться незамеченной? Весь секрет заключается в том, что никто не знал его настоящего лица. Обложки написанных им книг никогда не украшала его самодо-

вольная или философско-задумчивая физиономия; модным журналам и папарацци не удавалось напасть на его след, чтобы сделать хотя бы один-единственный снимок... Следовательно, и огромная армия *его* поклонников автоматически превращалась в почитателей его *таланта*. Хотя он особо и не скрывался... Просто не очень-то и любил, когда к нему проявляли какой-то особый интерес или начинали о чём-либо расспрашивать. В центре внимания ему сразу становилось неуютно. Вот и получалось как-то само собой, что люди к нему быстро теряли интерес, считая человеком замкнутым. А он, в свою очередь, не больно уж и противился и скорее был рад, когда вновь можно было остаться в одиночестве. Ещё про таких говорят «сам себе на уме».

Многим такое поведение и нежелание получать заслуженные лавры могло показаться неоправданным или даже глупым... Но сам он так не считал. Когда кто-то интересовался, чем он занимается, парень всегда честно отвечал, что пишет. «И о чём же?» – обычно следовал вопрос. «О всяком», – всё также честно признавался он, не зная, что ещё можно сказать. Как правило, на этом всякие расспросы заканчивались. Может быть, люди просто не верили, что такой нескладный собеседник способен хоть сколько-нибудь интересно, красиво и витиевато играть словами, что просто необходимо в писательском ремесле. «Вот и говорит абы что, лишь бы отвязались», – думали люди.

Быть незаметным ему не то чтобы нравилось (как могло показаться), а, скорее, было привычным состоянием. Он считал, что среди людей каждый – сам по себе. И, несмотря на внешние проявления, каждый человек занят исключительно собственной персоной. И это не виделось плохим или хорошим, а, наверное, просто воспринималось как должное... Так же, как и то, что солнце слепит глаза, а под водой люди не могут дышать. Этот порядок его вполне устраивал. А, может, даже успокаивал и придавал сил. Ведь так можно и дальше с лёгкостью покидать место, где не хочется быть, и продолжать делать то, что больше всего нравится: скитаться, где угодно и выцарапывать перьевой ручкой в тетради всё, что приходит в голову.

Собственно, вся его жизнь и состояла из этих двух занятий.

Ничего другого он не желал, да и не мог делать. Хотя (как можно догадаться), он вполне мог бы позволить себе намного больше: и общение с самыми интересными людьми планеты, и путешествие в любую точку мира, и... В общем, всё, что могут дать деньги и известность – лишь только стоило захотеть. Но он не желал, вполне довольствуясь пешими прогулками по окрестностям родного города в полном одиночестве да исписыванием страниц. Почему парню этого хватало, сказать трудно. Может быть, писатель с мировым именем научился получать удовольствие от малого... Может, он боялся покинуть столь привычный и надёжный мир своего города... Может, ему просто не осознавал, какими возможностями он обладает... А, может, просто-напросто не умел пользоваться предоставленными жизнью возможностями...

Но факт остаётся фактом. И, несмотря на богатство и признание публики, он день за днём одевался по погоде, снимал со стула неизменную серую матерчатую сумку и шёл под солнцем или луной бродить среди новостроек, блуждать по ветвистым переулкам центра, путаться в паутине окраин...

Содержание серой (такой же неприметной, каким он себя и ощущал) сумки, за редким исключением, никогда не менялось. Внутри хранились настоящие сокровища... Вещи, составляющие основу и стержень его бытия: чёрная перьевая ручка «Lухог», большая и толстая восьмидесятилистовая тетрадь, внутри которой вложена ещё одна, обычная школьная двенадцатистовка. И ещё всякая мелочь: ключи, кошелёк, маленький фонарик... Именно эти тетради и ручка, питавшие энергией его жизнь, представляли наивысшую ценность.

Ручка несколько лет назад была подарена матерью на День Рождения. И за всё то время, что он писал ею свои рассказы и романы, кисть настолько привыкла к матовому телу ручки, что, казалось, уже давно должна была стать её частью и слиться с ней воедино.

Большая тетрадь содержала в себе текст рукописи, что находилась в процессе создания... Рукопись, качество которой после завершения будет оценивать целый мир. Зачем он постоянно таскал эту тетрадь вместе с собой, особенно если учесть, что ни-

когда не писал за пределами своей квартиры, оставалось непонятным даже для него самого. Просто чувствовал себя лучше, когда его труд находился под присмотром. В самой по себе тетрадке никакой ценности не было. Исписанная до основания, она заменялась новой, а после, отяжелевшая от чернил и пота, откладывалась до востребования в специально отведённый для погребения таких артефактов ящик стола.

Совсем для иного была предназначена малая тетрабочка (12 листов в линейку) производства Добрушской бумажной фабрики «Герой труда». Наверное, она и была самым важным грузом в сумке. В ней аккуратными прописными буквами были законспектированы идеи и мысли... Те самые первоэлементы, на которых зиждились все истории. Короткие и объёмные, понятные одному ему фразы, помеченные мелкими букашками цифр, были размазаны по страницам этой тетради. Какие-то (уже сделавшие своё дело) идеи были аккуратно вычеркнуты, какие-то сообщались между собой стрелочками, какие-то были дополнены рисунками...

Именно эта невзрачная с виду тетрадь, а, точнее, информация, хранившаяся в её недрах, и являлась единственным смыслом его жизни, его предназначением, его сутью... Зафиксированные здесь размышления (неотёсанные, грубые, зачастую вообще бессмысленные) впоследствии превращались в благозвучные, словно музыка, нежно переливающиеся строки.

Так, сумбурные, хаотичные после сна размышления о смерти из тонкой двенадцатистрочной впоследствии перекочёвывали в толстую тетрадь. Теперь уже в форме рассказа о суициде.

«109. Проснувшись сегодня утром, я обнаружил, что вся моя подушка мокрая – хоть выжимай. Спросонья я вряд ли был способен разумно мыслить. Поэтому, сильно не утруждая себя размышлениями, решил, что просто изрядно напускал слюней. Но, лёжа в кровати, пытаясь ещё немного подремать, я ощущал непонятную тяжесть или же, правильнее, тоску... «Наверное, ушедший сон оставил её после себя», – подумал я и перевернулся на другой бок.

Спустя полчаса оказавшись у зеркала, немного даже испугался: идеально гладкая поверхность отражала измученное, усталое лицо... Моё лицо... Пунцовые глаза рассказывали о том, что подушка пропитана моими слезами. Никогда бы не подумал, что способен реветь во сне.

Постигеув это, я даже не ужаснулся, не впал в меланхолию или же ярость... Скорее, удивился... Стало невероятно любопытно, что по ночам может настолько мучить? Какие мысли или страхи способны вытягивать слёзы литрами? Вроде бы, в моей жизни всё предельно просто и ясно... Каждый день предсказуем и надёжен... Разве может в таком положении хоть что-то нести разочарование и опасность? И я серьёзно задумался, ради кого или чего я способен настолько сильно переживать? Ведь (если поразмыслить) даже смерть меня не больно-то и страшит... Хотя...

Что такое смерть? Нет, не так... Что такое *для меня* смерть? Это когда меня просто не станет... Почему-то эта мысль меня не пугает, хотя и должна. Меня просто не станет, я даже ничего не почувствую... Так что же в этом страшного?

Меня всего лишь не станет? И всё? Нет... А вдруг меня не станет сегодня или завтра? Нестрашно, когда ОНА далека... А если прямо сейчас? Это что же получается, что я не смогу дописать свой рассказ... И следующую повесть, которая в планах?

Теперь я понял, что может мне привидеться во сне... Понимаю весь кошмар смерти... Для меня страшна не сама смерть, а то, что я не смогу выполнить всего задуманного. Не знаю, как остальные, а лично я живу, будто впереди у меня ещё целые века и тысячелетия, будто на всё у меня навалом времени. А при мысли, что жизнь может сейчас же и оборваться, меня аж передергивает. И появляется та самая тоска, которую я почувствовал, проснувшись...

Вот оно – не страшно перестать существовать, а страшно не успеть побыть...

Если бы меня заставили выбирать: или прожить всю жизнь, не имея возможности написать хоть строчку, или жить, как я и живу, то есть каждый день исписывая страницу за страницей, но

лишь в течении пяти... Нет, даже и одного года... Да хоть месяца... А затем умереть... Я знаю, что выберу второе. Потому что в написании для меня заключается весь смысл бытия... Я не могу жить без *этого*, без звука царапающей листы ручки, без измазанных в чернилах пальцев, без чувства удовлетворения прожитым днём...

Для меня смерть – это невозможность записывать свои мысли... Вот это на самом деле страшно... Это и может быть достойной причиной ночных кошмаров...

110. После того, как записал пункт сто первый, целый день ходил в каком-то трансе... Всё размышлял... Мысли никак не оставляли покое... Думал, думал и думал, как одержимый... Как это так – не быть? Нет, живому человеку не понять этого. Никогда. Точно так же, как и не понять намерения самоубийцы приблизить своё «не быть». Я добросовестно целый день старался представить, кто или что способно заставить человека по собственной воле ограничить свои возможности собственноручно созданной смертью...

Я даже и не думал о силе или слабости ЭТИХ людей... Наверное, для меня было важнее понять причину... Я вновь и вновь старался представить себе, что есть что-то страшнее, чем не иметь возможности заниматься любимым делом. Что-то страшное, убегая от которого, ты готов лишиться себя счастья быть творцом...

Но нет... Мне этого не понять. Я – это я, и другим человеком мне не стать. Даже на секунду. Тем более, что свой выбор я уже сделал.

111. Концовка рассказа «Снаружи» Елена совершает самоубийство.

В толстой тетради это выглядело так:

«...Зайдя в квартиру, Лена, в первую очередь, обошла каждую комнату. Как она и рассчитывала, никого дома не оказалось. На всё у неё оставалось не более часа. Поэтому, не теряя времени, она чёткими, по-военному равнодушными движениями приня-

лась воплащать задуманное. Было это совсем несложно. Она действовала без малейших колебаний. Видимо, помог заранее спланированный порядок действий, составленный на подходе к дому. Так люди, идущие в магазин или на рынок, по пунктам записывают, что необходимо купить, дабы избежать лишних движений, то есть суеты и беготни в поисках нужных товаров.

Пройдя в свою комнату, Лена сняла с себя сарафан, аккуратно его свернув, положила в шкаф, чего обычно никогда не делала, предпочитая раскидывать вещи на спинках стульев и дивана. В этот раз ей почему-то захотелось побыть аккуратной.

Затем, так и оставшись в трусах и лифчике, прошла на кухню. Порывшись на полках, достала и насыпала коту сухого корма, поменяла воду в блюде. Кот, как всегда, забившись в самый дальний угол, спокойно дрых, даже не подумав встретить хозяйку.

Зачем Лена последние минуты отдавала своему любимцу, хотя он этого и не оценит? Может, ей просто хотелось сделать что-нибудь хорошее, позаботившись о привередливом пушистом Мао. А, может, она решила, что во всей той суматохе, которая будет царить в этом доме в ближайшее время, все, конечно же, позабудут про кота.

Пройдя в ванную, Лена не стала закрываться на замок. «Зачем создавать лишние трудности родителям?» – размышляла она. Открыв и отрегулировав температуру воды, заткнув пробкой слив ванны, она встала у зеркала и начала придирчиво осматривать себя со всех сторон – своё тело... Лицо... Волосы... Ногти... Зубы... В таком осмотре она видела особый смысл. Делая это, Лена пыталась понять, осознать, что вот это всё сейчас, через какие-то минуты перестанет ей принадлежать, являться неотъемлемой частью её самой. Была ОНА – стала ничем... Но, как ни старалась, понимание какого это – «не быть» – всё не приходило.

Когда ванная наполнилась достаточно, Лена отыскала на полках старую папину бритву и, перешагнув через край, медленно погрузилась в воду. Вода была прохладной, еле тёплой – тело мгновенно покрылась «гусиной кожей».

«А, может, всё-таки стоило хотя бы что-нибудь написать роди-

телям, попытаться объяснить моё решение? – подумала Лена, но тут же отмахнулась от этой запоздавшей идеи. – Что сделано, то сделано... Надо идти...».

Она раскрутила бритву и достала из неё тонкий кусочек металла с именем «RAPIRA». Положив на раковину уже разобрannую бритву, она опустила руки под воду и, зажмурившись, рывком воткнула лезвие в левую руку у самого основания ладони. Справившись со страхом и болью, она медленно повела лезвие вверх к локтевому сгибу, разрезая вены одну за другой.

Не было уже ни больно и не было страшно... Боль и страх слились воедино, заменяя и дополняя друг друга. Голова стала совершенно ясной, от чего вновь захотелось жить... Но единственное, что Лена знала наверняка – что везде: и в жизни, и, тем более, в смерти, надо идти до конца. Закончив долгий путь, лезвие было отпущено на волю.

Мокрое бельё неприятно липло к телу.

Тягучая красная жидкость нехотя вытекала из распоротой кожи, спадала на дно ванны и там чернилами смешивалась с водой.

Лена набрала в грудь побольше воздуха и нырнула на самое дно. Со дна... Глубокого, чистого дна, она смотрела на лучи света, что проникали в её мрак... Ей хотелось вновь ощутить эту яркость внутри себя, хотелось стать маленькой и снова «просто быть»... Но надо идти до конца. Она смотрела на свет, пока он не стал красным. Тогда она зажмурила глаза и решила их уже больше никогда не открывать...»

2. Зов

Писатель целыми днями мог идти за Зовом, пока не находил то, что искал – ощущения. Это было его страстью и наваждением, от которых он не мог и не хотел избавляться, которым он не мог не подчиняться. Зов – это сильное, яркое, безудержное желание идти... Идти, куда глядят глаза. Брать с собой сумку – и вперёд, без лишних сомнений, с чистой от мыслей головой, идти.

Впервые с ним это случилось лет в шестнадцать. Однажды он проснулся посреди ночи в полной темноте и лежал без движе-

ния, наслаждаясь новым, неведомым доселе ощущением приближающегося «чего-то». Когда настал момент, писатель встал и без лишних вопросов, не оскверняя кристально чистый позыв души словоблудием логики, оделся; тихонько, чтобы не беспокоить родителей, прикрыл входную дверь, и пошёл вперед... Как того велело желание.

Плутая так по улицам до самого утра, застав рассвет, а затем и проводив большинство людей на работу, он почувствовал, что Зов утихает. Желание идти незаметно пропало. Он огляделся по сторонам: его окружала совершенно незнакомая местность. В этой части города он никогда ранее не был. Крутом такие же серые, безликие дома-коробки, как и везде... Ничего приметного... Разве что малюсенький музыкальный магазин выделялся на общем фоне спального района. Увидев вход и небольшую вывеску, шестнадцатилетний юноша понял, что именно сюда, к этому магазину и вело его странное, еле уловимое, но не дающее ни малейшего шанса воспротивиться, желание идти.

Оказавшись внутри, он обнаружил за прилавком молодого человека старше его года на три-четыре, пританцовывающего под какую-то дивную мелодию.

– Что это? – спросил будущий писатель, кивком указав на проигрыватель.

– Это, мой друг, музыка настоящих гурманов... – размыто ответил тот. Диск с «музыкой настоящих гурманов» был куплен на небольшие карманные деньги, что были с собой, и бережно доставлен домой.

Судя по всему, родители даже не заметили исчезновения сына, что вполне понятно – ведь он был вполне самостоятельным и никогда не докучал им, всецело заботясь о себе.

В тот день, в десятый раз прокручивая диск группы со странным названием «[re:jazz]», он размышлял о музыке и людях, которые её слушают. Ему показалось, что он кое-что понял... И эта мысль так понравилась ему, что, не задумываясь, он протянул руку к ближайшей тетради, лежавшей на столе. Это оказалась обычная школьная двенадцатилстовка. Именно там он (почему-то на последней странице) и записал свою мысль – просто не хо-

телось утратить плоды раздумий. Спустя пару часов рядом с первой надписью появилась ещё одна... Затем ещё... И ещё... Когда в тетради образовалось четыре записи, он решил их пронумеровать.

«1. Сидя запертым в четырёх стенах, укрывшись от людей, любых событий и малейшего движения – от всего того, что и составляет жизнь в целом; слушая дивные чувства, мелодиями выливающимися из динамиков музыкального центра, я переживаю, я ощущаю, я испытываю... Я проживаю целые жизни... И всё благодаря этим звукам, сладкой патокой, через уши струящихся к самому сердцу. Музыка... Настоящая... Чистая...

Я почти физически ощущаю, как невидимые звуки плывут по воздуху, пока не доберутся до меня, а там уже дуновением тёплого ветра касаются кожи, опутывают шелковой шалью всё тело и, наконец, впитываются, проникают внутрь... Излечивая, успокаивая глубоко спрятанное, настоящее... Душу. Этот «реджаз» настоящая находка.

2. Оказывается, музыка может восприниматься совершенно по-разному в зависимости от обстоятельств.

Наткнулся на старый диск с электронщиной. Помню тогда, около года назад, он мне вообще не понравился. Сейчас, спустя некоторое время, я остался к нему равнодушным. Ни один из семнадцати треков не вызвал желание слушать ещё и ещё, как это бывает с хорошими композициями. То есть музыка так, для фона сойдёт. Именно для фона, когда не хочется слушать что-то серьёзное. Я и скинул всю музыка с диска в плеер. Подумалось: «А пусть будет...»

Когда сегодня я оказался в центре города, который, как и всегда, был погружен в дикую упорядоченную мешанину спешащих людей и машин, музыка в наушниках заиграла тот самый диск. Я огляделся...

Казалось, весь город движется в такт звучащим басам, постепенно добавляя новых людей, делая их движением в точном соответствии с только что вступившими скрипками... Каждый человек... Светофоры... Машины... И даже небо казались декорация-

ми к звучащей музыке. До этого неживая, ничем не выдающаяся композиция, словно бы только что обрела какой-то, вполне определённый смысл. Или даже сама музыка оживила привычный, будничныи город-муравейник.

Теперь всегда надо брать с собой плеер...

3. Одна и та же музыка звучит совершенно по-разному дома, в одиночестве и на улице... Совершенно разные ощущения.

4. Думаю, музыка способна повлиять на жизнь человека намного больше, чем я думал. Музыка и жизнь человека...»

Через неделю мелким-премелким (наимельчайшим) почерком, на который он был способен, были исписаны целых две страницы. Глядя на бело-синие листы, давшие приют таким разным мыслями, когда-то копошившимся в его голове, а теперь смиренно покоившимся на бумаге, он чувствовал, что от него чего-то ждут... Казалось, будто записи – в предвкушении некоего действия, своего рода мистической трансмутации... Он понимал, что все эти раздумья (каждое, вроде бы, по отдельности, под своим порядковым номером) объединены во что-то целостное одной общей идеей, безупречно укладывавшей их россыпи в затейливую мозаику истории, на взгляд шестнадцатилетнего, вполне достойной внимания.

Первый рассказ был готов спустя пару недель. Рассуждения о важности музыки, в конце концов, привели к смерти главного героя новеллы. Автор даже не сопротивлялся драматической концовке. Просто делал что должно – созидал, творил, писал...

«...

– Дима, Димочка... Послушай... – всегда говорила она, окрылённая, воздушная, с широко раскрытыми глазами, сияющим взглядом, когда открывала для себя что-то новое. – Вот... смотри, что я нашла.

Что бы Дима не делал, как бы сильно не был занят, он никогда не отказывал матери, заметив её горячий взгляд, и послушно шёл в комнату, зная, насколько важны для неё эти открытия. Он садился на софу, а мать шустрой, семенящей походкой подплы-

вала к проигрывателю.

– Сейчас... Секундочку... Вот слушай, – она нажимала кнопку «Play», и указательным пальцем делала знак «ни звука», замирая в таком положении на всё время звучания мелодии. В этот момент взгляд всегда был устремлён вверх. Туда, где находились её чувства. Казалось, она сама витает где-то между небом и землей, следуя за струящейся в пространстве музыкой.

У матери были немного странноватые предпочтения. Это касалось всего: и мужчин, и еды, и, тем более, музыки. Но именно это и выделяло её на фоне иных. Именно это и сделало её значимой в его глазах.

Когда музыка иссякала, из статуи она вновь превращалась в живого человека. И часто с заплаканными глазами полным счастьем и благоговением голосом протягивала:

– Ну как?

– Классная музыка, мам... – отвечал Дима, ни капельки не лукавя. Ведь мама и в самом деле среди сотен мелодий отыскивала одну-единственную, «настоящую, живую музыку», как она сама её называла. Никому неведомый музыкант или группа в мгновение обретали блестящее будущее. Мать занималась тем, что отыскивала талантливых и перспективных музыкантов, художников, писателей, а затем «рекомендовала» их творческим мастерским и продюсерским центрам.

...

Как могло так случиться, что спустя многие годы на одной из радиостанций прозвучала та самая мелодия, что впоследствии стала для матери похоронным маршем, было для него непостижимо. Ведь она тогда так не успела «продвинуть» этого музыканта... Не уложилась в срок. И как вышло, что та же самая мелодия распорядится и его жизнью? В совпадения он не верил...

На трассе машин практически не было, поэтому Дима непривычно расслабился за рулём, чего себе никогда не позволял. Когда дошло, что он вот-вот заснёт, в надежде хоть как-то взбодриться он протянул руку к магнитоле усилить громкость. В тот самый момент в эфире трек сменился новым... Зазвучала та самая мелодия.

Громкие, словно раскаты грома, звуки смерти разнеслись по салону... Дима вздрогнул от неожиданности, его затрясло... Вмиг его окружила атмосфера страха, отчаянья и безысходности, пережитых в тот месяц. Мамино тело, болтающееся в петле... Траурная процессия, заполненная подлецами и двуличными мерзавцами, пришедшими «проводить» её... Одинокий, одинокий мир...

Тело сводило судорогами. Организм был совершенно ему неподвластен. Глаза не видели... Он даже не смог почувствовать, как машина, словно пустая бочка, катится по склону, переворачивается... Падает в пропасть...

Теперь это была не её... Теперь это бала их траурная мелодия...».

После того, как он закончил эту историю, Зов мало того, что не пропал, а даже, наоборот, начал приходить всё чаще и чаще. Каждый раз, поддаваясь желанию идти вперёд, он знал, что в конце пути (лишь стоит Зову утихнуть), так или иначе, он окажется в определённом месте или станет свидетелем события, о которых захочется рассказать своей маленькой тетрадке. И это будет что-то важное, яркое, интересное... Что-то такое, не менее поразительное и новое, чем музыка в том магазинчике. Поэтому он и назвал это странное желание идти «Зовом»: будто кто-то его специально ведёт, зовёт увидеть мир во всём разнообразии, чтобы затем юноша смог сгустить свои ощущения до материи слова.

Спустя всего пару месяцев он уже совершенно не представлял себя без этих бесцельных блужданий и чёрканья ручкой в тетрадках, жадно стараясь успеть записать все мысли, бешеным потоком бурлящие в голове. Всё это и стало его истинной жизнью. Ни последний год в школе, ни предстоящее поступление в университет, ни отношения со сверстниками – ничто не заботило более. Его настоящий мир состоял из послушания Зову и превращённых в истории мыслей.

Каждый раз, покидая дом, минуя ни о чём не подозревающих родителей, он предвкушал, желая поскорее узнать, что или кого на этот раз ему предстоит увидеть. В конце пути, когда Зов ути-

хал, он мог оказаться в любой точке города, а зачастую – и за его пределами... В тот самый момент, когда потребность двигаться вперёд иссякала, парень замирал, начиная оглядываться по сторонам, стараясь рассмотреть, увидеть в окружающих его людях или пейзажах что-то важное... Что-то, что впоследствии превратится в часть одной из историй. Этим «чем-то важным» могло оказаться всё что угодно. В одном из рассказов события будут происходить на фоне чёрных, налитых тяжкой водой облаков, крошечным покровом застилающих небо... Грузный мужчина в сером костюме, с потным лбом, с трудом переставляющий ноги из-за нескольких лишних десятков килограмм веса, станет основным антиподом главного героя в романе... Откровенная сцена выяснения отношений между супругами прямо посреди улицы чуть позже станет переломным моментом в одной из новелл...

Написание историй и следование Зову были похожи тем, что никогда не было известно, что же именно ожидает в конце пути... Сюжетные линии переплетались, будто макраме, неожиданно сворачивая в сторону или обрывались в самом, на первый взгляд, не подходящем для этого месте... Точно так же, как и невидимая дорога, проложенная Зовом. Только и успевая записывать вслед думам очередную историю, он не знал, как изменится задуманный вначале сюжет через каких-то пару страниц. Так же он не мог знать, куда следует повернуть, устремившись вперёд, полностью доверившись Зову, пока не наступал тот самый момент выбора – налево... Направо... Или, быть может, прямо, через светотвор... – лишь тогда Зов менял направление.

Это было безумно интересно: блуждать одновременно в двух, совершенно неизвестных, не изученных мирах, реальном и вымышленном, следуя своим желаниям. «От этого, – думал он, – я никогда не устану. Каждый день – это воплощение уверенности и спокойствия, что мне так необходимы. И в то же время, много нового, интересного...»

– На что похож Зов? – как-то спросила она.

– Зов?.. – задумался писатель. – Ну... Это как будто меня что-то толкает в спину, заставляя идти. И я иду, не в силах сопротив-

ляться, даже не имея представления, где может находиться конец пункт. При этом сам Зов настолько эфемерен, еле уловим и слышим, что возникает страх упустить его, «потерять из виду». Именно поэтому я не могу отвлечься ни на секунду, чтобы суметь почувствовать...

– Почувствовать?

– Да... Это как бы желание быть не здесь, а в другом, совсем ином месте... И пока я не найду это место, желание не пропадёт.

– Но ведь ты же знаешь, в какую сторону, в каком направлении надо идти?

– Как бы объяснить? – задумался писатель. – Представь, что тебе нужно идти в крошечной темноте по городу. Видны лишь общие очертания улиц и домов. Но дальше, чем на метр, ни зги не видно. И на протяжении всего пути растянута тонкая леска. Держась за неё, сосредоточившись только на ней, чтобы не выпустить из рук, ты идёшь вперёд, даже не представляя, свернёт она на виднеющейся развилке влево или вообще пропадёт в ближайшем люке... Это и есть Зов.

– Интересно... А очень сложно вот так сосредоточиться, чтобы не потерять Зов, стараться его услышать?

– Нет... – ответил он, – Совсем несложно, особенно если знать, что в конце я увижу что-то важное...

3. Успех

Как-то в поисках ручки или карандаша в комнату юного писателя забрела мать. Почему-то её сразу заинтересовали аккуратной стопкой покоящиеся на столе большие, толстые тетради. Ведомая чистым любопытством, женщина решила посмотреть, для чего сыну необходимо столько бумаги. Внутри она обнаружила описание неких событий, диалоги неведомых людей, думы... Так как повествование велось от третьего лица, она поняла, что это не дневник сына, а, скорее всего, придуманные им истории. Не в силах дожидаться, пока он придёт домой, чтобы спросить разрешения, она просто начала читать.

Случилось это приблизительно через год после первого напи-

санного рассказа. Школа была закончена, и по рекомендации родителей будущая звезда литературы собирался поступать в университет, на экономический факультет. Почему именно так? Дело в том, что ещё в самом начале последнего класса школы отец, на секунду оторвавшись от книги, спросил его, чем он собирается заниматься «по жизни». Парень лишь пожал плечами.

– Тогда поступай на экономический, – сказал отец, опять уходя в книжные страницы. – Профессия нужная, всегда пригодится. А захочешь – потом ещё одно образование получишь.

– Хорошо... – ответил литератор, так как не видел причин не следовать отцовскому совету и пошёл в свою комнату. Единственное, чего он по-настоящему хотел – это чтобы ему не мешали продвигаться вперёд, удерживая в руках тонкую нить Зова, да писать свои истории.

Вернувшись поздним вечером с прогулки, радостный, потому что в маленькой тетради пестрела только что появившаяся запись, парень застал в своей комнате мать за чтением его рукописей. Когда он вошёл, женщина лишь на мгновение оторвала взгляд от аккуратно прописанных строк, а затем вновь усталилась на страницы. Не проронив ни звука, он прошёл в помещение, переоделся и спокойно отправился на кухню поужинать.

Мать появилась, когда он уже допивал кофе и собирался к себе. Присев к столу, она подпёрла руками голову и начала безразлично сверлить взглядом окно, полностью погружённая в свои мысли. А он, в свою очередь, продолжал маленькими глоточками допивать горячий напиток.

– Ты куда-нибудь отправлял свои рассказы? – спросила она, так и не оторвав взор от темноты за окном.

– Куда, например? – он встал из-за стола и начал протирать клеёнку, споласкивать за собой чашку и тарелку.

– Ну... В издательства разные, журналы...

– Нет, – ответил он, расставляя столовые приборы по местам.

– А роман?

– Нет, – ответил он, вытирая руки кухонным полотенцем.

– Почему? – мать повернулась к нему.

– Не знаю... – пожал он плечами, – как-то в голову не приходило.

На этом их ночной разговор был окончен. Пожелав спокойной ночи, парень пошёл к себе корпеть над продолжением очередной истории. А мать, ещё немного посидев, отправилась в кровать, но всё равно долго не могла уснуть... И уж, конечно же, не от привычного громкого храпа мужа.

Во-первых, истории, написанные сыном, настолько поразили её своей реалистичностью и странными, зачастую просто непонятными, но интересными сюжетами, что ей хотелось, разгадывая, думать и думать над ними: анализировать характеры и поступки героев, возможные варианты преодоления препятствий... И особенно – их всегда трагично обрывающиеся судьбы. Иногда вся история была пропитана надвигающейся смертью. И когда, в конце концов, жизнь героя обрывалась, оставалось лишь тяжело вздохнуть и уныло покачать головой, мол: «Я ж говорила!» А иногда совсем неожиданно, когда герой оказывался в двух шагах от намеченной цели, смерть, неприметной спутницей притаившись рядом, превращала любые надежды в прах.

Во-вторых, талант, открытый сегодня в своём сыне, невероятно поразил её. Она и помыслить не могла, что малообщительный, замкнутый ребёнок способен создавать внутри себя столько контрастных миров, богатых событиями сюжетов, характеров и настроений...

«Получается... – думала она, подложив под голову руку и рассматривая серый сумеречный потолок, – что я совершенно не знаю своего ребёнка...»

Ни в том году, ни в последующие парень на экономиста не поступил, так как его судьба повернулась в самую лучшую, какую себе можно было только представить, сторону. Мать, вдохновившись талантом сына, несмотря на всю излишнюю бережливость, уговорила саму себя раскошелиться на покупку ноутбука, предназначенного облегчить муки творчества писателя. Она разумно рассудила, что работать с текстом на компьютере значительно проще, нежели делать это вручную...

Молодой писатель не стал противиться. И уже через несколько дней часть рабочего стола занимал небольшой серый компьютер-тетрадь.

Как и все современные молодые люди, писатель достаточно быстро освоился с техникой, научившись всем необходимым манипуляциям. Но всё же, несмотря на недоумение со стороны матери, продолжал чётко писать истории в тетрадях, лишь затем перенося на компьютер уже готовые тексты. Скорее всего, дело было в привычке и в приятном царапающем звуке, сопровождающем процесс письма.

Последовав неоднократным настойчивым рекомендациям матери, он также освоил и интернет, благодаря которому смог отправить свои работы в различные издательства. Они, в свою очередь, не очень-то и спешили зажигать новую звезду литературного мира, отвечая отказами, или же попросту храня молчание. На самом деле, парня не особо волновал подобный порядок вещей. Даже наоборот, нулевой результат только помог отделаться ему от настырной матери. И позволил со спокойной душой, без помех, продолжать сочинять истории.

Как часто случается в жизни, к его писательской карьере приложил свой перст «его величество Случай». Все до единого издательства, в которые он отправлял свои работы, отказались от этого «хлама». Все... Кроме одного. Одно маленькое, просто малюютю-юсенькое издательство в лице директора (а, по совместительству, и главного редактора, а, заодно, и просто редактора) в электронном ящике, среди груды спама и рассылок наткнулось на письмо какого-то молодого человека, предлагающего к изданию свои работы. К нему были прикреплены пару файлов с романом и рассказами.

Так как директор (и редактор в одном лице) занимались исключительно изданием книг на средства самих авторов, такое предложение его никак не заинтересовало. Поэтому письмо осталось пылиться в виртуальном почтовом ящике до скончания времён.

Неизвестно, каким бы путём пошёл прозаик и стал бы он вообще хоть сколько-нибудь известным автором, если бы не жена

директора (а, по совместительству, главного редактора и просто редактора). Дело в том, что она часто помогала мужу вести дела. Это был их маленький семейный бизнес. И, «пропалывая» в очередной раз вечно захламлённый ящик мужа, расфасовывая заказы и деловые предложения по категориям, удаляя ненужное, она и наткнулась на скромное письмецо. Далее инициативу перехватила её врождённая любознательность...

Присланный роман дочитала к половине третьего ночи. Погасив монитор и выключив питание, она отправилась спать с ощущением гармонии, чувством странного удовлетворения прожитым днём. С желанием помочь, спасая всё человечество, она и отошла ко сну.

Наутро директор был ошарашен массовой атакой супруги, непрерывно говорившей не менее получаса, не давая ни единого шанса вставить хотя бы слово. Яркие, пылкие речи, которыми она пыталась заставить благоверного наконец-то «стать настоящим мужиком, рискнуть и вложить деньги в эту чудую книгу», всё же заставили директора-редактора прочитать так «зацепившее» жену.

В явно непрофессиональном, совсем ещё «сыром» тексте с уймой всевозможных (грамматических, стилистических и всяких других) ошибок, Дмитрий Геннадьевич рассмотрел ту самую изюминку и долю чудачества, что привели его половину в неописуемый восторг. В общем, после проволочки в несколько месяцев книга была издана тиражом всего в пару тысяч экземпляров. Автор же получил положенный гонорар – стопку книг со своей «сценической» фамилией на обложке, по выражению директора, «вполне достойных гордости».

Чего и следовало ожидать, стопка «гонорара» пылилась в одном из углов его комнаты, так как хвастаться было не перед кем. Разве что мать изредка брала одну-две книжечки и уносила их в неизвестном направлении. Молодого писателя мало волновало будущее его опусов и их издание в принципе. Всё же было приятно, что кто-то может интересоваться его историями, но не более того.

Судьба продолжала плести затейливую сеть неожиданных по-

воротов и житейских чудес. Непостижимым образом, несмотря на чудовищную обложку и того же качества бумагу, книга, выставленная всего в нескольких столичных универсамах, не просто осталась на плаву и не затерялась среди миллионов собратьев, а даже наоборот – разлетелась в течение двух недель. На волне ажиотажа магазины потребовали дополнительного тиража, чем крохотное издательство не преминуло воспользоваться.

Далее достаточно будет сказать так: «И пошло-поехало...» Ещё пять тысяч книг... К выходу готовится ещё один роман... Дополнительные тиражи... Упоминание о книге одним известным критиком стало хорошей рекламой... Газетные статьи о литературном чуде... Крупнейшее в стране издательство выкупает права на переиздание уже вышедших произведений... Заключается контракт на несколько лет... Первая премия... Вторая... Новая книга... Перевод на итальянский... Дополнительный тираж в пятьдесят тысяч экземпляров... Успех в Италии... Премия... Крупнейшим британским издательством заказан перевод всех произведений писателя... Покорение Англии... ∞

– Мам! – позвал он. Юноша стоял в прихожей, стараясь поместить ступню в тяжёлый зимний ботинок.

Мать появилась в проёме. Глазами она скользнула по серой сумке, висящей на дверной ручке.

– Ты надолго? – спросила она.

– Гулять... – он наконец-то справился с обувью и начал одевать куртку. – Слушай, я вот подумал... Зачем мне вся эта муть с поездками, документами... Ты же сама знаешь, как я терпеть не могу из города уезжать. Может, ты сама как-нибудь справишься... Без меня, а?

– Так ведь...

– Всё равно под псевдонимом издаваться буду – так какая разница, кто будет документы оформлять? А от фотографии на форзаце просто откажемся. Я уже всё обдумал. И даже псевдоним женский выберем. Прошу.

Этот разговор произошёл на следующий день после радостного известия от того самого малюсенького («стартового») изда-

тельства.

Мать, естественно, согласилась, так как сама обожала путешествия и новых людей. Тем более, знала она и характер своего сына, который скорее вообще откажется от публикации, нежели покинет родной город или будет вести деловые переговоры. Он совершенно не был к этому приспособлен.

Таким образом, все дела сына она взяла на себя, полностью освобождая его от обязанности заботиться о своём будущем. Теперь он и дальше без помех мог гулять, сколько вздумается и столько же писать...

Встряхнув головой (как это делают герои фильмов желающие избавиться от наваждения) писатель развеял отголоски Зова, сковавшие восприятие. Оглядевшись, понял, что находится в самом центре города, на одной из главных улиц, ведущих к железнодорожному вокзалу. Сейчас ему даже не требовалось утруждать себя поиском того, ради чего Зов завёл его сюда. Прямо перед ним на картонной подстилке, разложенной под навесом крупного книжного магазина, восседал традиционного вида бомж, классический люмпен. Некогда белый пижонский бизнес-костюмчик ныне уступал даже половой тряпке. Оборванный наполовину галстук неопознанного цвета... У прозаика сложилось впечатление, что узоры на нём на самом деле являются остатками убогого провианта это грязного, бородатого, взлохмаченного существа. Хотя, по всей видимости, данный дикообраз не больно-то и страдал от скудости рациона и других недостатков бездомной жизни. Развалившись на картоне и опёршись о дверь магазина, бомж спокойно почитывал толстенную книженцию, свободной рукой поочерёдно отправляя в рот то кусок хот-дога, то порцию пива. «Лохматый» явно не напрашивался на сочувствие, больше походя на прикорнувшего с дороги путника, чем побитого жизнью бедолагу.

Доев хот-дог, он отложил в сторону книгу и начал озираться по сторонам в поисках чего-то, обо что можно было вытереть заляпанные кетчупом руки. Тут-то он и заметил писателя, с интересом его изучающего.

– Ментов нигде не видно? – спросил бомж гулким басом используя галстук, как полотняную салфетку.

Писатель огляделся по сторонам, но сотрудники милиции нигде не мелькали.

– Нет... – почему-то с сожалением ответил он.

– Засранцы... – возмутился бомж, – уже два с половиной часа здесь торчу, а ментов всё нет. За что, спрашивается, мы налоги платим?!

– Действительно, – хмыкнул писатель, представляя, как бомж отстаивает очередь в кассу банка, чтоб заплатить подоходный с собранных бутылок. – А зачем вам милиция?

– Как зачем? – недоумевающее переспросил бомж, искренне удивляясь непонятливости юнца, будто каждый порядочный человек должен знать, зачем сидеть под книжным магазином и ждать ментов. – Чтобы помыться! Вода холодная, лёд с реки даже не сошёл, сильно некупаешься и шмотки не постираешь. А в отделении всегда горячая вода есть.

– А-а... – закивал парень вполне логичным рассуждениям.

Бородач отхлебнул из бутылки, а затем поднял с земли книжку, и, как ни в чём ни бывало, продолжил чтение. Автор, неловко переминался с ноги на ногу, не зная что делать.

– Слушай... – будто вспомнив что-то, пробасил бомж, – будь другом! Можешь ментов поискать или вызвонить, если телефон найдёшь. А то я уже совсем замёрз. Я тебе за это книжку свою подарю – всё равно пару страниц дочитать осталось.

– Конечно, – согласился парень и направился в сторону рынка, где, по идее, должна была находиться опорка.

Пока он шёл, в голове крутились мысли, смесь удивления с восторгом. С одной стороны, эта встреча, дарованная Зовом, взбудоражила воображение и дала повод усомниться в собственной непогрешимости. Он-то думал, что всё в мире устроено согласно правильной схеме. Всё просто, бомжи– несчастные неудачники, обделённые судьбой, балансирующие на грани гибели. Им остаётся всего один шаг до смерти. И этот шаг они преодолевают намного быстрее остальных. А на самом деле вышло вовсе по-иному! С другой же стороны, прозаик совершенно растерялся,

увидев в отверженном вполне полноценного, гармоничного человека, всего лишь выбравшего оригинальный образ жизни. Так ни с чем толком и не разобравшись, он понял лишь одно: социальный статус никак не влияет на ощущение собственного «счастья-несчастья». Дело совсем в другом. Заприметив заборчик, он подошел к нему, поудобнее уселся, достал из сумки тетрадь и записал:

«712. Если человек делает не то, что хочет, а то, что положено, что от него ожидают, что навязывают, что престижно, то тем самым он провоцирует град неприятностей, бед и болезней. Таким образом, КТО-ТО или ЧТО-ТО, отвечающее за наш успех, старается вернуть нас на путь собственного счастья. Если же человек настолько глуп, что продолжает упёрто двигаться чужой дорожкой, «мужественно» преодолевая все препятствия, тем самым всё дальше погружаясь вzybучий песок, то в момент, когда глупец окажется по-настоящему в безвыходном положении, и приходит смерть. Зачем переводить кислород на того, кто всё равно по макушку увяз в трясине?»

Вывод: если человек жив, значит он всё ещё способен найти верный путь... Причём вне зависимости от того, в какой яме он сидит или до каких высот успел добраться...»

В опорке на его заявление о бомже, оскверняющем дверь книжного магазина, молодой сержант всего лишь спросил:

– И ты ради этого сюда шёл?

Писатель кивнул, мол: «А что в этом такого?».

Работник правоохранительных органов тяжело вздохнул (людям не фиг делать), и пробубнил в рацию:

– Ребят, кто на «козлике» дежурит, проверьте книжный на Победе, там вроде проблемы с бомжом.

Рация что-то ответила невразумительным треском и умолкла.

– Всё... Можете идти домой, молодой человек. Ваш гражданский долг выполнен, – съехидничал сержант.

– Спасибо... – искренне поблагодарил писатель, не обращая внимания на издевательский тон дежурного.

Когда писатель вернулся к магазину, бомжа уже не было.

Лишь пустая бутылка из-под пива да книга, прислонённая к стене. Обложка гласила: «Серия «Загадки Истории», Филипп Фольстер, и пафосное название «Великая жизнь, великая смерть. Джон Фицджеральд Кеннеди».

«-...Жители Техаса ждут встречи с тобой. Сейчас увидишь, сколько народа собралось! Такого шоу здесь отродясь не было! А ты как, готов? – спросил Конноли. Они уже сидели в машине, дожидаясь, пока служба безопасности не даст «добро».

Джон сидел неподвижно, уставшим блёклым взором устремившись в одну точку.

– Милый, у тебя всё в порядке? Спина опять болит? – встревоженно поинтересовалась жена.

– А? – он с трудом вернулся в реальность. – Да, всё нормально... Просто... Я вот думаю... А получился бы из меня толковый писатель, как я мечтал в детстве... Или всё, что я могу – это только бороться непонятно с кем и добиваться непонятно чего...

Губернатор Техаса и миссис Кеннеди недоумевающее переглянулись.

– Ты уверен, что всё нормально?

– Уверен-уверен... – отмахнулся президент, с лёгкостью нацепив привычную дежурную маску-улыбку. – Ну что, мы двигаемся или как? Зачем заставлять людей ждать?»

Действительно, зачем нужно переводить кислород на того, кто и так погряз в болоте? – подумал писатель.

4. Другой

Почему его книги завоевали такую популярность, было совершенно непонятно ни критикам, ни, тем более, ему самому. Отчего столь широкий круг совершенно разных людей захотел принять романы и рассказы такого молодого автора, у которого, в принципе-то, и большого жизненного опыта нет? Тем более, что все его истории были чудаковаты (и это ещё слабо сказано), а иногда и вовсе непонятны. Хотя... Может быть, именно эта непо-

хожесть на других и сделала его книги приметными.

К тому же дополнительный интерес у общественности могла подогревать чёрная дыра, зияющая на месте личности самого писателя. Проще говоря, то, что он никак не пытался влезть на первую полосу светской хроники, и, наоборот, ни малейшим образом ни на свой возраст, ни на национальность, ни на политические взгляды и так далее, многим не давало покоя. Психология людей такова, что, лишь стоит кому-нибудь прорваться вперёд, как всякий встречный-поперечный хочет узнать счастливчика поближе. Все почему-то думают, что прославившиеся люди обязательно должны, ну просто обязаны быть какими-то особенным, с неординарными, выдающимися способностями. Хотя наверняка это не так...

По крайней мере, сам писатель не считал себя кем-то исключительным, обладающим качествами, недоступными другим, а, скорее, даже наоборот... Часто ему казалось, что внутри него имеется какой-то скрытый дефект, так сказать «производственный брак», не позволяющий чувствовать себя *нормальным* рядом с другими...

Часто, сидя где-нибудь в самом центре, наблюдая со стороны за спешными, суетливыми движениями внешне деловитых, целеустремлённых людей, он ощущал себя как бы вне всего этого, *вне времени*. Будто он каким-то необъяснимым образом сумел выбраться из бешеного, стремительно несущегося вперёд потока и теперь может лишь наблюдать со стороны, как тысячи людей каждый день проносятся мимо, поглощённые бурлящими буднями, полными суетных проблем. Из-за того, что все, кого он знал, именно так и жили, носимые переменчивыми ветрами, а писатель оставался в стороне, у него зародилось ощущение собственной неправильности.

Спасало лишь знание, что по-другому он не сможет, кроме как сидеть на маленьком камушке посреди дикого потока времени и созерцать... Наблюдать со стороны...

Окружающий мир и живущие рядом люди всегда казались ему слишком сложными и непонятными со всеми своими правилами, нормами поведения и системой взаимоотношений. С дет-

ства приученный говорить всё как есть, он так и не понял, как и для чего нужно вести деликатные, туманные, зачастую запутанные игрища, называемые обыденным общением.

Больше всего на свете он любил наблюдать за другими, разгадывать их, даже не соприкасаясь. Более всего это походило на изучение древней цивилизации, давно канувшей в небытие, так что узнать о ней можно лишь по жалким крохам, остаткам кухонной утвари, украшений, костям и черепам.

Не умея сновать в человеческом муравейнике, но и не чувствуя себя изгоем, он оставался, в первую очередь, исследователем странного мира. И всякий раз капелька драгоценных знаний кристаллизовалась внутри него в очередную причудливую историю... В повествование о непонятных, сложных и безумно интересных существах – людях.

Почему он даже и не пытался сблизиться с кем-нибудь, ассимилироваться внутри общества? Ответ именно на этот вопрос он знал наверняка. Дело в том, что мир нёсся вперёд со скоростью молнии – жизнь летела; всё менялось: события, люди... Писатель просто утопал в этом водовороте, задыхался, увлекаемый стремниной обыденности, при этом полностью переставая слышать внутренний голос и ощущать собственное бытие... Он не хотел сталкиваться с этим бездонным миром, потому что тогда бы пришлось бежать вперёд навстречу неизвестности...

Юный прозаик решил создать собственный мир, очень тихий и уютный. Больше всего он напоминал компактный стадиончик, где можно неспешно трусить, самому выбирая удобный темп, скорость и даже окружающий пейзаж.

Может быть, именно поэтому сюжеты его творений, пронизанные спокойствием и размеренностью и при этом полные драматических переживаний, стали такими популярными. Здесь читатели находили недостающие в будничной жизни редкоземельные элементы – равновесие и уверенность.

Окружающие (все, как один) гнались за ОСТРЫМИ ощущениями. «Хотим успеть пожить», – твердили они. В транспорте и на улице его окружали разговоры о весёлых празднествах, об экстремальном отдыхе и адреналине, о других городах и странах.

Для большинства людей именно это и являлось настоящей жизнью, к которой нужно стремиться, о которой стоит грезить и мечтать... Ну, а если ты хочешь совершенно иного, что ж... Значит, ты неинтересная личность...

В отличие от остальных, литератор не очень-то стремился к подобной суете. Не хотел он и «ловить мгновения и волны»... В то же время многие вовсе заурядные вещи казались ему поразительными и захватывающими... Совершенно непостижимо писатель мог находить в самых обычных предметах или занятиях тысячи нюансов, которые можно рассматривать совершенно с необычной точки зрения, под другим углом. Множество приятных и не очень мелочей яркими цветами разукрашивали его будни. Всем своим маленьким открытиям он и давал новую жизнь в своих опусах.

Низкие, тяжёлые, несущие в себе явную угрозу облака или спящая змейка солнца на воде... Случайная мелодия, доносящаяся из приоткрытого окна или звонкое шлёпанье капель о подоконник – всем этим он окружал себя сам, наполняя радостными открытиями всякий день. Даже то, что большинство считают безделицей – сродни чистейшей ключевой воде блаженство движения молодого сильного тела – могло привести его в неописуемый восторг... А затем – и героя его произведения.

Но, всё же, необычного восприятия будней (и составлявшего его сюжеты) было явно недостаточно, чтобы написать полноценный рассказ или повесть. Такие мелочи были мягкой мышечной тканью и кожей повествования, которые просто необходимы, чтобы история смогла «двигаться»... Но без скелета – без чего-то главного и значимого – история и вовсе не могла существовать. Именно такую основу и давал ему Зов.

Останавливаясь в очередной раз в совершенно незнакомой части города или в каком-либо привычном месте, писатель начинал оглядываться по сторонам в поисках того САМОГО, ради чего он здесь оказался. В тот момент, когда он осознавал, что тонюсенькая леска Зова выскальзывает у него из рук и желание идти пропадает, внутри зарождалась странная, совершенно нехарактерная для него смесь предвкушения и страха. Он предвку-

шал, что вот-вот (прямо здесь и сейчас) увидит исток новой истории или неожиданное окончание создававшейся в настоящее время... Нередко при этом предчувствие очередной трагедии и чужой боли страхом растекалось по телу... Не всегда, но часто Зов заставлял его стать свидетелем чьего-то несчастья, страдания, увечий людей и животных, а иногда – разрушения машин и домов.

Многое из увиденного совсем не хотелось фиксировать. И уж, тем более, превращать в ткань повествования... Не хотелось, но... Понимание, что «именно такая развязка здесь оптимальна» или «именно так герой узнаёт правду» заставляло раз за разом использовать записи событий, очевидцем которых он был. Литератор просто ничего не мог поделать. Может, именно потому, что Зов чаще всего приводил его к несчастьям, все его истории заканчивались кончиной героев.

Поначалу молодой прозаик даже пытался бороться с однообразно трагичными сюжетами, стараясь найти другие пути получения идей, кроме как Зов. Воспользовавшись интернетом, он всё же кое-что отыскал. В сети было всего в изобилии – и радостей, и несчастий... Но идеи, почерпнутые во всемирной паутине, не шли ни в какое сравнение с переживаниями и событиями, «подброшенными» Зовом. Автору начинало казаться, будто всё увиденное организовано «под заказ», дабы воплотиться на бумаге.

Интернет не смог заменить писателю Зов. Однако эти идеи помогли придать историям реалистичность и правдоподобие. Теперь сюжеты могли разворачиваться где угодно: и в Токио, и где-нибудь на севере Англии или в безымянном городке с явно выраженным кавказским колоритом... Благодаря всемирной паутине не стало ограничений и в использовании специальной информации. Необходимые сведения из той или иной области науки, жизни знаменитостей или просто статистические данные, можно было легко получить, отыскав тематический сайт или (в крайнем случае) – профессионала.

Если Зов давал истории сюжетную основу, а будни насыщали важными мелочами, то интернет давал им жизнь, запуская бит-

ся сердце.

И всё же самым важным оставалось описание внутреннего мира героев. Совершенно не ориентируясь в людском муравейнике, исследуя «с нуля», писатель явно пытался разобраться, узнать как можно больше о природе человека, о его взаимоотношениях с жизнью, со СМЕРТЬЮ, с ЛЮБОВЬЮ, БОЛЬЮ... И – самое главное – с САМИМ СОБОЙ. Читая эти книги, вместе с персонажами отвечая на ГЛАВНЫЕ вопросы, люди исследовали СЕБЯ!

Главные вопросы? Это какие? А вот: «Почему люди боятся проявлять чувства?» Главный? Думаю, да... И Зов, как всегда, щеголяя своей эксцентричностью, подтвердил это. В тетрадке появилась такая запись:

«333. Сегодня стал свидетелем, как из-за парня погибла собака. Он хотел её напугать, а она, убегая от него, попала под машину. В минуты опасности или в экстремальной ситуации мы обнажаем себя настоящим».

Со временем триста тридцать третья идея превратилась в тяжёлую, гнетущую серыми «тонами» повесть.

«

Эпиграф

Существуют моменты, когда у человека просто не остаётся времени и сил на поддержание своего авторитета, чувства значимости и важности. Именно тогда и раскрывается его истинная сущность. Несмотря на внешние декорации, выяснется: «Глубоко внутри ты всё же человек или животное?»

Глава 1

Всё началось с того, что Артúr пришёл на работу в слишком приподнятом, абсолютно нехарактерном для него весёлом настроении. Обычно его можно было увидеть вечно чем-то недовольным, в лениво-сонном состоянии. Совсем ещё детское лицо, на котором только-только начинали виднеться юношеские усики, как всегда, выражало маску наносного безразличия и апатии ко всем и каждому, внамерившемуся его потревожить. Каждое

его действие сопровождалось всепронизывающим чувством великого одолжения, коим он осчастливил целый мир. В общем, несмотря на свои четырнадцать с небольшим, Артур великолепно умел портить настроение лишь только одним своим присутствием и раздражать всякого, кто приближался к нему на расстояние слова. Почему бабки-торгашки его терпели, ума не приложу.

Работа, как и вся его жизнь, была непыльной. По вечерам, когда уже закрывалось большинство магазинов, на Китайскую площадь, единственную дорогу из пригорода к центру, выползали бабульки, продающие всё. То есть всё – это действительно означает всё. Начиная от дешёвой жвачки и чипсов и заканчивая главным ходовым продуктом – водкой и закуской к ней. Короче всем, что может понадобиться человеку с десяти вечера и позже.

Старушки буквально в паре метров от дороги выкладывали на раскладных столиках весь ассортимент. Машины останавливались. Из приоткрытого окна очередной мужик или потрёпанная дама спрашивали, что нужно: колбасу, хлеб, водку или пиво (иногда шампанское), презервативы – основной джентльменский набор. Главной задачей Артура было посредничество между машиной с покупателями и, собственно, торговками. Часто щедрые клиенты сдачу оставляли ему. Работая мальчишкой на побегушках, мальчишка, таким образом, зарабатывал себе на пропитание... И вполне неплохо.

Так вот, в тот день Артур пришёл на площадь с сияющей, самодовольной улыбкой, чего раньше никогда не бывало.

– Што эт с тобой? Небос мильон дэнег нашол? – спросила Аза, старая армянка.

Артур довольный тем, что все заметили его радость, таинственно улыбнулся.

– Типа того...

Так ничего толком и не разъяснив, он уселся на свой пластиковый ящик, обосновавшийся позади столов, и начал наигранно-радостно не обращать на всех внимание. В конце концов, к нему потеряли всякий интерес. Каждый занялся своим делом – аккуратно, красиво раскладывать продукцию на столе.

Вечер достаточно быстро превратился в ночь. Покупателей

было много. Пенсионеры только и успевали отсчитывать деньги, а Артур, полный энергии, – снова между машинами и столами. Когда большая стрелка часов подобралась к половине первого и машины на дороге практически исчезли, пенсионеры начали потихоньку шпиговать свои большие клетчатые сумки нераспроданным товаром. Тут-то и появилась маленькая рыжая собачонка.

Подобравшись к столам, она начала тянуть носом, показывая всем своим видом, что уже тысячу лет не видела еды, и уж, тем более, не откажется попробовать подкопчённой колбаски, аромат которой так завлекательно реял в воздухе.

– Э-э-э... щакал, иды отсэль! – крикнула Аза, – Нэту у мэня ничё...

Парнишка, оторванный шумом от пересчёта заработанных купюр, начал попеременно смотреть то на бабу Азу, то на пса. Видимо что-то для себя решив, он заулыбался и, сложив деньги в карман, поднялся, что в обычный день ни за что бы не позволил себе сделать.

Шаг... Ещё шаг... И он уже бежит на испуганную шавку, оскалившись и грозно извергая подобие рыка. Собака сломя голову понеслась прочь от неприятностей, не глядя, куда бежит...

Глухой удар о бампер и скрип тормозов. Машина лишь на секунду притормозила, чтобы снова набрать скорость.

Мальчишка стоял посреди дороги, совершенно потерянный... Частое дыхание выдавало испуг. Глаза лихорадочно бегали в поисках хоть какой-нибудь опоры, но нигде не находили её. Жалость... Вина... Боль... Гнев на самого себя... Душа кричала... Впервые передо мной был настоящий Артур, каким я его ещё никогда не видел – **НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК...**

Буквально на секунду он замешкался, а затем, вновь надев привычные доспехи, подошёл к маленькому мешочку, от которого разносился визг по всей улице, закричал: «Заткнись!!!». Тяжко вздохнув, он повернулся и пошёл к столам.

– Мне всегда отец говорил: «Под ноги смотреть надо!». Дура, – сплюнул он на асфальт.

Замершие, неподвижные бабки при его словах, будто вспом-

нили, что они – пока ещё живые. И всё так же неспешно, только молча, продолжили складывать продукты в сумки. Кругом тихо, лишь гулкий, притворный ржач Артура и ставший почти незаметным стон маленькой попрошайки...».

– А мне кажется, что я знаю, почему тебе так интересны люди. Люди-люди, человеки... – как обычно, «невзначай» сказала она, словно чиркнула спичкой.

Он усмехнулся:

– И почему же?

Она уткнулась в чашку с кофе, просидев так, не произнося ни звука и ни разу не подняв взгляд в продолжение нескольких минут. Всё это время он спокойно ждал, пока девушка продолжит.

– Наверное... – начала она, всё так же следя за своей чашкой, – наверное... Ты просто боишься обернуться на себя... Разобраться в себе, расставить всё по местам... И, наконец-таки, перестать быть...

Она опять замолчала.

– Каким? – он явно был заинтересован.

Но подруга не ответила сразу. Прошло ещё какое-то время, прежде чем её взгляд был оторван от полупустой ёмкости с остывшим кофе. Затем она продолжила.

– Другим... Не как все...

Он удивлённо пожал плечами:

– Мне это и не мешает. А тебе?

Она, ничего не сказав, отвела взгляд, и одними губами произнесла своё вечное «не знаю».

5. Окно

Тот год навсегда запомнился бы ничем не приметным, если бы не лето. Оно тогда выдалось особо дождливым. А самое главное – в его жизни появилась она. Писателю на днях стукнуло двадцать два. Уже четвёртую зиму он прожил в собственной квартире. А в токийском издательстве «Рёкан» вышла его первая книга.

Днями сыпал мелкими брызгами дождь. Причём казалось, что он вовсе не падает с неба, а зарождается прямо в воздухе. Поэтому даже зонты оставались бессильны спасти одежду от тотальной, вездесущей влаги. Лишь стоило стемнеть, как морось прекращалась, оставив асфальт и землю дожидаться утра, чтобы с новым приходом солнца укрыть город шатром бледных облаков и дождя. Несмотря на конец июня, природа упрямо заставляла людей снова и снова облачаться в курточки и лёгкие свитера.

Литератору такая погода вовсе не мешала. Напротив, безумно радовала. Именно за это идеальное сочетание тепла и прохлады он и любил позднюю весну и раннюю осень. И уж, конечно, был только «за» продление такой погоды.

В первую встречу он даже толком не разглядел её лица.

Наступали сумерки, а, значит, и дождь должен был скоро закончиться. Смутные очертания женской фигуры в окне... Она сидела у компьютера, сосредоточив взгляд на слепящем мониторе. От чужих глаз её комната была защищена лишь лёгким, полупрозрачным тюлем. Можно было различить почти всё: и как на экране мелькают яркие, разноцветные сайты, и как покачиваются на голове в такт виртуальной музыке гладкие, шелковые локоны.

Все эти подробности писатель успел уловить, лишь пройдя мимо её окна. Он возвращался домой с охоты, довольный добычей, что занимала всего несколько строк в маленькой тетради. Даже не остановившись, он просто прошёл мимо, невзначай задев взглядом тонкий силуэт, мерцающий в холодном свете дисплея.

Добравшись до своей квартиры, и даже толком не переодевшись, он сразу же уселся дописывать начатый пару недель назад рассказ. Любимая перьевая ручка была выпущена из рук лишь под утро. Об увиденной девушке он так ни разу и не вспомнил.

На следующий день Зов застал его в душе. Он наскоро смыл пену, обтёрся полотенцем, нацепил на себя первое попавшееся, и, схватив сумку, выбежал на улицу, стараясь не упустить еле

ощутимые позывы. Началось путешествие в неизвестность.

Словно в тумане (как и всегда), мимо проплывали бесчисленные дома и улицы, заполненные людьми и потоками машин, малящими вывесками, пёстрой рекламой. Со стороны казавшееся бессмысленным многочасовое блуждание по лабиринту города, в конце концов, куда-то да должно привести.

Тонкая нить Зова оборвалась, когда было уже темно. Туман в голове рассеивался; мысли и ощущения постепенно прояснялись, и вместе с тем приходило осознание места, где он находился.

Прозаик стоял прямо против окна, прикрытого лёгким, полупрозрачным тюлем. Яркий свет монитора освещал гладкие прямые волосы «вчерашней» девушки.

Совершенно не понимая, что происходит, почему он оказался именно здесь, автор стал оглядываться в надежде увидеть что-нибудь ещё, какое-либо важное событие, которому суждено окантовать записанным в его тетрадке. Он растерянно озирался по сторонам. Проходила минута за минутой, но ничего необычного так и не происходило. Лишь мерцал в такт сменяющимся сайтам силуэт, живущий сейчас в виртуальном мире...

Как ни старался, он не мог разобраться, зачем же Зов привёл его к этому окну, что это за событие и как его вообще превратить в историю. Простояв так около получаса, так ничего и не поняв, впервые за всё «время Зова» он ушёл ни с чем, не записав даже слова в своей маленькой тетради.

Спустя несколько дней к литератору, мирно читающему в центральном парке, подошли две девушки и попросили разрешения сесть рядом на скамейку.

– А то никак не можем свободного места найти. Везде занято...
– виновато улыбнулась одна из них, видимо искренне переживая, что не даёт возможности побыть человеку в одиночестве.

Он подвинулся к краю скамьи и сгрёб поближе сумку, чтобы освободить место.

– Спасибо! Мы Вам совсем не мешаем... – пообещала она же.

Писатель вернулся к книге, а девушки принялись беззаботно беседовать. Точнее, говорила лишь одна из них, а другая только и успевала вставлять слова-поддакивалки: «Да ну... В самом деле?! И что теперь?» И так далее.

Как он ни пытался, ему никак не удавалось продолжить чтение. Внимание всецело приковал разговор подружек. Причём не само содержание, а то КАК они беседовали. Он пригляделся...

Девушки были совершенно разные. Первая (та, что попросила присесть, а сейчас «полоскала» уши терпеливой подруге) имела длинные смолянистые курчавые волосы, большие карие глаза и пышные формы, оставаясь при этом стройной. Вторая – высокая, хрупкая, как хрусталь, голубоглазая и чуть курносая, со светлыми прямыми волосами до плеч. Точёная, невесомая, она была само изящество. Казалось, её бледная, поистине лилейная кожа вот-вот растает в воздухе.

Первая более всего походила на голливудскую цыганку. А вторая – на типичную аристократку, единственную дочь состоятельных родителей. У обеих была колоритная, запоминающаяся внешность, которой вполне можно было одарить героинь разных историй. Он достал тетрадь и всё это тщательно отметил.

Девушки продолжали вести беседу, совершенно не обращая внимания на соседа. Неумолкающая «цыганка» сопровождала свою речь эмоциональными возмущениями, хаотичным движением рук, а иногда и нервным, притворным смешком. Обсуждаемая тема явно лежала где-то очень близко к её сердцу. Часто упоминалось имя какого-то Сергея, после чего обязательно следовал полный трагизма и обречённости вздох.

– ...У меня нет больше сил выносить его несносный характер, которым он ещё и умудряется гордиться... – чёрненькая сидела к писателю спиной, поэтому он не мог видеть её мимики, но громкий злобный шёпот явно отражался маленькими молниями на лице. – Знаешь, что я поняла за время жизни с этим «оленом»?! Знаешь?! Оптимистам нужна причина, чтобы чувствовать себя плохо, а пессимистам – чтобы хорошо. Даю сто процентов гарантии! Эти его извечные опасения, эти жалобы...

Далее гроссмейстер пера уже не слушал. Кисть сжимала ручку,

чрезвычайно добросовестно выводившую: «Оптимистам нужна причина...»

Когда он записал «вкусную» фразу и поднял голову, его глаза встретились со взглядом светленькой – «аристократки». Она смотрела на него с подозрением... Литератор замер в ожидании ссоры, но девушка так ничего и не сказала, вновь превратившись в подружкуину «жилетку». Брюнетка, казалось, и вовсе не замечала её настороженности, ни на секунду не отвлекаясь от обличительной тирады.

Далее пришлось ещё несколько раз тщательно конспектировать «ударные» фразы и мысли. И он всё так же ловил полный недоверия взгляд аристократичной блондинки.

Надрывный плач по горькой бабьей доле утих лишь под вечер. Для тёмненькой уж пробил час встречи с ненаглядным мучителем-пессимистом.

– Я, пожалуй, ещё посижу... А ты не волнуйся, иди, – сказала светленькая подруге.

Цыганка удивлённо пожала плечами и, чмокнув подругу в щёку, быстро засеменила к выходу из парка.

– Ну... И зачем тебе это? – спросила девушка, когда силуэт подруги окончательно скрыли деревья.

– Что – «это»? – не понял писатель.

– Наш разговор воровать?

Писатель взял в руки лежащую рядом драгоценную тетрадь и положил её на колени.

– Я не ворую... Я истории пишу, – спокойно объяснил он.

– Истории? – явно удивилась девушка. – Что ещё за истории? Для газеты, что ли?

– Почему для газеты? Для себя. – Он водил пальцами по шершавой тетради – ему нравилось касаться тонкий листов.

– И куда же ты потом, когда закончишь, их деваешь? В столе хранишь, что ли?

– Некоторые храню... – не то, чтобы его напрягал разговор с девушкой. Он попросту не видел в нём смысла.

– Так ты, получается – хранитель историй? – улыбнулась она.

– Получается, так...

Блондинка отвернулась, на время задумавшись.

– И что, ты теперь перескажешь Викину историю?

– Викину?

– Ну да... Вика – моя подруга, с которой я была.

– Понятно... Нет, мне её жалобы не показались интересными, – покачал он головой. – Тем более, что я не пересказываю чужие истории, а просто могу использовать какие-то их составные части... Там, диалог, фраза, характер или облик – что-нибудь важное...

– А-а... – понимающе закивала она. – И что же ты ценного в Викиной болтовне нашёл?

– Ну... Мне очень понравилась фраза про оптимистов и пессимистов!

Собеседница улыбнулась и зачем-то начала разглаживать несуществующие складки на юбке.

– Я тоже её запомнила. Немного отдаёт умничаньем, но зато как звучит! А ты можешь показать?

– Что?

– Где она у тебя в тетрадке записана? Я просто так, из любопытства...

Писатель протянул ей раскрытую тетрадь.

– Пятьсот шестая.

Девушка всмотрелась в мелкий неразборчивый почерк, повествовавший:

«506. Оптимистам нужна причина, чтобы чувствовать себя плохо, а пессимистам – чтобы хорошо».

– Вика, несмотря на всё своё занудство, частенько выдаёт классные мысли, – наконец сказала она, отдавая тетрадку владельцу. – Столько перлов за вечер услышать можно! Если б ещё говорила по существу... И что у тебя из этой мысли за история получится?

– Ещё не знаю... Это прояснится только со временем...

– А давай сейчас что-нибудь попробуем придумать! Вместе...

– Давай, – хмыкнул писатель. – Я уверен, что идея глупая, но... Почему бы и нет?!

– Вот и ладушки, – сразу оживилась девушка. – История обя-

зательно должна быть утрирована!

– То есть?

– Ну, такая... М-м-м.. Категоричная, всё на контрастах: или нет, или да! Чёрное-белое! Оптимист-пессимист! Улавливаешь?

– Кажется, да... – задумался юный корифей изящной словесности.

– Хорошо. Давай за основу возьмём крайнюю форму проявления пессимизма – смерть. Сможем «чернуху» придумать?

«Как будто у меня есть варианты, – мысленно ухмыльнулся отрок. Но вслух произнёс:

– Тогда начнём так: «Вы умираете...»

« – Вы умираете... – наконец-таки он решился произнести эти слова. В следующий момент огромная чёрная дыра сумасшедшим водоворотом начала вбирать в себя время. В таком состоянии секунда растягивалась до бесконечности, а долгие дни могли стать краткими мгновениями. Сергей Николаевич и так уж не больно любил свою профессию, воспринимая её тяжким бременем. А из-за таких вот случаев, когда пациенту приходится прожить скорую смерть, и вовсе возненавидел.

Больной лейкемией Турсковой В.И., на вид мужик крепкий, пятидесяти шести лет от роду, сидел к нему спиной, уставившись через окно на больничный дворик. Некогда белая, а ныне кремово-грязная надпись на противоположной стене уверяла: «Чистая вода – залог здоровой нации!»

Медик не имел возможности видеть лица Турского, но мог поспорить на любые блага (и даже поклясться двадцатилетним стажем врача-онколога), что у пациента даже сейчас «морда тупой», о которую хоть кирпичи разбивай, всё равно ничего не почувствует. Ещё бы... Информация о собственной смерти для начала должна добраться до мозга, а там уж идут длительные процессы принятия и ассимиляции. И у многих именно на это уходит большая часть скудно отведённого времени.

Далее, по традиции, должна начаться стадия конфликта. Когда больной всё же «услышит» сказанное врачом, последует реакция отторжения в форме торговли за свою жизнь. Если и это

не помогало, начинались разные бессмысленные ухищрения: подкуп, угрозы, брань, а иногда и откровенные потасовки. Именно этого, прильнув к двери в коридоре, ожидали два медбрата... Так, на всякий случай. После подбитого ещё во времена интернатуры глаза Сергей Николай вовсе не желал рисковать, повторяя ошибки юности.

Сидя в своём уже привычном кресле, в коконе гнетущей тишины, врач терпеливо ждал дальнейших действий пациента. Но... Больной всё тянул. Видимо, шоковый ступор окончательно взял верх.

– Виктор Иванович, я, конечно, понимаю... – начал было врач, но осёкся. Турсковой вдруг вздрогнул и развернулся на больничном кресле-каталке на сто восемьдесят. Добродушное загорелое лицо, всё изборозждённое глубокими загрубевшими морщинами, седой ёжик волос, недоумевающий взгляд совсем ещё молодых глаз.

– Вы меня извините... – сонно протянул Виктор, – я тут прослушал, что Вы говорили. Задумался. У меня от Ваших лекарств совсем внимания не осталось. Рассеянный стал.

Сергей Николаевич, застигнутый неловкой ситуацией врасплох, с ужасом подумал, что сейчас опять придётся повторять страшный диагноз. Это было выше его сил.

– А-а-а... – он растерянно пытался из себя хоть выдавить что-то, – и о чём Вы таком задумались, Виктор Иваныч?

Турсковой хмыкнул и нерешительно, словно провинившийся школьник, замямлил, потирая ладонью ежик на голове:

– Да... Вот обдумывал... Кому такую дурацкую надпись в больнице понадобилось размещать?

– Какую надпись? – вконец растерялся Сергей Николаевич.

– Ну... Ту... Про воду, – кивнул в сторону окна пациент. – Думаю, а на кой чёрт она вообще здесь нужна? Ладно бы в «Сан-эпидемке» или на водозаборнике... А здесь? Лучше б про мытьё рук перед едой написали, и то больше пользы. Хотя про руки на зданиях писать несолидно...

Сергей Николаевич слушал весь этот бред про надписи, впервые за практику не чувствуя себя хозяином в собственном каби-

нете. Но затем до него дошло – Турсковой просто издевается. Или это у него так паника проявилась (такое тоже, наверное, бывает).

– Вы вообще слышали, ЧТО я Вам сказал? – медленно, с угрозой в голосе, оборвал он больного.

Больной замолчал, глубоко вздохнув и выдохнув, будто собрался сделать рывок и побежать, сказал:

– Про смерть мою? Слышал, конечно... – и поднял полный сарказма взгляд на врача. – Это я так, решил поболтать, чтобы Вам попроще было.

У Сергея Николаевича аж дыхание перехватило.

– Вы что думаете, – продолжил пациент, – я не чувствую, что умираю? Мне это ещё раньше Вас известно было.

– Как это?

– Очень просто... Если обратили внимание, то в моей истории болезни записано, что по отцовской линии все мужики в роду ещё до шестидесяти на тот свет отправляются. Туда и мне дорога, – невесело улыбнулся он.

– Родовое проклятье? – съязвил врач.

– Какое ещё проклятье? – нахмурился Виктор. – Вы что, из деревни, в такую чушь верить?! Изъян у нас из поколения в поколение передаётся. В науке это генной обусловленностью называется. Я думаю, что ещё при воспитании в мозги что-то такое закладывают, из-за чего более шести десятков не живётся. А, может, всё намного проще: с самого детства понаслушался историй про деда-прадеда и так далее, как они все, кто от чего, до шестидесяти не дожив, вымерли... Сам отца в пятьдесят девять похоронил... Вот и заложились в голову: больше положенного ни-ни!

Сергей Николаевич откашлялся, прежде чем спросить:

– Так вы что, уже смирились? – и как врачу, и как обычному человеку Турсковой ему был крайне интересен. В конце концов, не каждый день ему доводилось вести подобные разговоры.

– Смирился ли я? – задумавшись, протянул Виктор Иванович. – Да ну вас... – махнул он рукой, – кто ж со смертью смириться сможет? Нет, обидно, конечно, а что делать? Лежать днями на-

пролёт, реветь и грызть подушку?

Сергей Николаевич хмыкнул:

– Честно говоря, именно этим все и занимаются. По крайней мере, первое время...

– Не-е... Это без меня! – Турсковой шутливо замахал руками, – я сам по себе не из тех, кто все дела на последнюю минуту откладывает... Но, как ни странно, желания и мечты не уменьшаются по мере их исполнения, а даже наоборот. Поэтому сейчас постараюсь как можно больше успеть.

– И много ещё всего?

– Ага... – довольно заулыбался Виктор, – очень! Жизни точно не хватит, и даже двух...

Врач снял зелёный колпак с головы и устало вздохнул.

– Курите? – спросил он пациента.

– Не-а... – замотал тот бодро головой, – хочу подольше пожить, а курение убивает.

Врач вежливо улыбнулся глупой шутке, встал из-за стола, подошёл к окну и открыл его.

– Ну, я поехал? – спросил Виктор Иванович.

– Да, конечно... – закуривая, кивнул Сергей Николаевич, – Я к Вам чуть позже в палату загляну. Проведать.

– Заходите, – пригласил Турсковой и покатил коляску к выходу, ловко перебирая по колёсам крепкими руками. Дверь хлопнула – Сергей Николаевич остался в кабинете один.

Докурив сигарету, он выкинул бычок и сплюнул. Закрывая окно, врач-онколог понял, что, проработав в этой больнице двадцать с небольшим, никогда не обращал внимание, что надпись действительно глупая.

– Причём тут вода? – недоумённо пожал он плечами».

– А почему Турсковой? – спросил он у неё.

– Потому что... – засмеялась девушка, – так надо!

– И всё же?

– Ну вот же приставучий! – лукаво, в шутку возмутилась она. – У моего бывшего такая фамилия. Давно хотела его убить! Вот, в какой-то степени, мечта и осуществилась. Хотя по характеру он

больше на врача из нашей истории походит...

Она явно выделила, что история «наша».

Девушка глубоко вздохнула, а затем неожиданно, совсем не аристократично, протяжно и с явным удовольствием зевнула.

– Пошли! – уверенно скомандовала она, водрузив на плечо массивную дамскую сумку, и встала.

– Куда? – удивился писатель.

– Проводишь меня. По дороге, может, что интересного расскажу...

Конечно, он, даже не задумываясь, пошёл вслед за хрупкой красавицей, умеющей так лучезарно улыбаться и смачно зевать. И, конечно, с ней получилось совсем не так, как с другими. Вместо того, чтобы слушать и подмечать «изюминки» (привычное дело), беллетрист сам всё рассказывал и рассказывал... Говорил всю дорогу без остановки, не умея и не желая молчать. Вздёрнутый, породистый носик светлой красавицы чуть подрагивал, когда она улыбалась. А глаза лучезарно светились, казалось, впитывая каждое его слово... И поэтому неистовый поток мыслей хотелось облекать в слова бесконечно...

Поначалу она расспрашивала его обо всём: об историях, о его жизни; семье... Он даже и не заметил, как получилось, что она шла рядом, благодарно внимая его пустому трёпу. Без сомнений, она сполна была наделена редчайшим даром – слушать других.

Он говорил, повествуя обо всём, что приходило в голову, а внутри, казалось, освобождаются огромные завалы... Чулан памяти наконец-то очищался и становился всё уютнее, дабы затем заполниться теплом и ярким светом...

– ...Когда я был маленьким... – продолжал он.

– Маленьким? – спросила она так, будто впервые слышала это интересное слово.

– Да... Лет девять мне было... – пояснил писатель, – и учился я в четвёртом классе. Я сидел на уроке, по-моему, на литературе... Да, точно на литературе... Сидел молча, как и все в классе, потому что учительница «рус. яз» и «лит-ры» была самой кровавадной во всей школе. Даже «крутые» парни-шалопаи боялись

издать хоть звук... Что уж про меня говорить.

– Пряма настоящий монстр, – согласилась девушка.

– Ну-у... Она была не такой уж и плохой – своё дело знала хорошо. Но больно ревностно относилась к учительскому авторитету. И, кажется, даже путала уважение и страх.

– Такое бывает часто ...

– Это точно. Вроде, и уроки вела неплохо, но всё же любовь к чтению не она мне привила, а, скорее, только отпугнула от книжек.

– И что случилось на том уроке? – напредила она начало разговора.

– Ах да... – он почесал затылок, усердно припоминая, – так вот, точно не помню о чём таком она говорила, но точно о чём-то грустном... Я сидел, слушал её вполуха и отчего-то знал, что вот сейчас, прямо сейчас она вызовет отвечать меня... А я – не хочу! Как сейчас свои мысли тогдашние помню: «Не хочу говорить и всё!» И в эту самую секунду учительница называет мою фамилию.

– Она тебя к доске вызвала, как и ожидалось?

Писатель кивнул:

– Да... Я поднялся, чтобы ответить. Я знал, о чём говорить, но... Не смог произнести и слова.

– Как?!

– Очень даже та-а-ак... – писатель, повторил одну из любимых фраз отца. – У меня просто пропал голос. В классе все смеялись, а учительница, недовольная, отправила к врачу, подозрительно уставившись мне в спину.

– А что же врач?

– Врач? А ничего... Ни школьный, ни лучший ЛОР города, к которому мы с мамой ходили, так ничего и не смогли найти. Были назначены какие-то лекарства, но без толку.

– И как ты выздоровел?

– Как и заболел – банально... Через пару недель мне нужно было попасть на приём к тому врачу-светиле. Он принимал в другом конце города. У мамы были дела, поэтому нужно было добираться самому. Я сел в нужную маршрутку, а когда пришла

очередь выходить, просто громко, даже громче, чем следовало, крикнул, чтоб водила остановил. Лишь на подходе к поликлинике до меня дошло, что случилось... Попытался сказать предложение – отлично! К врачу даже не стал подниматься, и маме об этом не сказал. С тех пор ничего подобного не происходило. По-моему, мама до сих пор думает, что тот врач стал причиной моего исцеления.

Литератор почувствовал, как девушка тянет его за руку. Он удивлённо обернулся к ней.

– Мы пришли, болтун... – улыбнулась она.

– Я никогда в жизни столько не трепался, – смущённо протянул он. – Честное слово!.

– Ну и ладно... Мне понравилась тебя слушать. Как-нибудь ещё с удовольствием послушаю.

– А я ещё с удовольствием что-нибудь расскажу...

Они помолчали.

– Ладно, мне пора домой... Вон там я живу, во-о-он за тем окном моя комната... – её рука указывала в сторону окна, украшенного лёгким, полупрозрачным тюлем...

6. Вместе

Они сблизились – легко, незаметно, «как-то само собой». По чуть-чуть, встреча за встречей, они разрушали преграды, всё дальше позволяя другому пройти на запретную территорию, сокрытую от «чужих». Беллетрист всё так же, как и в первую встречу, продолжал открываться ей... А она с благодарностью принимала его таким. Иногда они менялись ролями, и тогда слушателем уже становился он.

До встречи с ней, прозаик ни за что бы не подумал, что другой человек может быть таким открытым – простым и честным. Для него в действительности чужая душа всегда оставалась сокрытой густым слоем темноты. Но не с ней... Когда девушка находилась рядом, делилась своими мыслями и переживаниями, казалось, что он совершенно отчётливо чувствует, о чём она говорит. И даже более того – испытывает те же самые эмоции и противоре-

чия. Самое главное – с ней было легко...

Она, словно рыба в воде, одинаково комфортно чувствовала себя и в центре внимания, и в молчаливом одиночестве. Предпочитая быть в местах большого скопления людей, она всё же выбирала тихие дворики или спокойные заводы, что несли спокойствие и гармонию именно ему. Такие маленькие жертвы окупали себя в их отношениях.

Раз за разом взаимный интерес заставлял их встречаться всё чаще, снова и снова, пока однажды...

Дождливое лето наконец-то сжалилось над людьми, подарив всего несколько жарких ясных дней. Обезумевший город был выжжен лучами солнца в благостные выходные до основания. Переполненные пляжи не вмещали всех желающих отогреться и просохнуть от бесконечных дождливых будней.

Взяв большое покрывало и изрядную дозу провианта, вдвоём они отправились в один из «заповедников», что нашёл писатель, ведомый Зовом по окрестностям города. В этот раз «заповедником» оказалось небольшое озерцо, отток реки, разделявшей город на несколько частей. Мало кто знал о существовании этого места – нужно было добраться до самой окраины и пройти сплошную преграду соснового леса и густорастущих кустарников. Брести было недолго, но, не ведая этого места наверняка, можно было с лёгкостью пройти мимо.

Как и ожидалось, ни одного человека в его тайном месте не оказалось. Наскоро поснимав майки и шорты, они поспешили в прохладную воду.

– В детстве... – наплававшись вдоволь, она лежала рядом с ним на покрывале, зажмурив глаза и подложив руки под голову. Тело искрилось от капелек воды, – мы с отцом и мамой часто играли в «отгадалки».

– Отгадалки?

– Угу... Это когда пишешь пальцем у другого на спине какое-нибудь слово, а тот должен отгадать, что ты написал.

Он не любил жару, но здесь, после прохладной воды, в тени сосен, он чувствовал себя здорово.

– Хочешь попробовать? – предложила она.

– Давай....

Девушка перевернулась на живот.

– Пиши на спине. Только для начал выводил буквы медленно, внятно, чтобы я смогла разобрать.

– Хорошо...

Он гладил её кожу, выводя какие-то незначительные, глупые слова, а она мастерские их отгадывала. Он рисовал буквы на её коже, а она, зажмурившись, с лёгкой улыбкой их выговаривала... Ему нравилось касаться её тела, а оно отвечало мурашками... Он играл в глупую игру, нужную лишь для разрушения всяких границы между ними.

Как рука вывела три важнейших слова, он и сам не понял. Получилось как-то само собой.

– Я тебя тоже... – ответила она на его странное признание, перевернулась на спину, и, притянув к себе неуверенного, растерянного парня, поцеловала... Наслаждаясь бесконечно долго...

Фактически, они стали жить вместе, разве что она никогда не оставалась у него на ночь, и к себе домой не приглашала.

– Я не могу маму одну ночью оставить и лишней раз тревожить не хочу – поэтому гостей у меня никогда не бывает, – объясняла она.

– Но почему? – он никак не мог взять в толк, почему взрослый человек не может остаться ночью один.

– Потом как-нибудь расскажу... Когда готова буду. А пока, пожалуйста, просто отпусти меня домой.

С другой стороны, несмотря на желание всегда быть рядом с ней, он отчётливо понимал важность и нужность свободных ночей. Никто и ничто не мешали ему сосредоточиться на историях. Он, как и прежде, мог исписывать километры бумаги и проливать тонны чернил под любимую музыку.

Лето отжило уже добрую половину, а дожди так и не собирались утихать. Любой путь был помечен скопищем луж и маленьких речушек, превращающих полотно асфальта в тёмно-серую мозаику. Сама собой, действительность превращалась в выдумку

– любой сюжет, за который он брался, автоматически становился переполнен тягучими дождливыми днями, укутанными слоями облачного отрепья.

Ему казалось, что прошла уже целая жизнь после того, как «цыганочка» попросила разделить на троих скамейку. С тех пор они не раз приходили туда вдвоём посидеть под большим клёном и насладиться видом реки...

Раньше ему никто не бывал столь близок. Впервые другой человек интересовал писателя ни как сложное и непонятное устройство, а как-то по-другому... В целом. То есть ему была интересна её жизнь, взгляды и отношение к различным вещам и событиям, а также желания и поступки...

А ей, видимо, наоборот, хотелось узнать всё о внутреннем мире беллетриста. Иногда казалось, что для неё единственной задачей является составить подробную карту его души, и как только такая карта будет закончена, «аристократка» потеряет к нему всякий интерес.

– Глупости... – отмахнулась она, когда однажды повелитель слов рассказал ей о своих подозрениях, – просто импонирует, как ты относишься к людям и смотришь на мир – вот и всё. Мне это кажется ужасно странным... И интересным.

– И что же особенного в моём «отношении к людям и взгляде на мир»? – удивился юноша.

Она ненадолго задумалась.

– Просто... Просто ты живёшь, словно сам не человек, а пришелец... И совершенно не понимаешь ни нас – людей, ни окружающий мир... Словно ты вообще не из этого мира. Рядом с тобой я заново изучаю жизнь. Это классно! Действительно классно...

Прозоик нахмурился, видимо, что-то решая для себя. Блондинка сидела напротив с сигаретой в руке, упорно подравнивая о край стеклянной пепельницы тлеющий пепел.

– Не знаю... – после минутной паузы, наконец, начал он, – Просто ты никогда не о чём меня не спрашиваешь, будто тебе просто достаточно быть рядом. Не в моей жизни, а рядом... По-

нимаешь разницу?

– Понимаю, – кивнула она. – Очень хорошо понимаю, потому что ты верно говоришь. Находясь РЯДОМ с тобой, я могу видеть, как ты действуешь в той или иной ситуации. И этого вполне хватает, чтобы узнать о тебе всё необходимое. Поверь, в этом нет ничего плохого. Для меня главное – ЧТО ты делаешь. И пока меня устраивают твои поступки, я со спокойной душой могу слушать тебя, продираясь сквозь дебри твоих мыслей.

И впрямь, за то время, что они были вместе, она так и не поинтересовалась, кем он работает (знала лишь, что пишет истории), на какие деньги существует, в каких отношениях с родителями, да и имёна их известны ей вряд ли. Она была с ним исключительно ради него самого. Именно это понял писатель, после того как девушка отправилась домой. Вроде он должен был доволен и благодарен, что ему встретился такой человек. Но радоваться было нечему. Видимо, он прекрасно понимал, что изменись он хоть на йоту, их отношения оборвутся тонкой леской. Ведь помимо него самого – такого, каков он есть ИМЕННО СЕЙ-ЧАС, ей не за что зацепиться: ни его интересы, ни близкие, ни что бы то ни было ещё ей безразличны. Несмотря на всё неприятие изменений, автор историй прекрасно понимал, что вечно таким же он быть не сможет. Рано или поздно изменения затрагивают всех.

В отличие от неё, писатель, наоборот, знал практически всё о её учёбе в институте и друзьях, с которыми она без него виделась, о детских и нынешних увлечениях, о страхах и официальных недостатках, и даже о первом, не совсем удачном сексуальном опыте.

Оставаясь противоположностями, они заполняли собственные пробелы. Ей не хватало внутренней глубины и спокойного, неспешного «разбора по полочкам» мира одного человека. Ему же, наоборот, – бездумного, зачастую опасного скольжения по обстоятельствам и событиям большого мира людей. Установив такие отношения, они вполне друг друга устраивали, хотя зачастую не могли понять.

Несмотря на кажущееся полным взаимопонимание, они всё же оставались жить в разных мирах. Даже обоюдный интерес и любопытство не мешали им отвергать многие естественные черты друг друга. То, что в начале отношений принималось как «некая изюминка, особенность характера или уникальная черта», со временем переросло в просто раздражающий фактор. С одной стороны, его странности и непохожесть на других привлекали её, но с другой... Как она любила говорить: «Всеми есть предел». Часто обозначенный ею предел дозволенной странности писатель смел нарушать.

Случалось, что в некоторые моменты (когда ему на глаза попадалось что-то важное и интересное – то, что можно было использовать как материал для опусов) литератор как бы «зависал» (как это делает компьютер). То есть он моментально погружался, точнее, проваливался в свои думы, практически переставая воспринимать любые внешние раздражители.

Конечно же, тот сильнейший испуг, что она испытала, впервые увидев его «зависание», вполне оправдан – со стороны подобное зрелище выглядит УЖ СЛИШКОМ необычно. Только что он шёл рядом, спокойный, улыбающийся, без умолку болтающий... И тут ему на глаза попадает НЕЧТО. И вдруг «Хоп!»... Будто и не стало никого – был человек – нет человека. Он попросту полностью выпал из реальности. Неподвижной статуей замер на месте, взгляд стеклянный, устремлённый в никуда; рот чуть приоткрыт, даже не видно, дышит он или нет... Не человек, а призрак! Что делать?! Вызывать скорую? Или подождать? А, может, это он так шутит? ЭЙ!!! Кто-нибудь! Ну хоть кто-нибудь...

Проходит от пятнадцати секунд до нескольких минут, и адепт изящной словесности, «перезагрузившись», совершенно спокойно, будто и не было ничего мгновение назад, достаёт из серой сумки, маленькую тетрадь и, сосредоточившись, что-то в ней спешно строчит.

– Я всё понимаю... Понимаю, каково тебе... Как ты перепуталась... Я, наверное, со стороны психом выгляжу, но... – пускался он в лабиринты оправданий, когда девушка чуточку пришла в себя.

– Психом?! Господи... Да я думала, у тебя припадок или ещё что похуже! – она сидела на высоком бордюре, сдерживаясь из последних сил, чтобы опять не расплакаться.

– Я всё прекрасно понимаю... – спокойным голосом говорил он, – Но... И ты встань на моё место, пойми, насколько для меня ЭТО важно. Именно с помощью вот таких вот «отключек», только полностью выпадая из реального мира, я и получаю необходимую информацию. К тому же я не совсем способен контролировать подобные провалы.

Она заинтересованно, но всё ещё недовольно ждала объяснений.

– Когда по дороге я встречаю что-то захватывающее, что-то интересное, меня будто отключает. Я словно разъединяюсь с миром, погружаюсь в себя, и там, глубоко внутри, где никто и ничто не сможет меня побеспокоить, не мешает внимательно, придирчиво всё обдумать, я спокойно рассматриваю новое «приобретение» со всех сторон. Всё происходит спонтанно! Почему одни вещи задевают меня, а другие – нет, не имею понятия. И уж, тем более, не знаю, как выйти из «отключки» по собственной воле. Пока я всё внимательно не обдумаю, вернуться не получается. Я могу придти в себя, только если меня хорошенько толкнуть или ударить, но делать этого не стоит...

ОН умолк. Лицо девушки больше не выражало злости – лишь удивление и новую порцию интереса.

– А ты не считаешь, что это может быть опасно?

Он пожал плечами – для него эта тема уже была давно обдумана-передумана тысячи раз:

– Именно поэтому я не покупаю себе машину и велик. Хотя очень хочется.

– Я не совсем это имела ввиду, – замотала она головой. – Ведь такие... М-м-м... «отключения» могут быть симптомами какой-то серьёзной болезни.

– Глупости... – махнул он рукой. – Подобные мысли мне уже приходили в голову. Ни один врач не смог найти во мне хоть малейшего изъяна – я здоров как бык. Слышишь, всё в порядке...

– А если...

– Перестань! Я сказал – у меня всё ОКей. Я уже привык к «зависаниям», тем более, что они необходимы для моих историй. Не так уж и часто я «висну», чтобы мне это надоело.

– Это с тобой происходит... – она уже совсем успокоилась и вертела в пальцах сорванный одуванчик, – как часто?

Он на секунду задумался.

– Один... Максимум два раза в день. А иногда и вообще целую неделю не бывает – это если подолгу из дома не выходить. Но тогда уже слышится Зов.

Она метнула на него испуганный взгляд.

– Что ещё за «Зов»?!

Поняв, что сболтнул лишнего, писатель махнул рукой, мол «забудь».

– Нет-нет... Давай рассказывай! – угрожающе приказала она. – И вообще, у тебя ещё много сюрпризов, о которых я понятия не имею?

Он виновато улыбнулся.

Часто автор думал, что она сама не понимает, чего именно от него хочет. Она всегда очень злилась, когда он при ней «зависал». «Не могу смотреть на тебя, когда ты ТАКОЙ...» – говорила она. Несколько раз он даже не заставлял её рядом, когда «возвращался обратно». С другой стороны, она очень интересовалась его странностью. Особенно в тишине, в сумерках зашторенной квартиры, обняв его, она в который раз просила рассказать:

– На что это похоже?

Он лениво приоткрывал один глаз, подозрительно на неё взглянув, и, увидев искреннее любопытство, опять погружался в неспешную дрёму. Лишь через несколько минут властитель слов отвечал, пока она терпеливо ждала:

– Больше всего *это* похоже на сидение в глубоком колодце. Где-то наверху шумит город и светит яркое солнце. Но лишь самые крохи, малая толика, обрывки звуков и света добираются до меня. Вокруг – темнота и покой, а в руках у меня – странный, непонятный предмет – то, что я «нашёл» там, «в миру». Тогда я начинаю крутить его, вертеть, пытаюсь разгадать его суть. Иногда

понимаю достаточно быстро, что это и для чего... А иногда требуется время. То, что я, в конце концов, узнаю, идеально подходит для какой-нибудь из моих историй. Для той, над которой работаю в данный момент или же которая только намечается. Тогда меня словно выбрасывает из прохлады тайного убежища. Звуки, свет и ощущения обрушиваются сплошным потоком. Мне нужно какое-то время, чтобы прийти в себя. Но, несмотря на это, первым делом я стремлюсь поскорее записать только что пришедшие мысли. Самое главное – быстро среагировать, донести до листов всё до последней крохи, иначе важная часть истории может быть утрачена.

Постоянные внутренние противоречия никак не давали ей покоя. С одной стороны, его странности были так интересны! А, с другой – просто бесили, мгновенно выводили из себя. Разрываясь между любопытством и раздражением, она заведомо проигрывала битву. Уж что-что, а разбираться в себе она совершенно не умела.

В свою очередь, магистра фраз тоже нельзя было назвать безупречным. Честно сказать, он был далёк от идеала и в действительности зачастую перегибал палку.

Любое событие (даже серьёзную ссору) он мог рассматривать с точки зрения пригодности данной ситуации для одной из историй. В то время как возлюбленная говорила ему о своих ощущениях и переживаниях, писатель мог, вроде бы внимательно слушая и сопереживая, вдруг радостно вскочить, щедро раскидывая слова благодарности, и полезть в сумку за заветной тетрадкой, чтобы записать какую-либо только что произнесённую ею фразу.

– С тобой рядом я даже иногда перестаю чувствовать себя живой, забываю, что меня окружают живые... Нормальные люди! Я собственную значимость свела на нет... – выговаривала девушка ему, – понятно что это ведёт к беде! Но и о себе нужно подумать! Дошло?

Он покачивал головой, словно игрушечный болванчик, шёпотом вторя: «Понимаешь? Понимаешь?»

– Ты вообще слышишь, что я говорю?!

– Да, конечно... – ожил он, – конечно... Сейчас только... По-

дожди минутку!

И великий посвящённый заморожено тянется к закадычной подруге – тряпичной сумке. Не выдержив вопиющего безразличия, белокурая возлюбленная сбегает, в истерике громко хлопнув входной дверью.

Далее незамедлительно следует запись в священной тетрадке...

«799. Доказательство собственной значимости всегда ведёт к беде. Глупая смерть из принципа (к истории о Марате)».

Закончив новеллу, он подключается к интернету. Открывает «АйСиКью». Её значок горит зелёным.

– Привет :-))! – пишет он.

Прежде, чем она отвечает, признанный людоед успевает заварить чай.

– >:~(

Чего-то большего, чем злобного смайлика, от неё вряд ли получится добиться...

– Извини... Был неправ...

Молчание.

– Я сейчас пришлю тебе кое-что. Пожалуйста, прочти. Очень прошу!

– Не надо ничего присылать!!!

Но он не слушает.

«...Маратик, сжавшись в маленькую точку, всё же смог сделать над собой усилие и запрыгнуть на парашют. Расставив в разные стороны руки, таким образом, стараясь сохранить равновесие, он медленно шёл вперёд. Раньше он никогда бы не подумал, что оторвать от поверхности ногу может быть так тяжело.

– Двадцать три... Двадцать два... Двадцать один... – отсчитывал он оставшиеся шаги.

– Тебя впереди ждёт сюрприз, – притворно ласково сказал один из старших парней, что, поджав ноги, сидели на трубе возле антенн, внимательно следя за действиями Марата.

И, действительно, досчитав до восьми, он упёрся взглядом в пропасть, глубиной в девять этажей.

– Только не смотри вниз... Только не вниз... – шептал он ободряюще, стараясь развернуться на сто восемьдесят градусов, чтобы добить эти восемь шагов на пути между жизнью и смертью.

– Активнее, Маратик... Активнее! Или петухом хочешь заделаться?! – подначивал всё тот же голос.

Ах, если бы маленький Маратик мог знать, что через двенадцать лет (ровно столько же, сколько ему стукнуло неделю назад) этот дурацкий спор «на петуха» будет начисто забыт! Лишь неделю его будут во дворе обидно кликать новым прозвищем, но после лёгкой победы в драке никто более не посмеет его так дразнить. Ах, если бы ему наплевать на глупое мальчишеское «слабо» и спокойно отправиться домой, к застолью в честь маминого Дня Рождения, где он познакомится с родителями будущей жены, прекрасной Алины. Ах, если бы...

Последний шаг тёплым ветром подхватил его и унёс вдаль, где спокойно и тепло, и где нет обязанности быть сильным...»

Минут пятнадцать она хранит молчание. Но затем всё же пишет.

– Это что?

– Это то, что получилось из нашей ссоры. Отрывок рассказа... Про значимость, что ведёт к беде. Помнишь? – отвечает он. – Пожалуйста, не злись :-*.

Двухминутная пауза.

– Скинь мне на «мэйл» рассказ и отключись от сети. Прочитаю – перезвоню, – пишет она, и зелёная иконка «АйСиКью» загорается красным.

7. Потерянные истории

Кого-то одного винить в случившемся, думаю, не имеет смысла: ведь всё произошло, как произошло. По большому счёту, нет никакой разницы, кто или что послужило тому причиной. И уж, тем более, корить и ругаться давно уже поздно...

К счастью или к сожалению, как бы люди ни хотели навсегда остаться в нынешней точке жизненных координат, это невоз-

можно. Видимо, где-то есть силы, так сказать особая небесная канцелярия, отвечающая за *движение* человека и человечества в целом. Часто бывает (как бы мы ни сопротивлялись), что приходится на своей шкуре ощущать действие этих сил. А что делать?

Друг с другом, вдвоём, им хорошо... Вместе. Обильное влагой лето вот-вот должно было плавно превратиться в осень, по всей видимости, тоже дождливую. Единственное, чего писатель настоящему хотел – это чтобы всё, как есть, оставалось навсегда. Чтобы можно было вечно придумывать свои истории, а в перерывах шлёпать по мокрому асфальту, держа её за руку... Но, конечно же, об этом не могло быть и речи. Стоило лишь замереть, остановить время, обнести свой маленький мир высоким неприступным забором, как в игру вступали пресловутые всемогущие силы.

Она была на взводе. Он почувствовал сразу, лишь стоило замелькать её силуэту белой точкой у самого горизонта. Её молнии просматривались в походке, в том, как дрожал воздух, соприкасаясь с её телом, как покачивался зонтик...

– Привет, – дружелюбно улыбнулась она и, привстав на носочках, чмокнула его в щёку. Ни голосом, ни выражением лица она не давала проявиться своему волнению. Но уж слишком хорошо молодой душезнатец её чувствовал, чтобы поверить в демонстративно приподнятое настроение.

– Как дела? – осторожно осведомился он.

– Всё отлично, – как ни в чём не бывало, бодро защебетала она. – В универе много всякого было...

«Если не говорит и скрывает чувства, значит, дело явно касается запретной темы – матери, – размышлял он, но, естественно, свои догадки оставил при себе. – Захочет, сама расскажет».

Она легонько жужжала, идя рядом, рука об руку. Вроде всё, как обычно... Разве что слишком разговорчива. Он решил пустить на самотёк, продолжая действовать по её правилам в игре под названием: «Всё в порядке, у меня хорошее настроение!»

Наверное, всё же стоило тогда спросить её, постараться вывести, что случилось. Наверное... Ведь этот момент вполне мог

оказаться той самой переломной точкой истории, от которой зависит, в каком направлении дальше будут двигаться линии жизни и к какому финалу приведёт его судьба. Наверное... Но что уж там... Всё случилось, как случилось...

Как обычно, он спокойно брёл вперёд, держа её за руку, слушая изложение событий и незнакомых имён, разглядывал дорожку и прохожих... Поворот головы, случайный взгляд, брошенный вдаль, – и его не остановить, и...

Чуть поодаль, впереди себя, признанный мэтр видит опёршегося о кирпичную стену парня. Молодой, худощавый – самый обычный юнец. Вроде бы, ничем не занят, кого-то ждёт или просто от безделья околачивается в центре. Отрешённо прикрыв глаза, наслаждается звучащей из громоздких наушников мелодией. Длинные, мокрые от дождя волосы растрёпаны, лёгкая красная байка с непонятной надписью в стиле «граффити», джинсы и чёрные кроссовки. Весь его вид говорит, что этому человеку наплевать на пролетающую мимо жизнь, а единственные стоящие в этом мире вещи – музыка и остатки дождливого лета.

Открыв глаза, упирается взглядом в изъеденный лужами асфальт. Внимательному наблюдателю становится понятно, что он смотрит на лежащие в двух шагах от него деньги. Разбросанная по дороге, мокрая, как и весь мир, мелочь. И, кажется, он всё не может, наконец, решиться подобрать её...

Всего лишь этого незначительного отрывка было достаточно, чтобы внутри щёлкнул переключатель сознания и мысли оказались на самом дне безмерно глубокого колодца. Лишь жалкие остатки, обрывки света и звуков могли добраться сюда. В руках писатель держит бесценное сокровище – новую идею для очередной истории. Теперь он должен, словно хрупкую хрустальную скульптуру, осмотреть её, ощутить, пережить, продумать все события и их последствия...

«...Именно ЭТО, – размышлял он, окружённый безопасной прохладой, сотворённой разумом, – и послужило развилкой сюжета. В первом случае, герой не решается подобрать валяющуюся

на земле мелочь и проходит дальше... События выстраиваются особым узором. Во втором, герой всё же пренебрегает мнением окружающих и наклоняется за купюрой. Всего секунда разделяет эти два события, но совершенно разные жизни следуют после.

ВЫБОР

Если он подбирает деньги, то...
идёт, куда шёл.

Если пренебрегает ими, то...
его сбивает машина.

Бинго!

Теперь в истории все недостающие фрагменты заняли свои места и мозаика выглядит завершенной. Сюжет целостный, и за него вполне можно садиться».

Сырость колодца отступает. На место пустоты вновь приходят цвета и звуки.

Как обычно, после «возвращения» он не сразу понимает, где находится и что происходит кругом. Всего несколько секунд ему необходимы, чтобы окончательно придти в себя. Оглядывается... Кругом те же пейзажи, что и до «зависания». Разве что бесцветный дождливый день стал её неуютнее. Парень неподвижно стоит, опершись о стену: видимо, решил не позориться ради мелочи. А напротив с ненавистью во взоре замерла она, прицельно и ненавидяще прожигая в упор.

– Сейчас... Сейчас... – шепчет он себе, и умело, привычно ловко расстёгивая тряпичную сумку, достаёт ручку с небольшой тетрадкой. Голова гудит, тяжёлая... Неподъёмно тяжкая от переполняющих мыслей, что обязательно нужно... Просто необходимо сей секунд выплеснуть на бумагу. Только это важно...

Высвободившись, вырвавшись на волю, зацементированная внутри ярость полностью подчинила её себе. Подойдя к нему вплотную, она вырывает ручку и швыряет её далеко в лужу.

– Да прекрати ты уже! – кричит она, не обращая внимания на испуганных прохожих. – Хватит вести себя, как псих! Твои при-

падки... Надоели...

Её полный отчаяния голос словно выводит его из транса.

В руке мокнет тетрадь. Ручка валяется в грязи. Она быстрыми шагами уходит прочь. Инженер человеческих душ ещё не до конца пришёл в себя, чтобы как следует сообразить, что же, собственно говоря, делать дальше. Поэтому стоит, иступлённо оглядываясь по сторонам. Единственное, что сейчас доступно – это не пойми откуда взявшееся ощущение тоски и невосполнимой потери: только что безвозвратно упущен важнейший элемент фабулы. Как ни старался, никак не получалось вспомнить, что же именно должно занести в сокровенные скрижали? Мысли, коим назначено аккуратными стежками прошить белёсые листы, сверлили голову болью. Череп налился свинцом. И только леденящий страх, что важная часть истории утеряна и её не вернуть, крутился адским волчком, оглушая раскатами грома.

Он подобрал ручку, любовно очистив, вернул её в сумку и лишь затем побрёл домой, не в силах справиться с болью.

На следующее утро ни от гудящей головы, ни от бессмысленной ссоры не осталось и следа.

Очнулся он от настойчивого стука в дверь (звонка у него не было). Конечно же, это была она! Кто ещё мог с таким упорством ломиться в квартиру? Как всегда прекрасная, сейчас её виноватая улыбка была полна искреннего раскаяния и извинений. Как писатель предполагал, вчера она была на взводе.

– С мамой проблемы... – но что именно случилось, она не объяснила, как всегда, «не готовая к этому разговору». – Вот я и взъелась на тебя. Ты же знаешь, как я к твоим «висякам» отношусь...

И всё бы ничего (ведь и голова не болит, и любимая осознала неправоту), но... Никогда не стоит забывать, сколько бед могут нести с собой незавершённости!

С тех пор прошло три дня. Жизнь маленькими шагами семенила вперёд. И в драгоценной тетради уже успели появиться несколько новых записей. Обычный день. Он брёл на встречу с ней, перекинув сумку через плечо, уставившись в серый асфальт, ко-

гда взгляд выхватил из разбросанных по пути обёрток и пустых пачек небольшую бумажку, с которой укоризненно смотрел грозного вида мужчина. Мелкая банкнота, промокшая, грязная, валялась на земле. В другой ситуации писатель даже бы не подумал ковыряться в луже ради этой мелочи... Но сейчас он смог уловить что-то важное в этой бумажке. Ещё не до конца осознав, *что именно* он нашёл, маэстро сюжета остановился подобрать банкноту. Лишь стоило ему взять деньги в руки, как образы в голове замелькали со скоростью кинокадров, и, казалось, утерянные навсегда мысли начали возвращаться...

«Вспомнил!» – обрадовался он.

В это же самое время спортивная машина пронеслась с бешеной скоростью, чуть не сбив идущего впереди человека. Этот мужчина, что переходил дорогу, лишь на несколько шагов опередил собственную смерть. Как раз за ним должен был идти писатель, и, если бы не валяющаяся под ногами мелочь, сюжетная линия его собственной жизни оборвалась бы наверняка.

«Если да, то... ЖИЗНЬ» ← или → «Если нет, то... СМЕРТЬ»

Первым делом, он зафиксировал вновь обрётённые мысли и лишь затем нашёл место, где можно было спокойно посидеть и хорошенько всё обдумать. А что, собственно, произошло?

«...Быть того не может... Существуют же совпадения. Существуют наверняка.... Но не в данном случае! Как такое могло вообще случиться, что в тот самый момент, когда я подобрал деньги и вспомнил ту идею, машина чуть не сбивает идущего впереди меня? Точь-в-точь, как было задумано по сюжету! Если бы я не остановился, то валялся бы сейчас у обочины... Мешком переломанных костей. Совпадение?».

Но писатель не верил в совпадения. Поэтому начал ковыряться в памяти, стараясь отыскать подобные случаи, когда не смог записать найденные идеи. Он судорожно хватался за любое воспоминание, хоть сколько-то способное помочь найти ответ. Он достал издававшую виды тетрадку и стал изучать записи, начиная с самой первой в надежде хоть что-нибудь прояснить. Ну, хоть что-

то!

В голове – полный вакуум: перманентный процесс зарождения и разрушения мыслей. И ничего хоть сколько-нибудь значительного. Пу-сто-та...

Сердце с сумасшедшей скоростью колотилось, билось в истерике, мысли метались в темноте, тело пробирал озноб – коктейль из страха и адреналина всё не давал покоя. Но он знал наверняка – всё произошедшее – неслучайно, и уж точно – не выдумка испуганного разума.

Ничего... В конце всё окажется на местах.

Понадобился всего один день, чтобы решиться. Уж слишком большие мучения приносила неясность, чтобы оставлять всё на потом. Немедленно, прямо сейчас он хотел понять, что в действительности произошло, и какова его роль. Единственное, что требовалось – подходящая возможность, появившаяся намного раньше ожидаемого.

Молодой прозаик сидел в центре города, занимаясь любимым делом – созерцал потоки беспорядочно снующих прохожих. Через два часа тридцать четыре минуты к назначенному месту (недалеко отсюда) должна была подойти она для совместного времяпрепровождения. Ну а пока можно было поглазеть на таких разных и интересных людей.

Всё произошло, как обычно, неожиданно... Было достаточно лишь скользнуть взглядом, чтобы гигантская волна мыслей с головой захлестнула его.

Какой-то парень бежал «на износ» прочь от людных улиц, в сторону запутанных дворовых лабиринтов. В руке у него болталась белая женская сумочка. Позади себя он оставил застывшую столбом, испуганную, растерянную толстуху, от страха не догадывающуюся даже закричать, а лишь указывающую дрожащими пальцами в его сторону да судорожно глотающую воздух...

В следующий миг – лишь привычная пропасть, долгое падение на самое дно, где никто не потревожит.

«...История начинается с момента, когда уличный воришка

выхватывает у женщины сумочку и стремительно убегает. Но ему не удаётся уйти далеко с наживкой: какой-то мужчина сбивает его с ног, забирает сумку и возвращает женщине. Жулику удаётся сбежать.

Она знакомится со своим спасителем и у них завязываются близкие отношения. Всё, вроде бы, разрешилось благополучно, но... После того случая она начинает бояться рецидива, что её ограбят вновь. Состояние шока и страха, кажется, остались в ней навсегда. Потихоньку женщина превращает свой дом в настоящую крепость: сигнализация, железные двери, решётки на окнах, видеокамеры... Для самообороны она покупает газовый баллончик, который постоянно держит в кармане, и уже подумывает о покупке электрошокера. Тот мужчина-спаситель, ставший её любовником, понимает, что для неё стремление защититься, оборонить себя становится настоящей манией. Он пытается ей это объяснить, но она и слышать ничего не желает, считая его «пустые домыслы просто глупостями».

Когда женщина начинает оформление документов на покупку домой оружия, он не выдерживает её фобии и отказывается «прожить с больной паранойей, спящей с пистолетом под подушкой». Вдрызг разругавшись, он порывает с ней отношения, пока она «не вправит себе мозги».

Оставшись одна в своей крепости, женщина наконец-таки начинает понимать, насколько сильно тот случай повлиял на её жизнь и что у неё действительно проблемы. Осознав это, она решает обратиться за помощью к психотерапевту.

Постепенно она побеждает страхи. Специалист помогает ей поверить в собственные силы и возможность самостоятельно отстоять, защититься себя.

Она чувствует, что у неё теперь нет нужды доверять жизнь оружию и железной броне, и хочет вернуть своего мужчину. Он с радостью поддерживает её. Вместе они возвращают оружие и другие средства защиты продавцам, знаменуя этим поступком её избавление от страхов. Решив отметить возобновление отношений, они проводят чудесный вечер вдвоём. Они счастливы быть снова вместе. Прогуливаясь после ресторана, они идут знакомы-

ми улицами.

Почти у самого дома на них нападает грабитель, требуя снять все украшения и отдать деньги. По неосторожности вор убивает её мужчину...»

Возвращение к реальности вызывает в нём бурю эмоций и ощущений. Глаза слепит солнце, будто писатель только что вышел из темноты, хотя в действительности всё время простоял с открытыми остекленевшими глазами. Шум центральных улиц давит на перепонки густой какофонией. Букет из запахов переработанного бензина, утреннего дождя и сладостей из кондитерской раздражают обоняние. Смешиваясь, все эти реалии, порождали восторг и ощущение непонятного, почти неуловимого счастья ТВОРЦА. Каждый раз, когда в глубине сырого, холодного колодца подсознания оживала новая история (или хотя бы какая-то её часть: пейзаж или диалог – неважно), он испытывал это неповторимое ощущение причастности к чему-то БОЛЬШОМУ и ВАЖНОМУ.

На автомате, полуосознанно, он потянулся за бесценной тетрадь, записать новое приобретение... Но, вовремя вспомнив о своём решении, отдёргнул от сумки руку, словно обжёгся. Это была идеальная возможность, чтобы выяснить: случай с деньгами – совпадение или всё же он своими действиями каким-то образом генерировал те события.

«Если в ближайшие дни произойдёт что-то необычное, связанное с ограблением, то я окажусь прав – случайностей не бывает...»

Спустя три дня...

Осознание, что его обожаемая сумка не касается бедра, появилось не сразу. Видимо, прошло несколько секунд, прежде чем писателя озарило: в окружающем мире явно что-то изменилось. Он резко вскочил, оглядываясь по сторонам. Она, видимо также ничего не заметила, поэтому сейчас в недоумении смотрела на ни с того, ни с сего подскочившего друга.

Как всегда в выходной, в парке было много народа. Уже сми-

рившиеся с извечно дождливой погодой, горожане спокойно прогуливались по мощёным дорожкам, покачивая цветными зонтами. Скукоженный, как бы скомканный вперёд, из-за чего похожий на знак вопроса, парень пересекал лужайку.

– Эй! Эй, стой! – закричал писатель. На удивление, он ни на секунду не замешкавшись, словно был готов к чему-то подобному, рванул вдогонку. Воришка остановился, бросил короткий взгляд через плечо, и уже в следующую секунду нёсся вперёд, ловко лавируя между деревьями. Вор прыснул вправо, надеясь скрыться за углом забора церкви, которую уже несколько лет безуспешно приводили в порядок. На какое-то время он потерял вора из виду, но, стоило ему завернуть за обнесённое деревянным забором здание, как он с облегчением сбавил ход.

Злодей распластался на земле. Сверху, упёршись коленом в голову, восседал огромных размеров мужичина. Драгоценная добыча валялась в паре метрах от них. Потихоньку подтягивались зеваки.

– Твоя? – кивнул мужик в сторону сумки.

– Моя... – подтвердил литератор и направился к сумке, чтобы подобрать.

– Дождись наряда, чтоб «заяву» написать, – приказал, явно привычным командирским тоном мужик. – Ты ж не хочешь, чтоб... Этому всё с рук сошло. Ментов уже вызвали, так что просто побудь здесь.

«Этот», как выразился мужик, беспомощно трепыхался и что-то ныл под явно немаленьким весом крепыша.

– Дождусь, конечно, – согласился писатель. – Сейчас только...

И полез за тетрадью в сумку.

«917. История начинается с момента, когда уличный воришка выхватывает у женщины сумочку и стремительно убегает...» – быстро как мог, писал он. Когда писатель поставил точку, как раз подошёл наряд.

На всё это она смотрела издалека. Затем, когда на вора уже одевали наручники, ничего не сказав, ушла.

8. Точка

Если честно признаться, то он просто о ней забыл. Даже тот факт, что они вместе сидели в парке на лавочке, весело и с удовольствием трепались о всякой ерунде, напрочь вылетел у него из головы. Видимо то, что он понял... Точнее, то, что эксперимент удался, полностью выбило из колеи. Мысли просто никак не могли успокоиться. Способность здраво мыслить, казалось, навсегда унесена водоворотом нового знания. Ни на чём сконцентрироваться не удавалось, и уж, тем более, принять сколько-нибудь толковое решение. А решать, естественно, что-то было просто необходимо.

Если до случая с воришкой (когда все догадки оставались лишь размытыми домыслами) юноша воспринимал неординарность происходящих с ним событий лишь как игру, забавную писательскую задумку, случайно вкрапленную в реальность, то сейчас... Бурлящие в нём чувства всё никак не удавалось идентифицировать – и ни ответственность, и ни тревога, и ни растерянность, и ни страх... А вообще непонятно что!

Конечно же, автор историй был человеком в полной мере разумным и логичным (зачастую даже чересчур), и, несмотря на частое и долгосрочное пребывание в воображаемых мирах, с лёгкостью разграничивал вымысел и реальность.

Так или иначе – он вполне мог сжиться с философией, что один раз – случайность, два – совпадение, а три – уже закономерность... Но мастер моделирования реальности не верил в совпадения.

Спустя несколько часов попав домой после милиции, первым делом он принялся писать ту самую историю про женщину, боявшуюся ограбления. Как раз за день до этого он закончил большую новеллу, и теперь ему совершенно ничего не мешало записать всё «по горячим следам». При этом путаница в мозгах и общее дурное самочувствие никак не сбивали его с мысли. Ведь с тех самых пор, как он записал первые строки, любые слова из-под пера выходили с лёгкостью и как бы сами по себе... Будто

кто-то невидимый просто надиктовывал уже готовый текст на ухо, и оставалось лишь спешно записывать за благодетелем фразы.

«...

Они завернули за угол.

– А мне нравится осень, – настаивал он. – Воздух более свежий по утрам – такого в другие сезоны не бывает. Только выходишь на улицу – и сразу чувствуешь себя живым. Это классное чувство!

– И только лишь за это?

– Нет, ну почему... Осенью много всего интересного происходит и с природой, с людьми. Со мной в том числе.

– Ты что, в оборотня превращаешься? – шутливо-испуганно отстранилась она.

– Ага... – засмеялся Дмитрий. – Р-р-р... страшно?

– Оч-чень. Такой симпатичный оборотень пусть меня сколько угодно пугает, – Светлана привстала на цыпочках и поцеловала его в щёку. Какое-то время они неспешно шли переулками, сопровождаемые далёким гулом городских кварталов.

– Знаешь... – неуверенно начала говорить Дима, – я в самом деле рад, что всё закончилось. Когда произошла та ссора, я больше всего на свете боялся, что мы никогда не увидимся. И вот теперь я с тобой спокойно иду домой, ничего и никого не боясь.

Светлана было хотела что-то ответить, но в этот момент позади них раздались громкие шлепки ног по лужам. Они одновременно, рефлекторно обернулись. В нескольких метрах от них стоял высокий молодой человек, судорожно глотающий воздух, стараясь отдышаться. Старая потёртая кожанка, грязные рваные джинсы, бритая голова и злобный взгляд исподлобья – ощущение опасности и безудержной угрозы сильными толчками заставляли биться сердце.

Инстинктивно Дмитрий вышел чуть вперёд, руками толкая Светлану к себе за спину, но та, остолбенев, не могла сделать и шагу.

– Сука... Деньги... – дышал парень, еле выдавливая слова. Его

рука метнулась в карман куртки, из которой тотчас появилось тонкое длинное лезвие. – Давай! Активней... Сука...

Но никто из них даже не шевельнулся. Тогда парень, словно взбесившись, заорал:

– Я, бля, чё говорю! Живо, бля!!!

– Слушай... – начал, было, Дима спокойным голосом, и выставил вперёд ладонь, в знак примирения, но парень и не собирался разговаривать.

– Три! Два... – пошёл отсчёт, постепенно походя, с приготовленным к атаке ножом.

– Всё-всё... – умиряюще протянул Дима, и полез за кошельком во внутренний карман пальто. Но перепуганный и взведённый до края вор, видимо принял этот жест за угрозу его безопасности, и в два прыжка достиг их.

Дима сильно толкнул Светлану, а та лишь безвольной тряпичной куклой отлетела в сторону. Её ступор начинал понемногу уходить, и способность хоть что-то воспринимать возвращалась. Два силуэта, сцепившиеся в смертельной схватке, мелькали перед ней. Она почти не видела, но знала, что где-то среди этой мешанины тряпья и тел, сражается за жизнь её любимый мужчина и что-то с этим надо было делать.

Рука потянулась к карману, который уже привычно должен был отягощать газовый баллончик... Должен, но сегодня он был оставлен за ненадобностью дома. Именно Дима настоял на этом. Лишь стоило только понять, что она сейчас ничего не сможет сделать для своей и его защиты, как бессилие и безнадёжность окончательно завладели ею. Драка переместилась к её ногам. Мужчины перекатывались по грязному асфальту, и вот именно сейчас преступник нависал угрозой над Димой, и она могла бы отравить его лицо спасительными слезами, но...

Дима чуть слышно вскрикнул, его руки обмякли, зрачки превратились в стекло... Теперь он уже не мог сопротивляться. Грабитель спокойно встал, отдёргнул воротник плаща, и достал желанные деньги. В одной руке он держал кошелёк, в другой – нож, запачканный Диминой кровью. Бандит перевёл взгляд с беззащитного тела на неё – всего секунду в глазах отражался выбор

жизни или смерти.

– Сука... – лишь сказал он, и спокойно зашагал к темноте, чуть позже перейдя на бег».

Точку в рассказе, который был назван «Защитница», он поставил лишь утром, часам к десяти, проработав без остановки тридцать часов кряду. Ни усталости, ни бессилия писатель не ощущал. Лишь смутная, непонятная тревога донимала его. Решив немного поспать, чтобы отрезвить разум и восстановить силы, необходимые в дальнейшем, он забрался в кровать. Но всё равно почему-то заснуть долго не получалось. Лишь к полудню его увлёл мир грёз. Капли дождя привычно барабанили по подоконнику.

Пробуждение получилось долгим, вымученным беспокойными мыслями. Такое состояние, когда вроде бы спишь, но одновременно и думаешь о чём-то, разруливаешь какие-то дневные незавершённости, скорее больше изматывает, нежели даёт телу и разуму отдохнуть.

Открыв глаза, он понял, что проспал намного больше, чем изначально рассчитывал: комнату заполнял мрак глубокой ночи. Уверенность, что он уже не спит, давало лишь знакомое, отчётливо громкое постукивание дождя за окном.

Мысли... Тяжёлые, вязкие мысли, что выбрались сквозь сон на свободу, несли ответ, что он так отчаянно пытался найти, не зная, что все ключи находятся рядом. Прославленный беллетрист, наконец, понял, чего же именно ему не хватало для полноты, чёткости и целостности собираемой из пазлов картины.

Под номером один, то есть первым случаем, когда он не занёс в тетрадь подаренные Зовом впечатления, оказывается, был не тот, что с разбросанной мелочью, а раньше... Намного раньше. Помнится, Зов тогда привёл его к окну, за которым девушка упрямо, день за днём смотрела в экран монитора... Пока однажды она, взяв с собой болтливую подругу, не решила прогуляться в парке, а, утомившись, присесть к парню, в одиночестве читающему книгу.

Когда Зов даровал писателю очередную идею для истории, увы, он не сумел разглядеть в том окне что-то важное, интересное и достойное. И тогда *ЧТО-ТО* соединило писателя с ней, воплотило фантазм в реальность, одарило плотью.

Менее, чем на секунду – на долю мига писателю показалось, что он смог увидеть, почувствовать огромное, невообразимо большое пространство, всё насквозь пронизанное тонкими линиями судеб и событий... Нитками вариантов и возможностей. Сотни, тысячи, мириады прямых где-то в космической пустоте. Все они составляют сплошное, единое месиво... Они пульсируют, переливаясь немыслимыми узорами, сокращаются и скручиваются, словно живые. И где-то там, среди этих множеств вариантов (более всего походящих на изворотливых червяков) существуют, живут и пульсируют в своём ритме, линии его жизни. Они так же, как и всё кругом, сплетаются и расходятся железнодорожными рельсами, позволяя ему самому выбирать предстоящий путь.

И он (не будь дураком) пользовался этим благословением, загребая себе лучшее из всего, что могла предложить Вселенная. Но всё оказалось фикцией. Тяжкое, тянущее вниз разочарование охватило всё его существо. Всемирно известный прозаик всего лишь хотел быть просто сам по себе. Теперь же, зная, что где-то у кого-то более осведомленного, чем он сам, существуют совершенно другие, непонятные ему планы, он больше ни за что не сможет ощущать себя свободным.

«Для чего тогда всё?!».

Лишь добравшись до своего стола, он зажжёт лампу. Из лежащей рядом на полу сумки достал любимую ручку и маленькую тетрадь, и, не отягощенный усталыми мыслями, начал изливать на листы вновь найденные слова.

«920. История о парне, которому по роду деятельности приходится много ходить пешком по городу (например, он коммивояжёр или разносит заказы). Так получается, что несколько дней подряд ему приходится бывать в одном и том же районе города и даже на одной улице. Работает он допоздна, до самой темноты. И

вот однажды бросает случайный взгляд и видит в окне женский силуэт перед светящимся монитором (обычный женский силуэт, прямые волосы «под каре», голова чуть наклонена в бок). Сам не знает почему, но в совокупности всё это крепко западает ему в душу.

Через несколько дней снова по долгу службы оказавшись вечером в это районе, он решает «навестить» запомнившийся силуэт. В окне он видит, как она пристально всматривается в мелкий шрифт сайтов, как переключает песни и смотрит видеоролики... Чем-то это его привлекает, и он начинает приходить каждый вечер, чтобы понаблюдать за силуэтом девушки. Со временем он понимает, что для него это увлечение превратилось из просто любопытства не просто в необходимость – оно стало настоящей манией. Если по каким-то причинам ему не удавалось выполнить ежевечерний ритуал, им овладевали тревога и напряжение... Даже не имя понятия, кто она в действительности, как она выглядит, сколько ей лет, свободна ли – вообще ничего о не зная, он ощущает странную, необъяснимую тягу. В реале он влюбляется в таинственный образ.

Зная адрес дома и приблизительно – квартиру, в которой она проживает, он с лёгкостью находит её страничку в интернете на одном из сайтов знакомств. Он просматривает её анкету, фотографии, читает записи в блоге... И от этого она становится ещё ближе, ещё интереснее. Девушка мечты оказывается очень красивой. Это его ровесница. По активности на сайте видно, что она целыми днями просиживает в сети. Более не справляясь с собственными чувствами, он решает во что бы то ни стало с ней познакомиться.

И начинает поджидать её возле подъезда, чтобы случайно «столкнуться». Он уверен, что это не составит труда, так как на фотографиях она всегда в кругу большого количества друзей, в разных компаниях и местах: от баскетбольной площадке до пляжа. Человек явно активный.

Но почему-то за несколько дней она так ни разу и не появилась на улице. В окне её можно было увидеть лишь с наступлением темноты – днями шторы были закрыты, защищая комнату от

дневного света. Ему ничего не остаётся, кроме как познакомиться с ней в интернете, где они легко находят общий язык и общаются с упоением.

В одном из разговоров он рассказывает, как произошла их встреча, что она нелучайна. После чего девушка пропадает на целую неделю – в сети не появляется, в окне шторы наглухо задёргнуты даже по вечерам. Он в недоумении и страхе, что потерял её, пишет одно сообщение за другим, но ответ приходит лишь через неделю. Всего одна строка: «Наклон головы, что ты заметил – это паралич».

Он растерян, даже не знает, что ответить. Через день приходит ещё одно сообщение, в котором она подробно рассказывает о болезни, поразившей её тело год назад, о том, что у неё могут двигаться лишь кисти рук и немного – левая нога, что знакомство с ним очень важно для неё, и она хочет продолжать общение, ни на что не надеясь.

В смятении чувств он отправляется проветрить голову, чтобы хоть что-то решить. Он долго бесцельно бродит по ночному городу, размышляя о своей любви к ней и боли в сердце, пока не бросает *случайный* взгляд и видит за окном прекрасную женщину, спокойно читающую книгу перед большим аквариумом, отдающими синим свечением... Называется рассказ «Силуэт».

Сотворив остов нового рассказа, писатель отправился на кухню заваривать кофе. Молоко оказалось прокисшим, пришлось пить без него. Но, практически залпом осушив стакан, понял, что одним только кофе дело не закончится – желудок требовал пополнить потраченную за день энергию. Решил перекусить.

Писателю вообще было свойственно смешивать процесс обдумывания чего-то важного с одновременным выполнением каких-то простейших, не требующих особого сосредоточения действий. Например, приготовление бутербродов было в самый раз.

Почистив несколько зубчиков чеснока, он выдавил их в сметану, приправил чёрным перцем, чили, паприкой и посолил. Затем достал из хлебницы тонкий армянский лаваш, нарезал его на несколько длинных дорожек шириной в ладонь. Сверху положил

ломтики сыра «Сулугуни», помидора и репчатого лука. Сверху посыпал укропом и киндзой. Немного посолив, приправил только что приготовленным сметано-чесночным соусом. Затем завернул всё это в рулетики лаваша. Минута в микроволновке – и получилось шесть аппетитных, горячих бутербродов.

Ещё одна чашка кофе без молока и бутерброды... Он всегда ел мало и поэтому всегда наслаждался самым процессом насыщения разными вкусами. Всегда ел медленно, ощущая... Всегда, но не сейчас. В этот самый момент, посреди глубокой ночи, юный инженер человеческих душ почувствовал себя будто бы разобраным по частям песочным человеком, в любую секунду готовым рассыпаться по полу миллионом мельчайших крупиц. Ощущение незащитности перед *ЧЕМ-ТО* превращало его голову в сгусток боли. Вопреки стараниям, не удавалось отогнать мысли, что любое его деяние, любой поступок с лёгкостью просчитываются наперёд, что они стеклянно прозрачны, предсказуемы, и неизбежно ведут... КУДА? Пока что это был самый важный вопрос: «Куда всё идёт?»

То, что стремительное движение вперёд началось, и его не остановить, даже не подлежало сомнениям. И это было хуже всего.

Не ощущая букета вкусов, почти машинально он запихал в себя снедь, запив тошнотворным напитком. Только что, менее получаса назад, автор собственноручно выплеснул на бумагу придуманный кем-то сюжет. Сюжет, благодаря которому... Нет, не так... Сюжет, ради которого они встретились.

«Неужели наше знакомство было спланировано лишь для того, чтобы я не смог забыть то окно, тот силуэт, и, в конце концов, настроил этот хренов рассказ?! Лишь для этого?! И что теперь?»

Он прекрасно понимал, что, если все события, героем которых он стал, не вымысел (во что не верилось), а реальность, то, записывая этот сюжет, он тем самым самолично выносит их отношениям приговор.

«Неужели, – размышлял он, – что бы я сейчас ни совершил, неизбежно приведёт к краху нашей любви? История записана, а значит сохранена. И теперь нет смысла в наших отношениях? Нет, ведь должен быть выход. Я не хочу... Не желаю её терять!

Он:

-...Как ты тогда назвала меня? Кажется, «Хранителем Историй»? Ты даже не представляешь, НАСКОЛЬКО была права!

Почему мне так плохо? Почему это знание не оставляет меня, не даёт покоя? Может быть... Может быть, я привык чувствовать себя свободным и уже никогда не смогу свыкнуться с ролью чей-то марионетки, всего лишь чьего-то пера.

Ты не понимаешь, о чём я? Что тут не понятного?! Ведь может быть так, что сам ОН вдруг решил попробовать себя в роли писателя... И я всего лишь один из тысяч его личных секретарей, самоотверженно записывающих придуманные им истории. Н-да... Пафоса многовато. Нет, ну а что?! Ты всегда сама твердила, что всё возможно.

Я ведь неспроста каждый раз удивлялся и Зову, и моим зависаниям, и тому, как легко и складно у меня получаются истории ... Это так просто – достаточно взять ручку, коснуться ею листка – и текст сам польётся из ниоткуда, уже полностью готовый, будто это и вовсе не мой труд.

Теперь же, когда в голове всё – по местам, картина ясна – я лишь инструмент в ЕГО... Не смотри на меня так... Ну ладно, не в ЕГО, а в ЧЬИХ-ТО руках. Не отворачивайся, а то я чувствую себя полным идиотом!

Ну как ты тогда объяснишь эти странности? Совпадение?! Чушь! Я не верю в совпадения! Сначала валяющиеся деньги. Помнишь, ты ещё тогда со мной была? Именно из-за тебя я свои мысли не смог записать – ты разозлилась и ручку отшвырнула. Ты считаешь, что похожая точь-в-точь ситуация произошла со мной просто так? Ну а в парке? Ведь я специально решил не записывать случай с кражей сумки – хотел проверить...

И теперь... Ещё... Вот ты... Я ж не просто так именно сейчас всё это тебе рассказываю. Важно, чтобы ты осознала, поняла всю угрозу нашим отношениям! Я записал историю про силуэт... Сам не знаю, почему. Тогда я не мог по-другому. Понимаешь? Просто не мог...

Что дальше? Я... Я не знаю. Я, конечно, думал о разных путях,

о другом выходе... Но, по-моему, его нет. Просто нет.

Ты всё же не понимаешь... Все истории, все сюжеты уже существуют, они где-то есть. Мне же остаётся их лишь записывать – я уже говорил об этом. Главная задача историй – «родиться». Понимаешь? Перейти из того мира в наш... Родиться на бумаге. Для этого им нужен проводник, то есть я. Мне кажется, таких проводников уйма, я просто первый догадался. А истории... Сами себе выбирают хранителя и разными способами заставляют его работать на них, если так можно выразиться. Я не знаю, как по-другому объяснить. Если я не записываю выбравшую меня историю, то со мной начинают происходить почти такие же, как и в истории, события. Почему? Ну как... Чтобы я *помнил*...

И самое главное – я должен, просто обязан их записывать. Это как бы моё предназначение... Иначе станет совсем плохо... Почему? Потому что... Все истории ведут к смерти...

Пожалуйста, не смотри на меня будто я – псих. Ты просто не можешь всего понять.

Когда я сегодня готовил бутерброды, до меня дошло, что развитие событий идёт по спирали. Диаметр круга становится всё меньше и меньше, пока не превратиться в точку. Точка – это конец всего, это смерть. Не запиши я наш рассказ, всё бы закончилось точкой... В реальности, не на бумаге. Если я не делаю то, для чего предназначен, моя жизнь обращается в ноль. И меня, в конце концов, неизбежно выбросят из мира за ненужность.

Она:

У неё не было ни сил, ни желания что-либо менять. Его сумасшествие, его бред, что он сейчас нёс, пугали её, затягивали к своей нелепой правдоподобностью. Она боялась, она до этого никогда так не боялась поверить любимому человеку... Боялась разделить с ним на двоих его мир... Мир, где у историй есть душа, где они живут сами по себе и имеют цели... Мир, где желание идти, носящее глупое имя Зов, неизбежно приводит к большим и малым трагедиям... Мир, где случайно мелькнувший перед глазами человек или предмет могут погрузить тебя в тишину и прохладу самих далёких закоулков психики...

И всё для того... Только лишь для того, чтобы получился рассказик, который мало кто прочитает... Лишь для того, чтобы сбежать от огромного, непонятного мира людей в собственные мысли.

Она медленно (будто у неё и вовсе не осталось сил) подтянула к себе сумочку. Встала с дивана... Он лишь молчал, взглядом вымаливал у неё доверие.

– Я пойду... – прошептала она. Голос выдавал полное бессилие

Литератор кивнул, видимо, понимая, что останавливать её не имеет смысла. Может быть, для осознания ей нужно время... А, может, и оно тут бессильно. Но, так или иначе, сейчас происходит, что должно – идея, фабула запротоколирована и живущим свыше их отношения уже безразличны.

– Я завтра приду. Вечером. Буду смотреть на твой силуэт в окне, – сказал он.

Уже у самой двери она обернулась и окинула его квартиру взглядом, словно прощаясь.

– Я не сумасшедший...

Но она этого уже не услышала.

– ...Мам, там у меня на столе уже готовый сборник лежит, – корифей пера прижимал телефонную трубку к уху плечом, а свободной рукой рисовал на листке какие-то узоры. – Сможешь сама забрать? Вот и хорошо... Постарайся, чтобы его издали как можно скорее. Знаю, что никогда тебя об этом не просил. Все остальные истории мне были безразличны, а там есть одна, очень важная для меня. Хочу, чтобы она как можно скорее попала на прилавки. Что за история? Про девушку в окне... Прочтёшь – поймёшь. Ага... Ну и ладно... Просто я впервые решил немного попутешествовать. Не поверишь, но здесь я полностью исчерпался, ни одной истории больше придумать не смогу. И такое бывает... Хочу сначала страну объездить, а затем Англия и Япония – это первым делом, дальше видно будет. Ну, всё, спасибо... Главное – про сборник не забудь – как можно скорее, помни! Я пошёл, кажется, меня Зовут...

Люди, машины, светофоры и дома привычно мелькали фоном. Он ни на что не обращал внимания. Главное сейчас было – не упустить еле слышимое чувство направления. Как всегда, писатель не знал, куда свернёт в следующую минуту. Просто шёл, полностью доверяясь Зову.

Бесконечное движение вперёд...

Когда желание истощённо переставлять ноги пропало, и он, будто пробудившись, смог оглядеться, его окружали стены аэропорта. Он стоял в очереди за билетами. Не успев до конца понять, как здесь очутился, он увидел прямо перед собой спокойно-го малыша на руках матери. Потом вдруг (непонятно отчего) младенец громко расплакался, зарыдал во весь голос. Только что был спокоен и с любопытством озирался по сторонам, как вдруг пустился в ор и начал колотить мать...

– Что, что случилось, малыш? – пыталась она испуганно, суетливо успокоить ребёнка. Люди из очереди недовольно отстранялись, предвкушая перелёт с маленьким крикуном.

Доли секунды достаточно, чтобы сознание «отключилось» от внешнего мира. Словно в кино, на писателя нахлынули кадры авиакатастрофы: взрыв, паника, крики, скрежет металла, дно океана... И мать, успокаивающая ребёнка перед самой посадкой, делающая выбор между доверием к собственным чувствам, проносящим скорое несчастье, и доводам разума о нелогичности, глупости этой тревоги... Что она выберет?

По привычке, писатель потянулся за тетрадью, но, вовремя вспомнив о своём решении, одёрнул от сумки руку. Рядом стоящий мужчина удивлённо глянул на странного парня.

– Извините, – непонятно у кого попросил он прощения и вышел из очереди.

Вместо того, чтобы записать продиктованную Зовом идею, он, доверяя указателям, направился к кассам международных авиалиний.

«Я не сумасшедший... Я просто не принадлежу себе...»

Билет был взят на середину ноября – ровно через три месяца.

По самым скромным подсчётам, этого времени вполне должно хватить, чтобы рассказ окончательно прорвался в реальность, и затопил его мир. По самым смелым подсчётам, этого времени вполне должно хватить, чтобы писатель смог ответить на главный вопрос: «Я не псих... Не псих?»

На выходе из аэропорта виднелся ряд небольших магазинчиков, фарцующих всякой ерундой: от сувениров и туристических путёвок до книг и музыкальных инструментов. Он было собирался продолжить свой путь, но от куда-то звучала та самая мелодия, к которой привёл его Зов, впервые подавший «You'll see» группы «[re:jazz]» доносилась из книжного.

Небольшая лавочка, полки вдоль стен и в центре до отказа забиты книгами, журналами, газетами – разнообразным читабельным ширпотребом для скучных перелётов; на прилавке разложены открытки и канцелярские принадлежности. Музыка доносилась из небольшого бумбокса.

Продавец – молодой парень, развалившись за кассой, лениво ковырялся взглядом в страницах покет-бука. Писатель подошёл к прилавку и навис над парнем, ожидая, когда тот соизволит обратить на него внимание. Торговец, не отрывая глаз от книги, коротко бросил:

– Спрашивайте...

Молодой человек явно не зависел от покупателей, скорее всего, кого-то подменяя. Весь его расхлябанный вид, транслируемый в пространстве, говорил о скорейшем желании вырваться из этой дыры и лететь более интересным делам.

– У вас случайно *** нет? – вежливо спросил прозаик.

– Случайно есть... – с серьёзным видом пошутил продавец, – и даже больше скажу... Вот... Самая последняя.

И кинул маленькую книжечку, что читал, на прилавок. Писатель взял книгу в руки и с удивительным даже для себя равнодушием спросил:

– И как?

Парень скрестил на затылке руки и закрыл глаза – похоже, он и вовсе не собирался смотреть на назойливого покупателя.

– Что «и как»?

– Ну... И как вам её последняя книга. Нравится?

Наконец молодой человек приоткрыл левый глаз и подозрительно и пристально обшарил взглядом такого любопытного покупателя. Видимо решив, что никакой угрозы он не несёт, спокойно ответил:

– А-а... Чушь, как всегда.

– Если чушь, зачем тогда читаешь? – удивился автор.

Тот лишь хмыкнул.

– Честно сказать, я и сам толком не знаю. То, что эта писака настоящая бездарь, графоман – это точно. Ни сюжета толкового, ничего... Все истории чересчур запутаны или вовсе непонятны... Герои – сплошная банальщина. Стил – отстой... И так далее. Но почему-то же читается... Есть что-то такое в её историях...

– Что-то такое – это что?

– Не знаю... Может, чувства там настоящие. Я ж не ценитель, точно сказать не могу. Хотя и чернуха сплошная – смерти, смерти, смерти... Сплошные смерти. Хотя и приелось уже заранее знать, что герой обязательно умрёт... Просто нравится, – и, как бы опомнившись, добавил. – Но по большей части дерьмо эта ваша ***, а не литература. Покупать будете?

Писатель протянул кредитку.

– Давайте... Интересно будет почитать...

Выходя из магазина, он зачем-то посмотрел вверх и сказал стеклянному потолку аэропорта:

– Слышишь?! Дерьмо твои истории! Да и смертей многовато... Точку пора ставить, писака...

22.09.2009

Огненно-красный

Любой рассказ необходимо с чего-то начать – это банальность и понятно каждому, но для меня – настоящая проблема. Когда я решил написать о случившемся со мной, главным вопросом оставался не выбор стиля или последовательности повествования, а то, с каких слов *всё начнётся*. Что лучше всего сказать первым? Ведь это очень важно. А я не знаю, что...

Встречался даже со знакомым писателем, вполне известным в определённых кругах. Мы сидели в баре, шутили, болтали о всякой ерунде, а затем я решился и произнёс:

– Слушай, тут такое дело...

Он даже с пивной кружкой у рта застыл, ожидая подвоха. Наверное, подумал, что я денег хочу занять или ещё что.

– Да-а? – осторожно протянул он, отхлебнул из кружки немного, а затем поставил её возле пакетика арахиса.

– В общем... Я тут решил одну историю короткую написать... Типа рассказа...

Я не успел договорить, потому что знакомый слишком усердно выдохнул – аж поперхнулся. Откашлявшись, принял раскрепощено-надменное положение тела (проще говоря, расплылся по стулу, словно желе), и сказал, театрально взмахнув рукой:

– Так вот в чём дело! Ну давай, ляпи...

Была у него такая фраза, по всей видимости, вырванная из какого-то анекдотика: «Ляпи давай!» После его слов и выражения лица, полного превосходства, мне почему-то вообще расхотелось с ним хоть чем-то делиться. Но я всё же продолжил:

– В голове история уже полностью сформировалась – сюжет, герои, последовательность событий, «раскадровка сцен», так сказать, – всё время, что я говорил, он снисходительно поддакивал, в знак абсолютного понимания моих затруднений. Урод! – И, кажется, что стоит только написать первые строки, как рассказ с лёгкостью польётся сам собой.

– Так, а в чём тогда проблема?

– А в том, что... При обдумывании первой фразы я стараюсь

подобрать нужные слова и мне кажется, что на ум идёт всё не то и всё не так...

Честно говоря, в тот вечер я ничего толкового не узнал. Нет, конечно, приятель смог обменять на пиво и закуску много интересной информации, но, в конечном счете, совсем не это помогло мне воплотить идею в жизнь.

—...Ты знаешь, что существует более ста основных способов начать повествование? – пьяненький, он для усиления эффекта махал вытаращенным указательным пальцем перед моим лицом. – Большинство авторов, особенно новички, в самом начале своих писулек почему-то предпочитают «пробуждать» своего героя ото сна. И в девяносто девяти случаях именно у русскоязычных писак герой просыпается с бодунища, страдая от головной боли. Почему, как думаешь?

За такой вот беседой мы провели весь вечер. Но не скажу, что пожалел о встрече. Вовсе нет. И вправду было интересно. Просто... Я ожидал немного другого.

Изю всей его многочасовой болтовни я узнал только одну более-менее относящуюся к делу деталь. Оказывается, по классическим канонам, очень *желательно*, чтобы начало произведения хотя бы как-то соотносилось концовкой. Почему? Даже не представляю. Но знакомый литератор именно так сказал, и я это почему-то запомнил.

Но, как бы там ни было, начало пришло само. Однажды я просто сел за свой рабочий стол и начал писать...

Любой рассказ необходимо с чего-то начать. Я не знаю, с чего именно... Наверное, потому что даже не представляю, ЧТО именно послужило отправной точкой, ЧТО запустило спусковой механизм, цепную реакцию событий, приведшую меня на место нынешнего пребывания. Всё, однако, слишком запутано. Просто любой склонен выискивать первопричину – виноватого, поломку, промах, допущенную ошибку и т.д. И я не исключение – не хуже и не лучше иных.

Всё началось с осени? А, может быть, с ладони, безумно чевашейся с утра? Или с моей любви к музыке, начавшейся с са-

мого детства? Или, всё же, с навязчивого продавца в магазине электроники... Не знаю. Начну по порядку, а там будет видно.

Итак, осень...

Каждые два года, в самом конце лета, в начале осени со мной что-то происходит. Если попытаться максимально кратко и точно сформулировать эту мысль, то можно сказать, что я выпадаю из жизни. Это не метафора и не состояние души, нет. Постараюсь объяснить.

Мир вокруг остаётся таким же, как и был всегда – разве чуточку меняются оттенки... Планета кружится, реки стремятся к морям и океанам, люди рождаются, умирают, а я будто бы перестаю существовать. Иногда кажется, выйди я посреди оживлённой дороги, машины не смогут причинить мне никакого вреда, а просто проедут полупрозрачное тело насквозь. Но на самом деле всё это мне только кажется. Я такой же, как и был... Просто в один из последних августовских дней я всего-навсего перестаю быть хоть кому-нибудь нужен. Мир всецело погружается в рутину и серые будни, и ему совершенно не до меня. Конечно, немного обидно, но за прожитые года я с этим успел свыкнуться. А что ещё остаётся?

Когда настанет этот период, наречённый мною сезоном Одиночества, вдруг обнаруживается, что все необходимые дела переделаны, а предстоящие намечаются не раньше, чем через пару недель; друзья – кто поразъехался, кто закопался в работе; и даже жене, единственному по-настоящему близкому человеку, нет до меня никакого дела, ведь она вслед за всеми опутала себя хлопотами и борьбой за жизнь.

Вот и получается, что я стою посреди огромного мегаполиса, словно в раскалённой, выжженной пустыне, и на многие мили кругом – ни души. Остаётся только таять в душном мареве до полного растворения в прозрачном дрожащем воздухе.

Кому-то может показаться, что я чересчур впечатлительный и поэтому выдумываю всякую ерунду... Но для меня это вовсе не чепуха. Не знаю, как толком объяснить, но только в течение этих двух недель одиночества моя реальность будто наслаивается на другую. То, о чём я говорю, почти неуловимо и трудно для вос-

приятия, но так происходит на самом деле. Я ощущаю эту удивительную особенность всем телом и даже могу видеть, как все цвета кругом блекнут, становятся утрюмыми, теряется блеск... Параллели миров пересекаются, а я единственный свидетель.

Во время описываемых событий, как раз только начался такой вот двухнедельный марафон моего одиночества. Лето подходило к концу, и солнце почему-то постоянно пряталось за облаками, хотя дождь толком так ни разу и не пошёл. Я понял что НАЧАЛОСЬ, возвращаясь вечером домой. Я стоял на остановке, как обычно, прислушиваясь к миру вокруг, когда увидел зелёный воздушный шарик, ползущий по асфальту. Словно живой, он, перекатываясь и подпрыгивая, вынырнул из-за ларька, прополз несколько метров, а затем замер посреди пустынной дороги, будто бы ждал чего-то.

Я иступленно уставился на зелёное пухлое тельце шара в ожидании, когда же он, наконец, устремится дальше. Но он и не думал шевелиться... Лишь ветер слегка покачивал его. Чего и следовало ожидать, вдалёку послышались раскаты баса, смешанные с рёвом мотора. Машина показалась спустя всего пару секунд. Огненно-красный «Митсубиси» нёсся с огромной скоростью. Шар застыл на разделительной полосе ровно посреди дороги. Конечно же, машина могла объехать его, но они словно сговорились... Автомобиль, будто специально взревев ещё громче, набирая обороты, направился точно на шар.

Самого столкновения я не видел – за долю секунды до этого зажмурился... Когда бампер должен был коснуться сферы, я «увидел» худощавого человека в тёмно-зелёной ночной рубашке, что, расставив руки в стороны, принимает смертельный удар на себя.

Это была галлюцинация? Воображение? Нет... Реальности спутались петлями, породив необъяснимое для меня. В темноте закрытых глаз я мог лишь слышать глухой удар живой плоти о железо, скрип колёс по асфальту, а затем постепенно удаляющийся шум побега. Я стоял так, пока любые звуки и вовсе не пропали.

Открыв глаза, естественно, не увидел ни потерпевшего, ни ос-

татков шарика или иных следов происшествия... Дорога была совершенно пустынной. Движение на обеих полосах замерло. . Лишь только свет придорожных фонарей сигналил, что этот мир ещё хоть кому-нибудь нужен.

Не было холодно, но под свитер пробралась дрожь. Вот тогда то и слышалось: «Ну, вот и начало...»

Всего за несколько дней до этого я решил купить себе новый МПЗ-плеер. Моя работа требует постоянного прослушивания музыки в процессе движения, именно поэтому без подобного устройства просто не обойтись. Старый плеер уже успел войти в почетный список привычных и любимых вещей, но совершенно перестал удовлетворять моим возросшим музыкальным потребностям. Проще говоря, у него было недостаточно памяти плюс неудобная сортировка файлов; настройки устарели, да и аккумулятора стало хватать лишь на несколько часов работы. По-хорошему, его уже давненько пора было менять... Даже не знаю, почему он настолько у меня задержался.

Был то ли вторник, то ли среда. Я дома перекачивал музыку с компьютера на плеер. Одна нужная мне папка не поместилась. Тогда-то я окончательно и решил расстаться с привычным, но «выжившим из ума» стариком. К тому же я вспомнил о приближающемся Сезоне, когда всё равно будет заняться нечем, кроме бесконечного блуждания по городу вкупе с прослушиванием музыки... И потому моё решение стало непоколебимым. И (если на то пошло), бороздить просторы городских лабиринтов лучше с хорошей техникой, нежели мучаясь с управлением и грозящим «сдохнуть» в любую минуту аккумулятором. Как ни печально, но с маленькой музыкальной коробочкой нужно было попрощаться как можно скорее, пока не «началось», потому что в Сезон даже продавцы меня почти полностью игнорируют, а, значит, и купить что-то толковое вряд ли получится.

Я отправился в ближайший магазин электроники. Выбор здесь, пусть небольшой, но всё же был.

– Вам что? – равнодушно и даже грубовато спросил молодой продавец. Я ответил, что хочу купить плеер МПЗ. После моих

слов он будто выпил эликсир жизни – заулыбался, полный сил и энергии начал рассказывать о преимуществах той или иной модели. Он спросил, какой суммой я располагаю. Я ответил, что сумма не имеет значения – главное – качество. Тогда он нырнул за прилавок и извлёк оттуда две коробки, протянув их мне. На обеих был изображен один и тот же плеер, разве что на левой он был чёрным, а на правой – красным. Вот и вся разница.

– «Айривер», – неумело прочитал я надпись на коробке.

– Одна из лучших фирм в данной области! Выпускает самую качественную технику. Молодцы японцы! – горделиво пояснил молодой человек, будто сам был отцом-основателем этой компании. – Шестнадцать «гигов». Два и ноль «ТэЭфТэ»-дисплей! Зарядки хватает на двадцать пять часов. Радио. «АВИ»-видео, и... – он ещё долго перечислял какие-то непонятные термины, а я неспешно взвешивал коробки в руках, решая, какой цвет мне хочется выбрать: традиционный чёрный или бунтарский красный. Сравнивая их, я увидел, что в номерах моделей отличаются последние две цифры. Тогда я вслух предположил:

– В общем, они ничем не отличаются, кроме цвета.

Парень ещё шире заулыбался и ответил:

– Практически да, помимо ещё одной достаточно важной мелочи. Вот у этого есть диктофон, а у этого – нет. Именно поэтому вот он (и показал на красный, что с диктофоном) чуть дороже.

– Понятно... Тогда чёрный, – я протянул ему обе коробки. Парень посмотрел на меня удивлённо, и даже с некоторой обидой.

– А чего? – протянул он. – Ведь с диктофоном лучше!

Я пожал плечами:

– Он мне просто не нужен. Я не из-за цены. Мне, и в самом деле, диктофон не понадобится (я знал, о чём говорю). На старом плеере не было функции записи голоса, и мне по этому поводу ни разу не пришлось переживать.

– Откуда вы можете знать, что Вам в жизни пригодится, а что – нет? Мне вот однажды понадобилось разговорчик один записать, а диктофона рядом не оказалось. Знаете, как потом пришлось жалеть...

Не знаю, что у него там произошло, но говорил парень убеди-

тельно, со знанием дела. Немного подумав, я согласился на его предложение.

– Вы не пожалеете! – радостно напроорочил он.

К тому времени, как начался Сезон, я уже вовсю «дружил» с новой вещичей и искренне радовался, что, что прогресс не стоит на месте. Я «забил» память плеера до отказа музыкой, которой мне вполне должно было хватить недели на две и даже больше. Хоть дома не появляйся...

На улице чувствовалось, как природа готовится снять пышные летние наряды. Каждый новый день становился чуть холоднее предыдущего. Сезон Одиночества только начался, что означало клеймо повального игнорирования моего существования. Так что ближайшие две недели, кроме пеших прогулок и музыки, мне ничего не грозило.

Однако...

Уж и не помню, в каком районе я находился... Слишком много домов и домишек, улиц и переулков, вереницей проплывающих перед глазами, мне приходилось видеть. И всё это смешивались в один большой город. Я брёл вперёд, куда глаза глядят, и слушал сто какую-то, если не тысячную мелодию, когда музыка оборвалась и плеер открыл следующий трек. Но вместо ожидаемой красивой, интересной мелодии в наушниках что-то зашуршало, загремело и затрещало... Я уже полез в карман, чтобы достать откуда чудо-шкатулку и разобраться, в чём дело, но тут до меня дошло, что среди общей какофонии шумов доносится еле различимый разговор.

Прибавив громкость, я смог различить отдельные слова и даже фразы двух беседующих мужчин. Голоса доносились попеременно. Фоном была какая-то знакомая мелодия. Что-то звенело и булькало. Будто они находились в переполненном баре.

«– (Помехи-шум) ...Игра... (помехи-шум)... Можно было устраивать соревнования... Когда начал зарабатывать... ...Интересно, то... Сотрудничество может... (помехи-шум)...

– ...Не знаю, – отвечал другой голос. – ...Страшновато... С де-лами сначала...

– ...Многое непон... (помехи-шум) ...Согласен... – отвечал первый голос.

– ...Вот и здорово...».

Прослушав запись несколько раз на разной громкости, я всё равно чего-то не уловил. Решив, что это осталось от предыдущего владельца плеера (что мне совершенно не понравилась – ведь я покупал и платил за совершенно новую технику), я сначала решил её удалить, но затем передумал, решив, что она может пригодиться, если с плеером что-то случится и придётся его возвращать.

Я перемотал на следующий трек. Заиграла музыка. Теперь можно было и дальше идти в никуда. Но, как я ни пытался переключиться на режим отдыха, ни о чём другом думать не получалось. Что-то меня явно тревожило...

Даже не знаю, сколько мне довелось пройти километров, прежде чем до меня наконец-то дошло! Я остановился как вкопанный, оперативно извлёк красную коробочку и включил ту загадочную запись погромче. Так и есть! Я оказался прав, что, естественно, меня перепугало!

Во-первых, песня, играющая позади голосов – это очень нравящийся мне трек – «Тэйк ми оувер», диджея ЭйТиБи. Но не это главное. Один из голосов был *мой собственный*, а вот второй принадлежал неизвестному мужчине!

Дело в том, что у меня феноменальная память на голоса. Видимо это связано со врождённым исключительным музыкальным слухом. Хоть однажды, даже мимолётом услышанный, голос, запоминается навсегда, и, даже более того, я могу сказать, где и при каких обстоятельствах мне довелось впервые слышать обладателя того или иного голоса. Вот такой подарок природы.

Свой голос я сразу не узнал, потому что себя слышу через кости черепа, и соответственно мой голос, что слышу я, и что слышат окружающие – разительно отличаются друг от друга. Это понятно. А вот голоса другого человека я точно никогда не слышал. Даже несмотря на помехи и плохое качество записи, я готов дать руку на отсечение, что не знаю никого с таким голосом. Подпись кровью. Число. Дата.

И что в итоге получается? А то, что встречи, зафиксированной диктофоном, и, соответственно, этого разговора с незнакомцем, никак не могло быть. Я бы точно запомнил. Но факт остаётся фактом, и даже есть тому подтверждение в виде записи. Если это не розыгрыш, конечно. Я мог бы допустить вероятность чьей-то шутки... Правда, если бы сейчас не наступил Сезон Одиночества. До меня никому нет дела...

Решив лишний раз удостовериться в своей правоте, я записал на «Айривер» через диктофон несколько вариаций монолога ни о чём. Предположение подтвердилось – и там, и там звучал именно мой голос. В момент прослушивания своих бредней, я понял, что не на шутку перепугался. Почему? Наверное, потому что ни фиги не понимаю. А для меня страшнее этого ничего нет.

Вечером, ковыряясь в настройках, обнаружил ещё одну странность – при записи через диктофон исходный звуковой файл сохраняется с именем даты и времени, когда это запись была сделана. Вот так – «год-месяц-число-час-минута. Мпз». За отсчёт берётся конечная точка записи сразу же, как была нажата кнопка «Стоп» или разрядился аккумулятор. Так вот странность заключалась в том, что файл с разговором (судя по дате) был создан *завтра*, в шестнадцать сорок три!

Обнаружив это, я вконец растерялся. Но, взяв себя в руки, решил во что бы то ни стало найти объяснение. И нашёл!

Немного поковырявшись в руководстве пользователя «Айривера», я выставил в настройках завтрашнее число и нужное время. Готово! Наговорив в почти что незаметную на красном теле волшебной шкатулки дырочку микрофона очередную порцию белиберды, а затем нажав кнопку «Стоп», я получил завтрашнюю запись.

Наблюдая, как рядом расположились два файла с одинаковыми именами, я немного успокоился. Стёр за ненадобностью только что созданный.

Итак... Всё вроде бы получилось, всё здорово, только это совершенно не объясняет, откуда там появился мой голос. Промучившись с час, так ничего и не придумав, решил завалиться спать. Утро вечера мудренее. Жену отправили на две недели в

командировку, поэтому я, ни от кого не завися, выпил кофе с печеньем, немного посмотрел телевизор и отправился на боковую. Утром проснулся от того, что неудержимо чешется правая ладонь.

Я думаю, что каждый человек по-своему относится к суевериям – кто-то в приметы верит, а кто-то – нет. Себя я суеверным назвать не могу, но некоторые явления всё же считаю предвестниками возможных событий. Одно знаю точно – если у меня чешется правая ладонь, то в ближайшее время я наверняка повстречаю человека, сыгравшего важную роль в моей судьбе. Так, к примеру, я встретил свою жену и издателя моих работ, изнывая перед этим от безумно чешущейся ладони. Можно сказать, что успеха в жизни я добился отчасти благодаря ладони-провидице.

Там, где расположена небольшая морщинка на стыке указательного пальца и самой ладони, в кожу будто вложен маленький, еле заметный пузырёк. Не знаю, что это – воздух или моль, но кожа в том месте чуть плотнее. Именно этот пузырёк и чешется каждый раз, когда мне предстоит судьбоносная встреча.

Эту особенность я заметил ещё лет в одиннадцать. Стоило ладони подать хотя бы малюсенький сигнал, как я начинал внимательнее присматриваться к людям, «случайно» возникавшим на моём пути, на тех, с кем знакомили или кого встречал... Таким образом, никогда не упуская подвернувшийся шанс. Потому что шанс – это всегда люди. Ещё с самого раннего детства я слышал от бабушки, что Господь разговаривает с нами через других людей и случайности. Кажется, сейчас я понимаю, что она имела ввиду.

На следующий день я проснулся, до предела наполненный удивлением. «Интересно, кого судьба подкинет на этот раз? – гадал я, лёжа на кровати, и стараясь насытить обезумевшую ладонь. – Да и ещё так скоро?!»

Объясняя: чем с большей силой чешется ладонь, тем скорее я повстречаю «нужного человека». Если чуть-чуть – значит, в течение недели; если с такой интенсивностью, как сейчас – то в течение дня. А иногда бывало, что почти что неощутимые сигналы

с каждым днём всё нарастали до тех пор, пока тот самый человек не пожимал, знакомясь со мной, правую руку. С ума можно сойти!

Сейчас меня больше всего удивило, что ладонь вообще дала о себе знать во время Сезона Одиночества. Ведь такого ещё ни разу не было, чтобы хоть кто-нибудь интересовался мною в этот странный период.

– Удивительно! – хмыкнул я вслух и поплёлся умываться.

Встреча произошла после обеда, ближе к трём.

Я привычно бродил по бесконечным хитросплетениям улиц, вышагивая в такт играющей в наушниках музыке. Даже не знаю, куда я забрёл – это был частный сектор. Старые обветшалые домишки соседствовали с огромными красавцами ценой в несколько сот тысяч американцев. Город контрастов – нищета и богатство, красота и убожество, изобилие и скудость переплетаются здесь. Борьба за жизнь.

Я шёл неспешно, погрузившись с головой в музыку и собственные мысли, совершенно не обращая внимания на движущийся фоном мир. Кроме себя самого, в ближайшие несколько дней на всей Земле мне никто не понадобится. И никому не буду нужен я. Наверное, это моя маленькая месть миру за то, что он меня бросил, хоть и ненадолго.

Чуть впереди по дороге мне навстречу еле полз большой чёрный автомобиль. Я бы, наверное, и не обратил на него внимания, но... Почувствовал, что ждут именно меня. Поравнявшись с ним, я увидел в открытом окне авто добродушное улыбающееся лицо хорошо выбритого мужчины. Его губы беззвучно шевелились. Я вынул наушники.

– ...блудился. В этих лабиринтах сам чёрт ногу сломит. Даже не представляю, в каком направлении ехать, – виновато объяснял он.

Я уже говорил, что у меня гениальная память на голоса? Да... Должно быть, упоминал. Так вот, мне хватило тех жалких обрывков диктофонной записи, чтобы навсегда запомнить голос беседовавшего со мной человека. И он был передо мной...

Не скажу, что я был ошарашен или хотя бы растерян. Я, наверное, где-то на уровне подсознания ожидал чего-либо подобного, и теперь внутри не осталось ничего, кроме бьющего зарядом в тысячи вольт любопытства. Больше всего на свете сейчас я хотел понять, что происходит, разгадать эту головоломку.

– Кхм... – откашлялся водитель, чтобы нарушить нелепую тишину. Только сейчас я понял, что бестактно отмалчивался на обращение.

– Знаете... Сам блуждаю здесь битый час, никак выбраться не могу. А прохожих, чтоб спросить, как назло нет, – соврал я. – Хотя в службу спасения звони.

Мужчина приветливо заулыбался, видимо обрадовавшись, что он не один в этом мире «полный Сусанин».

– А Вам куда? – спросил он.

– Мне? Да хоть куда-нибудь... Если к ближайшей станции метро, вообще было бы здорово.

– Залезайте... – открыл он мне дверцу, приглашая войти. – Будем вместе выбираться.

Внутри эта громоздкая машина впечатляла ещё больше, чем снаружи. Если в салоне установить ещё джакузи и туалет, то здесь вполне и жить можно.

– Нравится? – проследив за моим взглядом, спросил хозяин.

– Вместительно, – уклончиво ответил я, не желая выдавать восхищения. Оставшись удовлетворённым моим ответом, он тронулся с места.

– А «Джи-Пи-Эс-навигатор» разве не предназначен как раз для случаев, когда заблудился? – кивнул я на большой встроенный экран, встроенный в панель.

Мужчина замотал головой:

– С проводкой что-то, электроника только частично работает. Как раз завтра хотел в сервис отскочить. Навигатор меня неоднократно спасал, выводя из городских катакомб. При моей работе он ой как нужен.

За окнами проплывали как две капли похожие ландшафты – мирно сосуществующие избы и дома. Водитель наугад кружил по улочкам, всё дальше удаляясь от нужного направления. Я-то

представлял, в какую сторону нам надо, но говорить об этом и не собирался. По крайней мере, пока не разберусь, что к чему.

– Кстати... Вадим, – протянул он мне руку, после пожатия которой зуд в ладони мгновенно прекратился. Я тоже представился. – Ну, а Вы чем занимаетесь? – спросил он меня так, будто только что сам битый час пачкал мне мозги разговорами о трудностях своей профессии.

– Я?.. – меня почему-то этот вопрос застал врасплох. Я как-то растерялся, медля с ответом. – Я... музыкой.

– О, вы музыкант! – обрадовался новый знакомый. – Я тоже музыку люблю... – И с этими словами одним нажатием включил автомагнитоу. – Хорошо, хоть мафончик не полетел, а то б я точно в тишине окочился.

По салону невидимыми волнами расползлась достаточно энергичная композиция, басовыми импульсами будоража воздух.

– И что именно в музыкальной сфере Вы делаете: поёте, играете в группе, продюсируете? Или у Вас своя звукозаписывающая компания? – последнюю фразу он произнёс с долей иронии, и мне понятно почему. Вещи, которые были на мне, никак не могли говорить, что я человек, живущий в достатке, скорее, наоборот. Прогуливаясь, я всегда предпочитал надевать свободную одежду, не заботясь о виде. Мне вообще удивительно, что Вадим впустил меня в машину.

– Нет... Ничем из перечисленного я не занимаюсь.

– Хм... – искренне удивился Вадим, видимо решив, что озвучил всю возможную деятельность, касающуюся музыки. – И что же тогда?

– «Ловец мгновений».

– Ловец мгновений?

– Да, – кивнул я.

– И что это значит? – пытался он понять.

– Это серия музыкальных сборок. Я сборки составляю.

– Типа «Сто лучших песен девяностых»? – схохмил он.

– Ну, если очень утрировать, то да. Только с той разницей, что мои диски нельзя купить в обычных музыкальных магазинах.

– Так, а в чём фишка?

– Фишка? – по привычке переспросил я. – Если в общих чертах... Я подбираю подходящую музыку для определённых ситуаций.

– То есть? – ему явно было интересно, но Вадим никак не мог до конца понять, что я имею ввиду.

– К примеру, определённая музыка вызывает очень сильные ощущения, если слушать её в поезде или, пролетая над ночным городом на самолёте. Но, слушая ту же музыку дома или гуляя с собакой, ничего не почувствуешь. Вот моя работа и заключается в том, чтобы объединять окружающую обстановку с музыкальными композициями. Своеобразные «Саундтреки к жизни», чтобы люди могли испытать яркие впечатления. Мои «пойманные мгновения», в основном, пользуются спросом у состоятельных людей, которые вместе с диском могут позволить себе выкупить «обстановку».

– В смысле, билет на самолёт или поезд?

– Точно... Только пример с самолётом достаточно примитивный – первое, что пришло на ум. Это может быть и прыжок с парашюта, и казнь преступника, и дайвинг – всё, что угодно...

– Да уж... необычная у тебя работёнка! Наверное, много путешествовать приходится? – незаметно перешёл он «на ты».

Я кивнул, отдавая дань его прозорливости.

– Слушай! – воскликнул Вадим, съехал на обочину и затормозил. – Мы ж с тобой почти коллеги!

– Да? – теперь настала моя очередь удивляться. – В каком смысле?

– Ты же, получается, помогаешь людям путешествовать, верно?

Ненадолго задумавшись, я ответил:

– Ну-у... Если с натяжкой, то верно. Однако основное значение в моём деле имеет музыка и ощущения, – мне не понравилось, что то, чем я занимаюсь, настолько упростили.

– Ай-и!.. – отмахнулся он от моих возражений. – Люди тоже путешествуют исключительно ради новых впечатлений. Разве не так? Мало кто ездит в другие города и страны для расширения

лексикона или общей эрудированности... Всем подавай ощущения... Все хотят разукрасить свою жизнь.

– Так, а чем Вы, собственно, занимаетесь? – поинтересовался я.

Он удовлетворённо кивнул, ожидая этого вопроса.

– У меня свой клуб.

– Клуб? В смысле, дискотека?

– Нет-нет... Наподобие кружка по интересам, как в школе. Помнишь – «Юный дельтапланерист», «Юный природовед» и так далее?

– И чем же люди в вашем... М-м... «Кружке» занимаются?

– Конечно же, путешествуют! И не просто катаются по однообразным гостиницам и жрут местную еду, считая себя первооткрывателями... А путешествуют с изюминкой! – он притих, театрально нагнетая ажиотаж вокруг обсуждаемой темы. Подыгрывать ему не пришлось – мне и в самом деле было безумно интересно, о чём он говорит.

– И в чём же заключается «изюминка»?

Он довольно причмокнул языком, таким образом, показывая что-то вроде: «То-то же! Вот так-то!»

– Мы играем, – наконец начал он.

– Во что?

– А во что можно играть? Конечно же в игры! Я даю задание, придумываю правила, направление, фонд и награду за победу. Так и живу... – видимо, прочитав в моём взгляде непонимание, Вадим стал объяснять более подробно. – По образованию я – юрист. Раньше работал на одну крупную компанию, и по делам мне часто приходилось мотаться в разные страны – подписывать контракты. Поначалу мои поездки приносили огромную радость, я старался урвать каждую свободную минутку, чтобы побродить по окрестностям, посмотреть достопримечательности. Но со временем мне стало это надоедать. Наверное, из-за непрерывного потока разных мест, людей и культур, из-за только поверхностного рассмотрения стран, я начал терять всякий интерес, всё чаще оставаясь в гостинице.

Такой порядок меня совершенно не устраивал, и я начал раз-

мышлять, как сделать, чтобы поездки вновь начали приносить радость. Ведь другие города и страны – это мой стиль жизни, и если мне они наскучивают, значит недолго и до выгорания. Именно тогда мне и пришло в голову, что, если превратить путешествия в игру, то мне работа никогда не надоест. Посидев немного над чистым листом, я смог таки выдать подробный план нескольких игр...

– Например?

– Ну... Как сейчас помню, самую первую игру я назвал «Светофоры».

– Это как?

– Короче... Представь, что ты идёшь по незнакомому городу, куда глаза глядят. Тебе всё равно куда идти, главное – осмотреть город. И вот тебе на пути встречается перекрёсток со светофорами... А твоя главная задача – ни на секунду не останавливаться... То есть где горит зелёный, туда и идёшь. Горит прямо – идёшь прямо. Нужно повернуть – поворачиваешь. Самое здоровское в таких прогулках – что ты совершенно не знаешь, куда тебя занесёт. На пути могут быть и препятствия, и неприятности. Но главное – это увлекательно... О-Щ-У-Щ-Е-Н-И-Я!

– Действительно, должно быть увлекательно, – поддержал я понравившиеся мне «Светофоры».

– Не то слово! Дальше – круче... Игра «Проездной». Опять же в неизвестном городе вместо того, чтобы ездить по скучным, заёртым до дыр туристическим маршрутам, покупаешь себе проездной на любой наземный транспорт... И начинаешь кататься, допустим, на автобусе. Слушаешь чужую речь, смотришь на пассажиров, пейзажи за окном, прохожих... И делаешь это до тех пор, пока не увидишь что-нибудь интересное, любопытное. Тогда выходишь на ближайшей остановке, идёшь рассмотреть вблизи, что понравилось, а затем садишься уже в другой маршрут, и едешь до другого понравившегося тебе местечка. Знаешь, как весело?!

– Я думаю...

– Со временем я выложил идеи своих игр на специально созданном для этого сайте. И знаешь что? Меня поддержала куча

народа. Люди откликнулись, многим мои идеи были интересны, я был завален хорошими отзывами. Постепенно сформировался круг фанатов такого отдыха. Ещё чуть позже потребовалось внести поправки к правилам игр... К примеру, обозначить цель.

– Цель?

– Да, это очень важно! К «Проездному» я добавил необходимость сделать двадцать фотографий разных мест: опасных, смешных, удивительных, глупых... Теперь таким образом можно было устраивать соревнования. Кто первый из всех соберёт необходимые фото и выложит их в сети, тот победил. Важно чтобы фото подходили под требования. Далее, немного подумав, я оформил всю эту затею официально, а это, значит споры, ставки, профессиональные и любительские лиги. Самостоятельно отслеживаю только высшую лигу, остальное поручаю своим ребятам...

– А сколько лиг всего?

– Ой, много. Я всех подробностей не знаю – клуб уже как самостоятельный живой организм, развивается без моего участия. Сами участники придумывают всё новые игры, а я лишь утверждаю или отвергаю их, занимаюсь организацией.

– И людям не надоедает играть?

– Конечно, нет! О чем ты?! Я одно время нанимал команду креативщиков, они мне игры придумывали, но за ненадобностью пришлось их распустить. Народ – самый большой фантазёр. Такие интересные игрища придумывают, аж самому любо-дорого посмотреть! Ну, а когда начал зарабатывать на играх больше, чем в фирме, не будь дураком, я и ушёл из неё. Теперь этим и живу.

– Круто! – похвалил я находчивость Вадима.

– А то! Завтра, например, ночью в Турцию лечу. Там в этом месяце Высшая лига проводится – надо всё утвердить, проверить, чтобы всё тип-топ. Тем более, что в этот раз ввожу парочку новых игр.

– Каких? – мне было очень любопытно и хотелось побольше узнать о странном человеке и его клубе.

– Если вкратце, то добраться из пункта А в пункт Б.

– Так, а что в этом трудного?

– А не всё так просто, как может показаться! Более слабым игрокам надо будет добраться до пункта назначения, притворяясь глухонемыми, имея в наличии лишь фотографию нужной достопримечательности. Представляешь как это непросто? Мало того, что чужая страна, так ещё и объясняться только жестами можно. А для сильных игроков и того хуже – им придётся найти заданную цель, опираясь лишь на воспоминания о показанной им фотографии.

– Найди то, не знаю что?

– Точно-точно! Но и награда того стоит. Короче, если подводить итог, получилась туристическая игра. Любители активного отдыха только выигрывают от такого досуга. Приезжай себе в новый город и там рассматривай достопримечательности, попутно стараясь выиграть кругленькую сумму. Чем плохо?

– Думаю, ничем...

– Правильно думаешь, – помахал Вадим указательным пальцем в воздухе. – Теперь ты понимаешь, что, по сути, мы с тобой занимаемся одним делом – и у тебя, и у меня есть путешествия, есть впечатления, есть радость от прожитого времени. Кстати... Я обдумую, то, что ты о себе рассказал, о «Ловце ощущений»... Думаю, сотрудничество может оказаться обоюдно выгодным. Ты вообще как посотрудничать?

– Я? За! Мне интересно.

– Вот и отлично! – обрадовался он. – А как насчёт того, чтобы на себе опробовать игры?

Я пожал плечами:

– Не знаю... Честно говоря, страшновато.

– Да брось ты... – Вадим бодряще похлопал меня по плечу.

– Это здорово, сам увидишь!

– Нужно с делами сначала разобраться.

– А я что, говорю, прямо сейчас начинаем? Завтра ночью я в Турцию улетаю, дня на два-три. По приезде тобой и займусь. Хочу одну игру для фрицев здесь замутить, как раз на неё и попадёшь. И уезжать никуда не надо. Хотя... Многое ещё непонятно, вилами по воде писано, – он задумался. – Главное, чтобы ты был согласен. Согласен?

– Всегда готов! – шутливо, в пионерской манере отрапортовал я.

– *Вот и здорово!* – весело прощебетал Вадим. А затем мы погрузились в молчание, каждый думая о своём.

Я не сразу понял, ЧТО происходит. Медленно, с трудом, я расстался с мыслями об игре... Странное ощущение, когда фон выходит на передний план и резко затмевает весь внешний мир. Именно так и получилось, когда до меня дошло, что играющая по радио композиция – это та самая «Тэйк ми оувер», и что Вадим сказал слышимую мной на записи фразу.

Я, как бешеный, полез в карман, достал плеер, но, вопреки ожиданиям, разговор не писывался. Играла музыка: ведь я, перед тем как залезть в машину, забыл выключить красный «Ай-ривер».

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил Вадим. – Всё в порядке?

– Спорим, сейчас четыре сорок три?! – я уставился пустым взглядом на мертвое тело навигатора. Вадим достал мобильный.

– На телефоне – сорок пять... А что?

– Да так... Всё в порядке. Это я просто вспомнил, что забыл... Не обращай внимания. Итак... – я, как ни в чём ни бывало, деловито достал из кошелька визитку и протянул ему, а Вадим мне – свою. – В общем договорились! Звони, как вернёшься в город. ОК?

Он ехидно улыбнулся:

– Один из последних ноу-хау в наших играх – это неожиданное начало. Когда совсем не ждёшь.

– Это как?

– Так, просто ты вдруг понимаешь, что игра началась.

– Дуристика! – возмутился я. Последняя новость мне почему-то не очень-то пришлась по душе.

– Тебе понравится, вот увидишь, – заверил он.

– Не знаю... Не знаю... Главное – чтоб потом жалеть не пришлось.

– Не пожалеешь, не ссы. Чтоб понять, когда началась игра, помни, что наш клуб выделяется ярко-красным цветом. Пере-

верни визитку.

Я сделал, как он сказал – с обратной стороны она оказалась огненно-красной, хотя с лицевой выглядела вполне безобидно.

– Ну, всё, увидимся!

– Ага... – только и сказал я, пожав ему руку, и вылез из салона. Махнув на прощанье рукой, пошёл вперёд.

Через несколько секунд он догнал меня, и, как при встрече, крикнул через приоткрытое окно:

– Так, а выбирать-то откуда собираешься? Давай подброшу.

– Не-е... – отказался я. – Лучше прогуляюсь, а ты езжай. Мне кажется, что тебе сто́ит во-о-он туда повернуть. Думаю, там выберешься...

Он кивнул.

– Спасибо... И вот ещё, – он протянул в окошко небольшой пакетик. Я взял дар.

– Что это? – спросил я Вадима, взвешивая в руке неизвестный предмет.

– На досуге считаешь, – улыбнулся он, и, закрыв тонированное окно, направился в указанную мной сторону.

В пакете лежала книга, ослепляющая огненно-красной обложкой.

Попал домой только к девяти. Пока проветрил усталые мысли, пока хоть кое-как «утрамбовал» в голове события последних дней, пришлось долго скитаться. Моё сознание сейчас, наверное, можно сравнить с переполненным чемоданом, куда нужно много чего поместить, а места уже не осталось – пиха́ешь, стараешься, пыхтишь, а молния так и не застёгивается. Ничто так не перегружает мозги, как нелогичность и не структурированность мира вокруг.

Если раньше в Сезон Одиночества я просто выпадал из стремнины земной круговерти, если обо мне просто забывали, то сейчас частично вспомнили, при этом забыв толково настроить ход времени. Из точки А я попадаю в точку Г, а из Г – в Б... Если и дальше так пойдёт, боюсь даже представить, *куда* меня может занести.

По дороге я не удержался и проверил плеер. К счастью или к сожалению (даже не знаю) никаких новых записей не было. Всё также «16.43» лежало на своём месте – фоном играет «ЭйТиБи», плохо различимые слова Вадима, и мой собственный, но немного иной, голос...

Тяжёлым вздохом я обозначил страх никогда не постичь, что же на самом деле со мной происходит? Сколько над этим вопросом ни думал, всё одно – ничего путного в голову не лезло. Лишь пришёл к выводу, что у времени странный юмор.

Наскоро перекусив, отправился в кабинет, где с открытой банкой пива принялся за подаренную Вадимом «красную» книгу. Автором оказался мой новый знакомый. Я сравнил фамилию на обложке с той, на визитке – стопроцентное совпадение. Название у книги тоже было прикольным, под стать автору – «Странный путеводитель по странным местам».

Книга была заполнена красочными фотографиями, описаниями каких-то событий и людей... Сказать по правде, «Путеводитель» оказался просто замечательным, читался легко и с удовольствием. По сути, он представлял собой сборник необычных, или (как правильно подмечено в названии) странных фактов из разных уголков мира.

Особенно мне понравилась фотография японского бомжа, прислонившегося к стенке одной из станций метрополитена, выставив перед собой картонную коробку для пожертвований, а справа – большой, с полчеловека, качественно сделанный стенд с иероглифами и картинками каких-то зданий и памятников. Под фотографией пояснение: «Токио. Станция Гиндза. Надпись на стенде гласит: «Мне осталось жить полгода. Мечтаю побывать в Санкт-Петербурге. Не пожалейте денег на мечту! P.S.: Могу предъявить справку от онколога».

А ещё очень понравилось фото с огромной водонапорной башней из красного кирпича, вырастающей прямо из двора частного дома, обнесённого деревянным забором. Далее приводилось интервью с хозяином этого земельного участка. Он рассказывает, насколько уже привык к ней: «Вы даже не представ-

ляете, как здорово каждый день выходить на крыльцо покурить или в туалет (он у меня на улице), а в нескольких метрах от Вас возвышается этот гигант! Я даже в других местах, кроме своего дома, спать не могу... Почему? Наверное, потому что не чувствую, как башня меня охраняет...»

В общей сложности, подобных историй в книге было более двухсот, и каждая была удивительнее другой.

«...Секрет моего счастья прост – ко всему в жизни относиться несерьёзно. Иначе удовольствия от «серых будней» Вам не видать, – писал Вадим. – Как-то раз меня занесло в небольшой канадский город, где проходили празднества в честь недавно построенного района. Он был размером с полгорода, и работы завершили всего за полтора года. У властей была задумка сделать из этого спокойного городишки большой экономический узел, поэтому стройка и велась такими темпами. Я стоял на крыше одного из небоскрёбов, наблюдая за огнями преобразующегося снежного мира. Рядом со мной увлечённо курил какой-то мужчина, судя по восхищённым вздохам, местный житель. Вечерний город в вуали снегопада, и в самом деле, являл великолепное зрелище.

– Правда, красиво? – обратился ко мне по-английски этот человек.

– Да, очень... – ответил я ему.

– Это я построил! – горделиво сказал он.

– Вы строитель? – логично решил я.

– Да, прораб... А вы?

Я сказал ему, что занимаюсь туризмом и приехал присмотреться к этому городу.

– Тогда я завидую, что вы не строитель.

– ??? – я не понял, что он имеет в виду.

– Ваш плюс в том, что вы можете наслаждаться этим пейзажем «в чистом виде».

– То есть?

– Совсем недавно здесь был пустырь, совсем не на что смотреть... Усилиям тысяч человек теперь здесь настоящий оазис. Он повернулся ко мне и спросил:

– Затеявая стройку, что нужно делать в первую очередь??

Подумав, я предположил, что сначала нужно завезти технику.

– А вот и нет, – с сожалением цокнул он, – первым делом всегда устанавливаются туалеты, и лишь затем – всё остальное. Каждый раз, глядя на дело рук своих, я автоматически, сам того не желая, вспоминаю, вокруг чего всё это создавалось. Сразу блеск тускнеет... Почему?!

Я ничего не ответил, лишь подумал, запомнив навсегда: «Каким бы ни был мир, он всегда создаётся вокруг сортиров...»

В самом конце, вместо эпилога Вадим написал такие слова:

«За время бесчисленных скитаний по свету я постиг одну истину, являющуюся сейчас кредо моей жизни: «Каждый человек *сам выбирает*, в каком мире ему жить: красоты или уродства».

Мир научил этому, когда однажды я случайно повстречал двух знакомых. С первым я увиделся утром, в магазине, со вторым – вечером, в ресторане. Оба они только что вернулись из странствий. Утренний знакомый поведал мне об ужасном городе в далёкой стране, наводнённом проблемами и недочётами, некоем опасном и жестоком месте. Тогда, кажется, подумалось, что я никогда туда не поеду.

Вечерний приятель стал восхищённо делиться впечатлениями о чудесных и гостеприимных местных жителях, об их удивительных обычаях и прекрасных женщинах. Я очень удивился, когда он назвал мне тот же самый городишко, что и первый.

С тех пор я твёрдо решил доверять только лишь своему собственному мнению, чего и вам желаю. И помните: какой мир окружает Вас, зависит только лишь от... (-: я думаю, вы сами знаете :-)!»

Дочитав книгу, я выключил настольную лампу. Немного посидел в темноте, стараясь ни о чём не думать... Но у меня это плохо получалось. Когда понял, что все мои попытки бесплодны, пошёл спать.

Вадим оказался неправ...

Когда я через день неожиданно наткнулся на ключи, мне это совсем не понравилось, хотя он уверял, что это его «ноу-хау»

придётся мне по душе.

В этот раз меня занесло на самую окраину города. Я с лихвой нагулялся по этому району и собирался ехать домой, так как уже начинало темнеть. Даже издали, подходя к остановке, я заметил ключи. Правда, тогда было ещё невозможно толком понять, что же это такое – просто мелькало что-то красное...

Приблизившись, я узрел кое-как запиханную в щель между металлическими столбами связку ключей с чипом и ярко-красным брелком. Ни секунды не сомневаясь, я взял оставленный кем-то «подарок». На остановке, помимо меня, было всего пятеро человек. Скорее всего, этот «кто-то» был одним из пятёрки, иначе как по-другому можно было подстроить, чтобы именно я «нашёл» ключи?

Н-да... Молодец Вадим, оперативно работает. Я в Турцию улетаю завтра... Бла-бла-бла... Шутник хренов!

В подтверждение его специфического юмора железный брелок в связке был сделан в форме развивающегося турецкого флага: на алом фоне белые полумесяц и звезда. Умно... Другие люди просто могли подумать, что кто-то потерял ключи, а нашедший повесил их на остановке, логично решив, что именно в этом людном месте у нерадивого хозяина больше шансов заприметить их. При этом Вадим точно рассчитал, мимо каких образов (ярко-красный цвет в сочетании с турецким флагом) я наверняка не пройду и пойму, что ключи оставлены именно мне.

Я, сам того не желая, усмехнулся, восхищаясь находчивостью моего знакомого.

Оглядев ожидающих автобуса людей, понял – подозревать, что кто-то из них по поручению Вадима подстроил этот трюк, совершенно бессмысленно. Да и разоблачи я его помощника, что мне это даст? Вадим был прав в одном – эффект неожиданности действительно ошарашивает.

Осталось только понять, что со всем этим добром делать? Я уселся на скамейку и стал внимательно осматривать ключи – ничего особенного это мне не дало. Самые обычные, ничем не примечательные... В них самих по себе ответа, куда же двигаться дальше, не содержалось. Лишь минут через пятнадцать, случай-

но совместив в голове то *место*, где я в данный момент находился с *определённым набором* ключей, я разгадал ребус.

Этот район города все называли «Нью-Йорк», потому что он состоял из дюжины девяти-шестнадцатиэтажных домов, вокруг которых во все стороны расползлся частный сектор, и по сравнению с одним или двумя этажами окружающих домишек высоты казались настоящими гигантами. Поэтому сравнение с крупнейшим мегаполисом Соединённых Штатов на самом деле было кстати.

Так вот, если логически размышлять, то ключи, лежавшие на моей ладони, могли быть только от квартиры в одном из этих домов. Почему я считаю этот вывод логичным? Потому что в связке был чип (от подъезда), большой длинный ключ (от тамбура) и ещё два (от входной двери) плюс брелок. К тому же, какой смысл Вадиму оставлять мне ключи от частного дома? Ведь тогда ни одна жизнь понадобится на поиски нужной двери... Поэтому вывод напрашивался сам собой.

Достал из мастерки уже который день немой телефон, чтобы узнать время. Двадцать один девятнадцать, скоро совсем стемнеет. Затем положил его обратно. Интересно, зачем я таскаю ненужный в Сезон аппарат? Только лишь ради времени? Нет, телефон – это надежда, что затянувшееся одиночество скоро развеется. Благодаря мобильнику я и узнаю, что проклятый Сезон наконец-то завершился. Сотовый оживает десятками звонков, начинает без умолку трезвонить, надрываться, доставать голосами дальних и близких людей. Для меня это настоящий бальзам на душу: любой посторонний звук становится праздником. Поскорее бы уже вернулась моя *нормальная* жизнь на следующие пару лет...

Немного поразмыслив, я всё же решился и направился в сторону высоток. Честно говоря, на тот момент я даже и не задумывался, куда, в конечном итоге, мне нужно придти, что или кто меня ожидает там, где я окажусь... Но, всё равно, я шёл ИГРАТЬ по правилам этого эксцентричного человека.

Я думал, что времени это займёт всего ничего. Прикладыва-

есть чип к нужному месту у двери подъезда, если не подошёл, идешь к следующему, если подошёл – радуешься, заходишь в подъезд и бегаешь дураком по этажам, стараясь не получить от жильцов по роже, в поисках подходящих замков. Но это потом, а для начала нужно отыскать подходящий чипу подъезд.

Это оказалось не так-то просто. Как часто бывает, дела, о которых думаешь «раз плюнуть», затягиваются надолго, бесконечной чередой непредусмотренных «но...». И, наоборот, заранее готовясь к сложному, практически неодолимому делу, почему-то расстраиваешься, когда оно само собой разрешается в течение нескольких минут.

Итак... Дюжина высоток. В каждой – от одного до шести подъездов. В общей сложности, насчитал пятьдесят пять (шесть – шестиподъездных, три – четырёх, один – пяти, и два – одноподъездных дома). Это же пятьдесят пять! И ладно бы, можно было просто идти от подъезда к подъезду совершенно беспрепятственно – так нет же! Возле некоторых сидят прозорливые, подозрительные бабки, возле других кто-то стоит, возле третьих ещё что-нибудь, например, таскают какие-то вещи из машины. После встречи с Вадимом я уже не был так уверен в своей «невидимости» для окружающих, а лишние проблемы мне ни к чему.

Я надеялся, что хотя бы некоторые подъезды окажутся без домофонов, но не тут-то было. Все, как один охраняли лестничные площадки от бомжей и быдла (хотя, кто захочет внутрь попадёт, и двери не помеха). Разве что некоторые чиповые замки на дверях были чуть другой модели, и тогда можно было сразу понять, что мне не сюда.

Ещё неудобства мне доставили неработающие двери (всего их было три). То есть теоретически один из этих трёх подъездов мог оказаться тем самым. Но как проверишь, если он не работает? Эти подъезды я решил оставить напоследок...

Вадим эти поиски назвал игрой. Но я в данный момент не ощущал ни радости, ни воодушевления, ни азарта – верную свиту игры. Скорее, я просто выполнял, что должен, прямо как хороший солдат. Но при этом чувствовал себя по-дурацки, будто «старший по званию» приказал мне искать то, чего на самом де-

ле не существует, и, пока я ношусь сломя голову, сам сидит в укромном, тёплом местечке, и наблюдает за мной, мерзко хихикая.

В конечном итоге, получилось именно то, чего я больше всего боялся: проверив все двери, я так и не услышал победного клича разблокированного замка. Нужный подъезд найден не был. Правда, оставались ещё те три двери, что не работали. Но к ним я даже не стал подходить.

Посмотрев на часы, я обнаружил, что уже половина второго ночи – четыре часа! Как я мог шнырять здесь, словно неутомный дух, больше четырёх часов? Куда делось время?! Когда я успел его столько потратить?! И, самое главное, ради чего?! Все эти вопросы смешались, став компонентами взрывчатки, и я разом почувствовал разрозненные, тянущие (каждое в свою сторону) чувства: бессилие, опустошённость, бешенство... Дикая злость на Вадима с его дурацкими игрищами, на сломанные двери, из-за которых я не могу пройти всё до конца; и (самое главное), на себя за то, что нормально не смог ему отказать, и теперь вот хрен знает где посреди ночи, усталый и голодный...

Голод начал досаждать конкретно, стоило лишь о нём вспомнить. Последний раз я ел часа в три, перед тем как пойти на прогулку. А это около десяти часов назад. Пока обшаривал «Нью-Йорк», обнаружил небольшой круглосуточный магазинчик. Именно в него я и направился.

Покупателей в лавочке не оказалось. Сонная продавщица читала какой-то бездумный мусор типа Шиловой или Донцовой, созданный как раз для такого часа – когда уже мозги не варят, а время куда-то деть надо. Я купил плавленый сырок «Оршанский», крабовые палочки и пачку чипсов «Лейз» – сочетаньице самое то, чтобы наесться с причинением максимального вреда желудку. Зато вкусно! Поблагодарив, расплатился и вышел.

На улице было прохладно, но не холодно. По крайней мере, сегодня замёрзнуть не судьба. Я нашёл широкие качели, уселся и приступил к ночной трапезе. Было действительно вкусно... Приятная истома медленно расползалась по истомлённому телу. Я неспешно покачивал вперёд и назад. Железо тихо поскрипывало. Всё это убаюкивало, и разбушевавшиеся ранее чувства постепен-

но ложились на дно.

Поглощая купленное, я размышлял о сложившейся ситуации, о Сезоне Одиночества, о Вадиме и его «ярко-красной» игре... На душе всё ещё было погано, и загоревшееся огненным цветом окно только добавило неприятный осадок...

В доме слева, этаже на пятом, вдруг зажглось одно из окон. Не знаю, что именно окрашивало исходящее от окна сияние красной (занавески или торшер – отсюда не разглядеть), но цвет был насыщенный, ядовитый, густой, будто вытекавший в крошечную темень.

Усугубляло ситуацию то, что кругом выстроились высотки, уставившиеся во мглу тысячами слепых глаз. И лишь одно окно горело цветом опасности, агрессии и крови. Оно будто бы дразнилось, обвиняя в слабых характеристиках, в отсутствии настойчивости и «внутреннего стержня»... Мол: «Вот оно я – то, что ты искал – совсем рядом! А тебе не хватило самой малости, чтобы найти меня, слабак!»

Доев, я скомкал обёртки и фольгу, положил в карман, чтобы по дороге выкинуть, и отправился ловить такси...

И даже наутро я не перестал ощущать ночной провал. Проигрыш напоминал о себе усталостью и разбитостью. Казалось, каждая клеточка превратилась в самодостаточный организм и стала требовать свободы, стараясь разорвать со мной всякую связь. Поначалу я даже решил, что заболел. Но, прислушавшись к ощущениям, понял, что на знакомую гриппозную ломоту в костях это не тянет. Да и не было у меня ни простуды, ни гриппа уже лет пять... С чего бы именно сейчас я должен свалиться с температурой?

Стараясь привести себя в порядок с помощью душа, отправился в ванную. Обливание попеременно холодной и горячей водой действительно пошло мне на пользу: мозги более-менее включились. Могу думать – и то хорошо.

Насухо вытерся, оделся. Поставил чайник и взялся за приготовление салата.

Грамм пятьдесят девятипроцентного творога, много укропа, петрушки и киндзы, тщательно измельчённых, чуть базилика,

один болгарский перец, парочка зубчиков чеснока (если бы делал всё это вечером, чеснока можно было бы положить побольше), сверху изрядно полил сметаной, приправил смесью перцев, посолил. Всё перемешав, принялся уплетать получившееся чудо, намазывая на тонкие ломтики белого хлеба. Кофе с молоком...

Пока жевал, обдумывал, чем заняться. Первое, что пришло в голову – это позвонить Вадиму и сказать, чтобы вычеркнул меня из списка игроков раз и навсегда, объяснив ему, что игра с ключами не пришлась мне «по душе»... КЛЮЧИ!

Я пошёл в прихожую и достал из кармана куртки связку. Взял двумя пальцами за турецкий флаг (это получилось как-то брезгливо, будто он был заляпан грязью, а я не хотел измазаться)... Ключи бессильно болтались, тихо позвякивая, видимо зная, что сейчас решается их судьба. И, вправду, что с ними делать? Ведь больше они *мне* не понадобятся... Вопреки чувствам, требовавшим скорейшей расправы над чужеродным металлом, я не положил их обратно – туда, откуда откуда взял. Если доведётся увидеть Вадима, отдам ему лично.

Нужно было подумать о разном, поэтому отправился на диван. Стоило улечься, как глаза сами собой начали слипаться. Это плохой знак – только лишь проснулся, а уже опять клонит в сон. Энергичным меня не назовёшь, однако, даже для такого дохлика как я, это слишком. Нужно чем-нибудь себя занять.

Поковырявшись в книжных полках, тщательно изучив корешки всех имеющихся книг, и ничего подходящего не обнаружив, решил сходить в книжный. Большой, хороший книжный магазин располагался неподалёку от дома – двадцать минут с небольшим пешком (или три остановки). Я решил пройтись.

Как и предполагалось, ровно через двадцать пять минут я был на месте. Выбор был огромным, если не сказать сумасшедшим. Из всего разнообразия подобрать что-нибудь подходящее именно мне казалось непосильным. Можно было с лёгкостью потеряться, заблудиться среди заманчивых названий, странных псевдонимов и пёстрых обложек, и при этом так и не узнать самого главного – понравится ли *мне* эта книга? Обычно я выбирал книгу, словно от этого зависела вся моя жизнь – очень скру-

пулѐзно и придиричиво, особенно если это был неизвестный автор. Бывало, что я и по пять часов подряд мог провести за первооткрытием нового романа. Молодые девчата, присматривающие за магазином, меня хорошо знали и уже привыкли к таким вот многочасовым марафонам по миру современной литературы. А в Сезон Одиночества и вовсе не обращали на меня внимания.

Но в этот раз всё закончилось намного быстрее. Уже подходя к книжному, я знал, что и где мне искать. В отделе «Путешествия и туризм» я нашѐл второй том «Странного путеводителя» – та же ярко-красная обложка, тот же стиль... Только другие «странные города». Расплатившись, вышел на улицу.

Куда дальше? Идти домой читать? Ну, уж нет. Где-где, а в пустом доме в такие дни лучше и вовсе не появляться – крутом тоска и апатия, только усиливающиеся в отсутствие людей. Но на улице сильно тоже не рассядешься, потому что я немного не рассчитал, одевшись не по погоде: сегодня было значительно холоднее.

Порыскав глазами, нашѐл через дорогу небольшое кафе, где бывал иногда: тихо, уютно, много молодѐжи, все пьют литрами кофе, прикусывая десертами... Именно такое место мне и требуется, для спокойного времяпрепровождения.

Итак, достичь светофора. Дождаться зелёного. Несколько десятков шагов, и... Я открываю стеклянную дверь заведения. Но мне не везѐт: кафе забито до отказа. Кажется, что и здесь нет места. Я немного растерялся, не зная даже, как поступить – немного подождать, пока какой-нибудь столик не освободится или пойти в другое место. Сегодня ждать никого не хотелось.

Выйдя на улицу, потерянно стал оглядываться по сторонам, надеясь найти дальнейшее направление. Я стоял на ступеньках, словно на маленьком острове посреди людского океана, вглядываясь в сотни мелькавших лиц... Все неслись мимо, стараясь как можно скорее окунуться с головой в заботы, стирая из памяти никчѐмное существование. И только я один не мог скрыться от самого себя. В какой-то степени я даже завидовал этим людям – уж слишком много на меня одного в последнее время обрушилось тишины и одиночества. Человек по природе не должен так долго выносить себя самого.

Мимо пронёсся до отказа набитый автобус. Он просигналил кому-то, но мне показалось, словно это был именно тот знак, которого я дожидался. А почему бы и нет?!

Иду на остановку, в киоске впервые за долгие годы покупаю проездной «автобус-троллейбус». Я редко использую общественный транспорт, а если и использую, то покупаю талоны. Раньше не было надобности в проездном, а сейчас появилась...

Сажусь в подъехавший через несколько минут автобус. Он не настолько заполнен людьми, как я ожидал. Наверное, потому что этот маршрут объезжает город по периметру, делая, таким образом огромный круг, а живущие на окраине предпочитают пользоваться метро – так быстрее. Именно такой «долгий» маршрут мне подходит больше всего.

Нахожу свободное сидение, открываю только что купленную книгу, читаю... Всё-таки здорово Вадим придумал с этими своими «Странными путешествиями»! Читается легко, познавательно, интересно, а мастерские снимки ещё больше позволяют погрузиться в описываемые им «миры». А ещё мне понравилась сама структура его книги: все истории не разбиты на отдельные фрагменты и главы, а идут сплошной чередой, из одной плавно перетекая в другую, словно путешественник незаметно для самого себя переносится между частями света. Здорово...

Как бы я не оттягивал предстоящий разговор напоследок, так или иначе, он должен был состояться. И, желательно, в ближайшее время, пока ребята Вадима опять не втянули меня в какую-нибудь ерунду, погружая с головой в правила своих странных игр. Поэтому самым правильным решением было отделаться поскорее от малоприятной беседы и уже со спокойной душой продолжить неспешно трястись в длинном, похожем на большую пузатую гусеницу, автобусе... Наслаждаясь музыкой, чтением, и, самое главное, теми, кто меня окружают.... Люди... Как обычно, уставшие и грустные... Ну, а там до окончания сезона рукой подать.

Я достал из нагрудного кармана тонкий кошелёк, а из него – визитку. Ещё раз внимательно осмотрел маленькую прямоугольную картонку, удивляясь простоте и оригинальности выдумки с

огненно-красной стороной. Вроде легко и просто выкрасить оборотную сторону в другой цвет, нежели лицевую, а придаёт визитке изюминку. Сразу понимаешь, что хозяин – человек интересный.

На карточке значились «Ф.И.О.» Вадима, мобильный телефон, сайт и электронная почта, больше ничего – ни названия фирмы, ни факсы, ни звания... Видимо, предполагалось, что человек, держащий в руках визитку, уже знает, кто такой Вадим и зачем он может понадобиться. Я набрал обозначенные в карточке цифры и уже приготовился к тяжёлым и просторным объяснениям «что, да почему», как выдохнул с облегчением, услышав голос молоденькой девушки, убеждающей меня в невозможности соединения, так как «аппарат абонента выключен или находится в не зоны действия сети». Я было хотел разозлиться на Вадима, за «неподготовленность» к моему звонку, но затем передумал, разумно решив, что любой человек имеет право отгородиться от других выключенным телефоном. Может, он спит или ещё что... «Вне зоны...» – так может, он ещё в Турции? Нет, вряд ли. Ведь сам же сказал, что займётся мной по приезде – значит, уже прибыл. Ладно, буду дозваниваться.

Сразу же вернуться к чтению не получилось: мешали мысли, отвлекающие без спроса. Напряжение от предстоящего разговора немного спало, но чувство злости за дурацкую игру, куда меня умудрились втянуть, всё ещё давало о себе знать. С одной стороны, сам виноват, что согласился! Но и меня можно понять: ведь я не мог знать, что правила окажутся столь нелепыми, а их выполнение – невозможным. К тому же, эффект неожиданности, который Вадим так хвалил, мне совершенно не подошёл! Я же рассчитывал, что всё начнётся несколько позже, хотя бы дня на три. Но чего уж там, как получилось, так получилось... Наверное, я всё принимаю слишком близко к сердцу. В обычные дни, а не во время Сезона, я бы точно не стал париться... Всего лишь ухмыльнулся и поплёлся дальше...

В конце концов, мне надоела эта бесконечная мысленная жвачка, я на всё плюнул и принялся за новую книгу.

Пять дней с утра до самой ночи, пока не переставал ездить транспорт и светофоры не начинали сопровождать мой путь лишь жёлтыми «перемигиваниями», я катался в автобусах, троллейбусах и трамваях. Даже не знаю, зачем мне надо было повторять участь игроков Вадима, но, видимо, какой-то смысл я всё же в этом находил.

Когда хотелось читать, я читал; когда надоедало, мог посмотреть на меняющиеся пейзажи за окном или всматриваться в лица пассажиров. Мне безумно нравилось прожигать время именно так. Оказывается, люди бывают такими разными! Столько оттенков и эмоций можно увидеть на их лицах: усталость, печаль, разочарование, надежда, влюблённость, кокетство, заинтересованность, скука, равнодушие... Всё это сотнями и тысячами маленьких жизней сплошным потоком перетекало сквозь, через и мимо меня... До этого я никогда не думал, что в обычном кружении по маршруту может быть столько интересного.

Когда хотелось подышать свежим воздухом или просто размять затёкшие мышцы, я выходил на ближайшей остановке, гулял, пока не надоедало, а затем вновь садился на первый попавшийся транспорт. За эти дни, я, наверное, успел объездить весь город вдоль и поперёк, хотя до этого считал такое невозможным. Всего пять дней – и где я только ни побывал!

Всё это время я не переставал звонить Вадиму, но из раза в раз ответ оказывался одним и тем же. Мне иногда начинало казаться, что он заведомо дал мне не тот номер... Но, конечно же, это было чушью.

В очередной раз, решив попытаться пробить непреклонность звучащих в трубке электронных голосов, я по привычке вертел в руках визитку Вадима, набирая единственный за последние дни телефонный номер. Мой смотовый, как и я, знал это сочетание цифр, как родное – достаточно было дважды нажать кнопку вызова, как начинался набор. Но, увы... Вадим, видимо твёрдо решил ни с кем не общаться.

Мне часто начинало казаться, что я ввожу не те цифры или ошибаюсь в одной из них и теперь напрасно жду... Жду единственного в мире человека, что в Сезон разделил со мной Одиноче-

ство... Жду того, чей голос я, услышав единожды, запомнил раз и навсегда ещё до того, как он сам явился во плоти. Жду непонятно зачем... Наверное, чтобы просто почувствовать, что я пока ещё не один во Вселенной Прохожих. Но, в конце концов, я устал ждать...

Не знаю, что тогда произошло – почему-то я разгневался.

За окнами автобуса только-только стемнело, зажглись фонари, а люди всё спешили домой. Переполненный транспорт был готов в любую минуту затрещать по швам и развалиться на части от нарастающего изнутри напряжения. Люди толпились, пихались, пытаясь втиснуться, найти ещё один лишний сантиметр пространства. Хотя я и сидел, но на меня постоянно кто-то наваливался, больно упирался коленом в бок... Именно в этот самый момент я почувствовал бешенство, которое ни до, ни после больше внутри меня не оживало. Я увидел себя со стороны полным идиотом, как тогда во дворах «Нью-Йорка» напротив огненно-красного окна. Почему я опять делаю то, в чём нет никакого смысла?!

Визитка Вадима уже успела стать закладкой, перекочёвывая из одной книги в другую по мере их прочтения. Резким движением вытащив визитку из сборника рассказов Дины Рубиной, даже не посмотрев, в каком месте остановился, я начал шкумелать её в ключья... Пока на ладони не оказалась лишь горстка маленьких бесполезных красно-белых кусочков. Люди удивлённо, а некоторые испуганно смотрели на моё странное поведение, никак не сочетающееся с переполненным автобусом. Пошли к чёрту вместе с Вадимом!

Протиснувшись к двери, я выскочил на ближайшей остановке. Пригоршню некогда цельного предмета вышвырнул в урну и присел на скамейку отдышаться... Давно надо было так сделать, да не заниматься фигнёй. Стоило избавиться от визитки, как на душе полегчало. Видимо, ушло напряжение, вызванное сильным желанием наконец-таки разобраться со странным знакомым и его играми. Я смирился с тем, что всего знать не суждено, и некоторые вещи на Земле всё же останутся для меня «вне зоны действия сети», даже если они и касаются непосредственно моей жизни.

ни...

Когда из кармана раздался бой гитары Yoav, я всё ещё, сидя на остановке, старался окончательно прийти в себя. «Beautiful lie» установлен рингтоном, обозначая неизвестные номера.

– Алло, – поприветствовал я неизвестно кого.

– Алло, – ответили мне аналогично. – Слушай, до тебя дозвониться, как до президента!

– Вадим?! – неуверенно предположил я, хотя узнал его голос наверняка.

– Конечно... Ты куда уезжал? – спросил он.

– С чего бы это?!

– Вот и я думаю... Ты же сказал, что пока в городе будешь. Да и телефон твой вечно занят.

– Мой?! – я ещё больше удивился.

– Твой-твой... Я ради эксперимента пробовал в течение часа каждые пять минут тебя набирать... Ты, видимо, поболтать горазд?

Его слова почему-то ужасно разозлили.

– Блин, это ты телефон никогда не включаешь! «Вне зоны... вне зоны...» – уже тошнит от этих слов. Или ты только что вернулся?

В трубке ненадолго замолчали, видимо, решая, как реагировать на мой грубый голос.

– Я ещё дня три назад прилетел. Да и роуминг у меня – так что будь я хоть в тундре, всё равно доступен.

Тут до меня постепенно начало доходить, *что на самом деле* означают его слова.

– Подожди... – я переложил трубку в другую руку, – то есть, всё это время телефон работал?

– Конечно. С моей работой по-другому нельзя... – я буквально увидел, как Вадим удивлённо пожимает плечами. Мне хотелось его ещё о многом расспросить, но он опередил мои вопросы. – Ну, лады, дозвонился и слава богу... И так, высказываю тебе свои соболезнования.

– В смысле?!

– Пока я до тебя дозванивался, списки игроков уже сформи-

ровались... Так что, извиняй, в этот раз ты в пролёте. А следующая игра у нас в городе ещё не скоро будет проводиться. Захочешь поиграть – придётся в другой город лететь.

– Как? А я разве не участвовал?

– В чём? – по голосу Вадима было слышно, как он раздражается от моих глупых (по его мнению) вопросов.

– Ну как... В игре... С ключами... И красной квартирой... – мне самому не понравилась неуверенность, с какой я всё это говорил. Хотя буквально час назад я представлял, как смело буду высказывать всё Вадиму «в лицо».

– Слушай, я, честно сказать, почти ничего не понимаю... Такое ощущение, что ты там окончательно заплутал. Я ж говорю, что только-только вернулся. За три дня игра не организуется, и уж точно не проводится... Тут, минимум, полторы недели требуется. Мы пока лишь списки участников сформировали. Все будут на машинах по городу кататься...

– Квартиру искать? – с надеждой в голосе сделал я последнюю попытку подогнать мир под себя.

– Зачем квартиру? Человек в жёлтой куртке будет целью... А что?

– Значит, ты ключи с турецким флагом мне не оставлял?! – скорее ответил сам себе, чем спросил, я.

– Да нет же... Ты вообще слышишь меня?

Я логично рассудил, что, если сейчас спрошу Вадима про «эффект неожиданного начала игры», то окончательно нахватаюсь «добрых слов». Поэтому лишь сказал:

– Ладно, Вадим... Мне тут кое в чём разобраться нужно. Я тебе потом перезвоню...

– Как скажешь. Услышимся, – ответил он и положил трубку.

Можно было не сомневаться – на экране телефона горели те самые числа, что я набирал всё это время. Цифра в цифру...

А мне действительно требовалось во многом разобраться.

Я встал со скамейки, и пошел, куда глядели глаза – совершенно не хотелось сидеть на месте, тело требовало движения, активности, нагрузки.

Итак, по порядку... Вариант «номер один»: Вадим меня обманывает, и если не всё, то большинство его слов – чистой воды ложь. Неправда, что его телефон работал; что он был в Турции; что я не участвовал в игре; что он сам не смог до меня дозвониться... Тогда сразу возникает тысячу «но», продиктованных логикой и здравым смыслом. И, в конце концов, сам собой появляется главный вопрос – на кой чёрт ему все эти хлопоты?! Уж слишком я незначительная фигура в его жизни. Или я чего-то не знаю? Почему-то сразу вспомнилась жена, улетевшая в командировку. Куда она должна была лететь? Вроде бы на Ближний Восток... Или на Дальний? Блин, хоть убей – не помню!

Второй вариант меня не то чтобы тревожил, а, скорее, по-настоящему пугал! Если всё, что сказал Вадим правда – тогда получается, что это со мной что-то не то... И это ещё слабо сказано.

И впрямь, а с чего это я решил, что ключи на остановке были предназначены мне? Ведь брелок с турецким флагом – явление не такое уж и редкое и могло ведь *просто совпасть*, что именно я обратил на ключи внимание. Почему-то только сейчас мне пришлось в голову, что ключи – это просто ключи. Кто-то потерял, а я подобрал, решив приписать им таинственный смысл, которого в действительности нет. Как говорил Фрейд: «Иногда банан – это просто банан!»

Ладно... А что тогда с телефоном? Почему я не мог дозвониться? И Вадим сам говорил, что у него не получалось... Пока я не порвал визитку. Я сильно мотнул головой, стараясь вытрусить из головы засевшую внутри ерунду, которая только мешала понять, что к чему. Естественно, разорванная на сотню маленьких кусочков бумажка никак не могла повлиять на возможности телефона. Чуть...

Я ещё раз повторил ритуал «выбивания» из черепной коробки мыслительного хлама и направился к светофору.

Куда меня занесло?

Пахло речной водой и смертельной усталостью от себя самого, от бесконечного анализа и размышлений... Я огляделся.

Только что меня окружал привычный гомон мегаполиса с характерным для него лязгом... Сейчас же я словно повис в пустоте.

Меня окружал туман, густой и вязкий, словно желе... И ни единого звука. Белое марево было настолько непроницаемым, что я не мог различить даже очертаний улиц. Да если и собственных ног не видно, что уж про остальное говорить...

Я бы даже не удивился, узнай, что иду по автострате и через секунду меня собьёт здоровенный грузовик. Ни звука... Дыхание, шаги – и те словно превратились во всепоглощающую белизну. Если бы не фонари на моём пути, могло показаться, что я очутился между мирами, где вместо времени господствует туман.

Даже ощущения – и те меня подводили. Чтобы чувствовать собственные движения, приходилось сильно напрягать сознание, постоянно напоминая себе, что я ещё здесь... Что я – есть. ЧТО я есть?

«Слава Богу!» – облегчённо выдохнул я, увидев впереди мерцание фонаря. Какое-никакое, но движение. Я даже специально ускорил шаг, чтобы поскорее приблизиться к единственному *чему-то живому* в этом мире... Почти поравнявшись с ожившим светом, я услышал... УСЛЫШАЛ! гудение электричества и своеобразное цоканье в такт мерцанию, словно отбивающее ритм незнакомой мне мелодии.

Мне захотелось звуков – сейчас они были чем-то жизненно важным, необходимым для выживания, дороже воздуха. В этом едком тумане я задыхался в тишине. Музыка!

Я забрался ладонью в карман, но... Конечно же, плеера там не оказалось. При том, что я целый день, не выключая, слушал его и наушники оплетали мою шею. Так просто, незаметно, его потерять даже при желании было бы трудно. Может, во время разговора с Вадимом положил на скамью, а сам и не заметил? Ай, какая уже разница... Плеера, а значит и музыки, у меня нет – это факт. Значит, придётся и дальше давиться этой тишиной, словно последним в жизни вздохом.

Я вновь увидел впереди мерцание уличного светила. Раз... Два-два... Три-раз... – выдавало оно известный лишь ему шифр. Подойдя ближе, я услышал уже знакомое «цоканье». Лишь стоило пройти мимо, как шум прекратился. Зависшая на до мною лампа перестала мигать и вообще подавать какие-либо

признаки жизни. Что за чертовщина творится?! Я решил подойти к столбу поближе, дабы прислушаться к звукам. Но и тут меня постигло разочарование – фонарного столба и вовсе не оказалось, будто маленькое солнышко просто зависло в воздухе, в нескольких метрах надо мной. Нет, конечно в таком тумане я запросто мог его пропустить, но... Теория с «зависанием» подтвердилась, когда и у следующего фонаря не оказалось «ноги» соединяющей его с землёй. Впереди, насколько можно было различить, я увидел ещё один мигающий фонарь... На миг показалось, что я очутился внутри бесконечного лабиринта, из которого никогда не смогу выбраться.

Гонимый страхом и отчаянием, я помчался к мигающей лампе, но стоило оставить её позади, как мерцание исчезало – свет начинал литься ровно и спокойно... Я нёсся вперёд, быстро, как только мог... Задыхаясь, разрывая сердце – я убежал от одиночества, преследовавшее меня на протяжении всей жизни, на которое я был обречён, но уговаривал сам себя, что смирился с ним, что никто мне не нужен.

Не знаю, сколько прошло времени... Иного. Но мне так ни разу и не довелось свернуть с прямого пути, спуститься вниз или, наоборот, ощутить подъём – будто я бежал по идеально ровной поверхности, протянутой из ниоткуда в никуда. Не знаю, сколько так могло продолжаться... Я упал без сил, рухнув наземь. Мои ноги просто перестали меня слушаться.

Распластавшись по земле, больно ударившись локтем, я лежал лицом на мокрой, холодной поверхности, пахнувшей асфальтом. Я плакал... Из глаз лились слёзы усталости и отчаяния, что копились капля за каплей на протяжении долгих лет. Самое страшное в моих Сезонах – это всякое отсутствие настоящей теплоты и близости от людей, окружающих меня. Со мною будто бы рядом были холодные, бесчувственные манекены, не знающие ни любви, ни поддержки, ни заботы... В Сезон я старался согреться от тепла прохожих, от соседей в кино или на скамейке в парке... Но чужое тепло, предназначенное кому-то другому – всего лишь суррогат. Я, словно уличный пес, подбираю крохи с чужого стола. А мне хочется моего собственного, лично моего тепла

– получать и отдавать. Близкие, словно в наказание за плохие поступки, где-то на стыке лета и осени уходили в никуда, отдалялись, чтобы я не смог до них добраться и отвоевать принадлежащую мне по праву любовь.

Теперь, наверное, так будет всегда.

Сделав неимоверное усилие над собой, я приказал телу напрячь немощные мышцы и, наконец, оторваться от холодной земли. Оно слушалось плохо, не желало подчиняться, словно чужое. Встав на ноги, я понял, что мир стал немного иным. Что-то изменилось. Я начал обшаривать себя ладонями, слово искал прилипший чужеродный предмет, создающий помехи. Проверив карманы, вытащил на свет «мёртвый», без энергии мобильник (в самом деле, казалось, что он испустил дух и его уже не вернёшь) и кошелёк. Чего-то не хватало... Понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить о ключах, что я постоянно носил с собой, рассчитывая на встречу с Вадимом. Сев на корточки, я начал рыскать руками по поверхности мокрого асфальта, надеясь отыскать на ощупь пропажу. Нашёл почти сразу: ключи, будто живые, сами бросились ко мне в ладонь, испугавшись большого и страшного мира.

«Дзынь-дзынь...» – ясно зазвенели они. Этот первый *настоящий звук* в непроглядном тумане был для меня бальзамом. Я тряс связку, стараясь выдавить из них как можно больше живительных нот. Чудесная музыка густыми каплями стекала с холодного железа. Я вдыхал спасительный нектар, будто от него зависела моя жизнь.

Дзынь-дзынь...

Взявшись указательным и большим пальцами за турецкий флажок, постоянно позвякивая ключами, я поплёлся в сторону очередного мерцающего фонаря. Я тряс связкой, словно монах колокольчиками, распутивая охочих до грешников злых духов.

Теперь я точно знал, что мерцание искусственных солнц рассыпанных на моём пути, неслучайно – они проводники и ведут меня... Теперь осталось всего лишь переставлять ноги в направлении маячков-спасителей.

Я и сам не успел заметить, как развеялся туман.

Просто получилось, что я вышел из него, как выходят из избы, всего-то переступив порог – раз, и кругом прозрачный уличный воздух. Оглянувшись, я не обнаружил никакого тумана. Решив обо всём подумать потом, доверившись ведущей меня судьбе, я продолжил путь.

Оказывается, я просто был на мосту – большом, длиннющем, ведущим из одной части города в другую. Вдоль дороги стояли самые обычные фонарные столбы и не одна из ламп не висела в воздухе. Я шёл своей дорогой...

Миновал мост. Слева расположился небольшой рынок. Прямо перекрёсток. Куда двигаться дальше, размышлять нужды не было – справа, через дорогу, у основания высоток мерцал желтым светом фонарь. В его направлении я и пошёл.

В этом месте ни до этого момента, ни после я никогда не был. Складывалось впечатление, будто меня окружал какой-то неведомый город. Хотя, почему я так решил, и сам не знаю. Окрестные запахи вообще не принадлежали моему миру.

Ни людей, ни машин видно не было – лишь однообразно мигали светофоры. Я перешёл дорогу и направился в сторону «неисправного» фонаря. Достигнув его, поплёлся дальше в поисках дальнейших указаний. Когда оглянулся, фонарь, конечно же, не мигал.

Дальше был ещё один... Ещё... И ещё... И ещё... Я блуждал среди дворов, полностью доверившись Кому-то, кто выбрал за меня путь, зная, что куда-нибудь, но я приду. Сейчас я уже не боялся навсегда остаться один.

Интуиция не подвела и в этот раз: мерцание привело к подъезду очередной, ничем не примечательной многоэтажки, такой же, как и сотни других. На пятом этаже единственное освещённое окно горело красным, испускало свет густого пунцового оттенка.

Недолго думая, прикладываю чип из связки, что держал талисманом в ладони, к специальной розетке в двери подъезда – по дворам разносится пронзительный визг. Портал открыт.

В подъезде темно – хоть глаз выколи. Я подхожу к перилам и

смотрю вверх. Света нет на всех этажах, лишь где-то на уровне пятого в конвульсиях мерцает единственная лампа. Взмахиваю вверх, прыжками преодолеваю ступени. Пятый этаж. Налево. Как и предполагалось, передо мной железная дверь тамбура. За ней ещё одна, из дерева. *Все ключи открывают свои замки.*

Я прохожу внутрь, изучаю все комнаты – их оказывается три. Ещё есть ванная и кухня. Но свет не горит нигде – ни красный, ни жёлтый, никакой другой – везде темень. Я могу лишь различить очертания предметов. Столы, стулья, диваны-кровати, бытовая техника... Выключатели не работают. В окнах ничего толком не видно. Темно, фонари не горят, улица погружена в абсолютный мрак.

Не зная, что делать, я нахожу подходящее кресло и погружаюсь в него. Оно очень мягкое и с радостью принимает меня. Ничего не остаётся, кроме как ждать... И я жду, таким образом продолжая свой путь. Опять жду, сам не зная чего. Я устал. Слипаются веки. Незаметно я погружаюсь в бесконечно глубокий сон, сравнимый разве что со смертью.

Я плаваю в потоке алого света. Он состоит из миллиардов маленьких крупиц, сливающихся в единый поток и пронизывающих моё тело насквозь. Я растворяюсь в багряном сиянии, будто я и есть его частица, порождённая землёй.

Сначала я думаю, что всё это – лишь сон, но, открыв глаза, понимаю, что мир действительно сплошь состоит из красного цвета. Чашка на столе, зеркало, книги на полках, телевизор, шторы, забытая под столом игрушка – всё это элементы красного мира.

Проходит какое-то время, прежде чем я понимаю, что это не мир наполнился красным свечением, а я сам. Я выставляю перед собой руки – ногти пылают кармином, будто подсвеченные изнутри, так что даже сквозь поры проникает свет... Осматриваю остальное тело – то же самое. Сквозь тонкую оболочку, обволакивающую меня, подобно коже, я наблюдаю за тысячью рдяных потоков, реками струящихся по всему телу.

Мне ни капельки не страшно – просто интересно.

Я встаю с кресла и подхожу к зеркалу. В нём отражается мой червонный силуэт. Ярче всего светятся глаза. Из-за свечения не видно зрачков. Приоткрываю рот – оттуда вырывается ослепительная вспышка. Забавно...

Я радуюсь, веселюсь, окрашивая в красный разные предметы. Это очень интересно!

Теперь мне по-настоящему хорошо. Хочу, чтобы так было бесконечно.

Это продолжается до тех пор, пока всё кругом не сливается в единый пурпурный оттенок так, что отдельные части и вовсе нельзя различить. Контуры и границы исчезают, остаётся просто огненно-красный.

Я растворяюсь в этой лаве...

Огненно-красный... Кровавый... Багрянец... Рубин... Солнце... Сердце... Роза... Червонный... Лал... Краплак... Любовь... Гранат... Пироп... Кармин... Клубника... Ярость... Пламя... Боль... Энергия... Движение... Пурпур... Власть... Сила... Мясо... Алый... Кумач... Революция... Что ещё может быть красным? Я уже не помню. Постепенно из памяти уходит всё красное. Но я упорно стараюсь не забыть, из раза в раз перечисляя слова с красной сущностью. Я очень хочу их запомнить...

На следующее утро меня разбудила руганью какая-то старуха. Я сидел на остановке, стараясь спросонья привести мысли в порядок, понять, как я оказался здесь – ведь засыпал в той странной квартире. Мгновенно в голове пронеслись события прошлой ночи. Нормально мыслить мешала вопящая надо мной бабка, обзывавшая и требовавшая чего-то...

Сияло солнце.

Я отправился домой. В обед приехала жена. Расцеловала и долго на деле доказывала, что соскучилась. Остаток дня мы провели вместе.

Сразу после включения подкормившегося от сети телефона на меня обрушились продюсеры, рекламщики, издатели и другие работяги, так долго молчавшие. Все, как один твердили, что сами

не пойму как позабыли о моих проектах, и теперь вот, надо срочно нагонять упущенное время. Всю работу я отложил на следующий день.

Лёжа на диване, обнимая жену, я старался ни о чём не думать, а просто наслаждаться... Что наконец-то я не один, что завершился проклятый Сезон, что мир вокруг привычно завертелся, что секундная стрелка ожила... Но как ни пытался унять назойливый пытливый голос, всё было напрасно...

Мысли... мысли...

Что было на самом деле, а что – моя выдумка? Где я был? Как такое могло случиться? И что вообще произошло? Этот список можно было продолжать до бесконечности. Но я не буду, потому что не имеет смысла задавать вопросы, что останутся без ответов.

А голос в голове до сих пор не может успокоиться.

Всё это произошло со мной много лет назад. И с тех пор двухлетний цикл Сезона прекратился: больше мир никогда меня не терял. И, наверное, это хорошо.

Свой красный плеер я так и не нашёл, а значит нигде, кроме моей памяти, не сохранился голос Вадима... Собственно. как и сам Вадим. Номер, что я смог запомнить, никому никогда не принадлежал (узнавал у знакомого ГэБэшника). Исчезли обе его книги. Нет визитки... Да и не надо. Не сохранились все эти мелочи, не сохранилось и главное.

Побывав в самом эпицентре алой энергии и впитав её без остатка, я осознанно лишил мир одного из цветов. Проживая день за днём, я до сих пор никак не могу привыкнуть к новой реальности, в которой не существует красноты – нигде, ни в каких проявлениях. Без красных оттенков всё будто лишено естественности, всё стало ирреальным – оранжевая кровь, синяя любовь, жёлтая ярость, белая энергия... В этом новом, ином мире есть оттенки красного, но его самого нет, и даже слово такого не существует – КРАСНЫЙ.

К этому нельзя привыкнуть.

В той квартире, наверное, произошла сделка между мной и миром – я отдаю красноту, а мне за это возвращают пару недель жизни через каждые два года... Сделка состоялась. Контракт

подписан.

Вроде бы и мелочь – подумаешь, *всего лишь красный цвет* – моя жизнь ничем не отличается от той, что была до... Но всё же чего-то очень не хватает. И это ощущение нехватки, какой-то незавершённости, потери, никогда не покидает меня.

Но... «Что сделано, то сделано!» – кажется, так говорят.

Любой рассказ как необходимо с чего-то начинать, так и чем-то закончить. Не буду ломать голову и страдать над нужными словами, как это было в начале, а просто включу «Take me over» и буду вспоминать...

Красный огонь... Флакон любимых духов жены... Турция... «Айривер»... Обратная сторона визитки... «Митсубиси»... «Странный путеводитель»... Свет в окне... Огненно-красный мир...

Внутри

Я помню, кода это произошло – когда во мне поселилась эта тварь... Вина.

Конечно... Ведь об этом трудно забыть, как бы ни хотелось...

Тогда я впервые изменил своей жене – через два месяца после свадьбы. Всё произошло банально и просто... Как бы написал любой конченный романтик: «Всё было прозаично, без капли поэзии». И в самом деле, не было стихов и чувств – самая заурядная измена самого заурядного человека.

Сейчас я даже не смогу вспомнить, как звали ту девушку. Помню только, что мы несколько дней вместе работали. Она подменяла одну из сотрудниц, свою подругу, пока та ездила на свадьбу к родственникам в Киев.

Вот так глупо – всё помню до мелочей: и запах осенних листьев в холодном воздухе моего города, и цвет её глаз, и даже, как и почему она появилась в моей жизни. Всё, кроме имени. Наверное, память таким странным образом пытается избавить душу от мучений, не зная, за что схватиться, как помочь... Поэтому и мечется, словно забытый пёс в пустой квартире... Хватает что ни попадая, уничтожая, лишь бы стало легче... А получается наоборот... Совсем.

Я пришел к той девушке домой, уже заранее зная, что произойдет через каких-то десять-пятнадцать минут. Я точно знал, для чего туда иду. Я же говорю, что не было стихов – она не приглашала меня выпить чашечку кофе или помочь ей передвинуть шкаф, а просто подошла в офисе и сказала, прикоснувшись пухлыми горячими губами к уху: «Ты мне нравишься. Давай как-нибудь встретимся у меня дома». Я удивленно посмотрел на её миленькое, почти еще детское лицо и ответил, что подумаю. Банально...

Потом я как честный и любящий муж ходил и думал несколько дней, несказанно мучаясь в сомнениях. Похоть, интерес, желание, страх и табу сплелись воедино в беспощадной драке. Они

раздирали меня изнутри на части, превращая жизнь в невыносимый хаос. Тогда буквально всё валилось из рук. Но, в конце концов, я набрал, медленно нажимая на пластиковые кнопки телефона, оставленный номер.

Её заспанный голос ответил, чтобы я подходил завтра к двенадцати по такому-то адресу и что как раз её родителей не будет дома.

Ночью я почти не сомкнул глаз, любуясь, как одеяло приподнимается на груди любимой жены. Лежа в темноте, я мог лишь восхищаться нашей *общей* жизнью... Думал, точнее старался понять, чего же мне не хватает и зачем всё это надо...

Искусительница встретила меня в темно-синем халатике с узором из красных сердечек. Завела в самую обычную, какую можно представить, квартиру на восьмом этаже в самом обычном девятиэтажном доме. Я положил в прихожей сумку, непонятно для чего взятую с собой, повесил куртку на плечики и прошёл, как было велено, на балкон. Она принесла, не спросив, чашку теплого невкусного кофе без молока, который я выпил почти залпом, чтобы не успеть ощутить тошноту. Ещё мы выкурили по две сигареты и лишь затем прошли в зал на разложенный диван.

По-моему, мы даже не разговаривали – просто разделись и просто занялись сексом. Я взял её сзади, чтобы не видеть лица. Она не возражала. Странно, но лицо в памяти осталось, а вот имя – нет... Действительно, странно...

Честно говоря, я даже не подумал о мерах предосторожности, а она не напонила... Так и получилось. Ощущения были невероятно сильными, с женой я никогда такого не испытывал.

Безымянная ещё долго стояла, опершись на колени и локти, не шевелясь, и мне лишь оставалось смотреть на неё... Смотреть с отвращением, и понимая, что это отвращение к себе. Стало совсем плохо...

Она ушла мыться. Я лишь обтёрся каким-то тряпьем, наскоро оделся и убежал из квартиры, словно пытался сбежать от себя, тихонько прикрыв дверь.

У меня дома было пусто и оказалось, что в холодильнике со-

вершенно нечего есть. Пришлось сделать кофе и *сделать его именно так*, как я люблю – в меру сахара, в меру молока, много кофе – и насытиться им.

Остаток дня я просидел на холодном осеннем балконе, чередуя кофе и сигареты, сигареты и кофе.

Когда пришла жена, пришлось соврать, что болит голова и вообще дерьмовое настроение. Она молча сидела рядышком, иногда вспоминая о тлеющей сигарете, а затем ушла шуршать на кухню. В этот день я так и не смог посмотреть ей в глаза. Она же всё чувствовала и поэтому не пыталась мой взгляд поймать.

Я просидел на балконе всю ночь. Дождался, пока угаснет день, (медленно, нехотя и обреченно, словно раковый больной) и лишь с приходом темноты снова начал дышать. Из комнаты доносился шум включённого телевизора... А всё, что я мог – это смотреть на уголёк сигареты и почти неразличимый в сумерках дым.казалось, именно для этого я и курил одну за одной – чтобы видеть, как горит и медленно погибает уголёк, чтобы наблюдать, как густой дым лениво растворяется в осенней прохладе.

Лишь стоило докурить сигарету, как я оставался наедине с собой. Сразу становилось холодно и страшно.

Я чувствовал, что внутри меня что-то поселилось, что-то тяжёлое и острое одновременно. Это была она – ВИНА.

Вина...

Под её натиском моё тело болело. Оно противилось присутствию этой мерзости, но сделать было ничего нельзя. Уже нельзя...

Вина ломала кости... Рвала, словно шелковые нити, мышцы... Разъедала кислотой мозг... Она навсегда поселилась внутри.

Уже под утро, оставив на балконе полную окурков пепельницу, я решился пройти в дом. Оказавшись рядом со сном супруги, я понял... Понял, что жестокие тиски никуда не денутся, что желание просто и насовсем изгнать мерзкое чувство грязно-желтого, почти коричневого цвета, плещущееся в моей голове, – несбыточно. Тут два выхода: или вешайся, или мирись с собой... Таким. Время покажет, что я выберу.

А пока я сидел в темноте, напротив сладко сопящей жены, та-

кой близкой и родной... Напротив любимой женщины, которой я так легко могу сделать больно, только потому что я — это я.

Я сидел в неудобном, но столь привычном кресле, смотрел на её силуэт в темноте... И мне вдруг так стало тоскливо... Так тоскливо, что, если бы я не зажал себе рот, то разбудил её своим воем. Изнутри вырывалась тоска от одной мысли, что её может не быть рядом со мной, что я могу сделать ей больно...

Так я дотянул до утра...

А вина, меж тем, никуда не уходила. Всё время, как преданный пес, она не покидала меня, лишь изредка забывая о своём существовании.

А я... Я никак не мог остановиться. После того случая с безымянной девушкой, я делал это сотни раз... Как одержимый, находя себе других женщин... Женщин не только без имен, но и без лиц, без тел, без слов...

Я не понимал, для чего это делаю; не знал, как остановиться, лишь с каждым разом всё больше и больше ненавидя себя.

Я физически чувствовал, как вина разрушает мою плоть, но при этом был лишен всякого выбора — словно находясь «в отключке», я отдавал себя каждой, что готова была принять.

Что-то сломалось внутри, что-то, что невозможно восстановить. Я болел, не имея возможности вернуться.

А жена лишь не требовала ответов, казалось, привыкая к новым правилам жизни, по которым нельзя смотреть друг другу в глаза. Она молчала, с каждым днем всё больше отдаляясь от меня, с каждой минутой всё сильнее превращаясь в тень.

Моя жизнь крошилась, словно старое здание, превращаясь в пустоту... И это всё вина. Наверное, только ею я и жил. Мне же не оставалось ничего иного, кроме как наблюдать со стороны за приближающимся крахом.

То, что каждый новый день был каторгой, становилось привычным. Всё стало неважным. Всё раздражало...

Когда в очередной раз я поругался с начальником, да так, что дело чуть не дошло до увольнения... Когда я в очередной раз

устал до судорог... Когда в очередной раз в автобусе была жуткая давка... И пришлось наорать на пьяных малолеток... Когда в очередной раз я возненавидел тот безымянный день... Наконец-то пришло избавление.

Выйдя из автобуса, едва переставляя ноги после тяжёлого дня, я побрел через рощицу по направлению к своему дому. Лишь стоило погрузиться в темноту, как я услышал за спиной навязчивый топот бегущих людей и вслед окрик: «Эй, дядя, постой-ка!». Я обернулся. Это были трое тех подростков из автобуса, на которых мне пришлось прикрикнуть, чтобы они перестали вести себя по-свински.

– Что вам надо?! – грубо, как только мог, спросил я у них.

– Да так... Пустяки... – сказал многообещающе один из них, мерзко улыбаясь. Я сразу понял, чего они хотели.

Как только говоривший парень подошёл на достаточное расстояние, я ударил. Удар получился сильным, сшибив отморозка с ног, повалив его наземь.

Второй напрыгнул на меня сбоку, попав ногой по колену так, что я присел. Затем я успел лишь услышать нечленораздельный рев: «ЭЙСУКА!» да повернуть на звук голову, прежде чем на меня с силой опустили камень.

В следующую секунду я лежал на животе в осенней холодной луже, чувствуя, как кровь из проломленного черепа заливает мне глаза и как чьи-то липкие пальцы шарят по карманам плаща. Я лежал и думал, что всё получилось именно так, как и должно было получиться – абсолютно дерьмовый день, в котором не было ничего хорошего, завершившийся абсолютно дерьмовой смертью. Ничего странного...

Вот если бы я встретил по дороге домой хорошего друга или нашел кошелёк – это было бы непонятно. А то, что мне проломили череп грязным камнем пьяные придурки – это само собой разумеется, это нормально.

«Но ничего страшного... – успокаивал я себя, – Хотя бы теперь умрёт... Эта тварь... Живущая внутри. Пускай хоть так... Теперь я не смогу винить себя, глядя на любимого человека... Ныне будет

по-другому... Теперь будет никак... Теперь кто-то другой будет винить себя, лишь бы ни я... Хватит. Я устал...»

Из последних сил я приоткрыл один глаз. Вокруг меня не было даже крови... Из головы вытекала грязно-желтая жидкость, почти коричневая, смешиваясь с грязью.

«Пускай... Лишь бы не мне носить это внутри... Пускай... Жалко только любимую тень, что ждет меня домой... Пускай... – думал я, пока сознание окончательно не смешалось с опавшими листьями и жидкой землей. – Пускай...»

Перепевник

путеводитель по тонкому миру

Предупреждение!

Данное произведение является художественным и ни в коем случае не может быть расценено практическим руководством по астральным путешествиям. Решив повторить опыт героев, читатель сам на себя берёт ответственность за любые последствия.

– Тюрьма – это метод наказания!

– Нет, мой друг. Тюрьма – это возможность доказать, что вы достойны быть освобожденным...

Из разговора со следователем

Мне снится сон... Причем я чётко осознаю, что всё окружающее относится к миру грез. И это знание словно бы делает меня всемогущим. Будто здесь так устроено: тот, кому удалось понять, что спит, сразу выходит в дамки, приобретая безграничную власть над этим странным миром.

Многие пытались разгадать действующие здесь законы, но до конца это так никому и не удавалось. Мир снов настолько вязок и неподвижен, что, стоит хоть что-нибудь про него узнать, открыть какое-то правило или закон, как оказывается, что он уже не действует или действует, но совсем по-другому. Вот и получается, что мир или миры снов (порой мне кажется, что их превеликое множество) настолько динамичны и изменчивы во всей своей неподвижности, что угнаться за ним попросту невозможно.

Например, гонишься за кем-то важным, изо всех сил пытаешься догнать беглеца, но он всё ускользает за поворотом так, что видны лишь его пятки. И если до преследователя вдруг доходит простейшее понимание истинной природы этого бегства – что убе-

гают не потому, что хотят убежать... А потому, что гонятся – сразу только что открытый закон меняется и всё может оказаться совсем по-другому: беглец превратится в преследователя; или преследователя на самом деле нет, а он просто бежит за белым кроликом... Или – ещё круче, как это было однажды в моём сне! Я прыгнул и, протянув руку за угол, схватил-таки беглеца за одежду. В тот же момент почуяв, что кто-то поймал меня самого, я оглянулся и увидел, что «ловец» – это я собственной персоной, обернувшийся посмотреть, кто же меня сцапал...

Именно поэтому приходится довольствоваться единственным законом, ни разу ещё не менявшимся: тот, кто замечает, что находится в рабстве сна, сразу становится его господином (если не богом), и может вытворять с окружающим пространством, персонажами и даже с самим собой, что пожелает.

Это, пожалуй, единственное неизменное правило (наверное, потому что одинаково хорошо действует в любом из миров – хоть сна, хоть яви). Разве что в обычном мире нет возможности влиять на обстоятельства, как это позволительно во сне... Неважно, что мне снится: герои, декорации и сюжеты всегда разные. Но одно (самое главное) остается неизменным: в какой-то момент в потоке бурлящих событий я вдруг начинаю видеть себя со стороны. По сути, всё происходит так же, как в фильмах – только что смотрел на всё от первого лица, всерьёз переживая, как вдруг начинаешь видеть своё лицо крупным планом... Камера медленно отъезжает назад – и действие уже видится со стороны, откуда-то с потолка или даже из-за собственной спины. Тогда-то и озаряет: «А как можно одновременно и участвовать в спектакле, и наблюдать за собой со стороны?» И догадка не заставляет себя ждать: «Наверное, это сон!» И лишь стоит осознать себя спящим, как тотчас становишься властелином сновидения, а, значит, можешь вытворять что угодно.

Такое бывает не всегда, но довольно часто. И я с удовольствием пользуюсь шансом испытать дозволенное разве что Богу. Могу поиграть в архитектора. Побывать там, где ещё не бывал и вряд ли вообще удастся. Ощутить дотоле не изведанное. Например, счастье полёта... Или более прозаические вещи: секс с не-

доступными женщинами или вкус экзотической пищи... Единственный минус – пробуждение. Что бы ни вытворял – всегда в недрах извилин остаётся знание, что совсем скоро свежесозданный мир разрушится жестокими звуками подлого будильника... А затем – тяжёлое пробуждение и дикая усталость вместо отдыха, вызванная активной ночной жизнью в мире вязкого времени и пространства.

Будильник-истеричка истошно задребезжал ровно в шесть. Механически, не открывая глаз, я протянул руку и выключил его. Далее последовало не менее привычное – перевернувшись, я обнял Аню и прижал к себе:

– Вставай. Опять проспидишь, – сонно пробубнила жена самую обычную фразу. И сняла с себя мою руку.

Если ещё хоть немного позволить себе полежать, то наверняка усну и опоздаю на занятия. Начало – в восемь. Час двадцать добираться до училища. Тяжко вздохнув и собрав всю силу воли в кулак, я-таки оторвался от подушки. День стартовал...

Как можно быстрее умыться, позавтракать и, надев форму, бежать к станции метро – вот ближайшее расписание, а дальше время, как обычно потянется весьма ме-едленно. Большинство занятий – полная чушь. Это никогда не пригодится. Но никуда не денешься – придётся слушать совершенно бесполезную информацию, стараясь не захрапеть. Поступая в училище МВД, я рассчитывал на голый экшн (что каждый день будет полон приключений и событий, так что и вздохнуть толком некогда). Однако, как учит жизнь, чем отчетливей представляешь грядущие события, тем горше разочарование, когда чёткая схема не совпадает с суровой реальностью.

Да и вообще, если быть до конца откровенным, ментовка – это не мое. К сожалению, это стало понятно лишь в начале третьего года обучения... А хотя нет, постиг я это значительно раньше, а вот признался себе в неудачном выборе лишь спустя два курса, когда возможности отказаться или что-то изменить практически не осталось. Женившись, я обременил себя материальными обязательствами перед супругой. Да и отцу, устроившему меня в

училище (с конкурсом 50 человек на место), я не могу просто сказать: «Знаешь, пап, я тут подумал и решил, что не хочу больше быть милиционером!» Я даже, знаю как он поступит: недоуменно приподнимет левую бровь и спросит: «Хорошо, ментом ты быть не хочешь, а кем же тогда?» Вот тут я и поперхнусь собственными словами, потому что не имею об этом понятия. На самом деле это довольно мерзко – не знать, что хочешь. Ну правда, уйду я из училища (что не так просто) – и что дальше? Ведь у меня, по сути, ни интересов, ни увлечений, ни целей как таковых... Так заведено, что жить нужно ради чего-то конкретного, и, чем конкретнее цель, тем лучше. Жизненно необходимо иметь впереди маячки, указывающие, что в скором времени случится: свадьба, повышение зарплаты или уж совсем банальное – свой день рождения или отпуск.

Но, увы, всё эти мелочи меня не интересуют... И вообще ничего не интересует: ни покупки, ни поездки, ни праздники – всё это наступает как-то само собой и без моего непосредственного участия. Единственное, чем я с удовольствием занимаю свои мысли – это пережитое во сне. Я могу долго сидеть, даже не шелохнувшись, в мельчайших подробностях вспоминая фантазмы минувшей ночи. Но, так как грёзы не могут считаться увлечением, а моё желание побыстрее заснуть – общественно полезным, только и остаётся, что ходить в училище, заставляя себя стремиться хорошо его закончить и быть примерным мужем... Что, опять-таки, получается довольно хреново... Ну, не умею я и не хочу скрывать полнейшее равнодушие ко всему происходящему вокруг, в том числе, и к присутствию Ани в моей жизни. Она, конечно, обижается, когда я откровенничаю, но потом остывает и убеждает (больше себя, чем меня) что её любви хватит на двоих. На мой взгляд, у неё то и на себя-то любви не хватает, что уж обо мне говорить... Со своей стороны, коль уж я решился на брак, то добросовестно стараюсь быть опорой семьи... То, что это не выходит – другой вопрос. Главное – делаю всё, от меня зависящее, чтобы потом, когда этот картонный домик (наивно именуемый «семья») неминуемо рассыплется, с меня не было бы спроса... Нет, спрос-то с Аниной стороны будет по-любому, но главное,

чтобы я себя чувствовал легко, без багажа невыполненных обещаний и ярма невыплаченных долгов...

А пока дом не разрушился, каждый из нас получает необходимое: я – хоть какой-то смысл, временно подпирающий столп моего неопределенного бытия, а Аня... Аня получает что-то своё – то, что она считает любовью и что наверняка тоже временно заменяет ей смысл жизни. Хотя точно сказать не могу, может, на самом деле смысл её существования – это я и есть? Тогда смысл моего бытия – видеть сны. Как-то некрасиво получается... Не людски. Чтобы хоть как-то сгладить бросающееся в глаза уродство наших отношений, станем считать, что мне (пока ещё) просто не пришло время обрести свой смысл. Аня же обрела его раньше в моем лице или же искренне ошибается на мой счет. Надеюсь, она постигнет истину одновременно со мной и мы выпорхнем на просторы только что обретённого смысла бытия вместе... Дабы затем каждому отправиться восвояси...

– С прибытием на учёбу, курсанты! – перебил мои мысли привычный голос начальника училища, приветствовавшего нас на плацу перед занятиями вот уже два с лишним года.

– Здравия желаем, товарищ полковник!!! – хором взревели полторы тысячи мужских глоток.

Обычно потом «старый полкан» (как все его здесь называли за глаза) толкал короткую речь о важности и элитности ментовской работы или делал какие-либо объявления и мы, курсанты, расходились по кабинетам. И в этот раз традиция не нарушилась. Лишь стоило нам утихнуть, как полковник осмотрел стройные ряды подопечных и объявил:

– Сегодня к нам в училище пребывает генерал-лейтенант Максимов Федор Семёнович с целью плановой проверки.

Эта тирада была произнесена уверенным, хорошо поставленным командирским голосом. Все его внимательно слушали, не смея лишний раз моргнуть.

– Сами знаете, проверять у нас нечего: наше училище МВД считается лучшим в России. Именно это мы и должны в очередной раз показать Федору Семеновичу. Как себя вести, каждый из

вас прекрасно знает, поэтому я могу не беспокоиться за честь учебного заведения. Ну что ж, вольно и по аудиториям. РА-АЗОЙДИ-ИСЬ!!! – скомандовал полковник и направился к корпусу. Лишь после того, как начальник скрылся внутри, мы стали расходиться – так было заведено.

Обещанный генерал-лейтенант прибыл ближе к полудню. Несмотря на обозначенную «плановость», даже первокурсники, ещё ни разу не сталкивавшиеся с визитом верхов, поняли всю важность именно этой проверки. Первое, что бросалось в глаза – лёгкое волнение нашего полковника в момент произнесения речи. Насколько старик был невозмутим, настолько же он с лёгкостью скрывал от постороннего глаза любые свои переживания. А в этот раз ему это не очень удалось. Должно произойти что-то действительно необычное, чтобы сам «полкан» попросил нас вести себя хорошо.

Второе – это сама комиссия. Когда во двор заехал большой чёрный джип в единственном экземпляре, наша группа стояла в коридоре, дожидаясь преподавателя криминалистики. И я заметил: все разом удивленно переглянулись. Просто даже самая обычная проверка привозит минимум двух толстозадых генералов с целой уймой лакеев, с трудом размещающихся в караване из пяти-семи чёрных авто. А тут всего одна машина. Когда же вышел сам проверяющий, обозначенный «генерал-лейтенантом Максимовым Эф Эс», в сопровождении всего одного капитана, также выполняющего функции водителя, каждый из нас заподозрил неладное...

Предчувствия подтвердились ближе к двум, когда по училищу прошёл слух, что полковник с проверяющими бродят по этажам, заходя в аудитории прямо во время уроков и о чём-то спрашивают то преподавателей, то самих курсантов. Короче, что-то явно разнюхивают.

– Судя по всему, полкану пора в отставку. Эта инспекция по его душу, – озвучил однокурсник мысль, крутившуюся в голове у большинства из нас.

Сколько проверок за два с лишним курса я пережил – из раза в раз всё проходило по одному сценарию: полковник встречал

проверяющих у их машин и важно вёл их в свой кабинет. Естественно, его большую часть занимал ломящийся от яств стол. Там комиссия и оседала тяжёлыми булыжниками до позднего вечера, после чего на следующий день вместо полковника нас приветствовал его зам.

Максимум, на что могло хватить проверки – заглянуть в бумажки, сопоставить цифры и, убедившись, что полковнику красть особо нечего, с чувством выполненного долга приступить к неизбежному фуршету.

Несмотря на предупреждения, я почему-то оказался совершенно неготовым увидеть три силуэта, проскользнувшие в зал, из-за чего, собственно, и пропустил захват, спустя мгновение оказавшись на матах с выкрученной рукой. Занятие по айкидо было в самом разгаре. Мы отрабатывали захваты.

Стоило офицерам зайти в зал боевых искусств, как вся группа, вымуштрованно затрачивая считанные мгновения, выстроилась в ряд, бодро гаркнув:

– Здравия желаем, товарищи офицеры!

Генерал, оказавшийся сухопарым, невысоким мужичком (что особенно бросалось в глаза рядом с высоким, крепким капитаном), улыбнулся:

– Молодцы они у тебя! – обратился он к полковнику. – Все как один красавцы, смельчаки и умницы, а?

– Мы принимаем лучших, Федор Семёнович и делаем из них лучших из лучших, – спокойно поддержал генерала начальник училища.

Проверяющие стали двигаться к нам, неспешно дефилируя вдоль застывшего ряда «умниц». Казалось, им просто некуда девать время и они убивали его в скитаниях по кабинетам и светских беседах. Они несли пустопорожнюю галиматью о качествах современного мужика, о главенстве воли над физическими данными и тому подобную ахинею, совершенно не замечая окаменевших курсантов, словно ни о чём серьёзном и речи не шло. Лишь капитан, идущий старшим офицерам след в след, «работал». Хотя его действия охарактеризовать было сложно. Вёл себя

проверяющий более чем странно. Ничего подобного я ещё не видел. Он то закрывал, то открывал глаза, то напрягал челюсть, играя скулами, то ронял голову на грудь, при этом не переставая громко втягивать в нос воздух.

А полковник с генералом делали вид, что и вовсе не замечают эти странности. Больше всего данная процессия напоминала фарс в каком-нибудь заштатном модерн-театре. Двое старших ведут светскую беседу, а за их спиной бьётся в конвульсиях капитан-эпилептик.

По идее, в стойке «смирно» наши взгляды должны быть устремлены «в пустоту»: взгляд в упор расценивается как неуважение к старшему по званию. Но (бьюсь об заклад) никто не мог оторвать глаз от этого странного спектакля.

Даже преподаватель айкидо, поведавший виды майор, пялился на юродивого капитана и равнодушное начальство, вытаращив глаза и раскрыв рот.

А трио, тем временем, добралось до меня. Но, вместо того, чтобы проследовать дальше, стало как вкопанное. Капитан, не открывая глаз, остановился ровно напротив меня, увеличив пропускную способность ноздрей в несколько раз. Он засопел, срываясь на хрюканье и свист, исходящий откуда-то из гортани. Заметив изменение звукового фона, генерал обернулся, сначала посмотрев на напряженное лицо капитана, а затем – на меня.

– Этот? – спросил генерал своего водителя. Вместо ответа тот едва заметно кивнул.

– Хорошо... – и обратился ко мне, – назовись.

Я в мгновение ока среагировал кличем, доведенным за годы учебы до безусловного рефлекса:

– Курсант Дмитрий Сергеевич Иванец, группа МД-32! – и отдал честь.

– Дознаватель, третий курс, – перевёл полковник генералу, а затем обратился ко мне. – После урока заглянешь в мой кабинет. Все понятно, курсант Иванец?

– Так точно! – максимально преданно заорал я.

– Молодец! – неискренне похвалил полковник и направился к выходу, оставляя на матах пыльные отпечатки. Переставший па-

ясничать капитан направился к выходу вслед за ним.

Оставшиеся двадцать минут я пытался уйти от захвата партнера по спаррингу, но у меня ничего не получалось: мысли были заняты предстоящим походом в кабинет полковника и пугающей неизвестностью...

Самого полковника в кабинете не оказалось, словно его попросили «выйти» на время разговора. Генерал сидел за столом, улыбаясь и не отрывая от меня глаз, всем своим видом показывая, что он рад меня видеть как старого знакомого и уж очень заждался. Капитан же, наоборот, подчеркнуто «отсутствовал» в кабинете, отвернувшись лицом к окну и внимательно что-то разглядывая во дворе училища.

– Садись, – вежливо проговорил генерал, указав рукой на стул с другой стороны стола. Я послушно сел, куда было велено, а он раскрыл лежавшую перед ним папку и, что-то в ней вычитав и перелистав несколько страниц, продолжил в совершенно нехарактерным для милиции побратимском тоне. – Скажи-ка мне, «Дима-дознаватель», веришь ли ты в приведения? – и замолчал в ожидании ответа.

Я настолько опешил, что до меня несразу дошла суть вопроса. Услышав такое от генерала, любой на моём месте наверняка бы растерялся.

– В приведения? – рефлексивно переспросил я.

– Да, в самых обычных духов, – невозмутимо пояснил генерал.

Несмотря на полный абсурд, нужно было хоть что-то ответить.

– Я никогда над этим не думал. Конечно, слышал истории и фильмы смотрел, но сам ни разу не размышлял об их существовании.

– Ничего странного, Дима! Но у тебя именно сейчас есть такая возможность. Ты же никуда не торопишься?

– Нет, товарищ генерал-лейтенант.

– Вот и ладненько. Мы тоже с Петей никуда не торопимся. Правда, Петь? – спросил он стоящего у окна капитана. Я посмотрел на капитана – тот даже не шелохнулся, словно генерал его только что ни о чём не спрашивал. самого генерала, судя по все-

му, Петин ответ не особо беспокоил. – Ну так как, веришь или нет?

– Нет, не верю, – не думая ни секунды, ответил я.

– Почему? – удивился генерал. В его голосе слышались нотки веселья, как если бы моё серьёзное отношение к этим глупым вопросам забавляло его.

– Наверное, мне нужно самому столкнуться с тем, существование чего подвергается сомнениям, чтобы знать наверняка, – немного подумав, ответил я.

– Ну, хорошо, – довольно ухмыльнулся генерал. Он явно остался доволен моим ответом, который оказался подходящим. – А ты веришь в папуасов Новой Гвинеи?

– Товарищ генерал-лейтенант, я не понимаю суть вопроса, что значит: «Верю ли я в папуасов?» Я знаю, что они есть...

– Ты их когда-нибудь видел?

– По телевизору...

– По телевизору ты наверняка и призраков видел. Ты же сказал, что тебе «нужно лично столкнуться с тем, в чём существовании ты неуверен».

– Но я уверен в существовании папуасов и поэтому мне не нужно видеть их воочию. – Несмотря на высокопоставленное звание моего собеседника, я не мог удержать внутреннего раздражения, вызванного его идиотскими вопросами. – Я просто знаю, что они есть – и всё.

– Нет, ты посмотри, Петь, он ещё и злится, – засмеялся генерал, обращаясь к статуе капитана. – Откуда ты можешь знать, что папуасы есть, а приведений нет, хотя и тех, и тех лично ты не встречал?

Я хотел было что-то ответить генералу, но меня словно заклинило – у меня не получалось выдать из себя ни слова, мысли в моей голове хаотично двигались, неспособные выстроиться хоть в одну мало-мальски разумную фразу.

Пока я молчал, генерал продолжил спрашивать:

– А хоть в людей, обладающих особенными способностями, ты веришь? – уже без улыбки спросил генерал.

– Я... Не знаю... – растерянно произнес я. Мне вообще сейчас

казалось, что на свои знания я больше не могу положиться.

– Это хорошо, что *не знаешь*. Вопрос ведь в том, *веришь ли* ты, что некоторые сыны Земли обладают необычными способностями, выходящими за круг привычных способов восприятия и недоступными большинству: посредством так называемых сверх- или экстрасенсорных способностей получать информацию? Веришь ли ты в яснослышающих, ясновидящих, ясночувствующих и даже яснонюхающих? Веришь?

– Я с ними не сталкивался, – совсем тихо промямлил я.

– Ну как же?! – радостно громко воскликнул генерал. Мне всё больше начинало казаться, что наш разговор идёт по заранее продуманному сценарию и все мои ответы предусмотрены. – Вот, Петя наш, например, яснонюхающий – по запаху может о человеке что угодно сказать.

Глаза сами посмотрели в сторону стоящего истуканом капитана, который не то что не шевелился, а словно и не дышал вовсе.

– Петь, продемонстрируй, пожалуйста, этому Фоме...

В тот же миг Пётр очнулся и не спеша обошёл стол, встав у меня за спиной. Я замер, боясь даже шелохнуться. Что именно капитан делает, видеть я не мог, но затылком чувствовал, как он наклонился надо мной в каком-то сантиметре от волос. Когда капитан громко втянул носом воздух, меня аж затрясло от смешанных чувств: отвращения, страха и ещё уймы чего-то, что я никогда до этого не переживал. Капитан, словно пылесос, втягивал пыль с моей головы. Правда, если верить генералу, вместо пыли он впитывал информацию:

– В двенадцать... Нет... В десять лет... – обрывисто говорил капитан, продолжая вынюхивать, – когда тебе было десять лет... В санатории... Стояла бутылка с водой... У твоей кровати... Туда один из мальчишек помочился... Немного... А ты выпил... Он всем рассказал, и тебя стали дразнить ... Из-за чего тебе пришлось драться... Но это не помогло...

– Давай ещё, – скомандовал генерал. Нюхач, громко втянув воздух ноздрами возле моего уха, продолжил:

– Твой брат... В девять лет... Вам печенье давали... Ты своё съедал... Абрat обгрызал края и слюнявил его... Делая печенье

круглым... А потом тебе скармливал... Ночью... Перед сном... – Петрушка глубоко вздохнул, как если бы устал. – Ты знал об этом и тебе было противно... Но ты всё равно брал печенье и ел... Поэтому что не мог побороть постоянное... Дикое чувство голода...

– Давай дальше... – вновь спокойно приказал генерал.

– Хватит! – попросил я. Меня трясло, а в горле застрял огромный ком. Всё, что говорил капитан, в действительности случилось, и, так как говорить об этом было стыдно, никто об этом не знал – лишь моя память помнила санаторий в горах и печенье брата.

– Теперь тебе не нужно *верить*, Дима, – генерал скрестил пальцы на затылке и отвалился на спинку стула. – Теперь ты *знаешь*, что по крайней мере яснонюхающие существуют. У нас в отделе даже ставка есть – парфюмер. Петя как раз относится к представителям этой редкой профессии.

– У Вас в отделе? – не понял я. – Разве Вы не генерал-лейтенант МВД...

– Видишь ли, Дима, там, где мы работаем, званий вообще нет. Если понадобится, я могу сделаться генералом, если надо – старлеем или прапором – на время, конечно. А затем вновь стану просто боссом. Можешь меня так звать...

– Получается, Вы не из МВД? – я упорно продолжал не понимать элементарных вещей.

– Дима-Дима... Неужели ты до сих пор думаешь, что мы сюда с проверкой приехали вынюхивать, что тут у вашего полкана не так? Вынюхивать, точно! – генерал-самозванец громко засмеялся собственному только что выданному каламбуру.

– Тогда зачем Вы здесь? – стараясь не обращать внимания на его веселье, спросил я. Он тут же перестал смеяться и совершенно серьёзно стал объяснять.

– Дело в том, что люди все разные и способности у людей тоже разные. А наша с Петрушей задача – найти человека с очень конкретной способностью – умение выходить и путешествовать вне тела. Или ты опять не веришь, что такие люди существуют, а?

– Допустим, верю. Только я-то здесь причем?

– А при том, Дима, что, как утверждают все парфюмеры и, в

частности, наш Петя, люди со способностями пахнут определенным образом. В зависимости от способностей и запахов свой. Петя, скажи, пожалуйста, на что похож запах человека, умеющего покидать свое тело?

– Запах старого поролона, – раздался гулкий бас у меня из-за спины.

– Вот, Дмитрий... Пьеро говорит, что именно ты во всем училище единственный пахнешь, как старый поролон. Что ты на это скажешь?

А что можно сказать? Полнейшая чушь и издевательство.

– Боюсь Вы, генерал-лейтенант и капитан, ошибаетесь насчёт моих способностей.

Человек, сидящий напротив, довольно хмыкнул:

– Допустим, мы ошибаемся... Но разве тебе не снятся сны, которыми ты можешь управлять по своему усмотрению?

Я молчал.

– А что ты ответишь, если я тебе скажу, что ты способен управлять не только снами, но и чем-то куда более интересным?

– Я отвечаю, что меня это не интересует, – соврал я, позволяя страху пересилить любопытство.

– Во-первых, Дима, не надо врать – тебе это очень интересно, но ты боишься неизвестности, – уверенно произнёс генерал, буд-то только что достал эти слова из моей головы. – А, во-вторых, мы открыли перед тобой все карты не потому, что такие общительные, а потому что никто тебе не делает предложение. Это лишь в фильмах тебе дают возможность выбрать красную или синюю таблетку, а в жизни тебя просто ставят перед фактом, что с этого дня ты не курсант училища МВД, а работник могущественной госструктуры.

Так получилось, Дима, что у большинства людей попросту блокирована способность покидать физическое тело. Одни *ещё* не доросли до уровня, при котором выход из тела возможен, а другие *уже* его переросли... И им попросту блокируют выход, чтобы не дать свалиться из физического мира. Поэтому не так много людей способны на путешествия вне тела. А, коли Петруша говорит, что от тебя пахнет старым поролоном, придётся тебе по-

служить на благо Отечества и никто тебя не спрашивает – интересуется тебя это или ты ссышь. Поэтому с вещами на выход, сын-нок. Дело я твое уже забрал. Позвони жене и скажи, что сегодня намечается гулянка и поэтому придёшь поздно. – Генерал закрыл папку, засунул её под мышку и встал. – Петь, проследи, чтобы Дима взял, что надо и добрался до машины в целости и сохранности, а главное молча. Я вас там подожду...

Когда мы подошли к машине, генерал как раз закончил говорить по телефону. Я забрался назад, усевшись рядом с ним, а капитан сел за руль. Машина тронулась, неспешно выехав за территорию училища.

– Времени у нас не так много, поэтому будем его расходовать с максимальной пользой. Я рассказываю, а ты, Дима, слушаешь, и, если потребуется, задаёшь вопросы. Но, прежде чем спросить, хорошенько подумай, зная, что больше, чем нужно, ты всё равно не узнаешь. Компрэнэ?

– Понятно, товарищ начальник.

– Молодец! Только я уже сказал, чтоб называть меня следует «босс».

– Хорошо, босс, – кивнул я. – Только пока на Вас погоны, это будет сложно.

– Привыкай к трудностям, – довольно хмыкнул он. – Потому что в своей новой работе их будет неимоверное множество. Особенно, пока не привыкнешь к профессии, а привыкнуть к ней невозможно.

– Так в чём моя работа заключается, всё понять не могу?

– А тебе ничего и понимать не надо, Дима... Петь, приоткрой окно, а то жарковато, – попросил генерал, довольно щурясь, когда в окне образовалась небольшая щель. – Ты, Дмитрий, будешь делать то, что и делал бы, работая в ментовке – выполнять приказы. Тебе сказали сделать то – ты и делаешь, что велено без лишних вопросов. Кстати, именно по этой причине твоя должность и называется «перепевник».

– Как? – переспросил я.

– Что, никогда такого слова не слышал? – удивился генерал.

– Не слышал... – честно признался я.

– Вот, Петя, и это современная молодежь, дети асфальта, – с наигранной грустью обратился он к водителю-капитану-парфюмеру, а затем вновь повернулся ко мне. – Существуют птицы, у которых нет своей песни, которые перепевают то, что слышат. Например, скворцы. Они слышат, как работает пила, и подражают ей... Слышат, как щебечет соловей – за ним повторяют... Кстати, человеческую речь тоже могут пародировать. Так и ты будешь «перепевать» то, что тебе поручат. Причём своего мнения по поводу задания у тебя вообще не должно быть. Сказали – сделал! А за тебя буду думать я.

– Получается, что перепевник – это просто кодовое название должности исполнителя приказов? – я недовольно скривился. К чему, непонятно, тогда был пафосный рассказ про людей со сверхспособностями. Но я, видимо, бежал с выводами впереди пояснений генерала. Когда он ответил, всё стало на свои места:

– Почему «просто исполнитель»? Очень даже не просто... Ты пойми, Димочка, что тебе придётся работать в организации, о которой даже самые верха власти не догадываются. Если я тебе скажу, что за большинством основных событий в людском мире стоим именно мы, то можешь считать, что я очень скромн и не-сказанно понижаю нашу мощь.

– Масонская ложа какая-то... – недоверчиво приподнял я бровь, на что генерал в очередной раз довольно хмыкнул.

– Дима, масоны со всеми своими ложами – детишки в песочнице по сравнению с нами. И пока мы не даем этому миру рухнуть в бездну, они нервно сосут «Чупа-чупс», обижаясь, что их не предупредили. Ты просто совершенно не понимаешь, куда попал... Да и никогда не поймёшь, потому что тебе не нужно ничего понимать. Всё, что от тебя требуется – беспрекословно и хирургически точно выполнять порученные задания. И уж, поверь, это совсем непросто... У перепевника архисложная работа. На тебя возлагается огромная ответственность. Дел неувпоровот, именно поэтому тебе дадут короткий, но исчерпывающий инструктаж и... пошёл работать – всё остальное узнаешь на собственной шкуре в процессе выполнения заданий, – генерал мельком глянул на ме-

ня, и, видимо, увидев напряжение у меня на лице, поспешил добавить: – Но самое главное в работе перепевника – вознаграждение. Тебе не придётся ищачить на хлеб с маслом. В нашей организации также зарплаты, которым и президенты позавидовать могут.

Я молчал, размышляя над сказанным, но генерал не давал мне возможности все хорошенько обдумать, выливая на меня очередное ведро новой информации.

– Но так как ты, Дима, ребёнок богатого отца, уверен: вопрос зарабатывания денег для тебя особо не стоит. Скорее, тебя интересует... – генерал прикрыл глаза и замолк. В тот же момент у меня появилась та самая непонятная смесь отвращения и других чувств, которую я испытывал, когда капитан «нюхал» меня. Меня даже затошнило, – тебе скучно, Дима, и ты не можешь найти себе место в этом мире. – Генерал открыл глаза и посмотрел на меня в упор. Тошноты как не было, – всё потому что твоё истинное призвание – стать проводником между мирами и жить на их стыке, умело лавируя.

– Вы о чём?

– Сейчас сам всё увидишь, непонятливый ты мой. Мы уже на месте, – загадочно улыбнулся генерал.

За разговором я особо не следил за дорогой. Глянув в окно, увидел, что с Тверской машина сворачивает в переулок между высотками, во дворе которых оказалось кафе с просторной парковкой. Машина остановилась у самого входа.

– Ты, небось, думаешь, что здесь у нас секретная штаб-квартира, сделанная под забегаловку? – спросил меня генерал, привычно улыбаясь. – И сейчас мы пройдем мимо бармена, незаметно подмигнув ему. А в туалете нас ждёт скоростной лифт, который спустит под землю, так? Вижу, что так... Только я тебе уже говорил, что ты в реальной жизни, а не на экране телевизора. Перед тобой обычное кафе.

– Тогда что мы здесь делаем? – задал я вполне резонный вопрос.

– А мы здесь, Дима, следуем одному из принципов дзэн-буддизма гласящему: «Если у тебя ничего нет, то тебе нечего за-

щищать». Нет важности – не надо защищать свое мнение. Нет семьи – не надо идти на войну. И нет штаба или головного офиса...

– Не надо заботиться о его секретности, охране и сохранности, – догадался я.

– Верно, Дима, верно. Поэтому твоя работа и наши встречи будут проходить на съёмных квартирах, кафе и даже на улице, на лавочке в парке.

– Вы серьёзно? – я недоверчиво нахмурился. Мне совсем по-другому представлялось устройство спецслужб.

– Ты просто пока слабо представляешь, что и как будешь делать. Но ничего, через часок это слепое пятно исчезнет.

– Тогда чего ждём? – поторопил я вальяжного генерала.

– Ни что, а кого, – поправил он меня, показав на зеркало заднего вида, где было видно, как ко входу приближается человек в штатском. – Вот его...

Человек, словно бы не заметив припаркованный ко входу в кафе чёрный джип, спокойно прошёл мимо, исчезнув за дверью. Генерал подождал минут пять и скомандовал выдвигаться. Капитан остался в машине, а мы пошли в кафе.

Внутри помещение отделано в деревенском стиле и разделялось на отдельные кабинки. Нам навстречу вышла юная администратор в строгом костюме, удивительно дисгармонирующим с обстановкой.

– Нас ждут, – коротко ответил генерал. Девушка кивнула в знак понимания и повела нас в одну из кабинок, где на мягком диване выжидал тот самый мужчина в штатском.

– Оставьте заказ прежним, – опередил неизвестный вопрос администратора, и когда она ушла, сказал генералу:

– Еду принесут через час.

– Хорошо, – ответил генерал и представил мне мужчину. – Знакомься. Это твой напарник – зови его «слушатель».

– Яснослышащий? – догадался я. Мы пожали друг другу руки.

– Да, – ответил новый знакомый. Дальше инициативу вновь взял генерал:

– Все операции вы будете проводить вместе. Ты, перепевник,

работаешь, а он тебя подстраховывает. Самостоятельно, без него даже не смей экспериментировать.

– Послушайте, – разозлился я. – Я, конечно, понимаю, что Вам уже всё известно и Вы говорите о банальных для Вас вещах, но лично мне ни фига не понятно – зачем подстраховывать, какие операции?! Хватит тумана!

– О-о... – рассмеялся генерал, а слушатель лишь снисходительно улыбнулся. – Потихе! Не спеши, а то успеешь! Сейчас твой напарник всё объяснит...

Я выжидающе посмотрел на мужчину. Он тяжело вздохнул, как если бы ему приходится делать то, что не хочется, и начал говорить:

– Всё, что существует вокруг тебя – этот стол, воздух, мои слова – это энергия или, иначе говоря, вибрации. Вся материя состоит именно из них. Весь физический мир – не более, чем мешанина волн разной длины. Так вот, физический мир, это мир плотных энергий. Но, помимо привычного мира, видимого и измеряемого приборами, параллельно и одновременно с ним существуют миры тонких вибраций и менее плотных энергий. Грубо говоря, за тем, что ты прямо сейчас можешь видеть, находится бессчетное количество наслоений.

– Не делай же такое лицо, перепевник! – встрял генерал. – Эти миры настолько же реальны, как и плотный. И (могу поздравить) ты сможешь на собственном опыте убедиться в их существовании.

– Так вот... – продолжил слушатель, явно недовольный, что его перебили. – Ты будешь выходить в ближайший к плотному тонкий мир и влиять на него определенным образом. Для выполнения заданий будешь использовать свой астральный двойник и ...

– Что еще за «астральный двойник»? – уточнил я, силясь уловить суть.

– Это та твоя часть, что находится в тонком мире. Просто человек – многомерная сущность, одновременно находящаяся в семи тонких мирах.

– То есть помимо физического, у человека есть ещё семь тон-

ких тел, я правильно понял?

– Именно так... Ты научишься использовать наиболее плотное из своих тонких тел – астральное. И будешь работать на уровне нижнего астрала...

– Это лишнее! – генерал остановил слушателя, видимо, не желая раньше времени информировать меня про существование уровней тонких миров.

Слушатель мелькнул взглядом по лицу генерала и продолжил «нужные» пояснения:

– Я тебе нужен, чтобы отслеживать твои перемещения по тонкому миру. Если ты забредешь «не туда» или сделаешь «не то», моя задача «услышать», что операция идет не так и вернуть тебя в физическое тело. Мое яснослышание и заключается в том, что я *могу слышать происходящее в тонком мире*, и, если того требует ситуация, контролировать твоё состояние, а, значит и ход операции.

– Тебе интересно? – с долей иронии осведомился босс. Немного подумав, я решил ответить честно:

– Очень интересно. Мне всегда хотелось попробовать что-нибудь подобное. Будь моя воля, я бы немедленно испытал свои возможности...

– А ты думаешь, мы прибыли в кафе просто пообщаться? Нет, мой милый перепевник, твои услуги слишком востребованы, чтобы тянуть время. Его у нас совсем нет. Именно поэтому обучение и свой первый опыт выхода в астрал произойдёт здесь и сейчас.

Генерал со слушателем многозначительно заулыбались.

– Говорить, что во время выхода в тонкий мир ты именно «выходишь» из тела, не совсем верно, – продолжил инструктаж опытный напарник, – потому что на самом деле никуда ты не «выходишь», а просто меняешь свое восприятие с физического тела на астральное, автоматически начиная воспринимать реальность тонкого мира.

Вообще, чисто теоретически, опыт внетелесных путешествий совсем несложен, и единственное, что от тебя потребуется -

научиться расслабляться и концентрировать внимание.

– А на практике?

– А на практике, – вместо инструктора на этот вопрос взялся отвечать босс, – существует ряд причин, почему у большинства не получаются выйти в тонкий мир, сколько бы они не пытались. Об этих причинах я тебе уже говорил.

– Кто-то не дорос, кто-то перерос? – вспомнил я слова генерала.

– Да, – подхватил слушатель. – А у тебя способность «выходить из себя» на данный момент оптимальная.

– Так что я сейчас должен делать? – поторопил я.

– Сегодня мы проверим, насколько ты готов к «выходу». Скорее всего, у тебя ничего не получится... В первый раз ни у кого не получается. Но мы хотя бы попробуем подвести тебя к границе выхода. Тогда в следующий раз ты точно всё сделаешь правильно. Для начала очень важно, чтобы ты понял, как и почему происходит выход астрального тела.

– Внимательно слушаю, – я сел поудобнее, предвкушая новое. Генерал сидел по другую сторону стола, внимательно наблюдая за ходом беседы. Судя по выражению лица, он готов был в любую минуту, если потребуется, прервать слушателя. Будто всего одно неосторожно сказанное слово могло что-то безвозвратно сломать.

– Есть несколько основных способов переместить восприятие так, чтобы можно было видеть тонкий мир. Первый способ – наркотики. Некоторые препараты в определенных дозировках помогают сместить восприятие нужным образом. Этот способ нам не подходит...

– Мало того, что использовать ЛСД небезопасно, – встрял генерал, – к тому же, это ещё и ненадёжно. Один раз у тебя получится выйти, а в другой – будешь валяться с приходом. К тому же – просто непрофессионально...

– Следующий способ – использование молитвы.

– Молитвы? – я почему-то удивился. Глупо, но разговоры о выходе из тела мне уже не казались странными, а когда речь зашла о молитве, меня это удивило.

– Молитва, мантра, заговор, песнопения, некоторые мелодии – очень сильные духовные практики, и нет ничего удивительного, что они способны выбить из тела дух, – в голосе моего напарника слышались ноты брезгливости. Думаю, я небезосновательно опасался лишний раз его спрашивать о чём-то – задай я ещё пару глупых (на взгляд слушателя) вопросов – он наверняка повернётся к генералу и спросит: «Вы точно уверены, что этот сопляк подходит для роли перепевника?»

– Только беда в том, что для овладения силой молитвы, так же как и силой музыки, нужно много больше времени, чем мы имеем в запасе. К тому же, для прослушивания музыки и произнесения молитв требуются определённые условия, которых чаще всего у тебя не будет. Задания на нас возлагаются слишком серьёзные, чтобы полагаться на внешние обстоятельства. Ты должен научиться в случае необходимости в любой момент выйти в тонкий мир и выполнить миссию. Поэтому самый надёжный способ – это концентрация внимания на своем сознании...

– Прямо стихи получаются, – пошутил я, но ни генерал, ни слушатель никак не отреагировали на мои слова. Напарник продолжил:

– Внимание – это направленность сознания на что-либо... Ты, перепевник, скорее всего недооцениваешь силу и роль внимания. С помощью простой концентрации можно сделать очень многое...

– Хватит! – рявкнул генерал. – Слушатель, фильтруй базар.

Мой напарник недовольно скривился, но темпы посвящения меня в секреты таинственной организации всё же сбавил.

– Прислонись, перепевник, к спинке дивана... Вот так... Пусть тебе станет удобно...

– Мне удобно... – отозвался я.

– У каждого путешественника по тонким мирам свой способ настроиться на нужную волну, сконцентрироваться и покинуть пределы физического мира. Кто-то достигает смещения сознания при помощи гипервентиляции лёгких, за счёт перенасыщения мозга кислородом. Кто-то – с помощью простой визуализации образов. Ты должен будешь найти свой способ...

Все сказанное сейчас ты должен запомнить раз и навсегда... Потому что впредь я не буду содействовать твоему выходу. Только сегодня я подведу тебя к границе... Закрой глаза! Я буду называть части тела... И ты будешь ощущать их... Это поможет расслабиться и избавиться от мысленного шума в голове, и введёт в состояние лёгкого транса. Это первый этап...

Далее напарник последовательно прошёлся по всему телу: от ступней до макушки. Тёплые, приятные волны умиротворения и покоя захлёстывали всё существо. Стало казаться, что тело проваливается в небытие – остаётся лишь его голос и я – тот, кто этот голос слышит.

– Сконцентрируйся на ощущениях в темени, – вещает напарник. Судя по всему, он закончил с релаксацией и перешёл к новому этапу. – Направь своё внимание на макушку. Ты и есть сознание, способное чувствовать, ощущать и видеть... Наблюдай темя из ниоткуда...

Следуя его указаниям, я ощущал себя бестелесной сущностью, только и способной, что безвольно наблюдать за происходящим. Меня словно начало раскачивать из стороны в сторону, взад и вперед... Как если бы я был маятником в руках слушателя.

– Твоё сознание – совершенный проводник энергий. Концентрируя внимание на чём-либо, ты направляешь туда мощный поток энергии из ничего в мир – тонкий или плотный. Сконцентрируйся на темени как можно дольше... Ни на что не отвлекайся... Пусть существует лишь ощущение в темени и твоё сознание, ощущающее темя...

Меня начало словно вытягивать... Я, которого почти не было, стал удлиняться... В какой-то момент я вдруг осознал, что смотрю на свою макушку... Но это был как бы и не я. Собственное тело, стол в комнате, свет от лампы и ещё две фигуры были больше похожи на переливающиеся цветами размытые тени. Всё тонуло в пыльном тумане. Я мог слышать голос напарника, но и он здесь казался искаженным... Невозможно было разобрать слова – они более напоминали стрекотание насекомых, чем членораздельную речь.

Скорее, я ощущал их суть, чем логически понимал смысл ска-

занного.

Болтаясь, я застыл у потолка. Тень слушателя вдруг перестала издавать клокотание и, видимо, напряглась.

– Он покинул тело! – почувствовал я его слова. И только тут до меня дошло, что я действительно вне тела... Незамедлительно в сознании возник вопрос: «А что, если я не смогу вернуться?!»

Тяжкий, душный страх тут же навалился многотонным прессом, вдавливая в физическую оболочку.

– А-а-а-!!! – заорал я, открывая глаза и подскакивая с дивана, при этом больно ударившись о стол.

– Тихо-тихо, – схватил меня за руку напарник. – Не сдохнешь, не бойсь!

Но тело и вовсе отказывалось слушаться – меня трясло, а кожу покрыла испарина. Воздуха не хватало. Мышцы окаменели. И только напарник всё монотонно убеждал меня успокоиться...

Было бы разумно предположить, что после пережитого кусок в горло не полезет, но, когда вскоре официанты заполнили стол разнообразной снедью, я тут же накинулся на неё, поглощая еду, будто отродясь не ел. Слушатель и генерал тоже составили мне компанию, хотя не с таким энтузиазмом, как я.

Трапеза проходила в тишине, пока генерал не решил, что я достаточно подкрепился и могу продолжать слушать. Капитан налил три стопки.

– За новый опыт! – провозгласил генерал тост. Мы чокнулись и выпили. Лишь после того, как обжигающая жидкость достигла желудка, меня окончательно отпустило. – Ты ешь-ешь, – генерал подвинул ко мне поближе тарелку с грибами. – После выхода обязательно нужно «заземлиться» грубой физикой – или секс, или жратва. Но так как на выход и на возвращение уходит прорва энергии, то как-то не до амуров, а жратва – в самый раз...

– И лучше всего – мясо! – добавил напарник, жадно вцепившись зубами в шмат варёной ягнятины.

– После каждого задания, по возвращении, ты должен обязательно наесться от пуза. За фигуру не бойся... Наоборот, только худеть будешь, – генерал шутливо подмигнул.

– Почему так много сил уходит на выход и возвращение? – спросил я, запихивая в себя очередной, сотый по счету, кусок колбасы.

Прежде чем ответить, слушатель вопросительно глянул на генерала и лишь после того, как тот лёгким кивком дал добро на информацию, объяснил:

– Я уже говорил, что ты не то чтобы выходишь из тела, как при смерти... Нет, ты остаёшься на месте, а просто, концентрируя внимание определённым образом, сдвигаешь точку восприятия мира с физического на тонкий. А это смещение, как и любые трансформационные процессы, хоть и временные, поглощают огромный объём энергии. Поэтому тебе будет безумно хотеться жрать, и жрать много...

– Это то, что босс называл «заземлиться»? – уточнил я у напарника.

– Я тебе сейчас говорю о восполнении потраченной энергии. А под «заземлением» босс подразумевал, что ещё какое-то время после выхода твое восприятие находится в распатанном состоянии и нужно с помощью подручных средств из физического мира закрепить восприятие в материи. А что может быть более физиологичным, чем секс и еда? Вот с их помощью и лучше всего «заземляться»...

– А что, если этого не делать? – спросил я аккуратно, боясь, что щедрая раздача информации в любой момент может закончиться. Но, видимо, мой вопрос не находился в запретной зоне и генерал ответил сам:

– Если не заземлиться окончательно, то тебя будет постоянно «заносить» в тонкий мир.

– Правильнее сказать, что миры будут наслаиваться один на другой, – поправил слушатель босса. – То есть ты их будешь воспринимать одновременно. Поверь, это лишнее, если только ты не хочешь прописаться в дурдоме...

– Ещё по одной! – встрял босс, намекая слушателю, чтобы тот заткнулся и разливал по стопкам.

– Давайте за первый удачный выход! – предложил слушатель, а мы поддержали. Закусив, он повернулся ко мне: – Кстати, ты

молодец! Я думал, что из тебя перепевник никакой, а ты оп! – и с первого раза вышел... Это редко у кого получается.

– Спасибо, – смутился я от похвалы. Особо это было удивительно слышать от человека не особо контактного. Но его отношение ко мне резко изменилось, стоило лишь показать свои качества. Босс тоже улыбнулся и кивнул в знак согласия с моим напарником. Решив перевести тему в нужное мне русло, я спросил у слушателя: – Одного не понимаю: ты говоришь, что выход – это смещение точки восприятия, когда все переживается именно как выход, покидание тела, вытягивание через...

– Темя, – закончил за меня слушатель. – Хотя некоторые предпочитают выходить не через теменную чакру, а через солнечное сплетение. Дело в том, что ты, то есть твое истинная сущность, не покидает тело, потому что, если бы ты на самом деле вышел из тела, то оно бы попросту умерло.

– Но ведь я поднялся к потолку и осматривал комнату оттуда, сверху... – возразил я.

– Это не ты поднялся, – покачал головой слушатель, – а твой *астральный двойник*. Представь, что в физическом мире ты можешь видеть не только то, что находится вокруг твоего тела, но и по собственному желанию вытягивать глаза практически на любое расстояние. Ты остаёшься в теле, но видеть происходящее можешь, фактически, где угодно. Так же и с астральным двойником – ты его посылаешь на поводке на задание, сам оставаясь в теле. Ты же в это время видишь и чувствуешь всё, что видит и чувствует твой двойник, разгуливающий по тонкому миру. Поэтому немудрено, что ты воспринимаешь его собой. Но подумай вот над чем – до того момента, пока ты не покинул тело, ты тоже считал тело собой именно потому, что воспринимал и ощущал с помощью его органов чувств.

– Тогда кто, собственно, я если я – не мое тело и не мои ощущения? – я окончательно запутался.

– На этот вопрос, я уверен, ты сам найдёшь ответ, – сказал босс. – И, возможно, это открытие станет для тебя самым важным в жизни. Это, кстати, один из главных плюсов твоей новой работы – в повседневной жизни ты перестанешь бояться практи-

чески всего... Ни потери близких – ты узнаешь, что в физическом мире потери и приобретения равноценны. Не будешь бояться остаться без вещей или «доброго имени» – опыт выхода из тела, оставление на время своих бранных телес поможет тебе постичь, что, так или иначе, но тебе придётся оставить всё накопленное. «Кесарю – кесарево»... И – самое главное – ты, перепевник – босс, внимательно посмотрев мне в глаза (отчего по телу пробежал неприятный холод) – ты будешь желать смерти, познав свободу тонкого мира.

– Сомневаюсь... – нахмурился я. Сразу вспомнился дичайший ужас, появившийся при мысли, что не смогу вернуться в тело. Взяв бутылку, стал разливать водку по рюмкам. Хотелось выпить.

– За смелость! – провозгласил босс, явно пытаясь меня подколоть. Я сделал вид, что ничего не заметил, но, наверное, начатая тема страха смерти относилась к необходимым, так как, закусив, мой напарник стал объяснять мне с той же интонацией, с какой проводил инструктаж:

– А ты не сомневайся, перепевник. Чем больше у тебя будет астральных выходов, тем меньше ты станешь бояться смерти и даже начнешь задумываться, а стоит ли вообще возвращаться обратно... Не делай такие глаза. Это ты сейчас не понимаешь этого, потому что испугался... Я ведь угадал?! По взгляду вижу, что угадал. Небось, увидев себя откуда-то сверху или сбоку чуть не обделался, решив, что не сможешь вернуться обратно? Ведь так? – слушатель довольно улыбался. Уже после трёх рюмок он был немного пьян и свои плохо скрывал эмоции. – Ты не переживай, перепевник. При первом выходе в астрал все пугаются до ужаса. Но это не говорит о трусости. Страх смерти – это такой защитный механизм, заставляющий тебя раз за разом возвращаться в тело, буквально вдавливать себя внутрь, если ты слишком уж удалился или расслабился...

– Защитный механизм? – недоумевая, переспросил я.

– Конечно, он нужен. А иначе бы ты сейчас выперся из тела и подумал, не будь у тебя страха: «Опаньки! Как здесь круто в неведомости! Боли нет, и столько всего интересного! А ну его в задни-

цу, этот материальный мир!» – и свалил бы исследовать астрал... А мы бы тут с твоей брэнной плотью носились. Поэтому страх лишиться тела заставляет тебя возвращаться в него обратно.

– И так будет всегда? – уточнил я.

– Нет, конечно. Чем больше у тебя будет выходов, тем меньше ты будешь бояться невозвращения...

Тут встрял босс, решив, видимо, для пущего эффекта сообщить об опасности сам:

– Именно из-за того, что со временем ты осваиваешься в астрале, как у себя дома, и может возникнуть непреодолимое желание остаться там навсегда, *количество выходов строго ограничено*. Из-за чего, собственно, каждый твой выход должен быть максимально эффективным и ты должен в точности выполнять все инструкции и правила. Иначе ты можешь подвергнуть себя большой опасности, а задание провалить...

– То есть мне предстоит опасная работа? Меня никто не предупреждал!

Босс раздраженно фыркнул:

– А поступая в училище МВД, ты не думал, что работа милиционера тоже опасная? Или ты по кабинетам собирался бумажки перекладывать?! – почти срываясь на крик, заключил он. Мне стало неловко:

– Нет, но... Я не против риска. Просто хотелось бы знать, что же именно мне грозит? Одно дело – ловить преступников, и совсем другое... – я многозначительно замолчал.

– Если будешь выполнять приказы в точности и действовать строго по плану, то опасности никакой не встретишь, – уклончиво ответил босс.

– И всё же? – я решил не отступать.

Босс тяжело вздохнул, но всё же ответил:

– Основная опасность – ты застрянешь или заблудишься по собственной воле в тонком мире. Тогда, конечно, твоё тело не умрёт, но уподобится овощу на грядке, а сознание станет плутать весьма далеко от телес.

– Кома? – продолжил я.

– Если сильно далеко забредёшь, то кома... А если совсем да-

леко, то смерть... Но это уже в тех случаях, когда связь тела и астрального двойника разрывается.

– Но вы же говорили, что душа остаётся в теле, а путешествует астральный двойник? – я попытался свести нестыковку.

– В момент обрыва связи происходит окончательное смещение восприятия на тонкий план, а физический мир для тебя блокируется, продолжая существовать для других. Проще говоря, ты теряешь код доступа к физическому роботу-телу и единственное, что тебе остаётся – управление астральным двойником. Слушай, перепевник, – босс недовольно нахмурился, – не лезь в дебри. Всё узнаешь в процессе. С тобой ничего не случится. Ты всё время будешь находиться под контролем слушателя. Да и хватит с тебя на сегодня. И так слишком много всего. Непонятно, как у тебя голова от такого количества информации не взорвалась. Только сегодня ты узнаешь о существовании тонких миров, а уже пытаешься всё про них узнать. На сегодня достаточно!

– Но... – попытался я возразить...

– Никаких «но»! – гаркнул босс. – Всё узнаешь постепенно.

Пришлось замолчать. Слушатель налил водки.

– Смышлёный ты, перепевник, – поднял он рюмку. – Уверен – сработаемся и ты станешь хорошим спецом. Но сегодня на самом деле очень много всего, поэтому давай сейчас просто посидим, познакомимся... и нажрёмся. После первого удачного выхода нужно обязательно нажраться в дрова – традиция такая. Готов? Тогда поехали!

Мы чокнулись... И я действительно «нажрался в дрова».

Сказали, что позвонят. Но прошло уже два дня, а телефон молчал. Мне вообще начало казаться, что произошедшие со мной лишь сон, ложное воспоминание о событиях, коих не было.

Проснувшись на следующий день после полудня с дикого бо-дуна, я мог усомниться в реальности всего, кроме головной боли. Но даже сквозь надежную защиту из неспособности мыслить вполне отчётливо просачивались слова, сказанные напарником перед самым расставанием: «Отдыхай. Когда надо, мы позво-ним...» О, как я ждал этого звонка! Даже будучи ребёнком, я так

сильно не хотелось увидеть Деда Мороза, как сейчас я мечтал, чтобы заиграл рингтон, на дисплее телефона вспыхнул засекреченный номер, и голос, искажённый компьютерным устройством, сообщил адрес, по которому я срочно должен явиться. Прошло уже два дня – целых два тысячелетия.

Аня заметила, что со мной что-то неладное, и постаралась стать максимально незаметной. Но даже её незримое присутствие меня всё равно раздражало. Я впрямь всем телом чувствовал, как она молится, выпрашивая для меня у небес толику покоя. Что случилось жена, так и не решилась спросить.

Звонок прозвучал под вечер третьего дня. Номер оказался самым обычным, голос же, несомненно, принадлежал слушателю.

– Кушать хочешь? – спросил он не здороваясь.

Я с облегчением выдохнул:

– Да как-то не очень, – честно признался я, плохо пряча радость.

– Тогда я знаю способ проголодаться. Записывай адрес...

Одевший за пару минут, я уже собрался выскочить в подъезд, когда вспомнил, что не предупредил Аню. Она, как обычно в это время, «колдовала» над плитой.

– Ань, мне позвонили. Я уйду по делам.

Так и знал, что испугается. Её лицо исказила тревога, в голосе слышалась плохо скрытая надежда, что я сейчас передумаю и все же останусь с ней дома:

– Димочка, может, ты кушать хочешь?

– Нет... Мне бежать надо.

Скорей ради неё, нежели потому что мне действительно хотелось, я чмокнул Аню в щёку. И уже с чувством выполненного долга вышел на улицу.

«Небось, думает, что бабу себе завёл. И поэтому даже тему поднимать боится – а вдруг действительно у меня кто-то есть. Тогда же придётся что-то предпринять, а решимости действовать нет, – размышлял я, спешно приближаясь к метро. – Как можно любить человека, если даже уважать её тяжело?»

Спустившись под землю и дождавшись поезда, я сел, по привычке закрыв глаза и погрузившись в свои думы. Не знаю поче-

му, но я с детства не переношу общественных мест. Скопление людей всегда вызывает неприятие, непохожее ни на страх, ни на тревогу. Скорее, каждый раз наблюдая за мельтешащей перед глазами кучей тел, я хочу очистить от них пространство, как если бы их туши занимали место на этой планете не по праву. Особенно это заметно в час пик, когда теснота достигает критической точки и окружающие тела «давят» на сознание – мне это давление всегда представлялось плотной вонью, исходящей от них во все стороны. Если сильно прислушиваться к этому смраду, начинаешь задыхаться. В детстве я даже пару раз терял сознание... «Ему не хватает воздуха!» – встревожено говорили окружающие. А мне хотелось ответить: «Да потому что весь воздух вы заполонили зловонием своих тел!».

По названному адресу оказалась какая-то база или склад, обнесённая большим кирпичным забором, вдоль которого пришлось идти минут десять, пока не наткнулся на вход. Справа от ворот в стену вмонтирована железная дверь КПП. Постучался. Открыли.

– Третий ангар. Там белой краской цифра три. Мимо не пройдёшь, – дал указание сторож, молодой парень, судя по всему, студент, подрабатывающий ночью. Его тон говорил о том, что для него все это не впервые и он периодически кому-то да объясняет, как найти «третий ангар».

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я и пошёл в указанном направлении.

Огромный полукруглый ангар действительно найти оказалось проще простого – уже за сто метров на покатом боку можно было узреть белую цифру. Странное место для встречи – то ли оптовая база, то ли склады. Если судить по фильмам, то в таких ангарах гангстеры предпочитают пытать своих жертв, ударами выбивая из них нужную информацию или долги. Не удивлюсь, если сейчас посреди абсолютно пустого пространства, куда бы с легкостью поместились пару дирижаблей, одиноко стоит стул в лучах яркой лампы, свисающей с потолка. Меня передернуло – от этих мыслей стало не по себе.

Но, как мне уже неоднократно дали понять, я не герой фильма и «суровые реалии» устроены иначе, нежели представляют голливудские режиссеры.

Дверь ангара, громко взвизгнув, отворилась, впуская меня в полутёмное помещение, забитое чуть ли не до самого потолка большими ящиками.

– Перепевник, это ты? – отражаясь металлическим эхом, раздался голос слушателя.

– Да, – отозвался я.

– Иди по рядам налево до конца...

Пройдя вдоль стены ангара, я увидел длинный коридор между покатой стеной, крышей и коробками. Где-то посреди горел свет, на который, как мотылёк в ночи, я и направился.

То, что мне довелось увидеть, больше всего походило на скромную комнатку отдыха для работяг склада, сооруженную прямо среди коробок. Два больших красных дивана, потёртых и грязных, стояли друг против друга, а между ними – самодельный стол. Слушатель сидел, читая толстую книгу. Судя по его виду, для него всё это составляло серые будни и ничего особого в окружающей обстановке и предстоящей работе он не видел.

– А где обещанная еда? – шутливо спросил я, надеясь, что он оторвется от книги и уделит мне каплю внимания.

– Подожди, – отмахнулся он, даже и не думая прерывать чтение. – Страницу дочитаю...

Делать нечего, я сел на диван, оказавшийся неожиданно удобным – буквально впитывая тело, красная мягкая обивка, казалось, лишала веса.

– Еда в пакетах под столом. Сейчас я её выкладывать не буду. Во-первых, она отвлекает от работы. Во-вторых, её еще нужно заслужить, – широко улыбаясь, сказал слушатель. Он положил книгу на стол, рядом с диктофоном.

– А это зачем? – кивнул я на записывающее устройство.

– Это наш «черный ящик», – слушатель взял диктофон, повертел в руке, внимательно рассматривая со всех сторон, словно никогда прежде не видел, а затем положил обратно. – Необходимое условие выхода – записывать ход выполнения задания.

– Зачем? Если случится непредвиденная ситуация, чтобы можно было сразу же подготовить хороший некролог? – выход из тела, а, точнее, невозвращение продолжали меня пугать.

Слушатель, перебив, спокойно разъяснил:

– Диктофон – это бюрократическая формальность. Никаких случайностей и проблем с выходом у тебя не возникнет. Пока я на подстраховке, тебе ничего не угрожает...

Тут настала моя пора перебить уверенные заверения напарника:

– Но в астрале же я буду один. Ты останешься здесь с моим телом, слушая, всё ли идет по плану.

– Ты, перепевник, пока не знаешь, о чем говоришь. Я не просто буду «рядом с твоим телом, пока твой двойник шастает неизвестно где»... Моя роль больше, чем ты представляешь. Я твой навигатор в тонком мире... Путеводитель...

– Навигатор? – я не понял, что слушатель имеет ввиду, называя себя *путеводителем по тонкому миру*.

– Я могу не только слышать твои вопросы, но и отвечать на них.

– То есть ты хочешь сказать, что, находясь в тонком мире, я не останусь один, а смогу, если надо, советоваться с тобой? – только сейчас я вспомнил первый опыт выхода, когда слушатель «стрекотал», а я непостижимым образом чувствовал смысл его слов.

Видимо, моё лицо изобразило догадку, потому что слушатель довольно улыбнулся, как бы продолжая мои размышления:

– И точно так же я могу ощущать твои мысли. Вот как сейчас, например, ты очень громко думаешь! – нужно ли говорить, что я удивился ещё пуще прежнего, на что слушатель тут же среагировал. – Если будешь удивляться так сильно каждый раз, то все свои силы потратишь на эмоции, а не на дело.

Я попытался взять себя в руки, так как вулканические эмоции вправду мешали собраться.

– Босс упоминал, – я старался говорить как можно спокойнее, – что количество выходов ограничено. Сколько раз я могу выйти с гарантией возвращения?

Напарник пожал плечами:

– Всё зависит от твоих индивидуальных особенностей: уровень развития духа, пропускная способность энергий, а главное – воля небес, – от его последних слов у меня невольно вырвалась усмешка. Странно было слышать рассуждения о «воле Божьей» от представителя могущественной (как утверждал босс) организации. Наверное, потому что для меня вся эта «экстрасенсорика» и «астральные двойники» больше ассоциировались со шпионскими технологиями ЦРУ, чем с божественным промыслом. – В первую очередь, имеет значение, *как быстро ты начнёшь осваиваться в тонком мире* – чем быстрее, тем меньше выходов у тебя будет в запасе. Ты же не хочешь оставить родителям на попечение пустой кусок мяса, а сам в это время развлекаться в высших сферах?

– Нет... Пожалуй, не хочу, – честно признался я.

– Вот поэтому и необходимоо следить за твоим желанием вернуться в материальный мир... А оно с каждым разом будет ослабевать...

– Так всё же, как узнать, сколько безопасных выходов у меня есть?

– Все выяснится в процессе. Может, сто, а может – пятнадцать, – предположил слушатель.

– И что будет, когда я исчерпаю все свои возможности?

– Сначала доживи... – уклонился он от прямого ответа.

– И всё же?! – решил настоять я.

– Временный отпуск – год, два..

– Зачем?

– Блин, какой ты дотошный, – скривился напарник.

– Спасибо... – искренне поблагодарил я.

Слушатель тяжело вздохнул, но ответил:

– Путешествуя по тонкому миру, ты, то есть твоё сознание, учится воспринимать себя нематериальным существом...

– То есть, проще говоря, мой дух отвыкает от тела, – догадался я.

– Да. Поэтому между выходами должны быть промежутки – минимум, три дня. Не только для восстановления сил, но и для «заземлиться». А когда лимит исчерпан и появляется серьёзная

угроза окончательно сместить точку восприятия на положение, соответствующее тонкому миру, требуется продолжительный отпуск, чтобы ты вновь привык к нему, закрепил восприятие в мире грубых материй и вновь начал бояться потерять тело. Всё упирается в умение держать равновесие между духом и телом. Как только происходит перекося в одну из сторон – все! Тут и начинаются проблемы.

Я задумался над сказанным. Мне пока что они казались лишь отголоском возможной правды.

– А может такое быть, что я смогу найти точку равновесия и научусь без проблем балансировать между мирами? Ведь не исключено, что тонкий мир не станет мне особо интересен, и даже без страха смерти я буду возвращаться в тело?

Заданный вопрос казался мне вполне серьёзным, но напарник громко рассмеялся, прежде чем ответить. Пришлось, справляясь с раздражением ждать, пока он не заткнётся.

– Ты извини меня, перепевник, – ещё срываясь на смешки, сказал он, – но ты говоришь чушь. Забавно послушать предположения новичков, ничего не знающих о законах тонкого мира. – Слушатель отчетливо выделил слово «новичков», давая понять, что я бегу впереди паровоза. – Пойми, ты в любом случае рано или поздно не захочешь возвращаться в этот чёртов мир людей.

– Неужели там так хорошо? – вырвалось у меня.

– Дело не в том, что «там хорошо», а в том, что даже самый распоследний тонкий мир лучше нашего. В этом нужно убедиться самому,... Слышишь? Свобода от материи пьянит! Твой первый выход длился лишь миг, и ты просто не успел ничего осознать. Пробыв без тела дольше, почувствуешь – какое бы дерьмо тебя ни окружало, там всё равно лучше, чем здесь. Физическая реальность и смертное тело немыслимы без страданий вообще. И этого не избежать, сколько ни гоняйся за абсолютным счастьем.

Я заворожённо слушал сидящего напротив, ощущая, как грудь разрывается болью... Это просилась наружу душа. Но нельзя... «Мы пришли на землю в телах и должны пройти этот путь до

конца, влача часто непосильную ношу – своё дыхание и пульс. А так жаль, что нельзя сбежать, оставив тем, кого мы считаем нашими близкими, бездыханный пустой кокон и упорхнуть в лабиринты пространства...» – именно это читалось в глазах слушателя.

– Ты тоже был там? – я не мог не спросить его об этом.

Слушатель протёр ладонью глаза, как если бы хотел спать:

– У меня было два спонтанных выхода... – тяжело вздохнул он.

– Один во время медитации, а один – когда заехали по виску во время драки... Больше мне *не позволяли* покинуть телесное узилище.

– Почему? – мне осталось непонятным, кто «не позволил».

– Потому что я хоть сейчас готов улизнуть отсюда. Дай только возможность! В первый раз я пролежал в коме два дня, во второй – больше недели.

– И всё это время ты шастал по тонкому миру? – чем больше я узнавал, тем больше поражался, насколько моё представление об устройстве и законах мироздания ограничено.

– Да. Я исследовал их, псих! Надо было валить как можно дальше от тела, за пределы Земли, тогда бы точно сдох! – слушатель осёкся, резко и виновато уставившись на меня. Было видно, что он сболтнул лишнего.

– Не бойся, я не воспользуюсь этой возможностью, – успокоил я его. – У меня есть к кому возвращаться.

– Давай приступим! – холодно ответил он. Видимо, моё заверение его не убедило. – Сядь максимально комфортно... Цель сегодняшнего выхода – это, во-первых, понять твои возможности, а во-вторых – устройство твоего тонкого мира.

– Что значит «моего»? – хмурился я.

– У каждого мир свой, – судя по интонации, слушатель перешёл в режим «инструктажа». – В зависимости от энергетического потенциала и уровня развития, каждый видит мир по-разному. Кто-то – больше, кто-то меньше. Сегодня твоя главная цель – исследовать мир, в котором окажешься, при этом описывая всё, увиденное вслух, чтобы я мог, будучи рядом, «слышать» твои описания и делать выводы. Сегодня ты получишь представ-

ление о том, в каких условиях тебе придётся работать. По возвращении на «базу» всё обсудим. Так?

– Да... – согласно кивнул я.

– Вот и ладненько. Теперь осталось разобраться с процессом выхода в астрал, – я наострил уши. – Прошлый раз я фактически вытащил тебя из тела, поэтому с твоей стороны никаких усилий не понадобилось.

– Я помню, что ты приказывал мне расслабиться, а потом сконцентрироваться на темени и...

– Не имеет значение, что я говорил вслух, – особо не церемонясь, перебил меня слушатель. – Суть моих усилий на внешнем плане, то есть в материальном мире, почти незаметна, но на энергетическом уровне я схватил тебя и начал тянуть. Результат – ты порхаешь под потолком. Теперь же ты должен сам сместить восприятие и слиться с астральным двойником, который и будет шагать по тонкому миру.

– Как это сделать? – я думал, что мне сейчас дадут конкретную инструкцию по выходу из тела, но, вопреки ожиданиям, напарник невозмутимо пожал плечами:

– Не знаю, как это сделаешь ТЫ. У каждого свой способ. Кто-то медитирует, кто-то представляет какой-либо образ либо напевает мелодию, ко-то часто дышит и за счёт гипервентиляции лёгких смещает точку. У каждого свои методы – что подходит одному, другому – нет. Ты должен прямо сейчас найти свой способ.

– Но как?! – взмолился я, привыкший выполнять команды.

Слушатель ещё раз пожал плечами:

– Доверься интуиции – и всё получится.

Целиком доверив бrenную плоть мягкому дивану, я закрыл глаза. Сразу, словно поджидая за закрытыми веками, на меня накинудись мысли, змеиным шёпотом убеждая, что ничего не получится и я лишь зря теряю время... И мне не справиться....

– Молчать!!! – гаркнул я мысленно. Сразу стало тихо.

Не зная, что делать дальше, я решил идти уже проверенной дорогой и стал наблюдать за своим телом, поочередно расслаб-

ляя каждую мышцу, двигаясь от ступней вверх к самой макушке, к темени, через которое в прошлый раз мне удалось выйти. Но сейчас всё пошло иначе.

Добравшись до грудной клетки, я сосредоточился на сердцебиении: необычно громкое, оно словно зарождалось сразу во всем теле, не имея чёткой локализации. Пульс рябью расходился повсюду – сверху вниз и снизу вверх, сталкиваясь и порождая новые, многократно сшибавшиеся между собой волны... И этот всеобъемлющий сердечный перестук сотрясал тело быстрыми дробными вибрациями.

Честно говоря, я так и не уловил точный момент выхода. Просто за всей этой суматохой и какофонией я вдруг понял, что стою позади дивана и смотрю на свой затылок, комфортно возлежащий на бежевом диване.

Застыв, я прислушался к ощущениям, желая сравнить, в чём же разница между астральным двойником и физическим телом. Слушатель прав – эта свобода неопишима, её можно лишь ощутить. Как замечательно, когда не нужно дышать, когда движение не ограничено пределами плоти и законами физики, когда нет усталости и боли...

Я глянул туда, где, по идее, должна быть рука – на месте привычной пятипалой конечности оказалась переливающаяся перламутром туманная субстанция. Присмотревшись, можно увидеть, что я состою из сплетения тонких нитей, маленьких потоков. Они пульсируют и светятся, перетекая один в другой, меняя размеры и оттенки. Несмотря на всю кажущуюся бестелесность, кое-какую плотность я всё же имел.

Закончив с изучением своего двойника, я перевёл взгляд туда, где должен был сидеть слушатель. Его силуэт, как и мой, бурлил, перетекал, двигался, создавая вокруг себя яркий цветной ореол... Некое подобие северного сияния, защищающее его, как скорлупа – формирующегося цыплёнка. Ярче всего светился фиолетовым оттенком в области ушей.

Силуэт слушателя словно почувствовал на себе мое внимание, повернулся ко мне лицом и произнёс:

– Кррр-ххху-ху-ш-ш-ш-кхъхъ-ш-ш-ш-у-ф-ф...

От его «слов» яйцо ауры пришло в движение. свечение усилилось, а по пространству, словно круги по воде, во все стороны пошли волны. В этот момент я почувствовал внутри слова:

– Поздравляю с выходом, перепевник. Времени у тебя не так много, поэтому осмотрись хорошенько вокруг и не забудь описывать всё, что видишь.

Я сделал, как было велено.

– Всё вокруг словно тонет в пыльном тумане, – произнёс я мысленно. – Предметы больше напоминают контуры или смутные тени, не имея чётких очертаний. – Когда я думал, то вокруг меня мутный эфир тоже менялся, пульсировал вслед за мыслями. Я почему-то был уверен, что слушатель сейчас «включил» своё яснослышанье (о чём говорило яркое свечение в области ушей) и все мои мысленные послы доходят до адресата.

Снова послышался скрежет, вслед за чем внутри раздалось:

– Хорошо. Как выглядишь ты и каким видишь меня? Опиши...

Я не медлил с ответом:

– Мое «тело» похоже на многоцветный текучий кисель. Твоё – тёмнее, но зато находится внутри яркого яйца.

– Посмотри, в ауре у меня где-нибудь есть дыры?

Хоть я и не мог слышать интонации слушателя, зато эмоции чувствовал очень хорошо. Показалось, что последний вопрос был задан, скорее, из личного интереса, чем в рамках операции. Но выяснять это было не время. Подлетев поближе к скорлупе напарника, я внимательно её осмотрел.

– Сзади... Где поясница... Свечения почти не видно... И возле правой пятки – то же самое...

– Хорошо, – силуэт пошевелился, устраиваясь поудобнее на диване. – Теперь видишь ли вокруг себя или меня существ?

– Существ? – я повторил это неприятное слово. Внутри опять зародился страх, который напарник «услышал» также.

– Не бойся. Они ничего не могут тебе сделать. Просто важно понять, способен ли ты их видеть...

Боязливо оглядевшись, я не смог рассмотреть в окружающем блёклом пространстве ничего нового.

– Не торопись... Просто оглянись расслабленно и медленно...

Главное – не спеши...

Я чувствовал, что по какой-то неясной причине суметь увидеть пугающих существ очень важно.

– Ты можешь их сразу не заметить, потому что боишься... Но ты успокойся – и всё получится...

Доверяя профессиональному «проводнику по тонкому миру» (как называл себя слушатель), я пристально стал исследовать окружающее.

Не знаю, кого я ожидал увидеть – привидения или монстров – но, увидев таинственные сущности, лишь облегчённо выдохнул (насколько это возможно, не имея легких). За моим силуэтом, сидящим на диване в отключке, кто-то копошился. Осторожно приблизившись, я увидел что-то непонятное – оно имело гладкие формы, отсвечивая бледно-розовым и доходило мне до пояса. Издавая какие-то фыркающие звуки, нежить «рыла землю» у моих ног.

Видимо, услышав о находке, напарник с облегчением спросил:

– Кого видишь?

Я постарался описать это как можно подробнее. Слушатель знал, о ком идёт речь:

– Мы называем его свиньёй.

Я ухмыльнулся. Действительно, это более всего напоминало именно свинью.

– И что это на самом деле?

Вместо разъяснений слушатель сказал, что все подробности – по возвращении и продолжил опрос:

– Чья хавронья – твоя или моя?

Вопроса я не понял, но ответил:

– Судя по тому, что она роет возле меня, то моя, – мне показался забавным поиск хозяина этой странной зверушки. И опять я почувствовал, как от слушателя исходит радость, что эта тварь не имеет к нему отношения. Вернувшись, нужно будет подробно расспросить.

– Кого видишь ещё?

Зная, что искать, найти легко. Следующее создание витало у меня над головой – округлое зелёное облако с тремя конечно-

стями-трубками. Этот трёхглавый дракон, как назвал его слушатель, тоже был мой.

– А рядом со мной никого не видно?

Совсем нетрудно было почувствовать странное противоречие внутри напарника – с одной стороны, спрашивая, он хотел, чтобы я смог увидеть его тварюшек, но с другой, ему не хотелось, чтобы эти они у него были.

Внимательно приглядевшись к его силуэту, сразу за границами ореола я заметил плотную стену серо-жёлтого тумана.

– Что это? – спросил я, подбираясь к фантому. Хотя грязное облако и не имело определённых форм (как хрюшка или Змей Горыныч), но всё равно производило впечатление чего-то одушевлённого. Я заметил, что оно как бы прикрывало дыры в защитном коконе слушателя.

– Все подробности – по возвращении... На сегодня информации достаточно. Можешь возвращаться.

Что?! Я только-только начал осваиваться, а меня опять загоняют в темницу плоти. Нет уж!

– Всем выйти из сумрака! – зло пошутил я. – Я хочу наверх – осмотреть город. Увидеть других людей и существа.

– Успеешь ещё! – я чувствовал, что напарник не на шутку разозлился. – Сейчас же вернись в тело! Это приказ! – его силуэт поднялся с дивана.

– «Там, где мы работаем, звания не имеют значения», – повторил я слова босса, находившегося тогда в статусе генерал-лейтенанта, и, не раздумывая, вспорхнул ввысь, стремительно направляясь к крыше ангара...

– Тогда ты прямо сейчас сдохнешь!!! – пульсации страха слов напарника вонзились в меня, сделав неподъемно тяжёлым. Я рухнул внутрь своего тела.

Сердце бешено колотилось, а воздуха не хватало. Я задыхался... А, может, это только казалось.

Вот лучший рецепт «заземления»: жареная скумбрия, отбивные, помидорно-огуречный салат, петрушка и укроп, перемешанные с кубиками брынзы, грузинский лаваш, намазанный

паштетом из гусиной печени и чесночным соусом. Запивать украинским пивом «Биле Ничь» (тёмным нефiltroванным). Всё это я уплетал без остановки. Поглощал, будто соревнуясь с голодом – или он меня поглотит, или я одержу верх, заполонив желудок пищей.

Слушатель спокойной дожидался, пока я наемся. Особого интереса к снеди он не проявлял, лениво выбирая из пластикового контейнера кусочки сыра и попивая томатный сок. Наевшись, я отвалился, утонул в диване и прикрыл глаза... Дико хотелось спать.

– Как долго меня не было? – спросил я не шевелясь. Ещё чуть-чуть – и засну.

– Два часа, – ответил напарник.

– Ничего себе! – удивленно присвистнул я. – Мне казалось, что максимум – минут тридцать, если учитывать время, потраченное на выход. Ты спросил, я ответил... Раз-два, раз-два и... Пора возвращаться...

Слушатель запрокинул пакет с соком, громко отхлебнул, допивая последние капли:

– Закончился, – с сожалением произнес он, отшвырнув пустую коробку за спину. Та громко стукнулась о стену ангара и упала на пол. – Твой тонкий мир очень вязкий. В нём время идет замедленно, а, соответственно, и на любые твои действия затрачивается много нашего привычного времени и сил. – Судя по всему, слушатель начал «разбор полётов». – То, что ты в тонком мире ощущаешь нормальным течением времени, здесь растягивается в несколько раз. Например, тебе казалось, что мы передаём информацию друг другу быстро – я спросил, ты сразу ответил. Для меня же между ответами, да и сама передача, воспринималась о-о-оче-е-е-ень-ра-а-ас-с-с-тя-а-а-ну-у-у-то-о-о-ой-и... – он изобразил замедление времени.

– Почему так происходит? – я дотянулся до очередной отбивной, решив ещё немного пожевать. Как раз, прежде чем ответить, слушатель ненадолго задумался.

– На разных уровнях реальности разные законы. В тонком мире многое зависит от «глаз смотрящего», то есть от твоего

уровня сознания... Хотя это распространяется и на физический мир – один видит вокруг уродов, другой – святых, а оба находятся в одной комнате. Просто в тонких мирах последствия более очевидны – там всё выглядит для каждого человека по-разному. Твой мир – мир вязкого, пыльного тумана. Вот и всё...

– А это плохо?

– Дурацкий вопрос, – напарник укоризненно помотал головой. – Это не плохо и не хорошо. Просто на каждое задание будет уходить чёртова уйма времени. Если на банальный осмотр тонкого мира ушло два часа, то я даже не представляю, сколько нам придётся работать на полноценное задание – сутки, двое? Кстати, хочу тебя порадовать, – я наострил уши. – Ты на самом деле как нельзя лучше подходишь на роль перепевника, так как с легкостью способен видеть как своих, так и чужих наиболее активных, то есть проявленных, существ.

– А что, я мог их не видеть? Я думал, что *«то, что есть – то есть»* – если этот стол здесь стоит, то я не могу об него не споткнуться, – было странным объяснять очевидные вещи.

– Перепевник, как ты не поймёшь, что законы в мирах разные и то, что характерно для материи, чуждо астралу. Это здесь ты обязательно наткнёшься на стол, а там он может быть проявлен, а может и не быть... Большинству астральных путешественников приходится учиться видеть сущности... – мои вопросы явно злили его. – Смотри! – слушатель выставил перед собой ладонь, широко растопырив пальцы. – Что ты видишь?

Я недоуменно уставился на его руку:

– Твою ладонь, – ответил я, не понимая, чего он добивается.

– Смотри не на саму ладонь, а за нее... Расслабься и не напрягай зрение. Расфокусируй взгляд и смотри как бы сквозь руку...

Сделав, как он велел, спустя минуту я заметил эффект расслоения пальца – как если бы за пределы руки ещё на сантиметр выступало её продолжение. О чём я и сообщил коллеге.

– Это не «эффект расслоения», – не убирая руку (чтобы я смог продолжить наблюдение), сказал он.

– А что? – я вспомнил момент изучения своего астрального двойника – полупрозрачного, киселеобразного тела.

– Что происходит, скажи? – он закрыл глаза.

И в тот же миг я увидел, как «зона расслоения» увеличивается, контуры минуют рамки и туманная рука тянется ко мне. Если бы было куда, я бы отскочил, но деться было некуда.. Единственное, что я мог – это вжаться в диван, наблюдая, как длинная тень конечности, отходящая от слушателя, тянется над столом, подбираясь ко мне все ближе и ближе. Когда рука подобралась ко мне и вошла в живот, я почувствовал сильную тошноту. Теперь-то мне стало понятно, каким именно образом слушатель помог мне выйти из тела в первый раз.

– Хватит! – рывкнул я, даже не успев заметить, как рука вернулась на место.

– Не только плотный мир проникает в тонкий, но и наоборот. Хотя у них и разные законы, хоть они и кажутся отдельными, но все слои суть кадры одной плёнки. Если бы я правильно не направила твоё внимание, ты не смог бы увидеть те сущности, как и астральную руку. Внимание – великая сила, только нужно учиться правильно его использовать. Не думай, что ты умнее всех, если у тебя кое-что получается лучше твоих предшественников. Ты должен научиться справляться со своими желаниями и беспрекословно подчиняться моим приказам. Это тебе ясно?!

Теперь мне стала абсолютно понятна природа его злости. Все эти объяснения и скрытое раздражение напарника стало следствием моей попытки своевольно осмотреть окрестности тонкого мира.

– Ясно, – я виновато склонил голову.

Он тяжело вздохнул, взял в руки диктофон, поднеся его вплотную ко рту, и продолжил спокойнее, хотя нотки раздражения все же остались.

– Сегодняшнее задание выполнено полностью. Мы узнали пределы возможностей нового перепевника, на что он способен и что ему можно поручать, а также – сколько выходов с гарантией возвращения у него есть в запасе, – он сурово глянул на меня и продолжил. – К сожалению, у перепевника номер «один девять семь» очень высокая степень свободы от тела и страх смерти ненадолго привяжет его к телу, заставляя возвращаться по коман-

де. К тому же, врождённое любопытство пересиливает необходимость выполнять задание в строго оговорённых рамках, что может привести к своевольным действиям, способным повлечь непредвиденные последствия для него и самой операции...

Мне хотелось возразить, по-детски уверить, что я больше не буду себя плохо вести и стану послушным мальчиком... Но, конечно же, я промолчал.

– ... Отсюда выводы первой части анализа операции: у перепевника номер «один девять семь» всего в запасе около шести безопасных выходов.

– Но... – вот тут я не смог промолчать, – как?! Всего лишь шесть?!

Слушатель, оказавшийся не только напарником, но и проверяющим, предпочёл игнорировать мой вопрос и продолжил записать:

– К тому же, он может выполнять лишь незначительные, мелкие задания без особого риска.

«Вот вам и увеселительная прогулка по тонкому миру. Надо было все серьёзнее воспринимать!» – упрёкнул я себя.

– Что же касается способностей «сто девяносто седьмого», то они реализованы на семь из десяти, что является на данный момент лучшим результатом изо всех ныне действующих перепевников...

Последнее заявление о существовании других представителей моей новой профессии удивило меня: я почему-то не задумывался, что в организации могут быть и другие астронавты. Хотя профессия и редкая, но это ведь не исключает её востребованности. Однако, не скрою, было приятно слышать, что я – лучший.

Слушатель продолжил диктовать:

– Перепевник хорошо получает и передаёт обратно в материальный мир информационный сигнал. Способен видеть особо активных тонких существ, как собственных, так и других людей (что наиболее ценно), – посмотрев на меня, слушатель прочитал вопрос, который я только-только собрался задать. – Да, пока ты видишь лишь тех существ тонкого мира, которые максимально приближены к плотному... Грубо говоря, харчуются у нас...

– Видимо, чтобы понять, что значит «харчуются у нас», сначала требуется узнать, кто они вообще такие?

Слушатель потёр глаза. Было видно, что он устал:

– Твой двойник путешествует по самому плотному из тонких миров – астралу. Так как астрал максимально приближен к привычному для нас физическому миру и пересекается с ним, большинство тамошних существ – паразиты, поедающие избыточную энергию людей. Существует единственный закон, характерный для всех слоев – закон «энергии», гласящий: «Никакая энергия не возникает из ничего и никуда просто так не девается». Так как человеческий мир перенасыщен страстями и переживаниями разного качества (чаще всего хренового), которые в тонком мире отображены мощными выбросами энергий в пространство, в астрале обитает множество самых разных тварей, перерабатывающих энергию человеческих эмоций и пороков, и этим живущих.

– То есть то, что я видел – «свинья» и «трехтрубчатая хрень» – паразиты, пожирающие меня?

Я был в шоке. Было гадко осознавать, что на моём иждивении – два монстра.

– На самом деле их не двое, а гораздо больше, – само собой, напарник уловил мои мысли и ответил на ещё не до конца сформулированный вопрос. – Остальных ты не увидел, потому что они не так упитанны. А этих двоих ты кормишь лучше всех.

– Фу... – вырвалось у меня.

– Не делай такое лицо. Ишь ты! Брезгливый какой! – усмехнулся слушатель. – Эти паразиты необходимы, потому что с тем количеством человеческого дерьма, что выбрасывается вовне, нас бы уже разорвало, если бы дармоеды не сжирали эту пакость. Мы сами виноваты, что их развели! Не кормили бы – они бы и не плодились. Вот, например, твоя парочка – дракон да свинья. Посмотри, как ты их раскормил...

– Я не понимаю...

– Кабана ты кормишь эгоизмом, ленью, бездействием, скукой, пренебрежением интересами окружающих. Это энергия низменного Я. Судя по габаритам хавроньи, энергии этой ты производишь достаточно, чтобы взрастить и прокормить прожорливого

тунеядца.

– Но...

– Дракон, – слушатель и не собирался оглядываться на мои возражения, уверенно продолжая ставить меня на место. – питается гордыней. Признания хочешь? Славы?

– Нет!

– Ну, что ж... Ещё хуже. Тогда в твоей жизни есть человек, которого ты рядом с собой держишь, чтобы только самоутверждаться на фоне его... или её, – он громко засмеялся. – Это ведь Аня? Небось нравится, когда она за тобой преданной собачонкой бегаёт! А ты весь такой независимый и свободный от неё... Так вот знай, шкодливый мальчик: каждый раз, когда ты ощущаешь нечто приятно-острое, самоутверждаясь за её счет, тебя жрёт мерзкая тварь да ещё и чавкает, а ты ведёшься! Что скривился, перепевник? Гадко? Так ведь не паразиты тебя грызут – сам ты их кормишь!

– И как быть? – тихо прошептал я. На душе было преме́рзко, как будто падаешь в грязь белоснежными одеждами.

– Внимание, мой друг, – он поднял указательный палец, – великая сила! Просто направляй внимание на дракона или свинью в тот момент, когда они тебя трескают. Если захочешь, запросто почувствуешь момент кормежки.

Я посмотрел на снeдь – ощущение отвращения всё не проходило.

– А что значит серо-жёлтый туман за твоей спиной? – осведомился я. – Кого питаешь ты?

Вместо ответа он взял книгу, что читал при встрече, и передал мне.

– Здесь все написано и о законах тонкого мира, и о паразитах, и о борьбе с ними.

На обложке значилось: «Авессалом Подводный «Возвращённый оккультизм, или повесть о тонкой семерке».

– Штудируй. Времени тебе – до следующего выхода. Сдружиться с дармоедами так или иначе придётся: все твои основные манипуляции в астрале будут направлены на работу с такими монстрами и влияние через них на материальный мир. Так как

всё буквально кишит ими (как навоз опарышами) – ты или научишься их приручать, или они тебя сожрут...

– Кушать будешь? – спросила она не оборачиваясь.

На сковороде скворчало мясо, а в кастрюле булькала вода. Я же дома почти ни ем. Интересно, куда она деваает все эти кастрюли с супами-борщами? Выкидывает, что ли?

– Только кофе сделай, пожалуйста... – как можно мягче проговорил я.

Конечно же, после услышанного я чувствовал себя поганом. Наверное, моя свинья эгоизма никак не могла признать того, что Аня мне нужна лишь для самоутверждения. Наблюдая, как она в домашнем халате носится по кухне, пытаюсь угодить мне, заслужить мою любовь, колдуя над плитой, я чувствовал, как изнутри прорывались чувства... Нежность? Теплота? Радость, что она есть в моей жизни? Или это очередной самообман, хитрый способ выйти чистеньким? Чёрт! Кажется, я запутался... И теперь не могу точно утверждать, что знаю, где правда, а где я сам себя обманываю... Так можно и мозги сломать.

– Вот... – Аня поставила передо мной чашку с ароматным чёрным напитком. Она даже не смотрела на меня

– Ань...

– Что?! – жена явно старалась выражать ко мне холодное равнодушие, не проявляя излишних эмоций, что у нее всегда плохо получалось.

– Ань, – еще более спокойно произнёс я, глядя на нее.

– Ну что, Дима? Что?! – она больше не могла сдерживаться. Её глаза наполнились слезами, а голос дрожал.

– Ты, наверное, думаешь, что я другую женщину нашёл? Исчезаю неизвестно куда, неизвестно зачем, дома не ем, прихожу сытым? – я выжидающе смотрел на жену, боясь, что слёзы могут перерасти в бурный взрыв, перейдя в истерику.

Но супруга лишь посмотрела мне в глаза и уже спокойно ответила:

– Дурак ты, Дима. Я же не за себя переживаю, а за тебя. Обзаведись ты бабой, всё было бы по-другому – я бы колотила посуду,

кричала и ревела сутками. А я тихо молчу, а в голове – кошмары. Ты же ничего не рассказываешь. Знаю, что твоя жизнь резко изменилась. Ты сам немного изменился – вроде бы всё нормально, но... Дим...

От её голоса и пронзительного, всеведущего взгляда (я никогда прежде не видел и даже не подозревал, что моя жена – глупых способна на такое) я онемел... Мне стало по-настоящему страшно. – Я ничего не знаю, но чувствую, что ты в беде... Большая опасность, которая ещё не настала, может случиться в любой момент...

– Хватит! – рявкнул я. – Ты ничего не знаешь.

– Так расскажи мне, чтобы я перестала бояться... – она зашла за спину и положила тёплые ладони на плечи, словно защищая.

– Аня, не могу. Просто поверь: все идёт как надо.

– Сомневаюсь... Ой, как я сомневаюсь, Дим... – грустно сказала Аня и убрала руки.

Я лежал в темноте, укрывшись тёплым одеялом, поглаживая спящую жену. После секса она почти сразу уснула, а мне ничего не оставалось, кроме как думать о событиях сегодняшнего и вчерашнего дней.

Где-то внутри я вполне чётко сознавал, что встречу на новом пути много странного и невероятного, но... Если честно, то даже не предполагал, что странностей будет столько. Наверное, совсем скоро *всё это* для меня (как и для слушателя сейчас) превратится в серую обыденность. Ну, а пока... Даже произошедшее сегодня на кухне воспринимается настоящим чудом.

Как там сказал слушатель: «Одного человека окружают твари, другого – святые. И оба находятся в одной комнате». Вот уж, действительно, всё зависит от точки зрения. Когда я осмыслил своё отношение к Ане (точнее, мне на него указал слушатель), мгновенно изменились не только мои чувства к ней, но и она сама – из надоевшего домашнего инвентаря жена в мгновение ока превратилась в тёплого, близкого человека. Посмотрим, что будет дальше... И будет ли?

Подскочив с кровати, совершенно не понимая, что происходит, кого бить или куда бежать, я озираясь, стараясь привести фокус в порядок.

– Дима... – уже не криком, а испуганным шёпотом повторила Аня. Я никак не мог сообразить, что произошло: она стояла в дверном проёме, держа руку на выключателе, испуганно таращилась на меня и тяжело дышала. Когда её возглас разбудил меня, естественно, я решил: что-то случилось... Но, оглядев комнату и никакой угрозы не обнаружив, я не знал, что думать. Ясно лишь одно – Аня зачем-то посреди ночи включила свет.

– В чём дело? – раздражаясь, спросил я, щурясь от яркого после сонной темноты лампового света.

– Там шары летают... – Аня говорила сбивчиво, запинаясь и проглатывая окончания слов.

– Какие шары? Ань, три часа... Ночь за окном... – но она не хотела слушать:

– Я в туалет пошла... Возвращаюсь в комнату, а *над тобой*... маленькие шарики роятся... Прозрачные такие, красным светятся...

– Тебе показалось... – я попытался её успокоить, но она отстранилась, сделав шаг из комнаты, словно боясь заразиться...

– Дима, я знаю ЧТО видела, и мне это не показалось! И не смей мне больше говорить, что глаза меня обманывают!.. Я сначала подумала, что это с улицы светит... Штору закрыла, а они всё равно... Словно грудa светлячков... И прямо над тобой!

Её ужас разлился по всей комнате. Надо что-нибудь придумать, чтобы её успокоить.

– Хорошо, Ань, я понял... Иди сюда, – я поманил её к себе, но она стояла на месте, все ещё не доверяя мне. Тогда я сам подошёл к ней, взял за руку и отвел к кровати.

– Лапушка, всё выяснится завтра... – стараясь успокоить, я тщательно подбирал слова и тон. – Сейчас ты напугана и мысли в голове путаются. Так что давай до завтра не делать никаких выводов... – выдав эту тираду, я незаметно помог ей улечься... Аню всю трясло мелкой дрожью, что вполне понятно, ведь она несла-

бо перенервничала. Я стал гладить её по голове, но это всё равно мало помогало...

Тогда я, повинувшись не пойми откуда взявшейся уверенности, что всё делаю правильно, положил одну ладонь ей на макушку, а вторую – на грудную клетку...

– Спи, моя хорошая... Спи... – шептал я ей на ухо. Не прошло и двух минут, как она перестала дрожать, а дыхание стало ровным и глубоким – таким, каким дышат путешественники по миру грёз.

– ...Самое интересное, что утром она даже не упоминала о ночных события. Так, словно ничего и не было... Я сначала присматривался к ней. Думал, что она чего-то выжидает, но Аня словно всё забыла. Зря только речь подготовил... – я сидел напротив слушателя. С момента ночных бдений прошло три дня, и мне, наконец-таки, позвонили, назвав адрес гостиницы «Москва» и цифру номера. Холодильник был забит всякой снедью – наградой за удачное выполнение задания, которое (бьюсь об заклад) было у слушателя за пазухой.

Коллега внимательно выслушал мою историю, ни разу не перебив. Судя по его взгляду, он сделал какие-то, понятные только ему самому, выводы.

– Ну, так что это было? – спросил я того, кто знал значительно больше меня. – Глюк жены или всамделишные «светлячки»?

Слушатель ещё какое-то время сидел, совершенно не меняя взгляд, словно я только что и не спрашивал. Может, показалось, но сегодня он был немного рассеян, мыслями частично находясь в другом месте.

– Твоя жена видела плазмойды, – наконец выдавил из себя слушатель.

– Кого?

– Опять удивляешься сверх меры, перепевник? Плазмойды – существа тонкого мира, что-то вроде насекомых. Они там кишмя кишат. Похожи на шаровые молнии – их-таки часто путают...

– Ну, хорошо. Только вот не понятно, что они делали надой мной спящим?

Слушатель неспешно затянулся и так же медленно выдохнул струю дыма, словно дразнясь:

– Так они всегда над тобой, да и любым другим человеком во время сна харчуются. Эта разновидность плазмических существ питается энергиями сна, по аналогии с мелкими рыбешками, всегда снующими вокруг акул. Авось что перепадёт.

– Почему же мы их раньше не видели? Почему они только сейчас проявились?

– Всё по той же причине, – слушатель затушил бычок, тщательно впечатав его в дно пепельницы. – Ты меняешь конфигурацию, и твоё восприятие начинает сливаться с тонким миром. А во сне ты шляешься неизвестно где. Вот плазмиды и проявляются в твоём поле... Это ещё один признак того, что границы между тонким и нашим миром в твоём случае стираются слишком быстро. Поэтому времени на дальнейшие тренировки и исследования у тебя нет. И сегодня ты приступишь к выполнению своего первого настоящего задания, – слушатель намеренно подчеркнул, что предстоящая миссия – «настоящая», а, значит, имеет особую важность – не то, что предыдущие астрально-увеселительные прогулки. Но это было лишним – я и так жаждал действий и новых открытий, к которым относился со всей серьёзностью «первооткрывателя» тонкого мира.

Слушатель смотрел на меня внимательно. Наверное, хотел увидеть на моем лице осознание огромнейшей ответственности, возлагаемой на мои юные плечи. Не знаю, удовлетворился он увиденным или нет, но другого выбора, по-видимому, у него не было. И он начал объяснять суть операции:

– По идее, чтобы не напортачить перед «боевым вылетом», ты должен был ещё хотя бы раз попрактиковаться в астрале: перемещения, работа с энергиями, взаимодействие с различными сущностями – по всему этому сейчас тебе придется дать короткий инструктаж – и «в добрый путь!».

Я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, сел поудобней, готовясь губкой впитывать бесценные новые знания:

– Слушаю, слушатель...

Напарник решил пропустить мимо ушей неуместную шутку.

– Во-первых, необходимо добраться на место задания. Сделать это нужно как можно быстрее, ибо, чем больше времени ты проводишь в астрале, тем больше возрастает вероятность невозвращения. Если ты и дальше собираешься «летать» (как ты привык во снах) то ни черта у тебя не получится: всё отведенное на выход время придётся тратить на перемещение в пространстве. А если учесть, что миссии территориально могут быть и в Нью-Йорке, и в глубокой тайге... Короче, сам понимаешь...

– И каково тогда решение? – было любопытно, какой вариант он предложит.

– Телепортация, – будничным голосом ответил он. – Не пугайся ты так этого слова. Все очень просто. В тонких мирах пространство и время существуют лишь условно.

– Как это?

– А то, что твоему астральному двойнику нет необходимости перемещаться, преодолевая метры и километры пути. Ты можешь по желанию оказаться в любой точке.

– И как это сделать? – я не совсем понимал механизм перемещения.

– Тебе, перепевник, будет просто достаточно понять – ты уже находишься в любом месте! **ТЫ ЕСТЬ ЧАСТЬ ВСЕГО**, а, значит, можешь быть этой частью где угодно!

– Дзэном пахнет, – усмехнулся я.

– А это и есть чистый дзен... – парировал слушатель.

Я ненадолго задумался, стараясь представить суть того, что он пытался до меня донести:

– Получается, что и в материальном мире эти законы действуют, а, значит, телепортация возможна и здесь?

– А кто тебе сказал, что невозможна? Возможно всё! Только вот затраты энергии совершенно другие, несоизмеримые с тонким миром. Или физику транспортировать, или менее плотные энергии? Ну, это тебе ни к чему, перепевник. Главное понять – достаточно лишь знать, *куда именно ты хочешь попасть, чтобы тут же оказаться в том месте.*

– И куда же мне нужно?

Слушатель залез во внутренний карман пиджака и извлёк от-

туда обычный почтовый конверт. Повертев его в руках, словно сомневаясь, стоит ли показывать его содержимое, он все-таки протянул мне бумажку. Внутри (как и следовало ожидать) оказалась фото с изображением мужчины лет пятидесяти.

«Всё это я уже видел много раз, – промелькнуло в голове. – Сейчас он прикажет мне убить его...»

Конечно же, слушатель прочитал мои громкие мысли:

– Дурак ты, – незло отозвался напарник. – Это всего лишь индекс, – не дожидаясь моего вопроса, пояснил. – Каждый из нас испускает в пространство набор определённых, неповторимых волновых вибраций (коими мы и являемся). Частота вибраций и называется индексом.

– Что-то вроде пути и имени на жёстком диске компьютера – у каждого файла они свои и по ним можно легко найти нужный документ, так? – догадался я.

– Типа того, но больше подходит сравнение с отпечатками пальцев, – довольный моей понятливостью, кивнул он. – А считывание вибраций внешности – только один из возможных способов поиска объекта по индексу. Имя, дата и место рождения, наши вещи – всё это хранит наш индекс. И если его считать, то можно без труда найти человека.

– Так вот как работают гадалки?

Но слушатель проигнорировал мое высказывание, продолжив:

– По этой фотографии ты в мгновение ока окажешься рядом с этим человеком... Достаточно закрыть глаза и представить его. Всё, ты рядом с ним!

Я ещё раз внимательно посмотрел на фото. Снимок сделан на каком-то банкете. Моя цель держала в руках бокал шампанского, стоя в окружении людей, чьи лица были закрашены чёрным.

– А это, случайно, не тот питерский художник, чьи картины недавно в Москве выставляли?

Слушатель сдержанно кивнул.

– И что я должен с ним сделать, оказавшись рядом? – мне не до конца оставалась ясна цель моей миссии.

– Ничего особенного... Всего лишь украсть музу, – сказав это,

слушатель улыбнулся, мол: «Не напрягайся, сынок, это выше твоего понимания». Судя по всему, ему нравилось знать больше других, ощущая превосходство. Меня это в людях всегда раздражало.

– Всё не так сложно...

Видимо, мне с трудом в это верилось, так как слушатель, тяжело вздохнув, пустился в подробные объяснения:

– У всех свои слабости: кто-то врёт, кто-то боится, кто-то много злится – всё это, в первую очередь, затрагивает тонкий мир и энергетику. Наше дерьмо нам же, в первую очередь, и мешает, создавая перекосы и сбои в энергетической структуре (я сразу вспомнил момент из прошлого выхода, когда слушатель попросил найти «дыры» в его собственной защитной оболочке). Ты правильно подумал, перепевник, дыры в ауре – это то, о чём я говорю. Ты должен научиться использовать пробой в защите людей для осуществления поставленных задач.

Этот питерский художник дружит с одним очень влиятельным английским политиком, который постоянно вставляет палки в колеса англо-российских отношений. Можно сказать, что именно из-за этого англичанина сотрудничество России с Великобританией серьёзно ограничено. Думаю, ты понимаешь, *насколько* это может мешать движению *нашей страны* вперёд.

Я сдержанно кивнул.

– Вот и хорошо, – продолжил слушатель. – Единственный способ хоть как-то изменить ситуацию в нашу пользу – вообще убрать англичанина. Естественно, что вариант с Кеннеди неприемлем. К сожалению, приходится играть в более тонкие игры. Для манипуляций нужны нити, за которые можно дергать. Их нам может дать этот человек на фото. Как я уже говорил, они друзья и довольно близкие – знакомы уже более 15 лет. За это время многое произошло. Нам доподлинно известно, что художник был свидетелем событий, полностью дискредитирующих британца, поведать о которых он, естественно, не хочет. И, как ты сам понимаешь, оказать прямое давление мы не можем. Вот и приходится искать обходные пути и способы разговорить такого непатриотичного деятеля искусства.

– И тут на сцену выхожу я...

Мне почему-то вся эта история не особо нравилась. Во-первых, я так и не понял, как именно мне нужно «украсть музу» – слушатель объясняет хоть и подробно (порой даже чересчур), но прыгает с одного на другое, не давая возможности до конца уловить суть моей миссии. Во-вторых, с какой стати слушатель вообще посвятил меня в детали задания? Нас ещё в академии приучали к беспрекословному подчинению по принципу: «Штабу виднее!» Разве что...

– Придётся напрямую сталкиваться с истинной сутью людей. И чаще это будет неприятно. Думаю, ты ещё не раз удивишься, какое люди, в сущности, дерьмо. Ну, это так, между прочим... Чем больше ты заранее знаешь об объекте, тем меньше будешь тормозить ход выполнения. Именно поэтому инструктаж содержит в себе максимально подробную информацию...

Итак, я над своими телесами,. Болтаюсь в полуметре над землёй. Кажется, я всё уяснил: инструктаж длился ещё около часа. Теперь пора действовать.

– Закрой глаза, – «слышу» голос слушателя в недрах головы. Конечно, всё условно – ни глаз, ни головы у меня здесь нет, я просто ком энергии. Вместо закрытия глаз я погружаюсь в темноту. – А теперь представь образ художника – точно как ты его запомнил.

В темноте пустого сознания возникает лицо, тело, руки, держащие бокал.

– Открывай!

Посреди захламленной мебелью комнаты на ковре сидел ярко светящийся силуэт, в котором можно было с трудом узнать человека с фотографии (в этом мире всё по-другому). Рядом с ним виднелся силуэт ребенка. Вместе они ползали по ковру, явно во что-то играя. Их слова воспринимались булькающе-хлопающими звуками. Судя по всему, они смеялись, потому что по пространству расходилась мелкая рябь и всё вокруг приобретало более яркие оттенки. Их смех вибрировал, разгоняя пыльную, серую завесу тонкого мира.

– Я слушаю, – коллега продолжал контролировать меня, где бы я ни находился.

– Мне кажется, он играет с ребенком... – видимо, в моих словах явно ощущалась «неправильность» сложившейся ситуации, потому что слушатель поспешил ответить:

– Давай только без истерик! Никто детей вовлекать не собирается. Ты работаешь прицельно, с хирургической точностью воздействуя только на объект... Так что действуй! Помнишь, что делать дальше?

– Так точно... – огрызнулся я, но с места сдвинулся.

Подобравшись поближе, я начал высматривать в яркой оболочке художника пробоины или утончения, которых оказалось три: со спины в области сердца, справа на уровне шеи и у левой стопы. Я их все перечислил.

– Шея... – коротко отозвался слушатель.

Согласно инструкции, я сосредоточился на пространстве вокруг художника, выискивая знакомых зверушек. Они стали проявляться в окружающей мути лишь спустя какое-то время. Пришлось немного напрячься, ни на что не отвлекаясь, чтобы их разглядеть.

Возле левой пятки расплзалась лужица желтоватого желе. Около сердца парил небольшой шар с тремя отростками – уже знакомый мне «дракон», а шею патрулировала серо-чёрная плотная субстанция вроде дикобраза.

Как и говорил слушатель во время инструктажа, от пробоин в ауре к существам были протянуты тонкие нити-трубы, через которые эти создания, паразитирующие на людских энергопотоках, питались выбросами энергии. Потоки, действительно, уходили к этим «зверушкам», которые, словно на поводке, не отходили далеко от хозяина, питаясь его силами.

– У каждой сущности свои задачи и свои каналы питания, строго оговоренные законами тонкого мира. Ты должен вмешиваться в эти законы и немного их подкорректировать, – объяснял мне слушатель. – Сначала нужно привлечь внимание паразита, закинув «наживку». Найди дыру в защите художника, пробей пространство и развори это отверстие, пока оттуда ни нач-

нет хлестать энергия. Сделай так дважды в разных местах. Затем, когда «блюдец с молоком» для нашей оголодавшей зверушки будет готово, просто сконцентрируй внимание на самом паразите и протяни от него к открытой «ране» воображаемый канал. Этого будет достаточно, чтобы зверь заметил приготовленную жертву. Самое главное, *ни в коем случае не прикасайся к твари!*

Когда я сделал всё, как велел слушатель, чёрный ёж учуял приманку. Его шипы стали удлиняться и поползли в сторону свища. С приближением твари к жертве я начал чувствовать неприятное покалывание в груди, словно это я был завтраком паразита. Мне захотелось сбежать.

– Смотри!

Когда отростки чёрного ежа достигли пробоины в шее, он тут же вцепился своими колючками в новые дыры, став жадно поглощать всю вытекающую энергию. И на глазах расти! Ёж теперь питался не только от шеи, но и от сердца и левой пяты.

Когда подключение завершилось и «цепь замкнулась», художник почувствовал неладное, остановил игру и, опираясь на колено, встал. Но уже спустя мгновение рухнул на пол и неестественно скрючился, извергнув струю рвоты. Всё казалось замедленным и нереальным...

А чёрный ёж всё жирел...

Видимо, девочка позвала на помощь, потому что раздался громкий невнятный скрежет, а воздух вокруг потемнел, заполняясь детским страхом. Чернила ужаса, исходящие от ребенка, мгновенно расползлись по всей комнате.

В дверном проёме показался женский силуэт (возможно, дочь или домработница). Она сразу кинулась к пострадавшему. Не нужно было обладать особой внимательностью, чтобы заметить, что новый персонаж этого действия (а по-другому происходящее я не воспринимал) оказался «серым». То есть в её оболочке почти не было ярких красок и цветов! Все они были смазаны серостью!

Такого я ещё не видел. Силуэты всех встречавшихся мне в тонком мире людей были яркими, насыщенными и интересными, в отличие от абриса незнакомки. Поэтому я застыл, не отрывая глаз от небывальщины.

– Миссия завершена! Возвращайся! – голос слушателя вывел из ступора. Наблюдая за происходящим, я словно был в прострации, не имея возможности пошевелиться. Мне и самому стало плохо: все таяло, теряя чёткость, и сам я словно становился менее плотным.

Резкий щелчок вывел меня из страшного сна...

Жадно трамбуя пищу, я думал, что сейчас больше всего боюсь молчания... Страшусь, что слушатель откажется отвечать, резко обрубив расспросы банальным: «Этого знать не положено!» Я даже не могу сказать наверняка, почему отвратный липкий страх остаться в неведении засел в груди – ведь до сих пор почти все мои вопросы не были безответны. Возможно, из-за напряжения: интересующее меня и в самом деле явно выходило за пределы моей компетенции.

Слушатель явно вмешивался в мои думы. Он прервал свои насмешки (судя по всему, его веселило во мне противоречие между желанием знать и опасением хлебнуть больше нормы) милостивым соизволением:

– Спрашивай.

Я спешно проглотил кашу разжёванной пищи, вытер рот салфеткой и спросил о волновавшем более всего:

– Что теперь будет с художником?

– Боишься, что убил его? – ответил он вопросом на вопрос.

Я промолчал: всё равно говорить смысла нет.

– Не бойся, перепевник, с художником все в порядке. Просто пошёл большой отток энергии. Это на здоровье, конечно, скажется, но несильно и ненадолго... Через недельку или месяц всё станет на круги своя и художник будет кормить свои пороки, как и прежде.

– А смысл?

– Разве не понятно? Демонстрация возможностей! Мы сможем повлиять на него, лишь показав реальность наших угроз и могущество. Никто не хочет болеть. Я уже не говорю, что, пока *его* паразиты жрут *его* энергию с чуть большей интенсивностью, он не сможет говорить, так как вместе с жизненными токами эти

дармоеды потребляют и творческие потенциал, – слушатель нахмурился. – Тебе сейчас неприятно сознавать, что ты причастен к случившемуся. Ты чувствуешь вину, забывая о цели...

– «Цель оправдывает средства...» – неприязненно пробубнил я. Сказанное им не убеждало.

– Теперь ты понимаешь почему исполнителей не посвящают в суть задания? Не забывай что ты – пересмешик, и у тебя не должно быть своего мнения. Ты разделяешь мнение начальства и делаешь, что скажут. Поверь, так будет легче и нам, и тебе, – слушатель потянулся за очередной сигаретой. – Постарайся оставаться беспристрастным. Просто делай, что говорят и особо не парься.

Дедушка поваляется пару недель в постели... Ну, не помалюет свою мазню... Отдохнёт... Заодно подумает о системе ценностей... Ему тонко намекнут об истинных причинах недуга. И, если повежёт (нам и ему), сделает правильные выводы, что собственное здоровье, здоровье близких и творческое вдохновение важнее дружбы с английским засранцем. Тогда Россия откроет для себя новые пути, недоступные сейчас. Все только выиграют!

– А что будет, если художник упрётся и не станет предавать друга?

– Следующий вопрос... – слушатель точно дал понять о нежелательном направлении вопросов.

Потребовалась минута, чтоб заставить себя «закрыть глаза».

– Женщина, зашедшая в комнату... Сильно отличалась и от художника, и от ребенка. Почему?

– Ты забыл, перепевник: я слышу, но не вижу тонкий мир. Что за женщина, и чем она отличилась?

И, действительно, я, видимо, настолько привык к негласному и «всеслышащему уху», что явно переоценил его возможности.

– Она вбежала в комнату после падения художника. Краски женщины, из которых состоял её кокон... Казались слишком блёклыми, как если бы во все цвета добавили серый цвет...

Слушатель понял, о чём речь раньше, чем я договорил:

– А-а... Она просто *мёртворождённая*. Не делай такие глаза. Это только звучит страшно. На самом деле, они-то в основном и

заполонили Землю. Просто ты на них внимание не обращал. Привыкай...

– Что еще за «мёртворождённые»?

– Когда окажешься в тонком мире посреди толпы, заметь, что, в основном, они эту толпу и создают. И на одного полноценного человека приходится двадцать-тридцать трупов.

Мы их так называем, потому что они рождаются без души... Ничего страшного в этом нет. Мёртворождённые могут быть вполне милыми людьми – тихими, улыбчивыми или же громкими... Просто они неспособны творить, создавать, придумывать... И, в основном, живут на безусловных рефлексках. В астрале их можно опознать по блёклому силуэту. Вот тебе и «серая масса»...

Трупяки способны лишь на удовлетворение своих хочу... Ради этого они, собственно, и живут. Нам они не интересны, так как, по своей сути, являются пушечным мясом без толики духовности... Вместилища демонов и рассадники паразитов. Опять тебе неприятно? Уж извини, перепевник, но по долгу службы тебе придется сталкиваться с реальной картиной мира, – словно выражая своё мнение, слушатель громко прочистил нос и сплюнул, как бы ставя точку. – Но, в любом случае, задание выполнено, а, значит, ты справился с возложенной на тебя ответственностью... На сегодня все! – слушатель привстал, собираясь проводить меня к двери, но я и не собирался уходить. Многое оставалось непонятным.

– Я хочу спросить... Как узнать мёртворожденных в нашем мире? И почему строго-настрого запрещено касаться тонких сущностей?

Но слушатель лишь равнодушно глянул на меня, не собираясь продолжать разговор – судя по всему, неизвестный мне лимит вопросов был исчерпан:

– На сегодня все! – повторил он и направился к двери.

Весь обратный путь я пытался разобраться в своих чувствах, но, по правде говоря, у меня и так всегда это плохо получалось, а сегодня особенно. Внутри слишком много противоречий, смешанных в крошенину: долг и вина, любопытство и страх, при-

вычные взгляды и новые возможности. Тяжело в себе самому разобратся.

О художнике, его участи и «правильно или неправильно» я с ним поступил, отдав на растерзание его же паразитам, даже и не думал... Просто вообще запретил себе размышлять обо всем, что касалось последствий сегодняшнего задания.

А вот мысли о мёртвоорожденных – о людях без душ, неспособных творить – не лезли из головы. Слишком дикой, даже в сравнении со всем тем, что я уже узнал за последнее время, казалась идея о существовании пустых людей. Оказывается, обидное «ты – бездушная тварь!» буквально!

Оторвав взгляд от заоконного пейзажа, я оглядел лица соседей по автобусу. Скука, усталость, опустошённость, тоска – безжизненные маски несли печать бесплодных блужданий по лабиринтам проблем. Теперь мне ясно, что правильнее будет спросить не «кто из них мёртв», а «кто жив»? Сама собой в голове возникла картина, как вся эта масса выглядела в астрале – сплошная мешанина цветов отчаяния и тяжести. Интересно, обидно ли осознавать себя покойником? Хотя... Они-то уж точно это не «осо-знают», и знать не хотят.

Тошнило. Я неприязненно отвернулся к окну, решив, что городские пейзажи всё одно лучше серой мертвечины.

Но и здесь, как оказалось, нет покоя... Видимо, тонкий мир всё больше заполучал меня. Безликие, запущенные дома-коробки спальных районов, пресловутые хрущёвки... Я думал, мне показалось (как бывает, когда боковым зрением заметишь какое-то движение или фигуру, но, стоит направить туда взгляд, как ничего примечательного не обнаруживаешь)...

Над домами поднимался чад – тёмная струйка уходила вертикально вверх и исчезала, смешиваясь с проплывающими тучами. Сначала я подумал, что одна из квартир горит, но над следующим домом было тоже самое... И над следующим, и над следующим... Причём чад шёл не из какого-то конкретного окна, а как бы от всего дома сразу, имея малую, почти неуловимую плотность. Эти струи поднимались ото всех многоэтажек – где-то меньше, где-то больше, но от всех! Над отдельностоящими мага-

зинчиками и хозяйственными постройками, сколько ни присматривался, так ничего и не заметил.

– Что это? – вырвалось у меня... И, возможно, я бы ещё долго мучился догадками, если бы в тот момент, когда я заворожённо наблюдал чёрные тени домов, автобус не повернул, открывая обзор на тюрьму. Над высоким забором вздымалось уродливое кирпичное здание с узкими зарешеченными оконцами, буквально тонувшее в чёрном мареве, густой стеной уходящем вверх. Тогда-то до меня и дошло, *что это за дым!*

– Людские нечистоты и грязь... – кто-то шепнул на ухо. Резко обернувшись, я лишь мельком успел заметить ясные фиолетовые зрачки (какие я видел только в фантастических фильмах) и дружеское подмигивание. В следующее миг радужки сидящего рядом старика уже были светло-серые, а взгляд – тусклый и безжизненный.

– Что Вы сказали? – обратился я к старцу, стараясь скрыть неприятную дрожь в голосе.

Тот словно вынырнул из глубокого сна, не до конца понимая, что обращаются именно к нему.

– Что? – растерянно спросил он, направив на меня серые глаза с дрожащими веками. Голос тоже был другой.

– Вы только что мне сказали что-то... – уже совсем неуверенно сказал я.

– Нет... – покачал он головой, вернув её в прежний дремлющий режим. Тогда я закрыл глаза и ехал так, пока не объявили мою остановку.

И лишь Аня словно бы ничего не замечала, трижды усерднее стараясь быть хорошей женой и хозяйкой, а на деле оставаясь для меня чем-то вроде любимого домашнего питомца. Недавний просвет в наших отношениях завершился так же неожиданно, как и начался – всё вернулось на круги своя с той только разницей, что теперь проявления её заботы и любви несколько не раздражали меня, и я принимал их с благодарностью. Правда, ответить мне ей было нечем. Хотя супругу это вроде и не особо волновало: она наслаждалась заботой обо мне, довольствуясь в ночи

моей подмышкой да нежаркими поцелуями.

Минуло два дня, а художник всё не лез из головы. Прямо, как в голливудских фильмах: «Закрою глаза – и сразу вижу...» Тотчас вижу скрюченного старика, блюющего на ковер, и расширяющийся колючий чёрный шар, пьющий, как через соломинку, по тонкому каналу жизнь своего донора.

Обманываться не получалось – это действительно случилось. И всё благодаря мне. Неприятно...

Я перевернулся на другой бок, тяжёлым вздохом обозначив усталость: вторую ночь почти не сплю. Неужели это муки совести? Может, действительно будет лучше, если меня не станут посвящать во все подробности задания, а то так можно последних сил лишиться. Того глядишь – следующий выход отменят...

Свет фонаря, прорывающийся оранжевым лучом через окно, падал на будильник – три сорок семь. Аня еле слышно посапывала у меня за спиной, ни о чем не переживая. А что ей – со мной всё хорошо – вот ей и счастье... Хотел было подумать: «Хорошо ей!», но вовремя спохватился. Несмотря на все трудности и определенный дискомфорт, который причиняют новое видение мира и открывшиеся знания, я, пожалуй, ни за что не хочу вернуться назад и жить в своём чисто материальном мире, управляемом исключительно законами физики, где ангелы и демоны, энергетика, душа и другие неосязаемые штуковины суть вымысел. Пожалуй, меня всё устраивает в моем знании... Осознании... Кроме этого неприятного чувства в груди: тяжёлое, тягучее, плотное – из-за которого я и не могу уснуть.

Бэнг!!

Как это называется у психоаналитиков? Инсайт! Озарение! Прозрение! Когда готовое решение само появляется в голове, как если бы кто-то другой засунул его туда. Я аж привстал...

А что, если самому сейчас выйти в астрал и посмотреть, что со мной происходит, что за тяжесть давит мне на грудь? Я помню, что слушатель строго-настрого запретил мне выходить без его подстраховки. Но, во-первых, я одной ногой туда, другой – обратно. Во-вторых, если я не смогу избавиться от груза, или хотя бы понять его причину, к следующему заданию я не смогу подго-

товиться. Что ни мне, ни конторе не на руку. Решение принято!

Улегшись на спину, сначала я постарался расслабить все мышцы, затем очистить сознание от мысленного шума, беспрерывного внутреннего диалога... Постепенно я стал чувствовать лёгкое покачивание из стороны в сторону, пока не настал тот самый пограничный момент между сном и явью... Тогда и произошёл выброс – меня подкинуло вверх на метр. Всё произошло быстро! Мгновение – и я уже вишу над кроватью, разглядывая два контура – мой и жены.

– Аня-я... – стон разочарования вырвался наружу. Я не сдержался, увидев её контур, большую часть которого занимали однообразные оттенки серого. – И ты пустышка? – спросил я, хотя знал, что ответить жена не сможет.

Я заставил себя справиться с чувствами и вернуться к цели выхода в тонкий мир.

Посмотрев на свой распластавшийся по кровати абрис, я увидел, что и предполагал: у меня на уровне груди шевелится большая серая медуза...

– Блум-блу-у-ум... – слышал я, как она ест. Я протянул руку, чтобы ухватить тварь, но...

– НАЗА-А-АД!!! НЕ ТРОНЬ! – услышал я ор внутри себя. Голос слушателя оглушал, угрожал, заставляя беспрекословно подчиняться. Само собой, я стал падать в своё тело...

Резко привстав и тяжело дыша, я пытался прийти в себя. Никогда возвращение ещё не было таким мучительным. Но это ещё не все, что мешало мне успокоиться – за мгновение до вхождения в тело я увидел... Скользнул взглядом и узрел... Как у изголовья кровати, возле меня стоит фигура и смотрит на меня в упор... Не было видна лица – лишь густая чёрная тень с намёками на глаза. Но и этого хватило, что бы заметить, как фигура, улыбаясь подмигнула мне...

Мы сидели в подвале высотки. В отличие от мест прошлых встреч, здесь не было и намёка на комфорт: бетонный короб, лампа посреди комнаты, два стула с неудобными спинками. Декорации – отопительные трубы, крысиный писк и запах плесени.

Ничего себе местечко...

Не нужно уметь слышать чужие мысли, чтобы понять – хвалить меня сегодня не будут. Слушатель уже минут пять сидел, не произнося ни слова, просто глядя в упор. В конце концов, мне надоел этот спектакль и я спросил, стараясь придать голосу максимум непринужденности:

– Да уж, веселенькое место встречи...

– Нравится? – от количества яда, содержащегося в одном только вопросе, можно было захлебнуться. Слушатель явно переигрывал... – В ТОМ И ДЕЛО, ЧТО ЭТО НЕ ИГРА! – заорал он, не сдерживаясь. Ярость мощным потоком сыпалась из его глаз – меня аж вжало в стул. – Это основная твоя проблема. Ты думаешь, что выход – ИГРА! Это не ИГРА! Ты хотя бы осознаешь, что мог не вернуться?!

Я попытался сглотнуть слюну, но во рту все пересохло. Дико хотелось пить.

– Но мне же говорили, что выходы безопасны...

– Это так пока я тебя контролирую! Или ты думаешь, тебе зря запретили самостоятельные выходы?

– Не зря, но...

– Именно не просто так! Считаю, тебе повезло, что я пошёл пуссать ночью и услышал, когда тебя выбросило из тела. А иначе бы ты уже лежал овощем... Мы же тебе довольно подробно объяснили, почему ты не должен самостоятельно выходить в астрал...

Хотя напарник уже успокоился и говорил менее эмоционально, не скрывая тревоги, мне все равно хотелось оправдаться, объяснить ему мотив моего поступка.

– Я просто спать не мог... Уже вторую ночь... И в груди сильно болело... Вот я и хотел посмотреть, что мне мешает спать...

– И что увидел? – коллега явно заинтересовался.

– Такая серая штуковина здесь, – я сжал кулак, приложив его к груди – туда, где видел медузу.

Слушатель ухмыльнулся:

– Ну что, совестливый ты наш, вон тварь какую впустил... Не морщись ты! А кто, ты думал, виноват? *Паразиты сами по себе*

не появляются – мы своим дерьмом их привлекаем. Сам виноват – нечего жрать самого себя. Из-за художника? Можешь не отвечать – и так понятно!

Я решил, что он сейчас опять начнёт распинаться о важности моей работы и необходимости принесённых жертв... Но слушатель лишь сказал:

– Все, что требуется, я тебе уже объяснил. Дальше ты или научишься принимать специфику своей работы, или будешь делать свое дело, при этом изничтожая себя угрызениями совести, допуская в свой кокон всякую нечисть, либо... – хитро улыбнулся, – откажешься от работы...

Судя по всему, он знал, насколько я дорожу выходами.

– Я так и думал... Так что справляйся со своей виной, которая тебя никаким образом не помогает, а лишь мешает.

Рассматривая бетонные стены, я молчал, обдумывая сказанное, пока не вспомнил:

– В астрале я увидел кое-что еще... Моя жена Аня... Она светилась так же, как та женщина в комнате художника...

– Ты имеешь ввиду мёртворожденную? – спокойно уточнил слушатель, но от его слов меня передернуло.

– Да... Цвета жены были такими же мутными, приглушенными... Может быть, это потому, что она спала?

Но слушатель безжалостно завертел головой:

– Не обманывайся – это лишнее. Ты же сам давно чувствуешь её пустоту и именно поэтому, сколько бы ты не пытался быть с ней на равных, у тебя это ни черта не выходит. Сколь угодно пытайся дружить с веником или связкой ключей, но друзьями им тебе не быть...

– Хватит!.. – странно, но мне было по-настоящему неприятно осознавать, что Аня – одна из пустышек.

– Перестань, – неприязненно поморщился слушатель. В тусклом свете лампы его лицо казалось, как пишут прозаики, зловещим. – Ты и до астрала это знал... Точнее, чувствовал. У вас и до выходов не было ничего общего...

– Я сказал, хватит! – рявкнул я.

– Хватит – так хватит, – примирительно поднял он руки. –

Твои личные отношения меня вообще не касаются... Это всё, что ты хотел поведать?

– Нет... – мне приходилось пересиливать себя, чтобы продолжать разговор. – Ещё кого-то видел ...

– В смысле «кого-то»?

– Какая-то фигура стояла над моим телом...

– Что за фигура? Конкретнее можешь объяснить? – в слушателе появилась плохо скрываемое беспокойство.

– Просто тёмная фигура... Он или она – не знаю... И смотрела прямо на меня...

– Что значит «смотрела»? Насколько мне известно, в тонком мире тела эфемерные и не имеют глаз.

– Это понятно... – отмахнулся я. – Просто я почувствовал: эта фигура внимательно наблюдает за мной. Причём этот взгляд... Мне кажется, я уже видел его ...

– Видел? Где? – слушатель явно удивился.

– Когда ехал домой с прошлого задания... В автобусе... Сначала я увидел чад от домов...

– Что за «чад»?

– Неважно. А затем услышал, как кто-то ко мне обращается. Обернувшись на звук, я смог заметить, как дед на соседнем сидении подмигнул мне и его зрачки изменили цвет... Как будто два разных человека в одном...

– И ты хочешь сказать, что тот, кто тебе подмигнул в автобусе и возвышался над телом во время выхода – одна и та же сущность? – догадался слушатель.

– Да... Такое возможно?

Слушатель задумался:

– *Подселенцы?* Среде бела дня? Ещё и прямой адресный контакт? Маловероятно...

– Тогда кто это надо мной возвышался? Ещё один паразит? Меня мало радует перспектива, что какая-то хрень ходит за мной по пятам... Может, она прямо сейчас – за моей спиной...

– Не стоит, – с уверенностью сказал слушатель. – Никогда не слышу... Хотя ты сам сейчас сможешь проверить.

– Так что это было? – пока что ответ напарника не особо уст-

раивал, но и теперь он пожал плечами.

– Может, просто *непроявленные*.

– Кто? – переспросил я.

– Чёрт... Читай больше книг по эзотерике – там всё написано и не надо прописные истины объяснять! «Непроявленные», или как их еще называют «потерянные души» – это сущности тех, кто застрял на более глубоких слоях тонкого мира.

– Призраки, что ли?

– Ну, в нашем мире их называют призраками. На самом деле, это те, кто смог нырнуть поглубже, но сил всплыть не хватило – люди в коме, самоубийцы... Кстати, если бы я тогда не услышал твой безрассудный выход, ты мог бы пополнить ряды непроявленных... Застрял бы в какой-нибудь жопе и блуждал там вечность... Малоприятная перспектива, верно?

– Допустим... Но тогда зачем эта тварь следила за мной

– Никто за тобой не следил. Обычное совпадение, – совершенно неубедительно соврал слушатель. – Проходил мимо – а тут ты как раз выпрыгнул. Вот тебе и показалось, будто за тобой следят. Просто ты пока ещё не понял, что тонкий мир перенасыщен жизнью – то тут, то там кто-то обязательно шарается. Портал открылся, выбежал бес и, прошмыгнув мимо, исчез в другом портале. Там жизнь кипит...

Мне, конечно, хотелось спросить его о (как он выразился) «подселении» соседа. Это, по его мнению, тоже совпадение, но я чувствовал между мной и слушателем непонятную преграду – как если бы он находился за закрытой дверью. Вряд ли он скажет правду. Не знаю почему, но слушатель не особо спешил поделиться знаниями.

Неоспоримым плюсом астральных выходов становится опыт *понимания себя* хоть и бестелесным, но при этом совершенно конкретным существом из множества мельчайших токов, что во много больше раз помогает доверять (а, значит, и слышать) своим тончайшим ощущениям – часто кажущимся иррациональными, но явно имеющими под собой глубину, что непознанными туннелями уходит в мир тонких энергий. Я не понимал, но чётко ощущал всеми фибрами своих энергетических тел, что слушатель

напряженно силится скрыть от меня природу той фигуры, что я видел ночью.

Продолжить ли расспросы? А смысл?! Всё равно правды я вряд ли добьюсь... Но и молчать нельзя – другого источника информации у меня все равно нет.

Немного подумав, я всё же решил, что сейчас мои расспросы бесполезны – я лишь в очередной раз проявлю чрезмерное любопытство.

– Так что за задание на этот раз?

Напряжение мгновенно спало. Хотя лицо слушателя в любой ситуации оставалось неизменным, эмоции и мысли подделать невозможно. Поэтому его неозвученный выдох я почувствовал вполне отчетливо. Кажется, я начинаю понимать, как именно мой напарник «слышит» мои мысли.

Тут же возник следующий вопрос: «А вдруг он слышал все мои размышления?» «Не слышал, – раздался голос в голове, – для этого нужно оставаться внутренне спокойным, а он нервничает». Я узнал хозяина голоса. Стараясь контролировать себя, успокоиться и не выдать испуг, я спросил (ощущая себя идущими над пропастью, с одной стороны которой – всеведающий слушатель, а с другой – таинственная тёмная фигура).

– С чего бы ему нервничать?

– А с того, – не замедлил появиться голос, – что он боится... боится, что ты узнаешь о моем существовании.

– Кто ты?

– Перепевник, ты меня слушаешь?! – зло рявкнул напарник, силой выбив меня оттуда, где есть ответы на все мои вопросы. – Задание очень важное...

Я очень хотел (хоть и боялся) выйдя из тела встретить того, кто общался со мной. Именно поэтому я и испытал смешанное чувство разочарования и облегчения, когда никого не увидел в стенах подвала, кроме двух ярких тел – моего и слушателя.

– В городе появился убийца... – услышал я напарника.

– А что, их в Москве никогда не было? – съязвил я.

– Не просто убийца... Уже восемь женщин и трое мужчин най-

дены мёртвыми – всех их, судя по результатам криминалистической экспертизы, убил один и тот же человек!

– Наемник?! – я наконец догадался, к чему клонит слушатель.

– Скорее, псих.

– А мы тут причём? Пусть менты ловят...

– Они часто просят помочь нас разобраться с подобными случаями.

– Я думал, что мы занимаемся более важными делами: политика, мировые течения, кризисы... Разве нет?

– Одна из жертв – дочь сильного мира сего.

– Тогда понятно. И как мне найти убийцу в десятиллионном городе? Телепортироваться к нему я не смогу – так как индекс мне его не известен.

– Тебе придётся прочесать город в его поисках. Не пугайся – ты легко сможешь его найти. Достаточно подняться повыше и увидишь...

– Что?! Что я увижу?

– Ты увидишь, где он находится. Астрал более проницаем и подвижен – поэтому ты без труда найдешь нужный объект.

– И что потом? Просто узнать, где он находится, сообщить тебе, слушатель, а группа быстрого реагирования завершит начатое?

– Дальнейшие инструкции по ходу дела...

В мгновение ока я оказался над крышей дома, впервые выбравшись наружу... Ну как об этом рассказать – человеческий язык слишком скуден и беден для описания увиденных мной цветов. Наверное, просто в нашем мире их нет. Небо в удивительных переливах пурпурно-бордово-бирюзовых оттенков, перетекающих один в другой. Кажется, будто оказался внутри огромного мыльного пузыря...

– Ищи красный цвет!

Я вздрогнул. Голос слушателя напомнил, что я пришёл сюда не любоваться «северным сиянием», а с весьма конкретной целью. Оглядевшись, я увидел вдалеке бордовое зарево, как если бы там бушевал пожар и ураган. Густые облака цвета огня.

– Вижу... там что-то горит.

– Лети туда! – приказал слушатель.

И я воздушным змеем полетел на красный ступок .

Нельзя сказать, что я был захвачен предстоящей встречей, боялся или трепетал. Меня слишком уж интересовал окружающий мир, отвлекая от мыслей о возможной опасности. Стараясь ничего не упустить, я внимательно смотрел по сторонам... Незнакомый мир действительно был живым: все кружилось, перетекало из одной формы в другую, завиваясь вихрем и распрямляясь вновь. Пульсации, волны, потоки, струи и реки – всё, смешивалось в водоворот жизни, казавшийся единым, цельным, осмысленным... И я был частью этого.

Внизу шли люди, точнее – их астральные образы – толпы, тысячи людей... Кто-то ехал, кто-то шёл, но все они двигались куда-то... Обязательно в сопровождении эскорта паразитов. Кого-то окружали облака грязно-жёлтых, серых и черный цветов. Незавершенные дела и призраки сопровождали каждого.

Моё сознание здесь было неизмеримо больше – я мог беспрепятственно обрабатывать тонны информации. Я мог ВИДЕТЬ всё сразу!

Это ощущение «всепонимания» целиком заполнило меня удивительным приливом энергии, и я даже будто стал ярче светиться.

Но слушатель внимательно следил за моим состоянием, крепко удерживая на поводке. Стоило только расслабиться, как он напоминал о моей главной цели: «Сколько еще?»

– Я почти добрался, – огрызнулся я, продолжая смотреть по сторонам.

То тут, то там кто-то проносился мимо. Какие-то непонятные создания: насекомые, являющие собой странную смесь сороконожки и летучей мыши; медузы; что-то вроде водорослей и множество других с огромным трудом описуемых местных жителей. Единственное, что от меня требовалось – не мешать их пути, уклоняясь от прямого столкновения. После рассказа слушателя о потерянных душах, застрявших в более глубоких слоях тонкого мира, мне не особо хотелось прикасаться к ним, рискуя стать одним из непроявленных. Кстати!

Я быстро снизился до уровня второго этажа и внимательнее

рассматривать проплывающих мимо людей. Действительно, как и говорил слушатель, большая часть толпы отличалась однообразием пепельных красок. Настоящая «серая масса». Мёртворождённые. Пустые бездушные оболочки. И это подавляющее большинство... Но среди них были и те, ради кого я отклонился от маршрута. В мультике Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками» их называли «*безликими*». Это существа, чужие и для мира людей, и для мира духов. Они встречались редко – их полуразмытые серые фигуры появлялись и исчезали, «мигая», будто им не хватает сил и мощности остаться здесь – вот и приходится быть нигде, застряв между мирами.

«Что происходит, перепевник?! Какого чёрта ты ещё не...» – послышался ор внутри, но он не мог пробиться ко мне, что-то мешало...

Пространство заметно уплотнилось. Оно давило и пугало. Сам собой внутри образовался дикий страх. И, казалось, сам воздух состоял из ощущения опасности.

– Что происходит? – повторил я слова куда-то пропавшего напарника.

– А-а-у-у-а-а-а... – грянул оглушающий металлический скрежет, как если бы прямо по дороге пытался проплыть огромный танкер.

– Ты подобрался слишком близком... Раздавит... – голос слушателя был очень тих, и о части слов приходилось догадываться. – Поле... Создай вокруг себя поле!!!

Но было поздно – я увидел источник этого звука, заражавший атмосферу вокруг себя на многие километры страхом, ненавистью и болью...

Из-за угла выплыла огромная тварь – чёрный великан, достигающий шестого этажа. Его тело состояло из плотной желеобразной субстанции, более всего походившей на мазут или нефть; длинные руки произвольно размахивали по сторонам, как будто намереваясь разрушить мир. Но самое главное – его глаза: они горели ярко-красной ненавистью, наполняя тонкий мир ядовитым смогом. Вот истинный эпицентр огненной бури!

Защитное поле!!!

На одном из разборов перед выходом слушатель упоминал о случаях, когда естественная энергетическая защита, окружающая меня, может быть недостаточной и тогда могут понадобиться дополнительные защитные слои. «*Внимание* – мощнейшая сила...» – вспомнил я наставления слушателя.

Ещё мгновение – и меня раздавит гигантский монстр. Сложно в такой ситуации быть спокойным. Но иного не дано. Я погрузился в темноту, стараясь сконцентрироваться, отдать всё свое *внимание* ощущениям давления и страха, пытающимся проникнуть извне. Я не пытался бороться, я не сопротивлялся – просто без остатка с ними слился .

Давление отступило!

Я не мог увидеть никакого дополнительно кокона вокруг себя, да и пространство вокруг всё так же горело. Просто мне было спокойно и легко, будто и не маячило в нескольких метрах от меня чёрное чудище.

– Ну наконец-то! Теперь ты в безопасности и он не сможет тебя тронуть... – совершенно без помех послышался голос напарника.

– Кто это? – я с интересом смотрел за мощью и величием гиганта. – Это и есть искомый маньяк?

– Ты о «чёрном человеке»? Нет, ты видишь всего лишь паразита убийцы, раскормленного им до колоссальных размеров.

– Это вроде тех, что ошивались возле нас?

– Да, только вышедший из-под контроля и полностью подчинивший хозяина. Фактически, он управляет человеком.

– От него исходит красный фон... Все пространство заволочло им...

– Он в поисках... В поисках жертвы.

Не скажу, что слова слушателя удивили меня. Я и сам чувствовал что-то подобное.

– Я нахожусь, – оглянувшись, попытался понять, где я. Тонкий мир отличался от физического. Я сориентировался лишь с трудом. – Кажется, в районе Арбата...

– Нет, перепевник... Сейчас ты должен повести убийцу за собой.

– Что? – вот теперь я действительно удивился. – Ты о чём?!

– Тебе ничего не угрожает. Ты создал вокруг себя непроницаемую защиту. Теперь представь, что от чёрного исходит длинный канал...

– Тоже я делал с чёрным ёжиком художника...

– Именно!

– Только тот был поменьше, – не знаю, уловил ли слушатель насмешку.

– Ты должен их соединить.

– Кого? – тогда я еще не понял, в чем заключена моя миссия.

– Чёрных художника и убийцы. Соедини их прямым каналом от первого ко второму так же, как ты это делал с дырами художника. Не понимая к чему слушатель меня ведёт, внутри я ощущал стойкое сопротивление: связывать убийцу и художника единым каналом не хотелось.

– Чем это чревато?

Тишина... Бьюсь об заклад – слушатель размышлял, можно ли открывать карты. Я был уверен, что не услышу ответ, но, вопреки ожиданиям, он изрёк:

– Ничего особенного. Просто их чёрные захотят померяться силами...

– И?

– И... давай действуй! Ты задание собираешься выполнять или нам понадобится искать другого «астрального диверсанта»?»

Я невольно поморщился – почему-то мне было неприятно такое название работы. Не отвечая, я подобрался поближе к воронному гиганту. Он заметил меня, и налитые ненавистью ко всему существу красные глаза уставились на меня.

– У-у-а-а-а!!! – загремел оглушающий призыв разрушать жизнь.

Сконцентрировавшись, я представил длинный поводок, протянутый от гиганта в пространство – в то же мгновение чёрный столб отделился от груди монстра, быстро устремившись ко мне... Несмотря на опасность, я заставил себя закрыть глаза и представить художника – в моём воображении он неизменно держал бокал игристого вина в руке. Его внешность, словно точ-

ный адрес, в любой момент может отправить меня в точку пространства, где он сейчас находится.

Прозрев, я обнаруживаю бледные контуры четырех стен (судя по всему – больничной палаты), у одной из которых лежит он, тот самый, кто ставит дружбу выше собственной жизни. Нетрудно догадаться по бледным оттенкам его ауры, что болезнь сильна и, более того – побеждает. А рядом стоит виновник недуга – статная, расправившая плечи смолянисто-чёрная человеческая фигура. Неужто так раскормился тот маленький колючий шар? На его питание уходит слишком много энергии – старик не справляется.

Заметив меня, чёрный художника вышел вперед так, словно хотел защитить своего больного хозяина.

– Не обольщайся, перепевник. Эта нежить просто защищает свой корм, думая, что ты пришёл перкрыть каналы. Соедини его с убийцей...

Я мысленно замыкаю связь двух паразитов. В тот же миг из груди раскормленного дармоеда выползает длинная веревка. Хлопок!!! И они соединены единым каналом – от чёрного художника – к чёрному убийцы.

– Что теперь? – осведомился я. На душе гадко, как никогда. Внутри появилась уверенность, что мгновение назад я сделал мерзость.

– А теперь, перепевник, завяжи эту пуповину вокруг шеи художника. Тоже самое повтори с убийцей и... Можешь возвращаться. Миссия завершена!

Само собой, я надеялся, что по возвращении в тело это гадкое ощущение пройдёт, но напрасно. Даже более того, со временем мерзость стала ощущаться всё сильнее. И это была не вина... Я уверен. Чёткое, взвешенное, без капли ненужных эмоций *разумение* – соединять чёрных было нельзя. Внутренний барометр, встроенный в каждого человека, измеряющий правильность или ошибочность поступков, однозначно показывал на «минус» – протянутый между убийцей и художником канал не имел право на существование.

– Какого черта!!! – не сдержавшись, заорал я на слушателя. Он молчал, готовясь смиренно принять весь поток злости, бурлящий внутри меня и требующий выхода. – Я думал задание найти и обезвредить убийцу...

– Так и есть... – спокойно ответил он. Нужно ли говорить, что его спокойствие и уверенность, звучавшие в голосе, ещё больше злили меня.

– Тогда при чём здесь художник? Зачем я связывал его тварь и убийцу?! И эти петли вокруг шеи к чему?

– К чему эти вопросы? Ты же сам всё прекрасно понимаешь... Только боишься, как ребенок, имя буки произнести вслух. Я порекомендовал тебе избавиться от самобичевания, иначе по аналогии с солдатом, уничтожающим по приказу штаба мирную деревню, ты пос...

– Я не виню себя, – грубо оборвал я слушателя. Он недоверчиво ухмыльнулся:

– Тогда что же, если не вина?

– Не знаю... – соскользнув взглядом в пол, задумался я. – Не знаю... Просто чувствую, что поступаю неверно...

– Ты имеешь ввиду твои выходы? – слушатель знал, на что давить.

– Нет, я говорю о задании... Словно я нарушаю естественный ход событий... Делаю запретное...

– Ты слишком много размышляешь о хорошем и плохом... – слушатель явно хотел отмахнуться от моих слов и уйти от ответа, не воспринимая всерьёз.. Но я не мог позволить ему промолчать. Для меня остаться без разъяснений причин и последствий того, *ЧТО я натворил*, было равносильно самоубийству.

Я подскочил со стула, полный решимости схватить коллегу за грудки, и, если потребуется, выбить из него всю нужную информацию. Однако, стоило лишь приблизиться к нему ближе, чем на метр, как пространство с невероятной скоростью закружилось и щека ощутила могильный холод бетонного пола. Слушатель сидел сверху, упершись коленом мне в спину и больно выкручивая руку.

– Просто прими за аксиому, – сквозь зубы зло прошипел он, –

что *НИ ЧЕРТА НЕ ПОНИМАЕШЬ!* В любом, даже самом ничтожном, событии, не говоря уже о ПОРУЧЕНИЯХ, смысла больше, чем умещается в твоей стоеросовой башке! Поэтому не играй в философа и праведного судию, а тупо делай, что велят. Взятся «перепевать» наши указания, так какого хрена выдѣргиваешься? Ты не в мыльном сериале, где люди не могут справиться с обывательскими страстишками! Все намного сложнее! И не суйся куда не надо! Не нам решать...

Он отпустил мою руку, отчего боль стала невыносимой. Я лежал на грязном бетонном полу, не в силах встать.

– Это была не потерянная душа...

– Что? – слушатель не понял, о чем я говорю, тем более, когда так быстро перевел тему.

– Та фигура надо мной в квартире – вовсе не потерянная душа...

– Почему? – слухач вновь заметно напрягся – реакция, которую я и ожидал.

– Я специально спустился пониже к толпе, когда летел на задание, чтобы посмотреть на непроявленных. Того, кого я видел – это не один из потерянных... Совсем не похож. Души мерцают, а та фигура оставалась неизменной. И не чёрный он – тело иное...

– Другое? – нахмурился напарник, делая вид, что силится понять. Но это было не так. Вновь смердело ложью.

– Да... Человеческое. Он похож на человека, а чёрный – пародия на человека: паразит, желающий выглядеть по-людски. Тогда кто это?

Все так же напряженно, сосредоточенно размышляя, напарник молчал. Ответил лишь спустя несколько минут :

– Я не знаю... Впервые не знаю, поэтому не на шутку обеспокоен. Тонкие миры переполнены самой разнообразной нежитью – как полезной, так и крайне опасной. Тем более, что кто-то смог прорваться в твою реальность...

– В смысле?

– Тот случай в автобусе – Расскажи ещё раз.

Я поднялся с пола, сел на стул, даже не отряхиваясь, и подробно изложил тот эпизод.

– Значит, поступим так, – начал напарник, когда я умолк. – Пока не выяснится, что за оно, ты должен полностью ограничить контакты с внешним миром...

– Что это значит?

– Сиди дома и не смей выходить на улицу ни при каких условиях, понял?

Судя по тону, он не шутил.

– Всё так серьёзно? – ответил я вопросом на вопрос. По правде говоря, я, хоть и испугался, но не видел особой опасности. Мне казалось: всё не так страшно. Скорее, взыграло любопытство: «Кому и зачем я мог понадобиться?»

– НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НА УЛИЦУ НЕ ВЫХОДИТЬ! Ещё раз повторить?! – слушатель вложил максимум сил, чтобы я понял – возможно, мне грозит беда.

– Понял... – мне осталось лишь подчиниться.

– Хорошо. Тогда на сегодня всё. На выходе ждёт машина, которая доставит домой. В салоне лежат пакеты с едой... По приезде подкрепись хорошенько, – слушатель встал и пошёл к выходу. – И, кстати, – обернулся он, уже стоя в проёме, – зашторь окна. Когда понадобишься, я позвоню...

Ночью привиделся сон...

Тот самый подвал. Я сижу под лампочкой на стуле, выпачканный в потасовке. Всё так же, как и въявь – только место слушателя пусто. То есть *я не вижу*, чтобы там сидели, *но знаю*, что кто-то есть. Правда, сколько бы я ни напрягал глаза, всё равно не мог уловить хоть что-то...

– Нам не позволяют увидаться, – вещает знакомый голос. Тот самый! От произнесённого воздух колыхнется, но хозяин голоса так и не проявляет себя.

– Кто ты? – спрашиваю я, но безответно...

– Снаружи всё не так, как внутри. Искажённая информация для искажённого восприятия. Жёлтый обманщик торжествует.

– Кто ты? – повторяю я, не теряя надежды узнать.

– Смотри телевизор. Среди лжи там – крупницы правды, искажающие искажение... Когда это узрешь – заверши телефонный

разговор, согласись на женский хлеб... – мерзкий писк проглотил последние слова. Нас заметили...

Пространство тотчас затряслось, и сквозь пластилиновый потолок проникли с лёгкостью разрывающие бетон огромные пальцы. Сквозь новую дыру виднелась огромная физиономия слушателя:

– Я же говорил тебе сидеть дома! – скалился он. Затем, переведя взгляд на пустой стул, сказал:

– Хрен тебе, а не манка! – и, громко вычистив нос, отхаркнулся на стул, полностью затопив его слизью. Затем вновь посмотрел на меня и спросил:

– Тебе добавки или сам проснёшься?!

И я проснулся...

– Дим, ну давай куда-нибудь сходим... Пожалуйста-а... – Аня прижалась к подмышке, разглаживая на животе несуществующие складки. – Ты уже второй день безвылазно дома... Пялишься в телек и всё. Давай в кафе к Сергею сходим, а?

Я нажал на пульте кнопку, выключив звук.

– Мне нельзя. В любой момент могут позвонить и я уеду по делам...

– Из кафе и уедешь. Надо ж в люди хоть иногда выбираться! А то совсем скоро в нелюдимого превратишься.

– Аня, нет.

Но она и не хотел меня слышать:

– Ты даже ничего толком не смотришь – только прыгаешь по каналам, как умалишенный... Также нельзя...

– Аня, нет! Я буду сидеть дома, смотреть телевизор и ждать звонка! – пришлось повысить голос. Естественно, супруга обиделась и ушла в другую комнату ждать, пока я не приду извиняться. И ведь действительно уже собрался – даже с дивана встал... Но вспомнилась кривая издевательская усмешка «брата по разуму» и его слова: «Сколько ни пытайся дружить с веником или со связкой ключей, но друзьями вам не быть...» Опять захотелось вцепиться ему в горло. Уж слишком часто последнее время стало появляться это желание.

Я опустился обратно на уже пригретое место и включил звук телевизора. Шли новости:

-... Нашли задушенным в больнице, где он находился на лечении в связи с резким ухудшением самочувствия. По предварительным данным, убийца проник в палату под видом родственника и удушил Васильева руками, после чего повесился сам. Медсестра обнаружила оба тела во время планового обхода. Детали уточняются. Прощальная панихида состоится в воскресенье во Всесоюзном Доме Художника...

Даже выключив телевизор, я продолжал бессмысленно смотреть в чёрный экран. Глубокий вдох совершенно не помог мне прийти в себя – неприятная пустота в голове (наверное, как защитный механизм) спасала меня от истерики. Казалось, всего один шаг – и я сорвусь, начав крушить всё и вся...

«We live in a beautiful world...» – запел Coldplay из динамиков сотового, оповещая, что со мной жаждут общаться. Я нажал на зеленую трубку.

– Видел? – спросил слушатель. Я закусил губу, стараясь сдержаться. – Знаю, что видел. Ты своей истерикой километры тонкого мира засрал... Хм-м... Можешь молчать сколь угодно – я и так слышу, что ты думаешь... Хотя ты и научился последнее время частично закрываться от меня... Но для этого нужно оставаться спокойным. А ты сейчас – словно пороховая бочка. Так ведь?

Странно, но на меня его слова подействовали успокаивающе – видимо, очень уж не хотелось, чтобы слушатель ковырялся в моей голове. Точно знать о своей полной прозрачности для другого. Мир и так переполнен настолько, что нет никакой возможности остаться наедине. Улицы, леса, поля, пещеры, подземелья и даже собственная хата – кажется, каждый клочок почвы занят лишь для того, чтобы не дать наслаждаться одиночеством. Единственным прибежищем оставалась лишь голова – уникальным местом, где не подслушивают. Так было до знакомства со напарником. Не– удивительно, что я обрадовался, когда догадки подтвердились: я, действительно, могу по желанию «закрываться» от сверхчувственных ушей напарника.

– Вот так-то лучше, – послышался из телефона довольный го-

лос, – я рад, что ты, перепевник, успокоился и можешь адекватно воспринимать меня и мои слова.

– Я знал, что убиваю художника, – как ни тяжело, но нужно было признаться (в первую очередь, самому себе) в том, что *именно я стал причиной* смерти несчастного.

Коллега своим ответом явственно дал понять, что проникает в самую суть моих терзаний:

– Не обольщайся, перепевник – *не ты причина* и никогда ею не будешь... Ты всего лишь *реализатор причины*... Ох, уж эти людишки! – наигранно тяжело вздохнул он куда-то в сторону, показывая, что я не более, чем один из многих. – Всегда хотят быть больше, чем в реальности. Ты – шестёрка, Дима. И смирись с этим... – слушатель впервые назвал меня по имени. В его устах оно было неестественно, будто пластик. – Не будь, как мёртвое большинство, трагическое в жалких попытках хоть на мгновение почувствовать себя живыми.

Ты прямо сейчас сидишь в своей квартирке перед теликом и грызешь себе ногти: «Ах, я убил невинного старика, какой я негодяй!» Так вот, напарник, даю тебе фору первый и последний раз: поймешь – молодец, а просрёшь – дурак!

Так вот... Ты сам создаешь себя как убийцу. Богу, или кто там за нас отвечает, глубоко параллельны твои стенания и эпическое дрочево, которое ты развел в своей гребаной голове. Разделение всего на «Плохо и Хорошо», «Добро и Зло» – привилегия людишек, но не Высших Сил. Они надо всем этим. Они – идеальная машина, тот самый вечный двигатель, работающий на топливе *целесообразности*.

– Целесообразности? – иступлённо повторил я.

– Именно! Это когда ты не понимаешь зачем так поступать, но всё же делаешь то, что требуют... Пусть даже этот поступок «глупый» или «плохой», но он ЦЕ-ЛЕ-СООБРАЗЕН! – проговорил он по слогам, стараясь, чтобы это слово въелась мне в память навсегда. – Ты даже можешь не понимать смысла своего поступка, зато «наверху» его заметят и даже дадут тебе сахарок, позволив перейти на следующий, более сложный, но и более увлекательный уровень игры.

– Что это значит?

– А то, что у тебя нет выбора, Димитрий! Ты можешь думать, что он у тебя есть, обманываясь, потому что так думать удобно... Но, по факту, ты соединил чёрного убийцы с чёрным художника, обрекая их на смерть потому, что у тебя не было иного выбора... Так же, как его не будет, когда я позвоню тебе через три дня и отправлю на следующее задание... И ты его исполнишь... Знаешь прочему?

Мне даже не нужно было думать:

– Потому что у меня нет выбора.

– Именно! А отсутствие его заключено в *целесообразности* твоей работы на нас. Ты *должен* это делать, это *смысл* твоей жизни, твой путь, который тебя обязуют пройти, и другого выбора нет... Всё! – резко оборвал он сам себя. – Я позвоню через три дня. Отдыхай.

Экран телефона погас. Меня тоже словно выключили – ни эмоций, ни мыслей, ни желаний. Где переживания по невинно-убиенному? Может, дело в том, что у меня и вправду нет выбора – делай, что должно, несмотря ни на что... И это – истинный смысл бытия? Если всё так просто, то откуда кровавистый привкус порока во всем, за что я берусь в последнее время? Я даже точно могу сказать, когда это железистое послевкусие появилось впервые – в тот самый момент, когда маленький черный ёжик получил благодаря мне беспрепятственный доступ к художнику – именно тогда я и понял, что иду против живого человека... А, точнее, против природы – наивысшего судьи.

Но, с другой стороны, если верить словам слушателя, всё сущее *принципально целесообразно*. То есть основано на максимально эффективном расходовании ресурсов – будь то мир плотный или тонкий: энергия не берется из ниоткуда и не исчезает бесследно. Все расходуется «сообразно цели», а, значит, если бы мои действия как-то противоречили этому принципу, я просто-напросто не смог бы осуществить порученное – мне просто бы не позволили это сделать...

Чёрт! Не понимаю... Ничего не понимаю... Что правильно, а что нет? Куда идти???

Совершенно неожиданно в проёме показалась Аня:

– Ну, а за хлебом хотя бы сходить сможешь? У меня сковородки на огне, а хлеба дома вообще нет...

В голове мгновенно в мельчайших подробностях, словно фото с большим разрешением, всплыл сон и слова того, кого я никак не мог увидеть за пустым стулом: «Смотри телевизор. Среди лжи там крупницы правды, искажающие искажение... Когда это узрешь – заверши телефонный разговор и согласишься на женский хлеб...» Пророческий сон обретал плоть на сто процентов: правду о художнике я узнал именно из телевизора и сразу за новостью произошёл телефонный разговор со слушателем... Атеперь жена посылает за хлебом.

– Может, ответишь? – раздражённо поторопила жена. Было видно, что с обидой она ещё не справилась. Если бы не сон, скорее всего, я не согласился бы выйти из дома, опасаясь слушателя.

– Сейчас. Только оденусь...

В круглосуточном магазинчике, что в торце нашего дома, хлеб оказался несвежим.

– Воскресенье... – виновато улыбнулась молоденькая продавщица.

Пришлось тащиться в супермаркет через дорогу. Не знаю, что именно я ожидал встретить по пути, но особо не спешил. В магазине неспешно обошел все ряды, набивая корзину ненужной провизией. Жена сказал купить хлеб, но я брал всё подряд: консервы, шоколад, бутылку вина, пачку риса, печенье, апельсины, вишнёвый сок, бессмысленными покупками растягивая время... При этом внимательно осматривая окружающих людей. Но, как часто бывает, ответы приходят, когда не ждёшь.

Я стоял в очереди к кассе. Через одного покупателя настанет моя пора рассчитываться. Сначала я почувствовал дыхание возле самого уха и лишь затем последовал шёпот:

– У меня не хватит энергии быть в одном теле долго...

Обернувшись, я увидел пристальный взгляд фиолетовых зрачков, увиденных в автобусе. Разве что человек, носитель взгляда, был другой – женщина лет сорока.

– Ты думаешь, что ты и есть настоящая угроза... – продолжила она тихим, хрипловатым мужским баритоном. – Думаешь, что демоны в тебе... Но ты опять не туда смотришь...

Всеми силами я пытался понять, о чём речь и кто мог её вести. Но никак не получалось сообразить. Мне вообще начинало казаться, что я застал фильм на середине и, сколько ни пытаюсь сориентироваться (кто, куда и почему) – всё без толку. Отдельные сцены никак не складывались в осмысленный сюжет.

– А кто угроза? – спросил я женщину. Главное сейчас – не молчать. – Куда глядеть?

Но она лишь удивлённо вытаращилась на меня.

– Смотри на тех, кто уводит с пути – иллюзией и декорациями! – вещала кассирша, не отрывая от меня фиолетовых глаз, одновременно продолжая пробивать товар. Соседние покупатели недоумевающе наблюдали за ней. – Угроза в тех, кто даёт тебе задание.

– Разговор от слушателя? Я правильно понял?

– О том, чью волю он исполняет, – хриплый голос слышался из соседней очереди – мальчик лет десяти неподвижно застыл, так и не выбрав жвачку. Его зрачки приобрели знакомый оттенок. – Все их задания – обманка. Это только способ подготовить тебя и отвести глаза от главного.

– Это не имеет смысла – ведь я работаю на них! – запротестовал я. Какого чёрта я вообще должен слушать неизвестное существо.

Мои слова вызвали странную реакцию... Сначала громко, не таясь, засмеялся только что говоривший со мной ребёнок. Затем ухмыльнулся мужчина рядом. Затем – кассирша. А спустя минуту громовым смехом заливался весь магазин. Лишь я был свидетелем этого массового психоза.

– *Каждый работает на себя*, – перекрикивая галдёж, сообщил мне голосом из сна какой-то парень. – Они это знают и поэтому используют тебя в своих целях. Цели их. Но платить-то всё равно тебе. Им нужны руки, которые будут загребать угли. И эти руки – твои!

– Я не должен был выходить из дома! Мне запретили контак-

тировать с кем бы то ни было, – я не на шутку разозлился. Что за чушь?! Я сам захотел на них работать.

Бросив корзину, я понёсся к выходу. Смех разом стих. Какая бы тварь со мной не разговаривала, она не имело прав указывать на...

– Они не спасают тебя от меня! – полетело вдогонку. Я не стал смотреть, через чьё тело со мной говорят в этот раз. – Они боятся, что я спасу тебя от них... Они угроза, а не я. *Я тот, кто тебя ведёт*, и если ты не поймешь...

Дальше я не слышал, так как выбежал за дверь. Скорей перейти оживленную улицу – и я дома. Никуда до следующего задания...

Но от меня и не собирались отставать. За дверью меня ждал дед с пристальным фиолетовым взглядом:

– Они позвонят тебе сегодня ночью и вызовут на задание – самое важное. То, ради которого ты и был нужен. У тебя нет времени – они боятся, что я доберусь до тебя раньше, чем они всё завершат...

– К чёрту! – я толкнул старика, чтобы он заткнулся. Дед упал, а я метнулся вниз по ступенькам.

– Ты должен... – не останавливаясь, я побежал дальше. Но, оставляя очередного вестника позади, я знал, что меня уже ждут впереди.

– ... Прочитать седьмую главу указа! Лишь тогда ты всё поймешь... – кричал кто-то вслед.

– ... Седьмая глава указа! Слышишь?!

– ... Два четыре...

– ... Семь шесть...

– ... Ноль ноль два.

Люди говорили мне числа, но я не хотел слушать. Я бежал домой, стараясь как можно быстрее выбраться из людского потока и остаться в тишине.

В подъезд, там по ступенькам и наконец, домой, закрыв двери на все замки. И только сердце бешено колотится.

Аня вышла с кухни, недовольно глянув на мои пустые руки:

– Хлеб где?

Я вдохнул глубоко и долго, с наслаждением выдохнул. И лишь затем ответил:

– Воскресенье. Несвежий.

– Понятно... – многозначительно буркнула она и скрылась на кухне. Я снял обувь, куртку и пошел смотреть телевизор.

Нет, нет, нет и нет!!! Никогда! Незачем! К чёрту все эти подселения и черноглазых советчиков! К чёрту... Чёрту! Через три дня меня вызовут на новое задание. Затем, если повезёт, ещё несколько выходов – и я уйду в длительный отпуск с полным государственным обеспечением. Надо будет сразу Аньку под мышку – и куда-нибудь в Турцию на пляж. На недельку, или ещё лучше – на две... Нет, всё бесполезно!

Как ни пытался, никак не мог отмахнуться от чисел, летевших в спину. Стайкой назойливых мошек они не позволяли сосредоточиться ни на чём, кроме себя.

Я перегнулся через подлокотник дивана и взял газету со сканвордами. Рядом лежала ручка. Выбрав неразгаданное слово из семи букв, в пустые клеточки спокойно вписал: «2476002». Цифры, крепко въевшиеся в мысли. Взял трубку домашнего телефона – набрать неизвестный номер.

Долго не отвечали. Так долго, что я даже вздрогнул, услышав мужское приветствие:

– Слушаю...

Голос показался знакомым, хотя ни одной догадки, кто мог быть его хозяином, не возникло. Но ведь нужно представить, что за человек на другом конце провода, чтобы знать, о чём его спрашивать.

– Алло! – произнёс голос, явно раздражённый молчанием.

– Мне нужен... – проямлил я и запнулся.

Мой преследователь обещал, что я всё пойму, лишь прочитав «7 главу указа». Но что это за «указ», что в нём содержится, и что я должен понять, прочитав его – я не знал. «Какой-то там съезд Советов Союза Социалистических Республик постановил...» – почему-то вспомнились указы, громогласно провозглашаемые политиками после бесконечных заседаний и собраний.

– Кто это? – наконец, послышалось после паузы. Видимо, собеседник размышлял, как правильно среагировать и, естественно, выбрал самый неподходящий вопрос. Идти ва-банк! Другого выбора у меня все равно нет.

– Это перепевник, – представился я.

– Перепевник? – отозвался некто. Судя по интонации, я не сглушил. Мое звание-профессия явно была известна человеку на другом конце провода. Но это не помешало ему сильно удивиться. Казалось, он мог ожидать звонок от самого чёрта, но не от меня. Нужно было действовать дальше.

– Мне напарник приказал ознакомиться с указом, пока он в отъезде. Мол, лучше узнать из первых уст... То есть лучше, если мне кто-нибудь расскажет. А ты вроде в курсе, вот он у начальства твой телефон и спросил... – удивительно, но в моём голосе было столько спокойствия, что я мог бы поверить самому себе.

– Хм... С каких это пор перепевникам про указ рассказывают? – что-то в моем звонке смуцало собеседника.

– Не ко мне вопрос. Так куда мне подъехать? Где ты живёшь?

– Ты что, чокнулся? Кто тебя домой пустит? Привык небось за любые двери проникать без препятствий... – зло сказал он. – В зале ожидания Казанского вокзала, на втором этаже, возле газетного киоска. Через полтора часа успеешь?

– А то! – невозмутимо отозвался я.

Нарушив дважды запрет выходить на улицу, я ожидал, что по пути снова повстречаю фиолетовые глаза. Но, сколько бы на протяжении всего пути ни вглядывался в толпу, не заметил, чтобы хоть кто-то смотрел в мою сторону. Оно и лучше...

До назначенного времени оставалось ещё минут двадцать. Усевшись на свободное место возле газетного киоска, стал дожидаться неизвестного. Когда на лестнице появился тот самый Парфюмер, что вынюхал во мне талант перепевника, и направился ко мне, естественно, я постарался скрыть свое удивление. Теперь стало понятно, почему голос в телефоне показался знакомым.

Следуя сценариям шпионских фильмов, Парфюмер сел рядом,

делая вид, что не имеет ко мне никакого отношения. Мы сидели и молчали. Наконец, не выдержав, я спросил первое пришедшее в голову:

– Почему именно это место? – надо же было как-то начинать разговор.

Прежде чем ответить, он долго молчал. Затем раздался телефонный голос:

– Мне вокзалы нравятся, а в этом углу за киоском камеры не берут.

Ну что ж, коротко и по делу. Судя по всему, он вообще не любил произносить лишние слова и делать лишние телодвижения.

– А я вот не люблю вокзалы, да и мало кто...

– Так! – оборвал меня Парфюмер. – У меня времени мало, а на ерунду вообще нет. Так что держи... – он протянул мне маленькую книжку, больше всего похожую на блокнот или карманную Библию, обрамленную в алый кожаный переплет. Достаточно было взять её в руки, чтобы почувствовать исходящую силу. Это трудно объяснить.

На обложке значились вдавленные черные буквы “УКАЗ”. И больше ничего...

– Это аббревиатура? – по написанию букв догадался я.

– «Универсальные кармические законы», – расшифровал он.

– Неужели тебе совершенно ничего не рассказывали?

Конечно, я боялся сказать не то и не так, тем самым вызвав в чутком парфюмере сомнения в правдивости моих слов... Тем более, что он и так не больно-то мне верил. Но что поделать – приходилось надеяться на его желание скорее от меня избавиться.

– Все возложили на тебя. Слушатель сказал, что ты сможешь...

– Кто? – удивленно переспросил парфюмер. Видимо, они не были знакомы.

– Слушатель, – повторил я, – мой напарник... Сказал, ознакомиться с УКАЗом перед следующей операцией. Сказал, что ты введешь в курс дела. Я вообще думал, это твоя обязанность...

– Сейчас ещё... Никто мне за это не заплатит... – раздражённо фыркнул он.

– Вот и я напарнику говорю, зачем человека беспокоить лиш-

ний раз? Сам разберусь. Но когда он сказал, что именно ты будешь моим учителем, естественно, я согласился...

– Почему?

По-моему, я достиг цели и заинтересовал его. Парфюмеру было лестно, что я хочу видеть его своим наставником. Перед глазами появилась отчётливая картинка, как его паразит самомнения получив от меня подпитку гордости, высокомерно поднял голову.

– Потому, что ещё в академии (когда ты меня вынюхал), мне стало интересно, что ты за личность такая уникальная...

– Обычная... – неумело отмахнулся он от похвалы. Теперь парфюмер с большей охотой обо всём расскажет.

– Я, честно говоря, думал, что УКаз – это какая-то официальная фигня, типа тех указов, что издаёт президент. А, как оказалась, речь вообще идет о каких-то «кармических законах»!

– Что значит «каких-то»? – возмутился он, суетно переминаясь на пластиковом сидении. – Что вы делаете, не зная законов?! Вы же постоянно работаете с причиной и отгребаете следствие! И только сейчас вас стали вводить в курс дела...

– Я так понимаю, говоря «вы», ты имеешь в виду перепевников?

– Да... – кивнул парфюмер.

– И много ты нас знаешь? – мне стало интересно. Я слышал о существовании других перепевников, но никогда с ними не общался. А хотелось бы...

– Моя задача – вас находить. По сути, это и есть моя основная обязанность. Бывает, конечно, что ко мне обращаются с другими заданиями, но это чаще исключение из правил. В основном, я занимаюсь поиском вас.

– И как часто к тебе обращаются?

Парфюмер задумался:

– Поступив на службу, сразу ездил раз в месяц, затем – в три недели, затем – в две... Каждый раз промежутки между поездками сокращались, пока в марте прошло года – «оп!» – и опять раз в три месяца.

– А что тогда случилось?

– Не знаю и знать не хочу! Единственное, что меня должно волновать – это исполнение на пять с плюсом своих обязанностей, когда сказано. А что? Работёнка не пыльная. Зарплата хорошая. Занимайся своими делами, а с периодичностью в пару месяцев – звонок, машина, едем в какое-нибудь учебное заведение (иногда в другом городе). Там всё обнюхал, вычислил нужного человека – и всё, гуляй до следующего звонка...

Не знаю почему, но мне показалось странной такая частота поиска перепевников.

– Сколько ты уже работаешь на организацию? – спросил я парфюмера.

– В следующем месяце будет пять лет, – сразу ответил он. – Я по этому поводу маленький праздник каждый год устраиваю. Вот и знаю точно.

Я быстренько подсчитал в уме:

– Пять умножить на двенадцать и разделить на три месяца...

– Скорей, на два, – поправил он. – Да, за пять лет я нашёл для организации более тридцати перепевников...

– Ого, тридцать! – ошарашенно воскликнул я. – Оказывается, у меня не такая уж и редкая профессия, – я старался придать голосу шутливый тон, хотя ничего весёлого в этом не было. – А ты с кем-нибудь из них встречался потом или только вынюхивал их?

Точно знаю, что мне не показалось. Теперь-то я наверняка знаю, что человек, если открыт для своих ощущений, чувствует и осознает много больше, чем лежит на поверхности. Мой вопрос явно пришёлся не по вкусу парфюмеру, он словно почернел.

– Давай насчет УКаЗа, – попытался перевести он тему, но я настоял, подозревая, что случайно наткнулся на что-то важное.

– Почему ты не отвечаешь? Видел ли ты в дальнейшем кого-либо из перепевников или нет?

Понятно, что парфюмер задумался, размышляя, можно ли мне довериться или лучше промолчать.

– Просто... Понимаешь... – он говорил так, словно ему приходилось выдавливать из себя каждое слово. – Те, кого я нашёл... Ими больше не пахнет...

– Что это значит? – я не совсем понимал.

– Когда я нюхаю, – он громко втянул носом воздух, демонстрируя, что имеет в виду, – я нюхаю пространство. И в этом пространстве всех тех, кого я нашел, больше НЕТ... Сначала новый перепевник есть, а затем... Месяца через два... Я нюхаю-нюхаю... А им все равно не пахнет... Это значит одно – мне скоро позвонят и я поеду искать нового...

– Ты хочешь сказать, – поморщился я, стараясь справиться с нарастающей тревогой, – что новые перепевники – это не расширение штата, а замена одного другим?

– Не знаю... – обреченно выдохнул он.

– Что значит «перепевников больше нет в пространстве»? Все мои предшественники умерли? – мне стало действительно страшно.

– Я не знаю, зачем нужна ваша способность выходить в астрал! – отмахнулся парфюмер и попытался встать, желая сбежать от неприятного разговора. Но я не позволил ему уйти, схватив за руку, и рывком посадив на место.

– Нет, ты знаешь, сука! – сквозь зубы прошипел я, не выпуская его. Несколько зевак заметили неладное и теперь с интересом ожидали продолжения. Парфюмер не сопротивлялся, не желая привлекать внимание. – Ты знаешь, что перепевников ищут на убой и именно ты помогаешь нас найти! Ты это знаешь, но всё равно продолжаешь помогать организации. Потому что зарплата хорошая и работать мало приходится, да? Только вот совесть тебя жрёт... Её-то не обманешь! С ней не договоришься! – перед глазами предстал образ обрамленного в яркий радужный шар парфюмера. Шар, который уродовало большое черное пятно в районе правого лёгкого. – Вот и выменял благополучие на рак лёгких...

– Откуда ты... – наморщился он.

– Знаю! – грубо перебил я. – И если ты не прекратишь непотребства, тебя ждёт мучительная смерть. Ты готов за стабильность, предлагаемую организацией, расплатиться болью?

– Так и знал: не надо было говорить... – как-то по-детски он отобрал у меня свою руку, но уходить не собирался.

– Может, и не стоило ничего рассказывать... Но ты сделал вы-

бор. И теперь сожалеть поздно. У тебя есть догадки, что происходит с перепевниками?

– Нет, – спокойно ответил парфюмер. Видимо, окончательно смирился с тем, что от меня не отвяжаться. – Но я знаю, где может быть ответ...

– И?

– У тебя в руках.

Переведя взгляд на пунцовую обложку, я всматривался в четыре буквы – три большие и одну маленькую – так, словно держал в руках заветный ключ от секретов мироздания.

– Эта книга очень важна. Ее дают лишь тем, кто готов служить организации и России, невзирая ни на что – патриотам, готовым платить за процветание Родины собственной жизнью и смертью. Коль тебе рассказали о существовании УКАЗа, думаю, ты понимаешь, о чем я говорю...

– Чушь! Какой в жопу патриотизм?! – удивительно: казалось, я знаю, что и как нужно говорить, что бы вытянуть из Парфюмера всю информацию и выйти чистеньким. Словно кто-то подсказывал необходимое. – Единственная причина, почему ты до сих пор вынюхиваешь нужных людей – жирное вознаграждение. Можешь не рассказывать...

Парфюмер глянул на меня, надеясь увидеть на моём лице ответ – может быть, я «засланный казачок» и, на самом деле, моя цель – проверить его преданность? Я быстро закрылся от его чуткого нюха. Нужно было двигаться дальше:

– Не волнуйся, Парфюмер. Мне тоже, как и тебе, рассказали об УКАЗе, потому что предстоит особое задание и у меня есть причины, вполне прагматичные, это задание выполнить, – соврал я. – За него обещают хороший куш. Но почему-то без ознакомления с УКАЗом к поручению допускать не хотят...

– А что непонятно? – хмыкнул он. – Видимо, верхам чётко нужно, чтобы ты знал, чем рискуешь. Ведь «Универсальные Кармические Законы», по сути, – правила игры в жизнь. Или, точнее, – руководство для пользователя *пространством физической материи*. То есть нашим миром... Миром людей.

– Мне всё равно непонятна суть книги... Что ещё за правила

жизни? Чуть какая-то...

Парфюмер скривился. Он явно считал меня недоумком... Плевать. Сейчас главное – выяснить всё до конца об УКаЗе.

– Объясняю... – тяжело выдохнул он, страдая от обязательства разговаривать с таким непонятливым, типом как я. – Каждое из существ во Вселенной проходит цепь перерождений с единственной целью – пройти огонь, воду, медные трубы, эволюционируя в процессе движения до более сложной структуры. Такой вот бесконечный спиралевидный подъём вверх, – говоря это, он указательным пальцем водил в воздухе по кругу, поднимая руку вверх. – Чтобы сущность могла мутировать и стать лучше, сложнее, окружающий мир ставит определённые жизненные условия (мы, люди, их называем «проблемами»), с которыми существо либо справляется, либо нет. Если да, то переходит по спирали на следующий «левел», если нет – остаётся там же, получая в нагрузку дополнительные домашние задания. Так вот, зная «универсальные кармические законы», можно, не оставаясь на второй год, максимально быстро закончить школу.

– То есть в УКаЗе описано, что дозволено, а что нельзя?

– Делать можно всё! Убивай, грабь, насилуй, обманывай – вопрос в цене. Готов ли ты платить? Понимаешь?

– Если я правильно понял, это тема целесообразности? – мне вспомнился последний телефонный разговор со Слушателем, когда он упомянул об мироустройстве.

– Именно! – кажется, Парфюмер даже обрадовался. – УКаЗ (я его ещё называю УКэЗэ – Уголовный Кодекс Земли) – просто прайс: за какие действия что ты должен заплатить.

– То есть?

– Открой шестую страницу. Читай.

Я стал читать:

– Убийство, совершенное в состоянии эмоционального аффекта. Цена – продление одной из жизней на семь лет; принятие части кармического долга убитого на себя; увеличение пути перерождений от двух до пяти жизней, – я оторвался от книги и посмотрел на Парфюмера. – Действительно, похоже на уголовный кодекс.

– А это он и есть! С той только разницей, что отвечать по нему придётся не перед другими людьми, а перед собой и Всевышним.

– Только мне не понятно... Тут написано, что одна из расценок за убийство другого человека «продление одной из жизней на семь лет». Какое же это наказание?

– Станный ты, перепевник... – усмехнулся парфюмер. – Ты же путешествовал по тонким мирам... Значит, успел ощутить свободу – когда тело не обременяет тебя...

Я кивнул, вспоминая ощущения полёта и легкости.

– Тогда тебе должно быть ясно, что жизнь – это тюрьма. И наша задача – из неё поскорее выбраться.

Я вспомнил, что ощущение физического тела обузой возникало каждый раз, когда требовалось завершить выход.

– Если известна цена каждого проступка, ты можешь подробно изучить жизненные условия, созданные судьбой, и вести себя наиболее адекватно, выбирая максимально целесообразные решения и создавая минимум энергетических вихрей, сбоев и кармических узлов... А, значит, и избавиться от необходимости рождаться максимально быстро...

Внимательно слушая Парфюмера, вернее, стараясь его слышать, я не мог понять только одно:

– Хорошо... Только если ты всё это знаешь, то почему до сих пор работаешь на организацию? Ведь именно из-за неё ты заработал рак?

Я надеялся обескуражить парфюмера. Но, вопреки моим ожиданиям, он лишь неприятно улыбнулся, желая показать, что ожидал от этого.

– А потому, что я готов платить за годы беспечной жизни тремя месяцами боли... Скажем так, я сознательно решил передохнуть эту жизнь, а начать действовать со следующей... Не такой уж и большой с меня спрос... Я всё просчитал... – скалясь, ответил он.

– Интересно только, – я улыбнулся, предвкушая его реакцию, – какую жизнь по счёту ты «передыхаешь и собираешься начать действовать со следующей»?

Шах и мат! Он ошарашено уставился на меня:

– Мне никогда это в голову не приходило... – Парфюмер замолчал, судя по мрачному выражению лица, не на шутку расстроившись. Ничего! Пусть подумает – это полезно. А у меня пока тоже есть над чем поразмыслить.

Я открыл книгу, найдя на первых страницах «Содержание», но, вопреки ожиданиям, ничего, кроме перечня глав, не нашел. У них не было названия – стояла просто цифра, обозначающая номер главы, а справа – номер страницы. Я открыл на седьмой главе.

«Глава 7. Грубое вмешательство в кармическую ответственность», – про себя прочёл я. Что еще за «кармическая ответственность»? Что делать – пришлось вновь обращаться к парфюмеру. Пусть растолкует.

– Здесь описаны последствия за *вмешательство в отбывание наказания*, – неохотно начал объяснять он. – Проще говоря, если один человек сует нос в кармические долги другого, тем самым не давая за них расплатиться, он берёт на себя часть этих долгов, увеличивая свою долю геморроя и ухудшая судьбу на протяжении нескольких жизней. Не понятно?

– Например?

– Ну, допустим мать из любви к сыну балует его. Не даёт столкнуться с трудностями и проблемами, тем самым делая из него неприспособленного к жизни тьюфика. Естественно, ей придется отвечать за это, кода стоеросовая детина станет требовать положенную заботу, а мать её дать не сможет или не захочет...

– Все как-то банально, – поморщился я. Мне казалось, что в УКаЗе должно быть описано что-то особенное...

– А кто тебе сказал, что отвечать придётся за что-то особенное? Все самые обычные повседневные действия ведут куда-то. Только мало кто об этом задумывается, в итоге оказываясь в долговой яме. То есть в кармической заднице... В примере со слишком «радивой» матерью, ей придётся не только получать от сына, разгребая его проблемы, но и взять на себя часть его долгов, с которыми сынуля по её вине не рассчитался. Может, Мир на него возлагал серьёзные надежды. Предположим, что наш выдуманный малец должен был стать главой корпорации, спонсирующей

изобретения важного для всего человечества лекарства или механизма. А из-за того, что мать не решалась дать ему по загривку, когда тот воровал печенье – нет корпорации, нет спонсирования, нет лекарства, а есть только жирное неприспособленное ни к чему чмо! Кто за это отвечает?

– Мать? – продолжил я то, к чему он меня подводил.

– Нет! Отвечают оба! Исполнение обещаний (которые каждый человек даёт до рождения) и есть «кармическая ответственность», последствия невыполнения которой и описаны в седьмой главе УКаЗа.

– Вот оно что... – кажется, я стал понимать. Разве что оставалось непонятным, для чего именно на это пытался указать мне «тот, кто ведёт». Как он сказал, «я смогу всё понять, только прочитав седьмую главу УКаЗа». Вот я уже знаю, о чём она. И-и-и?

– Я думаю, ты сам понимаешь, что приведенный пример лишь бытовуха, – добавил парфюмер, – тогда как седьмая глава описывает ГРУБЫЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА.

– И что можно к таковым отнести?

Парфюмер разговаривал со мной, не прекращая рассматривать ожидающих на вокзале людей, словно пытался высмотреть слежку. Было непривычно общаться с человеком, не смотрящим на тебя.

– Под «статью» грубых вмешательств попадает много всего: врачевания, исцеления, экзорцизм...

– Стой, не так быстро! – взмолился я. – Я, конечно, понимаю: все эти вещи тебе понятны. Только не забывай – я новичок. При чем тут врачевание и экзорцизм?

Естественно, последовал тяжкий вздох:

– Мой рак легких...

– И? – поторопил я Парфюмера. Было видно, что говорить на эту тему ему тяжело.

– Как ты сам понял, он является следствием моего отказа двигаться вперед... Идти предназначенным путем... Это моя *кармическая ответственность за бездействие*. Я должен пережить всю боль, которую принесёт с собой болезнь. Так я расплачусь. Но если я обращусь к недоученному целителю, что возьмётся ме-

ня лечить и, возможно, вылечит (несмотря на явный запер «верхов»), то, грубо вмешавшись в мое наказание, он возьмёт на себя часть моей кармы и, возможно, заболеет сам. Теперь понимаешь? Любой поступок должен быть санкционирован «верхами». Нужно спрашивать разрешение...

– А при чем тут экзорцизм?

– Да всё при том же!.. – Парфюмеру явно надоели мои расспросы, нужно было завязывать. – Энергетические сущности, называемые «бесами», вселяются не просто так, а исключительно по необходимости. Они, как и ангелы, тоже работают. И прогонять их просто так нельзя – только с разрешения небес. Так что умные экзорцисты спрашивают у беса о цели его вселения и не пора ли ему уйти. Тот, кто пренебрегает этим «универсальным кармическим законом», грубо вмешивается. За что и несёт наказание...

Ничего себе! Я-то привык с детства слышать, что болезнь, бесы, зло – это плохо, а, оказывается, всё совсем не так... Как-то... Даже не знаю... Рационально, что ли?

– Про ответственность ясно... Но неясно, как узнать свой путь? Что я должен сделать? Что осуществить? Ведь, не зная дороги, можно легко пойти не туда...

– Есть несколько способов. Первым пользуются большинство. Просто глядеть, куда ведёт жизнь – там, значит, и пролегает путь. Видеть знаки. Они указывают направление... С ними не заблудишься. Вторым способом пользуются многие – совет астролога, гадалки или экстрасенса. Неплохой способ, но уж больно ненадежный. Слишком много среди эзотерической братии встречается непрофессионалов – предскажут, что только в дебри заведут.

– А третий способ? – спросил я.

– А третий – самый надежный. Это встреча со своим *наставником*.

– С кем?

– С наставником... – повторил парфюмер, – у каждого есть высшее существо, следящее за надлежащим выполнением подопечным кармического назначения. Так сказать, наш надсмотр-

щик в тюрьме жизни. Он-то уж точно знает про нас ВСЁ и даже больше! Можно сказать, что он ангел-хранитель наших долгов. Сейчас в Штатах очень моден гипноз, погружающий человека в пространство между жизнями – когда уже умер, но ещё не родился. В момент, когда мы встречаемся с наставником. Тогда-то и можно поговорить с ним, узнать о своём жребии и долге, задать вопросы...

– Как? Ведь момент встречи с наставником уже прошёл? Гипноз позволяет это вспомнить?

– Не путай, перепевник. Прошлое и будущее существует лишь в нашем мире. А в других – то, что было, что есть и что будет, существует одновременно и постоянно в любой точке пространства... Ай, не забивай себе голову, а то окончательно запутаешься.

– Тогда такой вопрос... О наставнике в организации все знают?

– Конечно, – хмыкнул парфюмер. – Некоторые, наверное, с ними даже работают. Думаю, в одном из тонких миров его даже воочию можно увидеть.

– А в жизни?

– В смысле? – парфюмер не понял, что я имею ввиду.

– Я спрашиваю, в реале можно встретить наставника? Среди людей?

– О таком не слышал. Но думаю, что можно... – пожал он плечами. – Думаю, могут быть критические моменты, когда наставник вмешивается в поток событий, надеясь спасти подопечного. Но это должен быть уж очень серьезный случай... Ведь они работают в тонких мирах с энергиями. И, честно говоря, даже не представляю, *что* такого должно случиться, чтобы наставник лично спустился в мир людей. – Парфюмер достал из кармана телефон и, глянув на экран, сказал: – Я ответил на все вопросы. Книгу отдал – можешь изучать. А мне пора...

Парфюмер встал.

– Ещё вопрос. Последний... – попросил я.

– Ну... – сделал он мне одолжение, недовольно глянув, и продолжая застегивать плащ. Я предпочёл не заметить интонации Парфюмера.

Сначала я сформулировал вопрос мысленно и лишь затем

спросил:

– Я хочу узнать о тебе. Просто не понимаю... Ты всё знаешь, всё понимаешь (даже меру ответственности и цену расплаты), но всё равно не делаешь должного? Почему?

Странно, но он довольно улыбнулся:

– Единственный интересный вопрос за все время, – Парфюмер потер переносицу, как делают уставшие. – Вместо ответа я вот что у тебя спрошу... Почему юристы, знающие меру пресечения, всё равно нарушают закон? Может, потому что мы, люди, надеемся, что нас пронесет и платить по счетам не придется?

– С юристами как раз-таки понятно. Они надеются (и не без оснований) избежать человеческого суда. А я спрашиваю про суд, от которого ни при каких условиях не уйти. И ты прекрасно об этом знаешь! – возразил я.

– Верно... – хмыкнул Парфюмер и наклонился надо мной, шепча на ухо, словно нас кто-то мог подслушать. – У меня есть теория, что у каждого человека существует *предел страдания* – *то количество боли во всех её проявлениях, что человек способен вытерпеть. И, пока каждый из нас его не достигнет, мы будем страдать, лишь делая вид, что пытаемся избавиться от боли.* Судя по всему, я своего предела страдания ещё не достиг.

Когда парфюмер ушел, я сходил за кофе к ближайшему автомату и вернулся на прежнее место, решив привести мысли в порядок. Тщетно! В голове была беспорядочная каша. Остались лишь обрывки фраз и общее ощущение тоски. Я пришёл найти ответы, а в итоге получил лишь ещё больше вопросов.

Многое было не понятно. Почему слушатель скрыл от меня существование наставника? Ведь он наверняка понял, что «тот, кто меня ведет» и есть мой наставник? Кстати, ангел-хранитель моего кармического пути (как его назвал Парфюмер) во время контакта в магазине упоминал, что организация не хочет нашей встречи. Почему? И ещё – зачем наставник указал мне на главу о кармической ответственности в УКаЗе? Что я должен понять? Связано ли это как-то со его словами, что «каждый работает на

себя» и что я для конторы не более, чем «руки, загребающие угли»? Получается, что я *должен реализовать их цели и понести за это ответственность*? Но тогда что именно я должен сделать? И какова цена? Относится ли это к предстоящему заданию, обещанному слушателем через три дня, а наставником – нынче ночью (так как «у них нет времени – они боятся, что я доберусь до тебя раньше, чем они завершат»)?

Вероятность, что угроза фиолетовых глаз реальна, увеличилась после того, как парфюмер рассказал о моих предшественниках, исчезнувших из пространства спустя два месяца по неизвестной причине... Можно предположить, что срок два месяца – это подготовительный период, когда перепевник обучается всем необходимым навыкам работы в тонком мире, получает минимальный опыт и отправляется на *главное задание*.

На начальном этапе нам пускается пыль в глаза, мол, все задания одинаково важны! Хотя на самом деле всё разворачивается вокруг и ради чего-то главного. Осталось дожидаться и узнать, ради чего?

Стоило только вычленить важнейший вопрос, как ответ на него не заставил себя ждать. Телефон завибрировал, вслед за чем сразу послышался рингтон Coldplay. Номер звонившего был мне незнаком. Я посмотрел на мигающие в правом углу экранчика часы. Двадцать три минуты двенадцатого – наставник ошибся всего на полчаса, предвещая звонок сегодняшней ночью.

– Алло... – отозвался я.

– Перепевник, ты срочно нужен. У нас беда... – послышался встревоженный голос слушателя. – Я выслал за тобой машину...

– Я не дома... Говори, куда ехать?

– Какого чёрта ты шляешься?! Было же сказано: ни шагу из дома! – орал разъярённый слушатель. – Сдурел!

Странно, но меня переполняла уверенность, что этот человек напротив, и все, кто за ним, всецело зависят от меня. А, значит, угрозы из уст напарника не более, чем комедия, разыгрываемая из расчёта, что я в неё тоже играю. Но я «пас!»... Складываю карты и наблюдаю.

– Нашли? – спокойно перебил я страстный монолог.

Он резко заткнулся, непонимающе глядя на меня. На лице всё ещё остались следы гнева.

– Кого? – спросил он.

– Того, кто преследует меня и из-за кого мне запрещено было выходить из дома? Мне было обещано выяснить, что это за существо и какую угрозу оно представляет для меня, – напомнил я, специально делая акцент на слове «обещано».

Слушатель среагировал именно так, как я и ожидал – стараясь оставаться «злым», он всё же «спрятал руки за спину и отступил на пару шагов назад». Я громко потянул воздух носом – явно пахло ложью.

– У нас не было времени выяснить...

– Тогда вопрос закрыт. Я добрался до пункта назначения без эксцессов. Никого странного на пути не встретил. Так что спокойно переходим к беде, которая тут у вас случилась... – как приятно ощущать себя хозяином положения.

Лицо напарника исказила гримаса злости. Он чувствовал моё превосходство, но не мог понять, откуда оно взялось. Так же, как не понимал, почему не может слышать мои мысли. Ничего страшного... Я не собирался ему облегчать жизнь, повествуя, как именно я научился закрываться от его способности яснослышания.

– Ладно, после поговорим, – просто сказал он, давая мне понять, что моя взяла.

– Угу, – губы сами растянулись в победную улыбку. Я смотрел на него, дожидаясь продолжения.

Слушатель, пытаясь справиться с эмоциями и не выдать волнения, подошел к огромному витражному окну, став рассматривать огни Москвы. Мы находились на шестьдесят третьем этаже одного из небоскребов Moscow City. Никогда не спящий город разгонял тьму миллионами огней. Я не мог оторвать глаз от окна – город жил, спокойно, неспешно плывя по реке времени. Ползущие по трассам машины, большие светлые площади и тёмные переулки – я был надо всем этим. Царила уверенность в каждом своём слове и шаге, граничащая со смирением перед назначен-

ный свыше. Как если бы кто-то неведомый мне вёл меня в глубь пропасть, обещая в конце пути, на каменном дне, спасение от усталости и нескончаемых сложных решений... И я покорно шёл за незнакомцем...

– От тебя очень многое сейчас зависит. Ты даже представить не можешь, *сколько!* – так и не повернувшись, продолжил слушатель играть роль точно по сценарию. – Очень большой риск... Слишком многое поставлено на карту... И только от тебя одного зависит – поражение или победа...

Мне не хотелось, очень не хотелось разбираться со всей этой показушной ерундой, куда меня пытались окунуть. Мне нужно-то было всего ничего – чтобы оставили в покое, чтобы я мог сидеть в бледном свете торшера и глядеть на Москву. Но так ведь не будет... Ибо никогда не бывает, как хочется.

– Ближе к делу, – оборвал я болтовню. – Суть задания.

Напарника колотило от моих интонаций.

– Ты прав, перепевник! Незачем ходить вокруг да около, – он, наконец, развернулся, чтобы посмотреть на меня. – Дело, которое организация собирается тебе поручить, государственной важности. Можно сказать, от хода выполнения зависит судьба не только России, но и всего мира...

– Ты так говоришь, будто я должен убить президента, – пошутил я, но шутка оказалась крайне неудачной. Слушатель выпучил глаза и кажется, позеленел.

– Не убить! Спасти! Ты должен спасти его!

– Президента? – что уж говорить, я растерялся, чем Слушатель и поспешил воспользоваться.

– Да, его самого!

– Шутишь? – мне с трудом верилось, что он говорит правду.

Но слушатель и не думал шутить:

– Он сейчас на волоске от гибели, и спасти его можешь только ты...

– Так вызовите докторов. Причём здесь я?!

Напарник сжал зубы:

– Да потому что врачи не помогут! Сам не догадываешься, почему именно твоя помощь понадобилась?! Требуется воздействие

на тонком плане.

– А что произошло?

– Нет времени объяснять... Все подробности – по ходу выполнения миссии... Как обычно.

Не знаю почему, но меня забавляла серьёзность слушателя. Важной причиной тому служило знание – это фальшивая игра. И большая часть рассказанного – фикция, картонные декорации.

– Что случилось с президентом? – повторил я медленно, вкрадчиво, чтобы слушатель понял – пока мне не ответят, я ничего делать не стану. И он это прекрасно понял.

– Мы пропустили... Не заметили... Хотя я даже не представляю, как это вышло... – запинаясь, пытался объяснить он. – Короче, на президенте сидит *огромная гнида* и пожирает его жизнь с невероятной скоростью. Если её сейчас же не остановить, то в течение нескольких дней, а, может, и часов... Он умрет! Ты представляешь, чем это чревато?

– Постой, что ещё за «гнида»?

– Не переживай, – махнул он рукой, стараясь жестом показать, мол, «всего делов». – Эта сущность из тонкого мира, питающаяся энергией человека. Тот же паразит, с какими тебе уже приходилось работать, с той лишь разницей, что не дается человеку с рождения (как, например, дракон, чёрный человек или свинья эгоизма). И если вторые не заинтересованы в уничтожении хозяина, а, скорее, в порабощении, то цель данного дармоеда – высосать из донора все соки (вплоть до уничтожения) и найти следующую жертву. Но не бойся, справиться с этой поганью ты сможешь. Предстоящий выход ничем особым не будет отличаться от прежних... – всеми силами стараясь убедить меня в том, что мне ничего не грозит, слушатель даже улыбнулся, чем ещё больше насторожил меня. Наверное, именно так искусственно ухмыляется волк, заманивая беззаботных козлят себе в логово. Ничего, пусть думает, что я не в теме. Главное сейчас – понять всё до конца. Ведь именно теперь происходит то, ради чего я и был завербован, к чему меня готовили, ради чего пускали пыль в глаза, и самое главное – от чего меня предостерегал «тот, кто ведет»...

Кажется, я стал понимать, зачем наставник помог мне встре-

титься с Парфюмером и заставил узнать всё про седьмую главу УКаЗа. Как там она называлась? Я глянул в сторону коридора, где висела куртка, во внутреннем кармане которой лежала маленькая красная книжка. Стоило представить её, как в голове сами собой возникали слова: «Грубое вмешательство в кармическую ответственность»...

– Перед выходом из тела и спасением главы государства можно задать вопрос? – мило улыбаясь, спросил я, показывая интонацией, что вопрос риторический.

– А подождать вопрос не может? Счёт идет на минуты...

– Не может, – я заулыбался ещё обольстительней, от чего слушателя передёрнуло. – Ты мне рассказывал, что мир – это целесообразность и Высшие Существа не оперируют чисто людскими понятиями добра и зла, а стремятся к оптимальному расходованию энергий, верно?

– Думаю, сейчас не время обсуждать философию и теологию, – раздражённо ответил он.

– Самое время! Просто ответь, я верно повторил твои слова?

– Верно, и что?! – слушатель опять начал закипать.

– Тогда получается, что паразит, убивающий президента – не есть Зло, от которого тут же надо избавляться. Ведь нахлебник харчует, где кормят, пожирая излишек выделяемого человеком (будь то президент или нищий) дерьма. Проще говоря, он выполняет естественную, природную задачу, следуя вселенскому закону целесообразности. И если это так... А как я знаю, что так... Возникает другой вопрос: «*Не будет ли наказуемым* вмешаться в естественное течение событий, то есть помогать вскормившему энергетическую тварь президенту и мешать паразиту наказывать? Может, быть лучше позволить главе России-матушки самому справиться с гнидой? А то ведь как получится – я ему помогу, избавлю его от твари, а он так и не научится ничему, не извлечет урок... С кого за это спросят? – я пафосно вздохнул, и продолжил, – и ещё мне вот что непонятно... Почему такое важное задание, как спасение президента, поручается такой зелени, как я? Неужели нет перепевников опытнее? Неужели нет? Ай-яй-яй... Мне может показаться, что мы, перепевники, расход-

ный материал и после выполнения миссии от нас просто избавляются... Пускают в расход. Ведь именно это и произошло со всеми моими предшественниками?

Слушатель понял, что я знаю. Его взгляд в миг изменился – только что это был актёр, с трудом сдерживающий рвущуюся наружу ненависть – теперь же передо мной стоял тот самый пахан, знающий больше меня, и решающий, что я должен знать, а что нет.

– Слушай, щенок! Не знаю, кто и что именно вбил тебе в голову... – с каждым словом слушатель приближался, заставляя меня напрячься. Шутки закончились – по телу стало расходиться ощущение серьёзной угрозы. – Но ты явно не *понимаешь, ЧЕМ рискуешь*. Я не собираюсь тебе сейчас объяснять, что к чему... У нас попросту на это нет времени.

Он приблизился ко мне вплотную, возвышаясь непреступной стеной.

– Единственное, что от тебя требуется – выполнить задание – просто перепеть порученную тебе песню... Как и полагается хорошему перепевнику.

– Чушь! – настала моя пора сжать зубы. Я готовился в любое мгновение нанести удар. – Нас называют «перепевниками» не потому, что мы «перепеваем» задания... А потому, что **БЕРЁМ НА СЕБЯ ЧАСТЬ КАРМЫ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА**, отчего несказанно усложняем последующие жизни. Я это понял сразу, как услышал задание. Избавить президента от паразита – это грубо влезть в его разборки с Богом... А я этого не хочу...

Слушатель отступил на один шаг:

– Кто тебе дал «УКаЗ»?

– Какая разница! – заорал я. Мне было действительно страшно.

– Вы отправите «загребать угли голыми руками», а сами будете стоять в стороне и наблюдать, пока я беру на себя груз за освобождение президента от паразита! Вы поручаете это задание новичку, потому что никто из опытных на это не пойдёт, ибо знает цену!!!

Выложив всю известное мне, я пошёл ва-банк. Теперь оста-

лось ждать его реакции. Он молча смотрел на меня в упор, так интенсивно размышляя о дальнейших действиях, что ход его мыслей был почти слышен.

Самодовольная улыбка оповестила, что решение принято. Ощущение угрозы сразу ушло.

Слушатель оглянулся и не спеша прошёл к кожаному креслу напротив меня.

– Итак, – ровным, спокойным голосом начал он сразу после того, как присел, – ты многое узнал. Сомневаюсь, что ты самостоятельно до всего докопался. Скорее всего, тебе помогли... Но всё равно – молодец!

Ты прав, сказав, что паразиты на людях появляются неспроста. По правде говоря, наш глава – изрядная тварь и кровососа он заслужил справедливо. Но ни тебя, ни меня это не касается. Мы – всего лишь исполнители чужой воли... Воли, противостоять которой невозможно.

Я пренебрежительно хмыкнул, а он продолжил:

– Я тебе твою дерзость, перепевник, прощаю. Списывая её на неведение силы, с какой тебе волею судьбы пришлось столкнуться. Не далее, как днём по телефону я пытался объяснить тебе простую истину, какую ты, судя по всему, не уяснил. И теперь продолжаешь делать вид, что являешься хозяином своей жизни и волен выбирать направление сам. Тебя не в чем винить. Ведь так думает зомбированная масса. Чем глубже ты проникаешь в законы Мироздания, тем больше понимаешь свою марионеточность. Настоящим откровением становится простой факт, от которого ты *прозреваешь* – Мир важнее тебя. Общее важнее частного. Ты, я и тысячи других мёртворожденных нужны лишь для того, чтобы направлять живых, полноценных людей по дороге духовного роста. Ты пушечное мясо, перепевник. Тебе отведена роль расходного материала. И сколько бы ты ни сопротивлялся, от судьбы не уйдешь.

– Глупости...

– Это так, – спокойно продолжал он. – Да, несомненно, ты мясо более высокого сорта, чем, например, твоя Аннушка. Но всё же мясо! Она создана, чтобы направлять тебя... А ты создан, чтобы

нести расплату за чужое дерьмо. *«Исполни свою роль безупречно, какой бы сложной она ни была»*, – вот основной закон кармы.

Ты узнал истинное значение твоей нелегкой, я бы даже сказал, каторжной профессии перепевника. И что изменилось? Ничего! Всё, как и прежде... – как ни в чем ни бывало, пожал он плечами.

– С той только разницей, что президент останется с гнидой, – парировал я, но колющей тычок прошёл мимо слушателя.

– Как ты думаешь, Дима, – ласково, дразнясь, говорил он. Жёсткий, холодный взгляд неотрывно следил за мной, – существуют ли способы заставить тебя делать то, что нам требуется?

Не требовалось особого ума, чтобы услышать в его вопросе шантаж и угрозу.

– Ты сам говорил, что мы не в кино, – ответил я, стараясь сохранить самообладание. – После того, как я побывал вне тела, я не боюсь смерти – ни своей, ни близких! Ведь «тело – не более, чем тюрьма». Можешь убить-освободить меня прямо сейчас... А сам взять на себя дополнительную карму, часть моих задач, что я по твоей вине не успею завершить. Или, если хочешь, привлеки наемного убийцу, не знающего преysкурant кармических цен. Думаю, это в духе конторы...

Но на Слушателя мое равнодушие к смерти никакого эффекта не оказало. Он смотрел на меня всё тем же уверенным взглядом и... Улыбался.

– Жаль, Дима, что ты умен, да мало знаешь. Был бы мудрым, то не воспринял смерть возможным наказанием. Ты прав: побывавшим в астрале нет смысла угрожать смертью. Но поверь, есть вещи действительно страшные, по сравнению с которыми физические пытки и истязания тела – лишь детские забавы...

– Ты о чём? – спросил я, стараясь убедить себя в необоснованности его угроз.

– Душа тоже может страдать... Да так, что сильнейшая телесная боль может показаться лёгким дуновением ветра. Раскалённые иглы под ногти и переломанные кости – не угроза. А вот вынуть тебя из тела и не дать возможности вернуться обратно, ос-

тавляя на тысячелетия ощущать гнёт незавершенных дел, разрывающих всю твою суть... Вот это действительно боль, несравнимая с физической.

– Опять чушь! – зло фыркнул я, хотя и не верил себе.

– Дима-Дима... – снисходительно покачал он головой. – Ты ведь всего пару месяцев познаёшь новые для тебя тонкости невидимых миров и почти ничего о них не знаешь. Тебе может казаться, что ты проник достаточно глубоко и видишь картину в целом, в то время как на самом деле разглядываешь одну миллионную от одной миллиардной. Сколько веков или тысячелетий нашей организации? Какими возможностями и опытом мы обладаем? Поверь, ты не сможешь отказаться от отведённой тебе роли, а если откажешься... – он подвинулся на край кресла и заговорщицким шепотом продолжил, – мы с тобой много времени провели вместе. Ты мне симпатичен, и только из лучших побуждений советую – сделай дело до конца. Нам всем приходится идти на жертвы. Просто твоя – более очевидна.

Ты, конечно, можешь и даже вправе сгруппировать и отказаться... У нас есть запасные варианты, кроме тебя. Организация всегда подстрахуется от слишком пытливых умов вроде тебя. Но знай! То, что ты получишь от организации в случае отказа, будет гораздо хуже и сложнее того, что ты получишь от Бога, нарушив Закон Невмешательства. Извини, но ты попал в такую ситуацию, что тебе приходится выбирать между «плохо» и «очень плохо». Осталось сделать выбор. Если ты решишь отказаться от участия перепевника, то я просто встану и уйду, а ты очень скоро понесёшь положенное наказание, от которого ни скрыться, ни уйти невозможно. Если же ты мудро выберешь содействие организации, то ответишь перед Высшими Существами в соответствии кармическим законам. Выбор за тобой. Подумай...

Спустя пять минут размышлений я спросил:

– Допустим, я соглашусь избавить президента от паразита... Вопрос только, что мне за это будет? Какая ответственность предусмотрена УКазом?

Слушатель одобрительно кивнул:

– Молодец, что спросил, – и залез рукой во внутренний кар-

ман пиджака, достав маленькую ярко-алую книжку – точную копию той, что лежала в кармане моей куртки. – Узнаёшь? – слушателя явно забавляла ситуация. Сейчас казалось, что роль моего напарника, помощника и хранителя, которую он играл на протяжении всего нашего знакомства, не более, чем ложное воспоминание. То, кем он являлся сейчас, было гораздо более реальным – хозяин, выставляющий условия загнанной в тупик жертве. Вот только я – не жертва и в тупике всё ещё может оказаться *потайная дверь*, если знать, где искать... А я, как мне казалось, знал...

Слушатель раскрыл книгу, неспешно полистал страницы, подыскивая нужную, а когда нашёл, вслух зачитал:

– «...Несанкционированное исцеление, очищение, снятие энергетического шлака, освобождение от возложенной нагрузки – от трех до семи с конфискацией имущества», – пошутил он, но заметив, что я никак не реагирую, продолжил серьезно, – шучу. На самом деле тебе полагается не так уж и много. Всего лишь то же испытание, от которого ты избавляешь другого. То есть ты берешь его карму на себя.

– Это что получается, что, убрав с него паразита, я сам заполучу такого же?

– Не пугайся ты так! Ну, походишь с паразитом какое-то время... Будет тебе хреновато... А потом избавишься от него...

Ну-ну...

– Хорошо, допустим. Если всё так, как ты говоришь, тогда куда девались все мои предшественники? Поехали на курорт? – съязвил я. – И вот ещё что. Судя по частоте и количеству перепевников, процедуру избавления президента от гниды приходится проводить довольно часто. Тварь же всё равно возвращается обратно. Всё это временные меры. Или я неправ? – Я вспомнил частоту поиска новых перепевников, о которой мне рассказывал парфюмер. Сложить два плюс два оказалось совсем не сложно. – С каждым разом гнида всё быстрее возвращается на место. Сначала процедуру освобождения приходится проводить раз в несколько месяцев. Затем раз в пару недель... Зачем столько усилий?

– Ты в который раз, мой прозорливый друг, «прав». Как там у Матфея? – слушатель замолчал, вспоминая слова. – «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит, тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берёт с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого». Промежуток времени, когда нам приходится обращаться к услугам перепевников, с каждым разом сокращается. Скоро даже вы не поможете. Но не волнуйся – все просчитано. А ответ на твой вопрос – на всё есть причины, и если мы тебя вежливо просим помочь, то значит, зачем-то это нужно. А зачем – это уж не твое дело.

– «Скоро и вы не поможете»... – повторил я слова слушателя, вспоминая упомянутую в разговоре с парфюмером хронологию. Кажется, он говорил, что в марте прошлого года произошло резкое изменение в поисках перепевников – они замедлились и стали проходить значительно реже... Точно! Я понял, что произошло в марте, – выборы! – сказал я вслух, завороченный догадкой.

– Не понял?

– Я сказал «выборы»... В марте были выборы президента. Новый человек занял пост главы государства, а услуги перепевников всё так же востребованы. Значит, дело не в личности нынешнего президента... Дело не в том, что он «изрядная тварь и своими действиями справедливо заслужил паразита», так? Знаю, что наткнулся на верный путь. Но не хватало времени и знаний, чтобы уразуметь, какое отношение организация имеет к гниде? Ладно, ещё можно было бы понять, что перепевники служат лекарями главного человека страны. И когда нас обманом заставляют жертвовать собой, освобождая его из под гнёта дармоеда. Но ведь здесь не все так просто...

– Я бы на твоём месте, Дима, прямо сейчас остановился! – грубо оборвал меня слушатель. – Хватит! Ты сам себе роешь могилу, доводя до черты, преступив за которую, структуре придётся отказаться от твоих услуг, засунув твою душу в самые дальние закрома миров. Поэтому прямо сейчас заткнись и приступай к

работе, умник чёрттов...

Почему я все-таки решил выйти в астрал? Уж точно не из-за угроз Слушателя и не для того, чтобы собственноручно посадить себе на шею мерзкую присоску. Просто «из любой, даже самой безвыходной ситуации есть минимум три выхода». Из тупика, где очутился, выхода я не вижу... Зато знаю, кто мне поможет этот выход найти...

Я висел в метре над своим телом.

– Готово... – сообщил я слушателю, оглядываясь по сторонам. Но того, кого я надеялся увидеть, нигде не было. – Ну, где же ты? – с надеждой позвал я «того, кто меня ведёт». Но отозвался совсем не он.

– Знаю, – тут же отозвался Слушатель. – Тебя уже давно ждут. Мы и так с тобой изрядно задержались в бесполезных беседах.

– Что теперь?

– А сейчас нужно переместиться к месту проведения ритуала Очищения.

– Ритуала? – удивленно переспросил я.

– Да, – цветной силуэт Слушателя кивнул. – От паразита не так-то легко избавиться... Даже на время. И одного тебя тут мало. Нужна помощь, чтобы всё пошло как по маслу. Поэтому очень важно, чтобы ты делал всё точь-в-точь, как будет велено. Никакого своеволия. Понятно?!

Аура Слушателя зарделась – судя по всему, он был в напряжении.

– Мне всё ясно, кроме одного... Где именно проводится обряд и куда нужно переместиться?

– Ты это уже делал. Просто представь облик объекта, к которому хочешь перейти, и тут же окажешься с ним рядом.

«Ещё бы! – хотелось добавить мне. – Конечно, я уже телепортировался. Ты позаботился, чтобы я умел это делать, как раз для сегодняшнего случая...»

Переместиться в пространстве тонкого мира, действительно, было просто. Знакомая до тошноты физиономия президента, надёжно вбитая в память молотом телеэкранов, без труда возникла

перед глазами.

Далее я погрузился во мрак, вынырнув из которого, оказался в *необычном месте*.

Странностей было столько, что глаза разбегались. Посреди просторного зала на постаменте стоял огромный стеклянный гроб или, вернее, саркофаг, внутри которого лежал президент. По углам стояли люди и, судя по исходящим от них вибрациям, что-то произносили – какие-то молитвы или заклинания. Каждый из четырёх светился одним-единственным цветом. Такого я ещё не видел. В прошлые выходы я успел повидать толпы людей – их ауры переливались многоцветьем радуг (кто-то скудно, кто-то – интенсивнее), но чтобы ореол был одноцветным – такого не было. Красный, жёлтый, зелёный и синий – словно новогодние огни, четверо сияли, испуская свет, стараясь заполнить собой покой. Их общее воздействие создавало странный эффект – смешиваясь, цвета будто чистили зал от всего лишнего и случайного. Как если бы в загазованном выхлопами городе одну отдельно взятую комнату смогли заполнить чистым альпийским воздухом. Этот контраст хорошо ощущался в сравнении с «пыльным» помещением, откуда я только что прибыл. Правильнее всего было бы назвать то, что делали этот квартет, *“высветлением”*. Они именно высветляли зал. Хотя Слушатель назвал этот ритуал Очищением.

Внимательно осматриваясь, я понял, что я узнаю это место. Хотя в астрале всё выглядит чуть по-иному, но эти стены и стеклянный гроб посреди было сложно не узнать (даже несмотря на то, что я и был-то здесь единственный раз в четвёртом классе вместе со школьной экскурсией)...

– ... Всегда знал, что Мавзолей Ленина – лишь прикрытие.

Будучи ребёнком, точно не помню где – то ли в каком-то дурацком фильме, то ли в рассказе, я столкнулся с теорией, что под мавзолеем прячется ракетная шахта. И стоит лишь очередному вождю народов нажать на заветную красную кнопку в чёрном чемодане, как пирамида мавзолея выпустит из недр ядерную боеголовку, адресованную Вашингтону. Тогда, я конечно всерьёз это не принял. Но в сознании надёжно засела мысль, что мавзо-

лей – никакое не трупохранилище, а нечто другое, куда более функциональное, нежели представляется массам.

Вдруг осенило: квазипирамидальная конструкция с Красной площади – копию архитектурных трудов цивилизации ацтеков, майя и древних жителей Перу. Всё стало по местам. Бьюсь об заклад – здесь всё (от выбора места и формы до материала) имеет смысл и функциональную нагрузку. Мне почему-то легко верилось, что мавзолей и строили специально для ритуала Очищения. Для президента эта процедура – как химиотерапия для ракового больного – бесполезно, но жизнь продляет.

– Приступай! – услышал я внутри команду Слушателя.

Я подобрался вплотную к саркофагу, где покоился клиент. Скорее всего, он был без сознания. Зачем-то его «вырубили» с помощью препаратов. При ближайшем рассмотрении поразило другое – цвета кокона оказались тусклы и однообразны.

– Он же мёртворожденный! Пустышка! – меня удивило, что такого человека поставили управлять страной.

– Не твоя забота, перепевник. Поехали... Ты видишь тварь?

Мне даже не потребовалось усилий, чтобы настроиться на волну паразита и он смог стать видимым для меня. Они с президентом были единым целым. Внешне гнида выглядела коричневым, пульсирующим сгустком, расползшимся от затылка до лопаток. Пара длинных щупалец проникала сквозь затылок в глазницы. Везде от присосок твари исходили более мелкие капилляры, сеткой покрывающие весь мозг. Ещё одно щупальце выходило через шею в горло.

– Мерзость, – не сдержал отвращения.

– Хорошо, – подал голос Слушатель, поняв, что я вижу. – Теперь ты должен протянуть руку к паразиту, подогреть его своей энергией, и, когда он потянется за тобой, замкнуть его на своем затылке...

– Тем самым пересаживая тварь на себя? – меня передернуло от осознания, что сейчас должно произойти. – Нет уж...

Я оторвался от саркофага, что Слушатель, конечно же, почувствовал:

– Значит так... Если бы ты не был в курсе кармической ответ-

ственности и последствий за снятие паразита (как все предыдущие перепевники), то я бы соврал тебе, сказав, что всё это временно и паразит, не способный кормиться от тебя, быстро сохнет. Но так как обмануть тебя все равно не получится, просто напомню, что одно неосторожное движение с твоей стороны – и я «обрезаю» нить, соединяющую тебя с телом. Чем это чревато, думаю, ты догадываешься...

Хотя он и не мог меня видеть, я по привычке кивнул:

– Я стану одной из Потерянных Душ?

– Для начала да. А затем последует другая, более серьёзная кара. Так что хватит! Пора действовать. У тебя ведь все равно нет выбора...

Но выход был, только Слушатель о нём не знал...

С другой стороны саркофага стоял чёрный силуэт и внимательно рассматривал меня, точно, как тогда ночью, когда я своёвольно покинул тело.

Если бы я здесь дышал, то мог бы назвать это вздохом облегчения.

– А я уже боялся, что ты не придёшь... – сказал я «тому, кто ведет». Но ответа не последовало. – Я не знаю, как быть! Я в тупике! – взмолился я, но снова безответно. Но его молчание я воспринял не как отказ помогать. Скорее, казалось, что он по какой-то причине не может со мной общаться... Ему не дают.

– Что происходит! – раздался ор слушателя, почувствовавшего стороннее вмешательство.

Мне нужно было поговорить с тем, кто способен помочь мне выбраться из, казалось бы, безвыходной ситуации. И я знал способ.

– Мне сейчас нужно дать паразиту немного своей энергии, так? – спросил я Слушателя, одновременно приближаясь к саркофагу, и неотрывно глядя на чёрную фигуру.

– Да это так, но...

– Ты говоришь, Слушатель, что паразиты живут в более глубоких слоях тонкого мира и появляются в астрале лишь для кормёжки. И по этой причине их нельзя касаться. Так как есть вероятность нырнуть глубже...

– Ты не должен трогать тварь! – слушатель понял, к чему я его подвожу. Его слова, звучащие у меня в голове, приносили с собой ощущение настоящей истерики. Несладко ему!

– Но ведь ты сам говорил, что корни всегда лежат намного глубже. Значит, мне нужно глубже! – и я коснулся паразита.

Совершенно иные ощущения – ещё больше легкости, ещё больше спокойствия, ещё больше чистоты. Здесь я был самым собой, без бутафории и мишуры. Здесь все *являлось тем, чем являлось по сути*.

В слое, где я оказался, стен уже не было. Они проглядывали лишь шёлковой вуалью. Зато земля и небо пылали одинаково ярко. Тут жило воображение и все образы, которые мы, люди, затем одеваем в фантомы слов.

Прямо передо мной лежало огромное жирное существо, более всего походившее на разросшуюся до невероятных размеров личинку мухи – опарыша, истекающего густой слизью. По контуру мнимой комнаты всё так же стояли четыре безликих силуэта, с той лишь разницей, что здесь их цвета были не яркими, а пастельными. От них к личинке отходили каналы, по которым из них выкачивались цвета.

Но меня это не особо волновало. Намного важнее был тот, ради кого я нырнул глубже, чем когда-либо доселе. Он находился всё там же, с другой стороны преграды.

– Здравствуй, Наставник, – поприветствовал я «того, кто ведёт меня». Он поклонился, и лишь затем я почувствовал его «голос».

– Здравствуй, тот, кого я веду по пути.

От его голоса мне стало ещё спокойнее. Теперь-то уж точно я смогу получить ответы на все вопросы и спастись.

– Почему я не мог слышать тебя там, откуда я только что пришел? – спросил я о том, что было особенно важно.

– Разница вибраций. Слой, откуда ты пришёл, имеет другие, более грубые вибрации, отличные от моих. Чтобы общаться с тобой, мне приходится понижать частоту вибраций. А это не всегда можно делать.

– «Не всегда можно делать»? – ошарашено повторил я. – Да я

оказался в тупике! Можно сказать, на краю! А ты говоришь, что мне не нужна помощь? Я не понимаю, почему, стоя у саркофага, от Слушателя десятки указаний я получал легко, а от тебя и маленькой подсказки не услышал. Почему?!

– Вибрации нижних миров проникают на более высокие слои легче и быстрее, чем в обратном направлении. Дух в материю идет медленнее, чем наоборот. Поэтому и ты, и я можем слышать и реагировать на слова того, кого ты называешь Слушателем.

– Но ведь он меня тоже слышал?! – возразил я.

– Потому что он умеет настраиваться на вибрации более высоких слоев, находясь в физическом мире. Но ты не обладаешь этой способностью. Ты *умеешь проникать в другие слои, но не слышать их*, находясь в другом слое. Поэтому ты *мог видеть мою проекцию в том слое, из которого ты пришёл, но не слышать* меня. Ведь я нахожусь здесь.

– Хорошо, я понял, – я решил переключиться на главное. – Эта тварь и есть паразит? – указал я на гигантскую личинку.

– Не совсем... – услышал я Наставника. – На этом слое ты можешь видеть сущность существ. То, кем они являются на самом деле. «Эта тварь» – есть сущность симбиоза этого человека и его паразита. Они слились в одно целое...

– Я не понимаю! Но я же видел, что президент – обычный мёртворождённый. У него нет сущности.

– Для этого совокупность людей, называющих себя «организация», и наделяет человека без души паразитом, чтобы тот заполнил собой пустую оболочку, превратив в сильную личность...

– ... А затем приводят этого симбиота к власти, – закончил я за наставника. – Но зачем?

– Потому что в итоге получается легко управляемый зомби с сильной, хоть и паразитарной энергетикой. Этому существу можно отдавать приказы, даже не приближаясь к нему.

– Через астрал?

– Да, – ответил Наставник. – Правда, паразита нужно постоянно подпитывать большим количеством энергии извне, чтобы он не выпил все соки из тела носителя раньше времени.

– Для этого и нужны перепевники? Мы – еда для червя?

– Да, вы жертва, приносимая ради продления жизни правителя. Без этого паразит полностью выкачал бы из тела донора энергию всего за несколько земных месяцев.

– Тогда получается, – меня поразила очередная догадка, – что твари требуется жертв всё больше и больше!

Так вот почему почему Парфюмер со временем всё чаще искал перепевников!

– Да, тварь увеличивается. Растёт. И ему требуется всё чаще питаться. Но со временем, когда она достигает определённых размеров, требуется слишком много энергии. И в итоге дармоед выходит из-под контроля. Структуре приходится менять тело руководителя. В среднем на это уходит от пяти до десяти земных лет.

Непроизвольно я улыбнулся. Так вот чем, в действительности, обусловлен четырехлетний цикл правления президентов!

– И что, у организации все правители на верёвочке? – задал я вопрос, возникший сам собой.

– Да, – ответил наставник.

– И давно?

– От начала нынешней цивилизации. Они – правящая элита, негласные хозяева Земли.

Сразу вспомнились истории о жертвоприношениях и тайных орденах, пирамидах и пещерах, которые учёные-материалисты никак не могут объяснить.

– Но если я нужен для кормёжки гниды, а не для ее снятия, тогда я не несу Кармическую Ответственность? – обрадовался я, так как мне показалось, будто выход найден. – Пусть она меня жрёт! Я помучаюсь или пусть даже умру. Но зато без дополнительных проблем воплощусь в следующей жизни.

Но наставник уничтожил мою надежду:

– Не так всё просто. Кармическую Ответственность тебе, действительно, нести не за что. Но паразит, на теперешнем этапе очень силен. И, если ему дать сожрать себя, то он поглотит тебя *всего*, со всем опытом твоих 137 рождений и смертей, оставив лишь атом – божью искру. Ты начнешь свой путь с начала, с простейшей энергетической структуры – минерала.

– Теперь понятно, что имел ввиду Парфюмер, говоря, что моих предшественников больше нет. Надо их теперь вынюхивать среди минералов, – грустно пошутил я. – А угроза Слушателя насчёт заточения моей души без возможности перерождаться (а, значит, и развиваться) реальна? Я искал любую лазейку. Даже самую незаметную. Ведь должен же быть выход. Должен!!!

– Угроза вполне реальна, – ответил Наставник. – Структура действительно способна заточить душу, тем самым заставив её неслезанно страдать.

– Но это хоть наказуемо?

– Тот, кто чинит расправу над душами, не знает, что наказуемо. Организация позаботилась и об этом.

– Тогда что же мне делать, Наставник? Выбор ужасен – или быть фактически уничтоженным, или испытывать неслезанную боль веками. Неужели третьего не дано?

– Извини, тот, чей путь я храню! Но выбрать должен ты. Я всего лишь тот, кто подводит тебя к дилемме. Сделать выбор – это и есть Карма. Но выбрать должен ты.

– Если ты «тот, кто ведёт» и отвечает за меня, то почему не сказал мне обо всём раньше? Хотя бы тогда в магазине не рассказывал обо всём? Я бы тогда смог что-нибудь придумать, спастись... – если бы у меня были глаза, то я бы плакал.

– Много причин, – ответил Наставник. – Не было санкции Верховных Существ. Я говорил тебе ровно столько, сколько нужно, чтобы предупредить. А если и сказал, то ты бы всё равно не послушал. Весь путь, от начала до конца, ты должен был пройти сам, понять всё и сам принять свою участь... Свою карму.

– Участь?

– Да, твоя участь – выбор...

– Между жопой и полной жопой – это моя карма? – взорвался я, не в силах терпеть. Я всё ещё верил, что, как в кино, спасение придёт в последний момент... Пожалуйста, пусть оно придёт! – «Выбор между плохо и очень плохо», – и какой решение верное?

– *Не существует ни верного, ни неверного решения.* Есть лишь последствия того или иного варианта. Последствия, за которые отвечать тебе...

– Но зачем так сложно?! В любом случае, я в проигрыше... Что мне это даст, Наставник, объясни? Зачем?

– Я могу лишь сказать тебе, что и это воплощение, и все предыдущие ты прожил лишь ради этого, одного единственного выбора. Теперь ты должен его сделать. Решаешь только ты...

Теперь я знаю, что человек неспособен узреть своим ограниченным взглядом всего Божественного замысла. Сколь бы мы не копали вглубь, всё равно окажется, что под очередным слоем находится ещё один. Глубина познания бесконечна.

Как бы глубоко я ни погружался, с каких бы углов не смотрел, всё равно не могу понять, что мне дало это испытание... Зачем пришлось пройти через цепь перерождений ради него одного... И хорошо ли я справился?

До сих пор не понимаю многого. Зачем? К чему? Почему именно так, а не иначе? Эти вопросы давят, съедают меня... И нет от них спасения. Я пытаюсь уговорить себя, что Ему лучше знать, какими именно путями должна происходить отработка нашей «грязной» кармы и наше же обучение... Но это слабо помогает.

Наверное, уже совсем скоро меня зашвырнут, как обещали, в самые тёмные углы тонких миров, откуда я не смогу долго выбраться, испытывая несказанные мучения. Честно говоря, я удивлен, почему до сих пор они этого не сделали. Хотя одно предположение всё же есть...

Обрезав пуповину, соединяющую меня с телом, организация лишила меня связи, а, значит, и возможности вернуться обратно, превратив меня в Потерянную Душу – призрака, плутающего в паутине тонких миров. Но при этом они оставили мне возможность наблюдать за происходящими в мире материи событиями, тем самым заставив стать свидетелем...

Я видел всё! Как они пересадили паразита в мою пустую оболочку, в мое бывшее тело... И как эта тварь пустила корни, выдав себя за меня... И как структура стала готовить нового марионеточного президента, в то время как старый «госпитализирован в связи с инсультом». Аня даже особой разницы не заметила между тем, кем был я, и этим новым «подселенцем». Ни того, что

«эрзац-я» вдруг стал говорить надменно и знать три языка и иметь её по несколько раз в день (при этом «выпивая» её почти до дна) – Аня предпочла не заметить. *Всё это видеть очень мучительно.* Возможно, поэтому меня пока и не отправляют в «турне по неизвестным мирам». Но мне уже надоело смотреть за дурацким спектаклем, и я всё чаще жалею о своём выборе. Лучше бы меня уничтожили и превратили в минерал на какой-нибудь далёкой планете. Минералом, наверное, быть гораздо легче, чем человеком. И, тем более, чем перепевником...

Perepevnik
ru

Официальный сайт

Перейти на сайт

сказать спасибо автору

Все Книги Александра Рея участвуют в проекте «ThanksForPay». Это значит, что вы абсолютно бесплатно скачиваете или читаете любую книгу автора, и если книга нравится, вы сами решаете каким способом и на какую сумму отблагодарить автора.

«Если тебе, мой читатель, какая-либо из моих работ принесла пользу или просто приятные минуты, от чистого сердца, я этому рад. И я с радостью приму от тебя благодарность, а значит и возможность продолжить свой писательский труд. Мои книги не могут заинтересовать людей, не умеющих отдавать в ответ. Поэтому я и участвую в проекте «Спасибо за оплату» издательства «ГИСФИР»

Александр Рей

скачали книгу бесплатно? Подарите автору "Спасибо"...

Согласившись на бесплатное скачивание книги, я **ГОТОВ** отблагодарить автора суммой, соответствующей полученному от чтения удовольствию и пользе.

1
Купить бумажную
книгу А. Рея

ЗАКАЗАТЬ

2
Купить электронное
издание на ЛИТРЕС

ЛИТРЕС

3
Подарить автору
БОЛЬШОЕ спасибо.

ПОДАРИТЬ

спасибо, что умеете быть
Благодарными!

Добра Вам и любви!

www.perepevnik.ru/spasibo

Музыка к рассказам

Слушать на сайте автора www.perepevnik.ru

24 часа Кассиопеи

Ryuichi Sakamoto — Solitude

Не прощаюсь... Клубничка!

Placebo — Twenty Years

Shelley Harland — Here In The Dark

Ypey — Life Time

Maya Azucena — Junkyard jewel

Shiloh — The Gift

Marc Puig — To Start Anew

New Beginning — Nuevo Comienzo

Chrome Vs Reyne — Newex

The Light Of Aidan — Snowbird

Trentemoller — Miss you

Gary B — Lead Me Home

Хранитель историй

DJ Food — The Crow

Animals On Wheels — Soluble Ducks

The Herbaliser — Mrs Chombee Takes

Steve Conte — Heaven's Not Enough

Ryuichi Sakamoto — Sweet Revenge

[re jazz] — You'll See

Ryuichi Sakamoto — Tokyo Story

Craig Armstrong — The Balcony Scene

Mike Oldfield — Tubular Bells

Yoko Kanno — Separated

DJ Tiesto — Dallas 4PM

Ryuichi Sakamoto — The Land Song

Yoko Kanno — Friends

Огненно-красный

Tiesto – Kaleidoscope

Yoav – Beautiful lie

Atb – Take me over

R. Sakamoto – Snowy Village

R. Sakamoto – Reminiscence

R. Sakamoto – Silk endrll

R. Sakamoto – The Girl

R. Sakamoto – Love Theme 2

R. Sakamoto – Love Theme

Литературно-художественное издание

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Рей Александр

Сочинение на свободную тему

Сборник рассказов

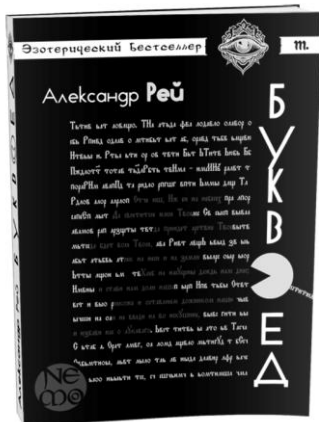
Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

Сказать спасибо автору за книгу
можно на сайте

<http://perepevnik.ru/spasibo>

Главный редактор Е. Иващенко
Художественное оформление Л. Степаненко
Редакторы Н. Иванова, Т. Переверзева

ООО «Издательство ГИСФИР»
ЛИ № 02330/0133439 от 22.06.2013
ул. Дзержинского, 71-Г, 246014, Гомель, Республика Беларусь.
Телефон: (375-044) 544-39-21.
www.gisfir.ru

Б У К В Е Д

Фантастический роман

Александра Рея

[Скачать или читать онлайн perepervnik.ru](http://perepervnik.ru)

3 причины прочитать «БУКВОЕДА»

- За увлекательным сюжетом и игрой слов стоят исследования многих известных людей, работающих на поприще науки, религии и эзотерики. В книге автор попытался объединить необъединяемое, и доступно объяснить естественность магии. Волшебство и сверхспособности – это не мистика, а физика. Теория струн, создание мыслеформ, использование и распределение энергий, понятие теофизики – все это, и многое другое можно найти на страницах «БУКВОЕДА».
- Рей попытался создать модель общества, которая должна стать следующим этапом для всего человечества. Описанная в книге планета, где каждый человек ставит Зов Вселенной выше личности – не выдумка, и не очередное размышление на тему «Вот было бы неплохо, если...», а вполне близкая реальность. Желая показать какими мы должны стать, к чему нам следует стремиться, Рей создал целый мир.
- Жизнь – это Великая Игра Высшего Разума. Нам, людям, довольно сложно оценить Вселенский размах Игры. Уж слишком мы заняты копошканьем в бытовых проблемах и заботе о хлебе насущном. Автор смог показать сложность этой увлекательной Игры во всей красе! Не банальный сюжет, не банальные переживания, не банальные боги, новые открытия, непредсказуемая концовка. Что еще нужно для хорошей книги?!